

ISSN 0206-8680

2

КИНОСЦЕНАРИИ

1991

ИЗДАЕТСЯ
С 1973 ГОДА

2

1991

ГОСКИНО СССР
СОЮЗ
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ
СССР
МОСКВА 1991

КИНОСЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Сценарии

- 3 *С. Попов*
**УЛЫБКА
ТРАВА МОЯ ЗЕЛЕНАЯ**
- 35 *С. Валяев, Л. Хван*
ФУРИЯ
- 55 *М. Кураев*
**СНЫ И ПРОБУЖДЕНИЯ ПИЛОТА
ОЛЬГИ АРЖАНЦЕВОЙ**
- 85 *К. Каракозов*
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ
- 98 *Б. Сааков*
ЦАРЬ-ДЕРВИШ
- 140 *А. Хичкок*
КОРОТКАЯ НОЧЬ
- Точка зрения
- 159 *И. Стовбыра*
По ком молчит колокол
- 170 **Российский выбор**
- 185 *В. Антонова*
Документальная драма
- 192 **Наши авторы**

Главный редактор Е. ГРИГОРЬЕВ

Редакционная коллегия:
О. АГИШЕВ, Ю. АРАБОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ,
В. ГОЛОВАНОВ, О. ГОРБАЧЕВА, А. ЛОКТЕВ (зам. главного редактора),
Б. МЕТАЛЬНИКОВ, В. СОЛОВЬЕВ,
В. ТРУНИН, В. ЧЕРНЫХ

Ответственный секретарь Н. РЮРИКОВА

Технический редактор Л. МАРКОВА

Корректор Е. ПЫЛАЕВА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

© «Киносценарии»

Сдано в набор 28.12.90. Подписано к печати 12.02.91.
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 15,6+0,32. Уч.-изд. 24,19.
Усл. кр.-отт. 16,24. Печать офсетная. Бумага типогр. «Сыктывкар».
Гарн. таймс. Тираж 33 100 экз. Заказ № 2556. Цена 2 р. 00 к.
Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр».
123376, Москва, Дружинниковская ул., 15. Тел. 205-30-01.
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., 12.
Телефон 299-47-74.

**Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати.
142300, г. Чехов Московской области.**

Сергей
ПОПОВ

ДВА СЦЕНАРИЯ

УЛЫБКА

Василий Петрович в больничном халате сидел на больничной койке. Напротив него на койке и тоже в больничном халате сидел мужчина лет пятидесяти, внимательно слушал Василия Петровича. Василий Петрович говорил:

— ...И с тех пор я стал бояться. Мне казалось, что меня преследуют. Я понимаю, это глупо, но я стал носить в кармане бритву и однажды набросился на человека.

— Это результат того, что государство берет налоги с производителя напрямую! — воскликнул мужчина, вскочил и, размахивая руками, стал ходить по палате, нервно рассуждая: — Между производителем и государством должен быть посредник — крестьянский банк и рабочий банк. Если правительство не удовлетворяет народ, банки прекращают отчисления в государственный банк и правительство остается без денег. А это уже обеспечивает демократию. Правительство нужно нанимать. На-ни-ма-ть. Я считаю...

В палату верхом на Джаваншире въехал Коля Петров, подросток семнадцати лет. Подъехав к Василию Петровичу, он щелкнул Джаваншира по затылку, тот остановился. Коля сказал:

— Петрович, закурить дай.

— Нет, Коля. Кончились.

— А что скажет Профессор? — обратился Коля к мужчине.

— Я принципиально не дам, даже если бы были. — Мужчина перешел на истерический крик: — Подонок! Негодяй! Ты почему едешь на человеке?!

Коля спрыгнул с Джаваншира, сказал:

— Джаваншир, ты свободен!

— Хозяин, не бросай меня, — заплакал Джаваншир. — Индийский слоник тебя любит...

— Профессор, вы человек без сердца, — сказал Коля. — Я извещу об этом всех слонов Индии! — Коля запрыгнул на Джаваншира и выехал из палаты.

В коридоре он проехал мимо человека в больничном халате, смотрящего в окно, хлопнул его по плечу, говоря:

— Привет Иисусу Христу! — и поехал дальше.

Человек обернулся — это юноша лет двадцати. У него ласковое лицо. Улыбаясь, он смотрел вслед Коле.

Коля въехал в другую палату. На одной койке лежит, свесившись вниз головой, мальчик лет тринадцати и смотрит вдаль

не мигая. На другой койке сидит человек, говорящий по воображаемому телефону, требует бетон. На третьей койке сидит мужчина лет тридцати, склонившись к тумбочке, и что-то пишет в тетради.

Коля подъехал к нему, сказал:

— Привет Сценаристу!

— Привет.

Коля соскочил с Джаваншира, сказал ему:

— Пасись.

Джаваншир пошел пастись, дошел до мальчика и стал заглядывать ему в глаза.

Коля сказал Сценаристу:

— Записки из сумасшедшего дома. Взгляд изнутри. Что-нибудь получается?

— Получается.

— Купи идею.

— Если она того стоит.

— Идея номер один. Профессорская.

В семнадцатом году крестьянам пообещали землю, а рабочим фабрики, и не дали. Пока обещание не исполнится, светлое будущее человечества невозможно.

— Вы не правы и ошибаетесь. Профессор идеалист.

— Идеалист, идеалист.

— Ну жуткий идеалист.

— Значит, вы об этом писать не будете?

— Ни-ко-гда. Может, вы напишете?

— Ни-ко-гда.

— Потому что?

— Ла-а-а-жа-а-а.

— У-у-умница.

— И вы не дурак.

Они засмеялись, обнялись, глядя друга друга по спине. Мужчина, требовавший бетон, гневно закричал в воображаемую трубку:

— Я вас под суд отдам! Я в главк звонить буду! Самому Васюкову! — и раздраженно бросил трубку. Набрал номер по воображаемому телефону, сказал: — Алло. Главк? Товарищ Васюков? Это Вяткин звонит...

— Васюков слушает, — сказал басом Коля.

Мужчина вздрогнул, отстранил воображаемую трубку, посмотрел на нее, осторожно поднес к уху. Коля сказал:

— Вяткин, ты што ли?

— Здравствуйте, товарищ Васюков...

— Если ты насчет бетона, то я уже послал машины к тебе. Часа через два будут. А пока ложись и спи. Два часа. Понял?

— Понял! Спасибо!

— Выполняй приказ!

Мужчина положил аккуратно трубку, улегся на койке и, улыбаясь, закрыл глаза.

— Идея номер два. Моя, — сказал Коля Сценаристу. — Сценарист симулирует сумасшествие и попадает в дурдом, чтобы написать сценарий. А в это время общество решает ликвидировать дураков. Их ведут к стенке и с ними Сценариста.

— Ну-у-у в э-этом что-то есть.

— Тогда с тебя четыре сигареты.

— Одна.

— Две.

— Одна.

— Слон тоже хочет.

— Одна.

— А за бетон? Два часа покоя. А то разбужу.

— Ну ладно.

Сценарист дал Коле две сигареты. Коля сел на Джаваншира и выехал в коридор.

В коридоре он встретил высокого мужчину с гордой осанкой, сказал ему:

— Привет, Державин!

— Что за амикошонство?! — возмутился Державин. — Какова наглость!..

— Негодяй! Ты зачем крестьян вешал? Народ этого не простит!

— Это гнусная клевета, — засуетился Державин. — Историческая несправедливость. — Он хотел улигнуть, но Коля схватил его за шиворот, сказал:

— За прощение одну сигарету.

— Конечно, конечно. С превеликим удовольствием, — Державин достал пачку, стал дрожащими пальцами вынимать сигарету, не переставая оправдываться: — Сегодня утром я взял Стамбул, разбил турок вдребезги.

— Чтобы к вечеру была ода на взятие Стамбула. — Коля взял сигарету и поехал дальше.

Коля въехал в палату Василия Петровича, подъехал к нему, протянул сигарету. Василий Петрович взял ее, сказал:

— Спасибо, Коля.

— Профессор, — Коля протянул сигарету.

— Из ваших рук принципиально не возьму.

— Петрович, через ваши руки, — Коля отдал сигарету Василию Петровичу. Тот передал ее Профессору.

Коля выехал в коридор. В коридоре санитарка Света, девушка лет восемнадцати, колотит ладонью по спине больного. У того в руке веник.

— О! Избиение хо-олопа! — восклицает Коля, подъезжая к ним. — За что бьем?

— Ты смотри, как он, зараза, метет! — И обращаясь к больному: — Ты что, слепой? Мусор не видишь? — И она снова ударила его по спине и опять сказала Коле: — Пойдем, поможешь ведро принести.

Коля спрыгнул с Джаваншира, сказал ему:

— В стойло!

Джаваншир побежал прочь по коридору.

Света вынула из кармана халата дверную ручку, открыла дверь, вышла с Колей в столовую.

Они прошли через столовую к другой двери. Света ее открыла, и они вошли в комнату для санитаров.

Света закрыла дверь и стала целовать Колю.

В столовую вошел с улицы санитар лет тридцати. Он принес с собой узел, связанный из простыней, положил его возле двери комнаты для санитаров.

Некоторое время пришедший слушал Светины повизгивания, поморщился, пробормотал:

— Казнить, миловать. Казнить, миловать.— Он вынул из кармана монету, подбросил ее, продолжая бормотать: — Казнить, миловать,— поймал монету, не спеша раскрыл кулак, сказал протяжно: — Ми-и-ило-ва-ать. Ла-адно,— невысоко подбрасывая монету, пошел к двери, ведущей в коридор, открыл ее, вошел в коридор.

Больной, подметавший пол, выпрямился, отдал честь, говоря:

— Гостин Капрал, за время вашего отсутствия...

— Вольно,— оборвал его Капрал, пошел дальше, заглянул в палату, сказал Василию Петровичу: — Петрович, скоро на выписку.

— Когда?

— Дня через три.

— А может, не надо?

— От меня это не зависит. Это врач решает.— Капрал пошел дальше, увидел в углу стоящих лицом к стене Сергея и больного по прозвищу Иисус Христос. Сергей что-то говорил собеседнику.

Капрал пошел к ним, но его остановил крупный мужик, сказал:

— Не ходи к ним. Нешастный станешь.

— Как спал? — спросил его Капрал.

— Да у меня все в порядке. Ты не ходи к ним.

— Он все равно тебе не верит,— сказал больной, приятель мужика, и потащил его в палату, говоря: — А я могу уже на два дня вперед ясновидеть. Идем, проверишь...

— Ты подумай, я не обманываю,— сказал мужик Капралу и пошел за приятелем в палату.

Капрал подбросил монетку, поймал, посмотрел на нее, хмыкнул, пошел к бесеующим, остановился возле них, стал слушать.

Сергей говорил:

— А в тот вечер я уже совсем дошел. Я сидел на табуретке и тихо выл.

Квартира Сергея.

Сергей сидит посреди комнаты на табуретке и тихо воеет. В соседней комнате послышался женский визг. Сергей подбежал к двери, заглянул в замочную скважину: ему видно, как Света и Паша занимаются любовью.

Сергей отбежал от двери, уселся на табуретку и снова завыл. Потом побежал в ванную, подставил голову под струю воды, сел на край ванны, смотрел в зеркало, стал торопливо расстегивать ширинку брюк.

В ванную вошел в трусах Паша.

— Ты чо? — удивился Паша.

— Я больше не могу,— плача сказал Сергей.— У меня все болит...

— Так чего ты молчишь? Я сейчас Светке скажу — она тебе даст...

— Это не то. Я так не хочу...

— Да ладно.— Паша пошел в комнату, где осталась Света.

Сергей из ванной смотрел на дверь, за которой Паша и Света. Дверь открылась, вышла в плашках Света, за ней Паша. Света громко говорила:

— Да не хочу я с ним. Он мне не нравится...

— Ну чо, тебе разок жалко? Он нам свою квартиру уступил. Его уже судороги колотят...

— Ну найди ему кого-нибудь. У тебя баб навалом.

— Так ему сейчас плохо.

— Ну так найди ему сейчас.— Света включила магнитофон, пошла в ванную, взяла Сергея за руку, сказала: — Идем танцевать,— потащила его в комнату, они стали танцевать.

Паша листал свою записную книжку, набрал номер, сказал в трубку:

— Алло, Анжелу, пожалуйста... Здравствуй, Анжела... Не узнаешь? Это я, Паша... Почему некогда? Что такое? Алло! Алло! А ты кто такой?! Ты чо хамишь, парнишка?! Да-а-а?! А ты подумал, фрайер, что раз я телефон знаю, так я и адрес знаю. Да-а-а?! А ты не пугай... Что? — Паша бросил трубку, заорал на Свету: — Ты можешь помочь человеку?! У него еще ни одной бабы не было! Он боится к ним подойти! У него комплекс!

— А я не врач! — заорала в ответ Света.— Что я тебе, нанялась?! Не хочу я с ним! — она оттолкнула Сергея, пошла в комнату и стала одеваться.

Паша пошел за Светой, закрыл дверь. Некоторое время за дверью слышались крики.

Сергей заглянул в записную книжку и написал, задрал рукав, на руке телефон и имя девушки «Ира», опустил рукав, сел на табуретку, смотрит на дверь.

Капрал отвернулся, зевая пошел по коридору, вошел в палату Сценариста, подошел к нему, спросил:

— Ну что? Насобирил материалу? — Присел на койку рядом со Сценаристом.

— Да как-то все поверхностно. Никто не раскрывается. По верхам все.

— Ну ничего, время еще есть,— растирая лицо и зевая, сказал Капрал.— Ты вообще про что пишешь? Про любовь? Или про войну?

— Как получится.

— Лучше комедии писать,— Капрал зевнул.— Голова трещит.

— Тяжело здесь работать?

— А где не тяжело? Значит, ни хрена у тебя не получается?

— Ну есть сценки. Так, отдельные. Вот про него,— Сценарист показал на мальчика, который лежал, свесившись с кровати вниз головой.

— Ну давай,— Капрал широко зевнул. В палату, согнувшись от смеха, ввалился Коля Петров. За ним шел Василий Петрович и говорил:

— Коля, прошу тебя, не надо. Я не хочу. Мне неприятно. Тем более это неправда...

— Он нам пачку сигарет даст...— смеясь говорил Коля.— Сценарист, хочешь клевую хохму? Пачка сигарет...

— Коля, я прошу...

— Сам же курить хочешь...

Василий Петрович устало махнул рукой, повернулся, пошел из палаты, в двери остановился, посмотрел из-за плеча на Колю.

По школьному коридору шел Коля Петров. В конце коридора уборщица домывала пол. Когда Коля дошел до нее, она спросила:

— Выгнали?

— Выгнали.

— С какого?

— С физики.

— За что?

Коля стал что-то шептать на ухо уборщице. Уборщица широко перекрестилась и согнулась в поклоне, выпрямилась и захохотала.

Коля тоже захохотал.

Они хохотали, а тут отворилась дверь директорского кабинета и выглянул сам директор — Василий Петрович.

Уборщица перестала хохотать и принялась за работу. Коля тоже перестал хохотать.

— Зайди,— сказал Василий Петрович.

Коля вошел в директорский кабинет.

— Выгнали? — спросил Василий Петрович, подходя к столу, на котором стакан в подстаканнике, в стакане вода и кипятыльник. Вода закипела.

— Выгнали,— ответил Коля.

Директор полез в сейф, вынул банку растворимого кофе, начал готовить кофе.

— С какого?

— С обществоведения.

— За что?

— Сказал, что Бог есть.

— Ну и как? Есть Бог?

— Не знаю.

— А чего же тогда?

— Не знаю. Само вырвалось.

— Значит, хамишь.

— А с вами так не бывает?

— Бывает. Но меня за это наказывают.

— А разве я отказываюсь?

Размешивая кофе в стакане, директор подошел к окну, посмотрел в него, увидел, как, споткнувшись, упала молодая женщина

с сумками. Сумки разлетелись в стороны. Женщина стоит на четвереньках у забора из деревянных щитов, ограждающих реставрируемый старинный дом.

Две пожилые женщины помогли упавшей. Та уперлась лбом в забор, стоит согнувшись, поджала одну ногу. Мимо проходят люди...

Василий Петрович, глядя на уличную сценку, говорил:

— Трепач ты. Как тебя наказать? Тебе все до лампочки... Пожилая женщина, дорабатывает до пенсии. Чего ты ей нервы мотаешь? Она что, предмета своего не знает? Или она тебя учит, чтобы ты своей матери в лицо плевал? Чего тебе от нее нужно?

— Ничего.

— Так чего ты выпендриваешься?

— Потому что лажа все.

— Что лажа?

— Обществоведение.

Наступила пауза.

Василий Петрович сел за стол, отпил кофе, улыбаясь сказал:

— Ну давай уж до конца.

— А сами вы не знаете?

— А ты вслух скажи.

— Ну чо... В учебниках одни законы пишут, а в жизни свои законы.

— Все?

— Все.

— Глубоко копнул.

— А что, нет? Мне долбят, что все люди братья, должны уважать друг друга. А вы сидите, пьете кофе, а я перед вами стою.

— Ты что, обиделся? Давай налью тебе кофе.

— Давайте я не буду мешать вам пить кофе.

— Ну давай.

— Ну я пошел.

— Ну иди.

— До свидания.

— До свидания.

Коля стал пятиться к двери и кланяться, задом открыл дверь, вышел и, крутнувшись на одной ноге, закрыл дверь каблуком другой.

Директор остался один. В задумчивости отпил глоток кофе, подошел к окну, вынул из кармана пачку из-под сигарет — она пустая. Смял пачку, посмотрел в окно. Ему видна женщина, упершаяся лбом в забор.

Женщина стоит, упершись лбом в забор. Тушь размазалась по щекам: женщина плачет.

Послышались пьяные выкрики. Женщина повернула голову, увидела, как мимо нее проходит милиционер, ведущий пьяного ханьгу.

Милиционер довел ханьгу почти до отделе-

ния милиции, но тут ханыга упал и шуплый милиционер не смог его поднять, оставил его лежать и вошел в отделение милиции.

Два молодых строителя, проходящие мимо ханыги, подняли его и положили в зеленый деревянный ящик, стоявший неподалеку от отделения милиции.

Ящик закрыли крышкой.

Из отделения вышли два милиционера. Ищут ханыгу. Сошлись вместе. Стоят рядом, оглядываясь по сторонам.

К ним подошел Василий Петрович, попросил прикурить. Один из милиционеров дал ему коробок спичек. Василий Петрович прикурил, вернул спички.

После этого милиционеры взяли его под руки с обеих сторон и повели в отделение милиции.

Они вошли в отделение милиции. Один из милиционеров спросил дежурного:

— Васильев у себя?

— Есть.

Милиционеры повели Василия Петровича по коридору и ввели в одну из комнат. В комнате сидел за столом следователь лет тридцати и читал протокол допроса. Он посмотрел на Василия Петровича, некоторое время рассматривал его, потом сказал веско:

— Ну рассказывай.

— Что рассказывать?

— Как старушку пришел. Хату помыл. Вещи где спрятал.

— Вы меня с кем-то перепутали...

— Очень может быть. Только портрет один к одному, — следователь стал перечислять приметы, потом спросил: — Вещи где спрятал?

— Товарищи, я ничего не знаю. Честное слово...

— Поставь его на уши, — сказал один из милиционеров следователю. — А если стол мешать будет, так мы вынесем. — И уже к Василию Петровичу: — Тебе здесь рога пообломаем. Гнида. Что, тебе старуха жить мешала?

— Фамилия? — спросил следователь.

— Рыбников. Василий Петрович. Я тут...

В школе работаю. Рядом...

— Учитель?

— Директор.

Следователь жизнерадостно засмеялся. Зазвонил телефон. Следователь взял трубку, сказал:

— Да. Васильев слушает, — сделал жест рукой милиционерам, чтобы вывели Василия Петровича.

Милиционеры вывели Василия Петровича, провели к дежурному, поместили в небольшую комнату, в которой уже сидит парень лет двадцати пяти. Вместо двери решетка.

В это время милиционер ввел с улицы

ханыгу. Ханыга возмутился...

— На хрена его привел?! — крикнул дежурный.

— Деньги у прохожих вымогает...

— Вон его отсюда!

— Не имеете права! — закричал ханыга. — Меня конституция защищает!..

— Ты даже знаешь такое слово? — удивился дежурный.

— Вы у меня еще в ногах валяться будете...

— Сажай! — сказал дежурный милиционеру. — И воды не давай.

Милиционер затолкал ханыгу в комнату, где сидел Василий Петрович. Ханыга выкрикивал угрозы, потом стал жаловаться парню, что «менты его в мусорный ящик засунули»...

Парень, не вставая с лавки, ударил ханыгу кулаком в лицо. Ханыга упал, замолк, пополз в угол.

Вошел следователь, сказал милиционеру:

— Давай этого, — указал на парня. —

А этого отпусти, — указал на Василия Петровича.

— А чего так? — спросил дежурный.

— Нашли того, кто старуху убил. Митрошкин только что звонил. — И к Василию Петровичу: — Вы уж извините, — он обаятельно улыбнулся, развел руками. — Очень большое сходство. Сами понимаете. — Он повел парня и уже в двери сказал Василию Петровичу: — Все бывает. Не обижайтесь. — Вышел с парнем в коридор.

— Все! Свободен! — подвел итог дежурный.

Коля корчился от смеха на койке.

Василий Петрович говорил со слезами в голосе:

— Это все неправда. Коля, ты все выдумал. Скажи всем, что ты выдумал. Зачем ты меня обижаешь?..

— Ты же сам говорил..

— Я ничего не говорил! Коля! Скажи всем, что это неправда! — И он вдруг истерически выкрикнул: — Неправда! Неправда! — Он махнул рукой и пошел из палаты.

— Петрович, ты чего?! — крикнул ему вслед Коля, а потом к Сценаристу: — Давай пачку.

— Да ты что? Совсем обнаглел? — возмутился Сценарист.

— Ты что, не видишь, что он плачет?

— А я при чем?

— Ты чо наглеешь? — Коля привстал.

— Кончай базланить, — сказал, зевая, Капрал.

— Капрал, так я же по-честному...

— Пошел вон, — без выражения сказал Капрал, поднял голову и посмотрел мутными глазами на Колю.

— Хо-хо-хо-хо-хо... — Коля повернулся и, вилия задом, распахивая полы халата, пошел вон из палаты.

— Слушай, кто он такой? — возмутился Сценарист.

— Террорист. Прислали на обследование. — Капрал встал, пошел к мальчику, свесившемуся с койки.

— Что, настоящий террорист?

— Не успел. — Капрал стал укладывать мальчика поудобнее. — А вообще я не знаю. Он что-то против начальников имеет.

— Что, убивать их хотел?

— За несправедливость. Бюрократизм. Ну ты газеты читаешь? — Капрал выпрямился и, разводя руки в стороны, зевнул.

Сзади подошел к Капралу Державин, заговорил, оглядываясь по сторонам:

— Господин Капрал, господин Капрал, нижайше доношу: террорист реквизирует одну сигарету путем наглого шантажа. Прошу содействовать в возвращении оной.

Капрал тупо смотрел на него, потом очнулся, сказал, обращаясь к Сценаристу:

— Купи идею. Человек испытывает наибольшее удовольствие в момент смерти. Это высшее удовольствие. Самое сладкое удовольствие. И все предаются удовольствию смерти. Ты понимаешь?

— Да.

— Ты согласен?

— Да.

— С тебя одна сигарета.

— О чем речь! — Сценарист дал Капралу сигарету.

Капрал отдал сигарету Державину, вышел в коридор. В конце коридора открылась дверь, появилась Света. Она крикнула:

— Ясновидящий! Ясновидящий!

Из палаты вышел мужик, спросил:

— Чего?

— У главврача очки пропали.

— Дома. На холодильнике.

Света исчезла.

Мимо Капрала проехал на Джаваншире Коля.

— Слезь, — сказал Капрал.

— Он плакать будет.

— Слезь. А то на крест пойдешь.

Коля слез с Джаваншира, сказал ему:

— В стойло.

Джаваншир убежал.

— Все угрожают. Все мне угрожают, — Коля, смешно дурачась, воздев руки и кривляясь, подошел к стене, сел возле нее на корточки. — И угрожают, и угрожают, ну в с е мне угрожают. — Его лицо вдруг приняло дурацкое выражение, взгляд уставился в одну точку.

Потом он встал на четвереньки и рыча пошел в сторону беседующих Сергея и больного по прозвищу Иисус Христос, дошел

до них и залаял.

Больной повернулся к нему и перекрестил его. Коля, как собачонка, завилал задом, склонил голову набок, заскулил.

Больной прижал палец к губам, призывая к тишине, и повернулся к Сергею.

Сергей говорил:

— Я спросил, где мы встретимся. Она сказала, что сама ко мне придет. Я дал адрес... Купил вина, пирожных. И все время ждал...

Звук дверного звонка. Сергей открыл зверь. Перед ним стояла худенькая, миниатюрная девушка. Она спросила:

— Ты Сережа?

— Ира?

— Да. — Ира захихикала. Сергей захихикал.

— А ты, оказывается, ушастик... Родители дома?

— Они в заграникомандировке. В Индии.

— Там же ничего нет. — Ира вошла в квартиру.

— Я не знаю. — Сергей пошел за Ирой.

— Ой, вы же нищие. — Ира осматривала квартиру. — И мебель у вас старая.

— Это пока. А потом родители купят.

— Магнитофон!.. Тоже старый. А здесь что? — она открыла дверцы шкафа, там висела одежда родителей Сергея. Ира небрежно ее перевершила, сказала: — Да вы совсем нищие. — Повернулась к Сергею, спросила: — Тебе сколько лет?

— Двадцать.

— А мне Паша сказал, что у тебя ни одной девчонки не было. Правда?

— Правда.

— Первый раз такого вижу. Ни одной-ни одной?

— Да.

— А если я с тобой буду, что ты для меня сделаешь?

— Все. Только ты не бросай меня.

— Все-все сделаешь?

— Все.

— А кроссовки мне купишь?

— Куплю. У меня на книжке двести рублей, — похвастался Сергей. — Я летом грузчиком подрабатывал.

— Тогда лучше проигрыватель. Мой знакомый Толик продает. Он куда-то завербовался. Все продает.

— Двести, наверное, не хватит.

— Тебе что, жалко? Тогда одолжи мне. Я расписку напишу.

— Мне не жалко. Просто я про деньги родителям написал.

— Ну ладно, пока.

— Постой. Ты меня не так понял. Я тебе без расписки одолжу.

— Ты не думай, я деньги верну. Только не сразу.

— Я тебе верю.
— А где ты учишься?
— В строительном. На третьем курсе.
Я тоже за границу поеду. И привезу тебе много-много всего...

— Когда это будет...

Во время разговора они двигаются по комнате, как животные в брачном танце. Слова порой почти выпеваются.

Звук дверного звонка.

Сергей открыл дверь.

На пороге женщина. Она быстро говорит:

— Здравствуй, Сереженька. Я заходить не буду. Меня машина ждет. Вот мама тебе передала. Я вчера прилетела, вечером. Мама просит, чтобы писал почаще. А у них все хорошо. Приедут скоро. Ну я побежала. Какой ты стал взрослый. До свидания, Сереженька.

— До свидания.

Сергей закрыл дверь, вошел с пакетом в комнату, сказал:

— Мама прислала,— стал разворачивать пакет. В нем джинсовый костюм. В целофановом пакете майка с рисунком. Сверху лежит письмо.

Сергей стал читать письмо, но Ира сказала:

— Потом прочитаешь. Костюм примерь.

— Сейчас,— Сергей хотел уйти в другую комнату, но Ира сказала:

— Здесь надевай. Ты что, стесняешься?

Сергей неловко стал снимать рубаху, потом взял из пакета майку с рисунком, хотел надеть ее, но подошла Ира, коснулась пальцем соска на его груди. Сергей задрожал. Смотрит на Иру.

Ира вдруг схватила его за ширинку брюк и смеясь потащила за собой.

Смеясь, она таскала его по квартире, потом ловко развернула и запрыгнула на него, закричала:

— Кататься хочу! — и укусила его за плечо.

Коля укусил Сергея за ногу. Тот испугался, стал отбиваться. Коля, стоя на четвереньках, лаял и нападал. Подошел Капрал и дал Коле пинок под зад.

Коля вскочил.

Капрал рявкнул:

— Пошел на место!

Коля пошел по коридору, вошел в палату, лег на койку. В палату вошел Капрал, сказал Коле:

— Я тебе голову отшибу, понял?

Коля молчал. Глядел в потолок, покусывая губы.

Капрал смотрел на него, потом пошел к койке, на которой сидело четверо больных: мужик-ясновидящий, его приятель и двое больных, один из которых изображает Гитлера, а другой — Сталина.

Гитлер говорит Ясновидящему:

— Шестая снизу.

— Дама червовая,— отвечает Ясновидящий.

Гитлер отсчитал карты снизу — действительно червовая дама.

— Ха! — восклицает приятель Ясновидящего.— Вставили! Ла-а-апухи-и!

— Папашу,— с грузинским акцентом говорит больной, изображающий Сталина и похожий на рязанского мужика, протягивая руку за колодой карт.— А в отношении товарищей, которые неуместно буйствуют, можно применить воспитательные меры.

Приятель Ясновидящего пугается:

— А чо? Я чо? Я сказал «вставили», и все. Я чо, обидел? Ну скажи,— сунулся к Ясновидящему.

— Глохни.

Приятель Ясновидящего выпрямился, приложил руку к сердцу, сказал проникновенно:

— Товарищ Сталин, простите.

Сталин вскочил, закричал:

— Сколько можно?! Я что, похож на Сталина?! Я похож на Сталина?!..— стал хватать всех поочередно, спрашивая:— Я похож на Сталина? — потом улыбнулся, сел на койку, сказал: — Бог простит,— и стал тасовать карты, протянул колоду Ясновидящему.

— А можно я? — попросил приятель Ясновидящего.

— Тебе еще учиться надо,— сказал Ясновидящий.

— Человек же сам просит,— сказал Гитлер.

— Сам прошу,— подтвердил приятель.

— Сам и расплачиваться будешь,— сказал Ясновидящий.

— Третья сверху,— сказал Сталин.

Приятель Ясновидящего напрягся, стал делать пассы, сказал:

— Шестерка пиковая.

— Дурак! — сказал с досадой Ясновидящий.

Сталин вскрыл карту — туз трефовый.

— Э-э-э, дарагой,— сказал Сталин.

— Ну еще раз,— сказал приятель.— Первый раз не считается.

— И-и-ище как считается,— сказал Сталин.

— Дай человеку шанс,— сказал Гитлер.

— Ну если ты просишь. Ради уважения,— Сталин еще раз перетасовал карты.— Седьмая снизу.

Приятель Ясновидящего стал делать пассы, пот выступил на его лице, он сказал робко:

— Король пиковый.

Сталин не спеша отсчитал карты. На седьмой карте шестерка пиковая.

Сталин сказал Гитлеру:

— Держи за уши.

Гитлер взял приятеля Ясновидящего за уши и развернул его голову лицом вверх.

Сталин оттянул указательный палец, пристраиваясь над лбом приятеля Ясновидящего.

— Но я же масть угадал,— сказал приятель.

— Правильно говоришь,— сказал Сталин,— в масть,— и щелкнул приятеля Ясновидящего по лбу.

Сталин стал отпускать щелчки, отсчитывая количество.

Капрал повернулся к Коле, сказал:

— Ты меня понял?

Коля отвернулся и натянул одеяло на голову. Подошел Джаваншир, откинул уголок одеяла и заглянул к Коле. Коля задернул одеяло. Джаваншир повторил. Так несколько раз. Потом Джаваншир стал гладить через одеяло Колю по голове.

Профессор влез на тумбочку и стал ораторствовать:

— Ужасный исход! Рассудок, подавленный трагическим событием, не в силах следить логическую цепь причин и следствий, и катастрофа кажется чем-то невероятным. А в опустелой голове звучит только ряд мучительных вопросов, на которые отвечает лишь тупая боль. Но между тем отвечать необходимо. Роковой вопрос стоит перед глазами и совестью и неотвязно требует ответа: «Что побудило эту женщину поднять на себя руку в ту минуту, когда ей, казалось, улыбалась заря новой жизни?» Вот вопрос, который задает себе всякий, до кого дошла печальная весть. Ответом на него послужит повесть о страдальческой жизни этой женщины...

Капрал зевнул и вышел в коридор.

В коридоре больной подметал пол. Увидев Капрала, отдал ему честь, сказал:

— Господин Капрал...

— Вольно.— Капрал пошел по коридору, подошел к бесеующим в углу Сергею и больному по прозвищу Иисус Христос. Сергей говорил:

— Я стал ее рабом. Я не имел своей воли. Я любил ее как никого. Стал доставать для нее вещи, продавать вещи. Стоял в очередях. Куда-то бегал по адресам. Вещи, вещи, вещи... Потом я не выдержал, и мы поссорились. Я ненавидел ее. Потом позволил ей... Просил прийти... Она... Она пришла...

Квартира Сергея. Он сидит на диване. Напротив него на табуретке сидит Ира. Сергей гладит ее колени, склоняется, целует их.

Ира гладит его по голове.

Сергей зарычал, вскочил, стал ходить по комнате, говоря:

— Я не хочу быть твоим рабом. Ты мне

ни в чем не уступаешь. Ты заставляешь меня делать то, чего я не хочу. Если так будет дальше, я с тобой расстанусь. Я серьезно!

— Я тебе что, плохо даю?

— Ну почему ты все перекручиваешь?

— А что тебе надо? Ты же только одного хочешь.

— Я же просил тебя стать моей женой.

— Ты же нищий.

— Это пока! Временно!

— Ты что, не понимаешь, что ты дурак? Ты всегда будешь нищим.

— А почему ты тогда со мной?

— Потому что ты на меня работаешь. Но замуж я не собираюсь. И чего ты выступаешь? Я тебе даю, а ты отработываешь.

— Слушай, я так не могу. Уходи, прошу тебя. Навсегда.

— Да-а-а? Ты что, мне одолжение делаешь?

— Ты меня не так поняла. Ты у меня первая и единственная. У меня больше никого не будет. Я хочу жить с тобой, но то, что ты со мной делаешь, я больше не могу. Я прошу тебя, уходи...

— Ты думаешь так легко от меня отделаться? Чтoб я ушла как дура?

— Я тебе уже все отдал. Деньги. Магнитофон. У меня ничего нет. Я пустой...

— А костюм джинсовый?

— Ты чо? Это же мать подарила.

— А мне какое дело?..

— Пошла вон отсюда! Тварь ты!!!

— Ты на кого орешь? Кто тварь? Кто тварь? — Ира подскочила к Сергею, хотела его ударить.

Сергей ударил Иру. Она отлетела.

Тишина.

Смотрели друг на друга.

Потом Ира побежала к двери, открыла ее, крикнула истерически:

— Подожди! Я сейчас вернусь! Ты ответишь, тварь!..

Сергей бросился к ней. Она захлопнула дверь. Сергей ударился в дверь, стал в нее колотить, потом успокоился, стал бродить по квартире, подвывая.

Звонок.

Сергей метнулся к двери, рывком распахнул ее — на пороге парень массивного сложения.

Парень ударил Сергея в лицо. Сергея отбросило в глубь квартиры.

Парень вошел в квартиру, за ним Ира. Парень взял Сергея за грудки, поднял с пола, сказал:

— Девочку обижаешь?

— Вы кто?

— Толик я.— Толик еще раз ударил Сергея.

Сергей отлетел к шкафу.

Что-то вдруг в Сергее рассмешило Толика.

Он пришел в веселье. Стал ходить по квартире. И видно, как прекрасен он в своей пластике — красивое животное, пантера... увлекательная жизнерадостность. Потом, после прохода по квартире, подошел к окну. Идут по улице люди. И видно, как что-то в фигуре Толика меняется — он сникает. Толик оборачивается, и мы видим, как человек этот одинок.

Подошел к Сергею, поднял его, сказал: — Попользовался, а теперь обижаешь. Нехорошо. Тебя мама разве так учила? Чего молчишь?

— Чего вы хотите?

— Пусть костюм отдаст, — сказала Ира.

— Слышишь, что дама говорит? Снимай костюмчик.

— Я в милицию заявлю.

Толик взял Сергея за горло.

Сергей задыхался.

Толик слегка отпустил. Сергей сделал глубокий вдох. Толик спросил:

— Ты все понял?

Сергей заплакал.

— Снимай, сука! — рявкнул Толик.

Сергей плача стал раздеваться. Остался в трусах.

Ира схватила костюм, стала запихивать его в сумку, которую принес с собой Толик.

Толик сказал:

— Нашла с кем спать. А ну сними трусы.

Сергей плакал.

— Ты что, стесняешься? — удивился Толик. — В больнице же показываешь. Снимай... Что, снова бить?

Сергей приспустил трусы. Толик рассматривал Сергея, потом сказал Ире:

— А теперь верни ему должок.

Ира подошла к Сергею и с наслаждением отвесила ему пощечину. Потом еще, еще... Стала щипать, укусила за руку. Толик взял ее за волосы, оттащил, сказал:

— Он мне еще живой нужен. Трусы надень. Не на выставку.

Сергей натянул трусы.

— Значит, так, — продолжил Толик, — стипендия девяносто рублей. В день две черных буханки — тридцать копеек. За тридцать дней девять рублей. Округлим — десять. За свет, квартиру и на тетради двадцать рублей. Всего тридцать. Шестьдесят рублей нам. Договорились?

Сергей молчал.

Толик взял его за горло, спросил:

— Договорились?

— Договорились, — плача сказал Сергей.

— Сам сказал. А за свои слова надо отвечать. Понял?

— Понял.

— Пусть еще кровь сдает, — сказала Ира. — Два раза в месяц будет пятьдесят рублей.

— Понял? — спросил Толик.

— Да.

— Договорились?

— Да.

— Сам согласился. Теперь отвечаешь. Кровь завтра сдашь. Понял?

— Да.

— А за это я попрошу Иру, чтобы пока в суд не подавала за изнасилование.

— Я не насиловал...

— Я сам видел. И еще три человека. Компания у нас была. Выпили. Ты завел Ирку в ванную и изнасиловал. Мы дверь выбили, а ты ее уже натягиваешь. Нехорошо, — и он дернул Сергея за член.

Сергей скорчился.

Капрал гоготал во все горло.

Из палаты выбежал Профессор и закричал на Капрала:

— Ты почему смеешься, когда я говорю?! — он махал руками перед носом Капрала. — Не смей! Неуч! — И так далее.

— Молчать!!! Разойдись!!! — заорал Капрал.

Профессор испуганно отскочил, побежал в палату, крича:

— Казаки! Казаки! Все на баррикады! На баррикады! — залез под кровать, на которой играли в карты, затих.

Василий Петрович смотрел на Профессора. Тот делал ему знаки: мол, прячься.

Перед лицом Профессора свисает с койки нога одного из игроков. Профессор периодически ее отстраняет. Игроку надоело это; он пяткой ударил Профессора в лицо.

Василий Петрович закричал, побежал в коридор. Больные бросились за ним, стали его хватать, повисли на нем.

Капрал подбежал к ним.

Василий Петрович кричал:

— Не хочу! Не хочу! — и другие вопли.

Капрал отвесил ему пощечину. Василий Петрович умолк.

— Отпустите, — сказал Капрал.

Больные отпустили Василия Петровича.

— Вася, ты чего буянишь? — строго спросил Капрал.

— Миша, не отдавай меня на волю. Прошу тебя, мне страшно...

— Я скажу врачу.

— Я прощу тебя.

— Успокойся.

— Скажешь, Миша?

— Скажу... — Капрал, обняв Василия Петровича и поглаживая его по спине, ввел в палату, усадил на койку. Больные пошли следом и расселись на койках, окружив Капрала и Василия Петровича.

Капрал, глядя Василия Петровича, запел:

— Искры каминя горят, как рубины.

Василий Петрович улыбнулся сквозь слезы.

Капрал пел:

— И улетают с дымком голубым.—
Сделал знак остальным.

Больные подхватили:

— Из молодого, красивого, юного стал я усталым, седым и больным.— И так далее. Они пели, и на некоторое время между ними наступило единство.

Коля смотрел на поющих, потом слез с койки и вышел в коридор. В коридоре, в углу, сидели на корточках, прислонившись к стене, Сергей и Иисус Христос.

Сергей тихо плакал.

Иисус Христос гладил его по плечу.

Возле них подметал пол больной. Он присел на корточки напротив них, стал смотреть на Сергея, потом свистнул по-птичьи. Сергей посмотрел на него. Больной снова свистнул. Стал с наслаждением свистеть по-птичьи. Замолк.

Больной по прозвищу Иисус Христос вдруг весело засмеялся, потом сказал:

— Как-то раз, еще маленьким, я лепил птичек из глины и раскрашивал в разные цвета. А одна птичка подумала: «Ой, не хочу в желтый цвет! Хочу в красный». А я ее взял и вообще не покрасил. Осталась она серой, потому что глина была серая.— Он задумался на время, что-то вспоминая, потом улыбнулся, продолжил: — А потом, когда меня Иуда продал и меня распяли, эта птичка села на крест и думает: «Была я своевольница и огорчала Господа, а теперь он страдает. Помогу ему. Выташу гвозди, и он меня простит»,— он опять улыбнулся.— Стала она гвозди клевать, клевала-клевала, потом вспомнила про своих деток, что они голодные, есть хотят, и скорей полетела к ним.— Он замолчал и лукаво посмотрел на собеседников. Они, заинтригованные, смотрели на него.— А детки кричат: «Мамочка, мамочка, какая ты красивая!»— и он весело рассмеялся.

Потом он сказал Сергею серьезно:

— Тебе креститься надо. Больше ничто не поможет. Креститься и покаяться. Иначе бесы одолеют.

Сергей молчал, потом сказал:

— Я в это не верю. Просто мне приятно с тобой говорить.

— Обязательно надо креститься? — спросил Коля, присаживаясь.

— Без этого не спасешься,— ответил Иисус Христос.

— Онанист, к тебе пришли,— сказала подошедшая Света.

— Кто пришел? — встревожился Сергей.

— А я откуда знаю? Пошли.

Света повела Сергея. Оставшиеся смотрели им вслед, потом Коля спросил:

— А зачем спасаться?

— Ты себя спроси.

Помолчали.

— А меня крестить можешь? — спросил Коля.

— Могу. Хочешь креститься?

— Хочу.

— Принеси воды.

Коля пошел к бачку.

Больной отломил от веника две палочки, стал мастерить крест.

Больной, который подметал, смотрел на него, потом вскочил и побежал по коридору к двери, в которую вышли Света и Сергей. Навстречу ему шел Коля с алюминиевой кружкой. Он подал кружку больному по прозвищу Иисус Христос. Тот стал выполнять таинство крещения.

Окропил Колю водой и перекрестил, сказал:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь...

Тут прибежала Света с больным, который подметал, стала лупить Иисуса Христа, ругая за то, что веник ломает. Потом вырвала у него из рук крест и стала ломать. С больным сделалась истерика.

Из палат выбежали больные и стали его хватать, заламывать руки. Света кричала:

— На крест его! На крест!..

Прибежал Капрал. Больного скрутили, потащили в палату. Там за руки и за ноги привязали к койке. Через горло — полотенце.

Света подала шприц. Капрал сделал укол.

Коля смотрел на Капрала, потом понес кружку к бачку и стал медленно выливать воду в ведро. Мимо прошел Капрал.

Капрал прошел в комнату для санитаров, снял со шприца иглу, сел на топчан. Из комнаты ему видно, как Сергей беседует с Ирой и Толиком.

Между Сергеем и ними — стол.

Ира говорит:

— ...Ты всю жизнь откупаться будешь. И твои родители. Толя рассчитал, сколько вам троим на хлеб и воду хватит. А еще кровь сдавать будете. Тебе как психу нельзя. А папе с мамой на здоровье. Для начала Толик вас всех отделает, а выступать будете, так я в суд подам за изнасилование...

Капрал подошел к Сергею, сказал:

— Иди в палату.

— Ты чего встречаешь? — сказал Толик.

— Оставьте его в покое.

— А ты знаешь, что он со мной сделал? — сказала Ира.

— Я знаю то, что сейчас слышал. И на суде так скажу.

— А ты что, откуда никуда не выходишь? — Толик подошел к Капралу.— На улице не гуляешь? — он вполсилы ткнул Капрала в бок.— Иди в свою каморку и не мешай говорить.

Капрал посмотрел на Толика, пошел к комнате для санитаров, закрыл дверь на ключ и пошел к выходу.

— Ты куда?! — крикнул Толик, но Капрал уже вышел, закрыв за собой дверь.

Толик не спеша пошел к двери. Дверь без ручки. Толик толкнул дверь. Не открывается. Ударил плечом. Не открывается. Еще раз ударил. Не открывается.

Сергей вдруг мелко и гаденько засмеялся. — Что ты смеешься? Толик, он смеется! — крикнула Ира.

Толик подошел к Сергею, взял его пальцами за нос, поднял со скамейки, повел к двери и грохнул его спиной в дверь. Сергей ударился в дверь, потом испуганно, как обезьяна, отскочил и убежал в угол и стал махать перед своим лицом руками, словно мух отгоняет.

Толик разбежался, ударился всей массой в дверь. Дверь дрогнула, казалось, вот-вот и поддастся...

Толик еще раз разбежался, ударился об дверь. Дверь открылась. Толик провалился в дверной проем, а там его лихо скрутили четыре дюжих санитаров и поволокли в коридор.

Капрал взял Иру за рукав куртки.

— Куда ты меня тянешь? Чего тебе надо? — базарным голосом закричала Ира.

Капрал врезал ей по затылку, сказал:

— Заткнись. Я тебя здесь похороню.

Ира замолкла, пошла за Капралом. Он завел ее в комнату для санитаров, усадил за стол, вырвал из тетради лист, положил перед Ирой, дал ей ручку, сказал:

— Пиши.

— Я ничего писать не буду.

— Сережа. Я не хотела доводить тебя до сумасшедшего дома. Это все Толик. И про изнасилование он придумал, чтобы с тебя деньги получать. А я его боялась. Прости, если можешь. Ира.

— А ты откуда мое имя знаешь?

— Не напишешь — в морг отправлю. — Капрал взял шприц.

Ира подумала и стала писать. Капрал повернулся, увидел стоящего в дверях Колю, сказал ему:

— Пошел отсюда.

Коля ушел.

Ира написала записку. Капрал взял ее, положил в карман, сказал Ире:

— Все. Свободна. — И они пошли к выходу. Капрал открыл дверь, Ира вышла.

В это время из коридора выбежали санитары, неся на руках Сергея. За ними Света. Санитары пробежали мимо Капрала. Света крикнула на бегу:

— Он вены зубами порвал! — и убежала.

Капрал закрыл за ними дверь, повернулся, рывкнул на больных, вышедших в столовую:

— Чего здесь надо?!

Больные толпясь поспешили в палаты.

Капрал вошел в комнату для санитаров, взял полотенце, сложил его вдвое, намочил

под краном, отжал, набрал в шприц лекарство, пошел в коридор.

В коридоре у топчана сгрудились больные. Они расступились, пропустив Капрала. На топчане лежит привязанный Толик. Через горло полотенце.

Толик ругался.

Капрал ударил его мокрым полотенцем по лицу. И еще несколько раз.

Толик опешил.

Капрал сказал ему:

— Он себе зубами вены порвал. Если что с ним случится, ты останешься здесь навечно. — Стал делать укол.

Коля смотрел на Капрала, потом обнял за плечи Василия Петровича и повел его в палату, говоря на ходу:

— Что, Петрович, заломала нас житуха, да?.. Теперь ты уже не будешь директором, правда?

— Правда, Коля.

— А был такой козырной.

— Хочешь поиздеваться?

— Немножечко. Так, чуть-чуть. Не имею права?

— Да пожалуйста!

— Ты что, в обиде?

— Нет.

— А я тоже не в обиде. — Коля усадил Василия Петровича на койку, сел рядом.

— Я, честное слово, не обижаюсь, — сказал с искренностью Василий Петрович.

Подошел на четвереньках Джаваншир, стал тереться о ногу Коли. Коля запустил пальцы в его густые курчавые волосы, перебирая их не спеша, сказал:

— Хочешь на моем слоне покататься?

— Нет, не хочу.

— Ну я прошу тебя.

— Да не хочу я, — стесняясь отказа, сказал Василий Петрович.

— Ну прошу тебя.

— Коля, ну не надо.

— Ну попробуй.

— Не хочу я.

— Чтоб я видел, что ты не обижаешься.

— Я не обижаюсь.

— Ну прокатись.

— Я не обижаюсь.

— Ты же никогда на слонах не катался.

— Я не люблю слонов. Я правда не люблю слонов...

Джаваншир вдруг громко заплакал, полез под койку, только ноги торчат.

— Иди сюда! — скомандовал Коля.

Джаваншир протестующе дернул ногой.

— Ко мне!

Джаваншир опять дернул ногой.

— Ну видишь, что ты сделал? — сказал Коля Василию Петровичу и полез под койку. Там он стал гладить Джаваншира по голове и говорить: — Хороший слон, добрый слон. Все его любят. Всем он нравится. Послуш-

ный слоник. Он любит своего хозяина...

Джаваншир дергал головой и плакал.

— Петрович! Иди сюда! Сам утешай! — крикнул Коля.

Василий Петрович залез под койку.

— Говори: «Хороший слон, умный слон...» — стал учить Коля.

Он вместе с Василием Петровичем утешал Джаваншира, получилось как песня. Они лежали втроем на полу, под койкой, им было хорошо.

Появились Светины ноги, и послышался ее голос:

— Постели сдавать! Белье сдавайте! — Она притопнула ногой, крутанулась на каблучке, ушла, крича: — Белье сдавайте!...

Больные срывали с коек простыни, кутались в них, бегали в них.

Света весело смеялась, кричала, бегала за больными, лупила ладонью по спинам.

Все смеялись. Всем было радостно.

Больные убежали в столовую и сбрасывали простыни у входа в комнату для санитаров.

Последний больной кинул простыню в кучу. Подошла Света. Из кучи белья вдруг выскочил больной, завopil. Света отскочила с визгом, потом схватила швабру и погналась за больным, догнала, ударила по спине.

Капрал схватил Свету в охапку. Света визжала. Капрал понес ее в комнату для санитаров. Света вырывалась, Капрал споткнулся, упал на топчан, Света на него. Она колотила Капрала, потом стала целовать его и смеяться.

Коля смотрел на них, потом закрыл дверь комнаты, пошел к выходу, вынул из кармана зубную щетку, открыл дверь...

Коля вышел из корпуса, пошел по траве вдоль аллеи, окаймленной подстриженными кустами. Лег под кустом и тихо завыл.

С другой стороны кустов подошла больная, несшая большой узел, связанной простыней, опустила узел на землю, стала на четвереньки, продирается сквозь кусты к Коле. И высунулась из кустов по грудь. У нее некрасивое лицо. Она смотрела на Колю, нежно погладила его по голове, сказала:

— Не плачь, любимый. Я тебя нашла. Теперь все хорошо. Теперь мы вместе. Понимаешь, вот земля прошла такой долгий путь от сотворения мира, и солнце прошло такой долгий путь от начала времени ради одного такого дня, такой минуты, такой секунды из всех дней, минут и секунд, а взять этот миг некому, не было тех двоих, которые наконец оказались бы вместе после стольких преград, после такого ожидания, но вот они наконец вместе, вдвоем, они уже отчаялись от долгого ожидания, они даже бегут по берегу к тому месту, оно уже недалеко, туда,

где они наконец будут вместе, вдвоем, и никто в мире не увидит, не осудит, не помешает, словно нет ни самого мира, ничего, кроме них. И теперь мир, который даже еще не был сотворен, может возникнуть, начаться...

Подошла санитарка — бабушка божий одуванчик — хлестнула хворостинной больную по заду, говоря:

— Ты что, сучка, в кустах делаешь? Я тебе куда сказала белье нести?..

Больная вскочила на ноги. Старушка погнала ее прутиком перед собой, как выводок гусей.

Коля лежа видел через кусты, как они удалялись.

Он закрыл глаза. Ему представилось...

...По улице идет стройная женщина. У нее некрасивое лицо.

Она остановила мужчину, сказала ему:

— Извините... У меня к вам просьба... — Она нервничала. — Наверное, странная. Вы меня правильно поймите. — Она собралась с духом: — Я хочу ребенка.

— А я при чем?

— Вы красивый. От вас будет красивый ребенок.

— Спасибо, но-о-о...

— Я ничего не буду от вас требовать. Поверьте. Вы же видите, какая я уродливая. Меня никто не любит. Я просто хочу ребенка. Мне тридцать лет. У меня нет выхода. Я ничего не буду от вас требовать. Просто помогите мне, — она быстро проговорила (иногда она говорит надменно), замолчала, нервно улыбаясь.

Мужчина улыбнулся, сказал:

— Извините, но я не могу вам помочь.

Некоторое время они стояли улыбаясь, потом она сказала:

— Извините, пожалуйста, извините, — обежала его и вбежала в подъезд и стала плакать.

По улице вдоль стены дома шел, скорчившись, Коля. Лицо разбито. Ему стало плохо, и он вошел в подъезд. Там он уткнулся в стену, согнулся, стал стонать.

— Вам плохо? — спросила женщина.

Коля затаился.

— Что с вами? — Она подошла к Коле. — Вам плохо?

Коля молчал. Женщина пошла к выходу, остановилась, вернулась, спросила:

— Может, «скорую помощь» вызвать?

— Не надо.

— Но вам же плохо.

— Не надо.

— Но я не могу вас так бросить.

Коля медленно повернулся к ней, смотрел на нее, потом сказал:

— Здравствуй.

— Здравствуйте.

— Ты меня не узнаешь?

Застонал.

Она торопливо вынула из сумочки платок, вытерла кровь на его губе.

— Не пачкай платок.

— Что с вами? Вас били?

— Сейчас пройдет... Я тебя в психушке видел.

— ...Но я вас не помню.

— «Но вот они наконец вдвоем, они уже отчаялись от долгого ожидания, они даже бегут по берегу к тому месту, оно уже недалеко, туда, где они наконец будут вместе, вдвоем, и никто в мире не увидит, не осудит, не помешает, словно нет и самого мира, ничего, кроме них. И теперь мир, который даже еще не был сотворен, может возникнуть, начаться...» — Он замолчал, смотрел на нее, спросил: — Знакомые слова? — улыбнулся.

— Это Фолкнер.

— Кто?

— Фолкнер. Американский писатель.

— А я тебе поверил. Ты говорила как от себя.

— Я это говорила вам?

— Да. В кустах.

— ...А что я еще говорила?

— Ты ничего не помнишь?

— ...Я просила вас... Я сказала, что хочу от вас ребенка?

Коля удивлен.

— Я это сказала вам? Вам?

— Нет.

Она задрожала, заплакала, побежала к выходу, хотела выбежать на улицу, вернулась, остановилась у двери, уткнулась в нее лицом, плакала.

Коля подошел к ней, стал гладить ее по голове, сказал:

— Хочешь, я на тебе женюсь?

Она резко обернулась. Они смотрели друг на друга.

Коля склонился, поцеловал ее. Она с жадностью стала его целовать, говорить ласковые слова.

Капрал подошел к лежащему Коле.

У Коли глаза были закрыты. Он сказал:

— Я тебя не боюсь.

— А я тебя не боюсь.

— ...Я не хочу туда возвращаться.

— Надо.

— Кому? Тебе?

— Я за тебя отвечаю. Меня накажут.

— И все? — Коля вскочил на ноги. — И ради этого я должен делать то, чего не хочу делать?! Ведь я никому не нужен. Почему на меня обращают внимание? Почему от меня требуют определенного поведения? Я же никому не нужен. Каждый занят только собой. Ты этого не понимаешь? Тебе уже сколько лет, а ты ничего не понима-

ешь?! — Коля уставился на Капрала.

— Но накажут-то меня, — Капрал улыбаясь, с интересом смотрел на Колю.

— Потому что все диктаторы. Даже такая маленькая козявка. Каждый хочет, чтобы все жили только по его правде. Все такие справедливые! И каждый вякает: я! я! я! Ну хоть бы один от своего Я отказался!..

Лицо Джаваншира.

Взгляд без мысли. Улыбка.

Он наклоняется к привязанному Толику.

У Толика пересохшие, запекшиеся коркой губы. Он пытается что-то сказать, но звуки невнятные.

Джаваншир смотрит Толику в глаза. Их лица почти соприкасаются. Джаваншир приблизил свое ухо к губам Толика. Толик издает невнятные звуки.

Джаваншир улыбается, отходит от Толика, идет к бачку с водой, наливает в алюминиевую кружку воду до краев. Несет кружку. Вода чуть расплескалась. Джаваншир возвращается и доликает воды, несет, опять расплескивает и опять возвращается. И так много раз...

Из палаты выходит, танцуя кавказский танец, Гитлер. За ним выходят Сталин, Ясно-видящий и его приятель. Они имитируют музыкальные инструменты.

— Нет, дарагой! — восклицает Сталин. — Здесь ты не прав! В этом месте ты делаешь ошибку. Смотри, как надо, — и он вдруг запел красивым, сильным, молодым голосом и прошелся в танце по коридору, возвратился в танце, а навстречу ему танцуя двинулся Гитлер, и они оба, дойдя до Джаваншира, стали танцевать, кружиться вокруг него.

А Джаваншир, сосредоточившись на кружке с водой, улыбаясь, глядя только на кружку, держа ее осторожно в ладонях, нес Толику воду.

Он дошел до Толика и, наклонившись, стал вливать воду ему в рот. Толик стал захлебываться, отвернул голову, но Джаваншир взял его за подбородок и продолжал вливать воду.

Сталин и Гитлер танцевали кавказский танец. Вышел из палаты Сценарист, присоединился к ним. Стали танцевать Ясно-видящий и его приятель.

Вбежал Профессор, влез в середину и стал танцевать вприсядку. Тогда больные положили друг другу руки на плечи, образовав круг, в середине которого пляшущий Профессор.

Подходили другие больные, круг танцующих увеличился.

Джаваншир носил воду и вливал ее в Толика.

Джаваншир вливал воду в рот Толику,

а мимо в кавказском танце, прихлопывая в ладони, проплывали больные.

Вода лилась Толику в рот. Но он уже не глотал воду, он захлебнулся, он был мертв.

Вода лилась на его лицо, на глаза...

Танцевали больные.

В коридор вошли Капрал и Коля.

Увидев танцующих больных, Капрал сам стал прихлопывать в ладони, а больные проплывали мимо него, и Капрал сам пошел в танце по коридору. Это было забавно.

Вошла Света и, увидев танцующего Капрала, засмеялась, согнувшись пополам.

Капрал дотанцевал до Светы и, семеня ногами перед ней, пригласил на танец. Света вошла в круг и стала танцевать. Лебедь белая.

Коля смотрел на все это, иронически скривив губы, потом кривляясь захохотал. Капрал оглянулся на него и затанцевал еще более лихо.

Коля иронически улыбнулся, прошел к койке, лег на нее, смотрит на танцующих.

Потом отвернулся — напротив лежит мальчик тринадцатилетний, свесившись головой вниз и смотря не мигая вдаль...

Мальчик шел по улице, держа за руку сестренку лет пяти. Они проходят мимо толстой женщины, которая несет тумбочку, идут рядом с ней, смотрят на нее.

Женщина остановилась, поставила тумбочку, отдувается. Она смешная.

Мальчик говорит:

— Хотите, я помогу?

— Помогите, деточка, помогите... — и причитания насчет своих болезней.

Мальчик взвалил тумбочку на плечо.

Они вошли в подъезд старинного дома, поднялись по лестнице на первый этаж, вошли в квартиру. В прихожей темно. Вошли в комнату. Комната просторная, потолок высокий. В комнате не прибрано. Посредине комнаты круглый стол. Старый, разошедшийся. Когда женщина оперлась на него обеими руками, он заскрипел, зашатался. Грязная посуда на столе задребезжала. Со стола упала серебряная рюмка, стала кружиться на одном месте и дребезжать. Звук мелодичный, долгий. Диван застлан несвежим бельем. Возле дивана стул. На его спинке висит халат изумительной расцветки и на сиденье изящный предмет. Под стулом валяются старинные книги.

Женщина сказала:

— Вот так и сдохну, и никто не заметит.

— Куда ставить?

— А вот туда, милый.

Мальчик поставил тумбочку в указанное место, спросил:

— У вас можно воды?

— А сходи на кухню.

Девочка схватила за руку брата, и они пошли на кухню. Мальчик пил воду, девочка держалась за его руку.

— Ты чо, боишься? — спросил мальчик.

— Не боюсь.

— Тебе здесь страшно? — спросила женщина.

Мальчик и девочка обернулись, увидели, что в дверях кухни стоит женщина.

— Трогательная у вас сестра, — сказала женщина.

— Дайте пройти.

— Уже уходите?

— А чо нам тут делать?

— Да. Правильно... У меня пирожные есть.

— Я не хочу, — сказал мальчик.

— А ты хочешь пирожное? Как тебя зовут? — спросила она девочку.

— Дайте пройти, — сказал настойчиво мальчик.

Женщина неуклюже повернулась и прошла в комнату, села на диван и заплакала.

Мальчик и девочка остановились, смотрят на нее. Мальчик сказал:

— Давайте ваши пирожные.

Женщина продолжала плакать.

Мальчик тронул ее за плечо, сказал:

— Давайте ваши пирожные.

Женщина подняла голову, шмыгнула носом, сказала:

— Да я не обижаюсь. Просто все... — Она встала, пошла на кухню. Она была толстая и тяжело, неуклюже передвигалась.

Она принесла пирожные. Четыре штуки. Они липкие.

— Спасибо, — сказал мальчик.

Девочка сказала:

— Спасибо.

Женщина заморгала, всхлипнула.

— До свидания, — сказал мальчик.

— До свидания.

Женщина выпустила их из квартиры. На лестничной площадке мальчик обернулся, увидел, как тихо и медленно затворяется за женщиной дверь.

Мальчик и девочка вышли на улицу. Мальчик сказал девочке:

— Выбрось в урну.

Девочка пошла к урне. Мимо проходили два пятнадцатилетних мальчика. Один из них выхватил у девочки пирожные. Брат девочки догнал его. Началась драка. Второй мальчик схватил палку, ударил девочкиного брата по голове. Тот упал, запрокинулся...

Все танцуют.

Джаваншир льет воду на Толика.

Света устала танцевать. Смеясь повисла на Капрале, потом закричала:

— Все! Все! Кончаем! Все идут получать

белье! За бельем! Быстро! Кто не слушается, буду сурово наказывать! Все получают белье...

Больные пошли в столовую, следуя за Светой. Коридор пустеет.

Капрал сказал Коле:

— Чего лежишь? Иди белье брать.

Коля встал, не спеша пошел.

Капрал проходит мимо Джаваншира, остановился, потрепал его по волосам, потом вдруг резко оттолкнул, склонился к Толику, смотрит на Толика, потрогал пальцами его глаза.

Подошел Коля, смотрит на Толика, потом посмотрел на Капрала.

Капрал смотрит на Колю.

Коля улыбнулся, повернулся, пошел к двери и вдруг стал танцевать кавказский танец. Танцую, вошел в столовую, где Света выдает белье, взял Свету одной рукой за талию, увлек в танец, провел по кругу, вернул ее на прежнее место, взасос поцеловал.

К нему танцую подошли Сталин и Гитлер. Они, положив руки на плечи Коле, стали с ним танцевать.

Бросив их и продолжая танцевать, Коля остановился перед Светой, вытянув руки перед собой. Света положила на его руки комплект белья.

Танцую Коля вошел в коридор, протанцевал мимо Капрала, положил белье на койку и, перестав танцевать, развязно крикнул:

— Эй, Капрал! Может, развязать Иисуса Христа? Пусть воскресит трупешник!

Капрал молчал, в транс смотрел тупо на Колю.

— Джаваншир! Ко мне! — крикнул Коля.

Джаваншир подбежал к Коле. Коля погладил его по голове, сказал:

— Благодарю за службу. Ух ты мой маленький, — Коля стал чесать Джаваншира под подбородком. — У-тю-тю-тю-тю... Развяжем Христа, Капрал? — Коля, виляя всем телом, вдруг шустро засеменил к Капралу, стал говорить шепотом, очень быстро: — А можно в морг сплавить, на препараты. Студентам. Кому ручку, кому ножку. У тебя же есть кореша в морге. Ну есть же? Есть. Никто не узнает. Тайна. Глубокая тайна. А может, Христа развяжем? Пусть воскрешает. Ну правда. Чего он сачкует? Вот гнида! Да? Правда, гнида? Правда? Джаваншир! Развяжи Христа. Свободу Иисусу Христу! Да здравствует воскрешение из мертвых! Капральчик, ну скажите хоть слово. Ка-а-апра-а-альчи-ик...

Мимо, величаво ступая, проходит Державин, неся белье. Коля схватил его за рукав, сказал:

— Эй, вельможа. Подь сюда. Расскажи, как ты крестьян вешал.

— Однако как ты смеешь мне говорить грубости? Я за это подам на тебя жалобу,

расслаблю тебя человеком неблагонамеренным.

— Смею ли я говорить вам грубости, когда ваш характер я столь же уважаю, как ваш ум. Я только осмеливаюсь просить вас поведать о той поэтической минуте, когда вы вешали мятежников. Нашему уважаемому Капралу будет полезно вас послушать, — Коля сделал широкий жест рукой в сторону Капрала и повернулся к нему.

Но Капрал уже выходил в столовую.

Коля, вихляя, побежал не спеша за Капралом.

Пробежал мимо Светы, выдававшей белье, вошел в комнату для санитаров, где Капрал, сняв телефонную трубку, набирал номер.

Коля нажал на рычаг телефона, сказал: — Еще можно что-то сделать. Никто не знает...

— Слушай, пацан, займись своими делами, — прошипел со злостью Капрал.

— Я никому не скажу. Я тебя уважаю. Честно, — быстро заговорил Коля. — Просто обидно, что ты меня под зад ударил. А что, нет? Если бы тебя ногой ударили...

Капрал волок Колю за шиворот из комнаты.

Коля говорил:

— Ну чо ты на меня злишься? Я же тебе все простил...

Капрал вытолкнул Колю из комнаты, закрыл дверь.

Коля пошел по коридору.

Сел на корточки, прислонившись спиной к стене, смотрел, как больные застилают постели.

Профессор поднес наволочку к носу, стал ее обнюхивать, побежал из палаты в столовую.

Навстречу Профессору трусцой бежал Джаваншир. Он добежал до Коли и сел перед ним на корточки.

Они смотрели друг на друга.

Коля хлопнул ладонью Джаваншира по лбу, сказал:

— Дурак.

Джаваншир, не удержав равновесия, упал на спину, потом заплакал и побежал на четвереньках в палату и забился под кровать.

Мимо Коли прошел Капрал. Он нес постельное белье.

Коля смотрел вслед Капралу.

Через некоторое время встал, пошел в ту палату, в которую вошел Капрал.

Коля вошел в палату.

Капрал отвязывал больного по прозвищу Иисус Христос. Больной спал.

Коля присел на соседнюю койку, стал смотреть.

Капрал поднял больного, взвалил его на плечо, сказал Коле:

— Постели ему постель.

Коля резко сдернул с матраца простыню. Взял новую, развернул. Став стелить свежую простыню, несколько раз взмахнув ею.

Вошел в палату, игриво стесняясь, Державин, принял позу и заговорил:

— Вообрази, мой друг, все, что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Утро прекрасное. Кажется, природа обновилась. Все твари веселее. Да, веселье возрождается в душе моей. Настал приятный час...

Капрал с больным на плече и Коля установились на Державина. Тот продолжал:

— Всех жителей мужского и женского пола согнали на близлежащую гору. Священнослужителям приказано облечься в ризы. Пушку, заряженную картечью, навели на толпу. Двадцать гусар с обнаженными саблями разъезжали вокруг, чтобы рубить всякого, кто захочет бежать. На осужденных надели саваны, дали им в руки зажженные свечи и при погребальном звоне привели к месту казни...

— Пошел, козел, отсюда,— сказал Коля и пошел на Державина. Державин побежал по коридору. Коля за ним и вдруг остановился.

В коридор вошли два санитары с носилками.

Коля смотрел, как они отвязывали Толика. Вышел с больным на плече Капрал. Стоит в двери палаты, смотрит на санитаров.

— Тебя главврач вызывает,— сказал один из санитаров.

Капрал вернулся в палату, положил больного на койку. Пошел за санитарями.

Коля пошел рядом с ним, сказал:

— Я на тебя не обижаюсь. Ты веришь?

— И ты меня прости.

— Я не знаю, как получилось. Ну характер такой. Ты не обижайся.

— Оставь меня. Я не обижаюсь.

— Не обижаешься?

— Нет. И хватит. Все.

Коля остановился, смотрит вслед Капралу, видит, как все выходят.

Коля пошел по коридору, присел на корточки у бачка с водой, смотрит, как больные заправляют постели.

Подошел Сценарист, протягивает пачку сигарет, сказал:

— Курить будешь?

— Чего надо? Чего пристал?

Сценарист пошел прочь.

Коля догнал его, сказал:

— Постой. Извини. Не обижайся. Поговори со мной. Что хочешь спрашивай. Бесплатно. Ну поговори.

— О чем?

— О чем хочешь.

— ...Капрал говорил, что ты террорист.

— А-а-а, это чтоб начальников убивать?

Это треп. Это я трепался. Зачем убивать? — говорил Коля возбужденно.— Разве приятно, когда тебя убивают? Вот разве тебе приятно будет? — Коля стал хватать Сценариста за горло.

Сценарист отталкивал Колины руки.

— Видишь, неприятно, правда? Ты попробуй. Не бойся...

Сценарист оттолкнул Колю, сказал:

— Ты можешь без рук? Я к тебе навязывался? — Он хотел уйти, но Коля забежал вперед, стал говорить:

— Не буду. Я хотел, чтоб понятней. Я к тебе не прикоснусь. Даже ни чуть-чуть. Прости. Я же вижу. Ну давай тут сядем. Поговорим,— Коля потянул Сценариста за рукав.

— Убери руки.

— Больше не буду. Ты же про людей пишешь. Тебе же надо про них знать. Вот смотри. Я не террорист. Я самоубийца. Вот смотри. Ну давай сядем.— Коля присел на корточки, прислонился к стене, смотрит на Сценариста.

Тот подумал и присел рядом с Колей.

Коля сказал:

— Давай спокойно. По порядку. Я — самоубийца. Так? Хотел повеситься. Родители у меня нормальные. Вообще у меня все в порядке. Там девочки, шмотки, комплексов нет. Все нормально...

В это время к бачку подошли Профессор и Василий Петрович.

— Привет, Петрович,— сказал Коля.

— Здравствуй, Коля.

— Курить будешь? Сценарист угощает.

— Неудобно.

В это время Профессор, набрав воды в кружку, сказал:

— Какая мерзость пить из одной кружки.— Он отпил воды и передал кружку Василию Петровичу.

Василий Петрович стал пить, Профессор говорил:

— Прискорбно, что люди умирают от нарушения простых законов жизни. Наш мир — это мир мужчин и женщин, которые прекрасно образованы в области позитивных знаний, то есть знаний, которые не связаны с человеком и природой,— он взял Василия Петровича под руку.— Они обладают огромной информацией о множестве вещей, но только не знаниями о самих себе,— он повел Василия Петровича, говоря: — Можно быть Эйнштейном в математике и болеть несварением желудка...

— Он правильно говорит,— сказал Коля Сценаристу.— Люди ничего о себе не знают. Я как раз это хотел сказать тебе. Только немного не так. Вот смотри. Никто не знает, для чего существует человечество. Просто мы появились и живем. А для чего мы нужны, никто не знает. А если мы не

знаем, для чего мы появились, ну конечная цель, то как можно знать, правильно мы живем или нет? Каждый живет так, как ему удобно. Понимаешь?

— То есть каждый может делать все, что хочет?

— Не то! Человек никогда не полюбит человека. Я не имею в виду за добрые дела или сексуальные таски. Вот просто за то, что человек есть человек. Не дерево, не птица, а человек,— Коля замолчал.

— Из-за этого ты хотел повеситься?

— А что, из-за этого нельзя повеситься?

— Я бы не стал.

— А я разве вешался?

— Ты же сам говорил.

— Да ты чо? Разве я дурак?

— Слушай, я думал, ты интересней.—

Сценарист встал и пошел прочь.

— С тебя две сигареты! — крикнул вдогонку Коля.

Потом посмотрел на Джаваншира. Тот смотрел на Колю, загораживая свое лицо растопыренной пятерней. Он все еще был под койкой.

Лицо Джаваншира перекрыли ноги: это выходил из палаты больной по прозвищу Иисус Христос. Он прошел в комнату для санитаров.

Света, увидев его, сказала:

— Ты сейчас кто?

— Смирнов. Витя.

— Опять хочешь, чтобы я письмо передала?

— Да.

— После ужина. Мне за чаем идти надо.

— А записку?

— Если успеешь,— Света взяла ведро и стала его мыть.

Смирнов Витя сел за стол и стал торопливо писать записку.

Света вышла в столовую, подошла к двери коридора и крикнула:

— Коля! За старшего остаешься! Я за чаем пошла. Понял?

— Понял!

Света вернулась в комнату для санитаров, спросила:

— Написал?

— Да,— Витя протянул Свете сложенный листок бумаги.

Света закрыла дверь комнаты и пошла с ведром к выходу. Витя Смирнов пошел в коридор. Проходя мимо Коли, стоявшего у окна, он улыбнулся и остановился, глядя на Колю, сказал:

— Здравствуй, Коля.

— И прощай.— Коля отвернулся к окну.

Мимо окна прошла Света с ведром, пошла по зеленой траве. Ее догнал молоденький санитар, уцепившись за зад. Света погналась за ним, стараясь ударить ведром. Они бегали по траве. Прибежала маленькая собачонка, стала за ними гоняться. Потом они устали. Стоят друг перед другом, смеются и тяжело дышат.

К ним подошла молоденькая санитарка. Стала весело что-то рассказывать.

Потом Света вынула из кармана записку, стала читать. Все трое сблизили головы, глядя на записку.

Света читала:

— «Киска моя, теперь все испробовано — ничто не помогло. Для меня все кончено. Одна только потребность чувствуется: поскорее торопиться к тебе, туда, где ты, весь наш домашний быт, где было столько любви, где все так живо. Так полно тобой... Начинает смеркаться, и я вынужден кончить. Я ощущаю те же сумерки во всем моем существе, и все впечатления доходят до меня подобно звукам удаляющейся музыки. Хорошо или плохо, но я чувствую, что достаточно пожил, равно как чувствую, что в минуту моего ухода ты будешь единственной живой реальностью, с которой мне придется распрощаться».

Коля отвернулся от окна. Он улыбается. Джаваншир, увидев, что Коля улыбается, тоже улыбнулся и сказал тихо и радостно:

— Хозяин,— быстро вылез из-под койки и побежал к Коле.

Коля побежал ему навстречу.

На середине коридора они встретились и обнялись.

1990 г.

ТРАВА МОЯ ЗЕЛЕНАЯ

Утро.

Полугород-полусело. Райцентр.

Колхозный двор.

Из коровника вышел пьяный скотник. Он возмущен.

Залаяла собака.

Скотник поднял камень, бросил его в собаку. Собака отбежала. Залаяла сильнее.

Скотник поднял другой камень, побежал за

собакой, замахаясь для броска, споткнулся, упал в отстойник, утонул.

Только шляпа осталась на поверхности жижи.

Из коровника вышла доярка, оглянулась по сторонам, крикнула:

— Ива-а-ан!.. Ива-а-ан!.. Ванька, где ты?!

Крича, она дошла до отстойника, заметила шляпу.

— Вот зараза! — И стала вытаскивать шляпу палкой.

Мимо доярки проходила старуха с узелком. Старуха сказала:

— Здравствуй, Машка.

— Здоров, баб Тася. Ивана-скотника не видела?

— Не видала.

Баба Тася шла, мурлыча песенку.

Она подошла к огромному зданию клуба, постучала в окно, занавешенное черной шторой. Штора отодвинулась, выглянул мужчина лет сорока.

Баба Тася пошла ко входу в клуб.

Дверь открылась, и мужчина впустил старуху, улыбаясь, сказал:

— Доброе утро, баба Тася.

— И тебе доброе утро. Как спал?

— Хол-лодина в этом склепе. Ва-ай!.. На хрена вы себе такой громадный клуб отгрохали? Дом циклопа! Лучше бы деньги между собой поделили, — шутливо говорил мужчина. — Да еще на болоте! В подвале воды по колени. Через пару лет это все навернется.

Они вошли в комнату с кафельным полом и кафельными стенами. В одном углу стоял металлический оцинкованный стол. На нем фотоувеличитель, фотобачки, фотованночки. В другом — сдвинутые друг к другу сиденьями стулья. На них разостлана постель.

— Меня, што ль, спрашивали? А мне и не плохо. Так бы где работала? А тут пол подмету — семьдесят рублей дают.

— А вы говорите, что у нас плохое государство! А оно бабе Тасе кусок хлеба дало. На старость.

— Доболтаешься ты, Серега.

— Так сейчас же не сажают.

— А береженого Бог бережет.

С улицы послышались крики.

Сергей открыл окно, выглянул на улицу — вдали, у одного из коровника, мужик лупил рукояткой вил парня. Девушка хватала мужика за руки, мешая бить парня.

— Опять Ваньку бьют, — сказала баба Тася. — Кобелина. У Ваньки весь род такой. Что отец, что дед — все с придурью...

— Это называется загадочный русский характер. Такая мятущаяся душа. Ну и правильно, что бьют. — Сергей отошел от окна, стал запихивать постель в шкаф.

— А я тебе блинчик принесла.

— Да что вы каждое утро носите?!

— Ты бы, Серега, женился. Вон у меня Клавка — дома на печи лежит. Заглянул бы когда.

— Оно мне надо? Я свои три года по обязательке отработаю и в город.

— Не хочешь жениться — хоть бы внучка мне завели. А я мешать не буду. Я в другой комнате лягу. Или у тебя здесь заночую. А девке полезно для здоровья. И тебе вы-

годно. — Баба Тася поставила ведро в раковину, открыла кран.

— Пусть в город едет. Может, замуж выйдет.

— А я как останусь? На хозяйстве одна и сделать ничего не смогу. Ни согнуться, ни разогнуться.

— О-ой! — Сергей потянулся. — Проблемы, проблемы, проблемы. — Сергей снял ведро с раковины. — Пора вам, баба Тася, уборку делать.

В комнату вошла жизнерадостная девка, сказала:

— Здоров, Серега!

— Здоров, Клавка!

— Ты свинье дала? — спросила баба Тася.

— Да навалила ей! Жрет, аж чавкает!..

Ногу чо-то занозила. — Клавка сняла туфлю, стала осматривать ступню. — Не вижу. Неудобно. Серега, ты посмотри!

Сергей взял Клавкину ногу, погладил.

Баба Тася взяла ведро, швабру и вышла из комнаты.

Серегина рука скользнула вверх по ноге.

— Ая!

Клавка ойкнула и рассмеялась:

— Дурной! Так заикаться начну!

— Чего ночью не пришла?

— А что, очень соскучился?

— Ну не о-о-очень, но...

— Ой, врушечка! Какой же врушечка! — Клавка прижалась лбом ко лбу Сереги.

Резкий собачий лай.

Серега и Клавка вздрогнули, обернулись — за окном стоял и лалял парень лет двадцати пяти — тот, которого бил мужик. Перестал лаять, улыбается. На губах кровь. Спросил:

— Серега, что есть для дезинфекции?

— А что ты в это время суток употребляешь?

— Как что?! Водку!

— Есть! Но дам сто грамм! Тебе на работу. Ты у нас труженик, кормилец земли русской.

— А то нет. Не ты же землю пашешь.

— Я сеятель на ниве культуры. — Сергей подал стакан Ваньке, блинок. — А на этой ниве совсем иные плоды произрастают.

— А кто это тебе с утра морду надраил? — спросила, подойдя к окну, Клавка.

— Ванька Косой. Дочку свою сохраняет. Совсем спаскудился.

— Ага, бросил с тобой пить — так уже и спаскудился, — сказала Клавка.

— А я его Машку все равно трахну, потому что она меня любит. Я ему еще сделаю пугачевское восстание. Капитанскую дочку. Серега, читал «Капитанскую дочку»? Пушкин написал.

— Давай, Ваня, тебе на работу пора.

— Ну читал?

— Я, Ваня, и не такие книжки читал.

— Ну Пушкина читал?

— Читал, читал.
— Вот я ему и сделаю пугачевское восстание.

— Он тебе что, жить мешает?!
— А все равно сделаю.
— Не приведи господь увидеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный.

— А ты что, не русский?
— Русский, русский.
— Ваня, опять пьешь, — сказала подошедшая девушка, та, которая защищала Ваньку, когда его бил мужик.

Ванька обернулся, сказал девушке:
— Тебя не спросили. — Ванька выпил. — А может, еще, Серега?

— Вань, не надо, — попросила девушка. — Пойдем, — она взяла его за рукав.

— Чо, Машка, любишь меня?
— Пойдем, Ваня.
— Дашь — пойду.
— Тю! Дурной! — Клавка ударила тряпкой Ваньку по голове.

Прикрыв голову, Ванька отскочил, засмеялся:

— Чего ревнуешь, Клавуня?
— Ты чего девку позоришь? А ты нашла, с кем любовь крутить, — сказала Клавка. — Он тебе детей настрогает, а потом всех вас пропьет.

— А Машка все равно меня любит.
— Ваня, пойдем.
— А ты скажи — любишь меня?
— Пойдем.
— А ты скажи.
— Ты сам знаешь.
— А я хочу, чтобы они тоже знали.
— Вот тварюка! Что вытворяет! — сказала Клавка. — Серега, хоть ты ему дай по мозгам.

— Давай, Ваня, вали на работу.
— А пусть она скажет.
— А мне зачем это знать?
— Ну пусть скажет.
— Да иди ты на хрен! — Сергей стал закрывать окно.

Ванька ухватился за угол рамы.
— Пусти.
— Ну пусть она скажет.
— Пусти!

Клавка ударила Ваньку тряпкой. Ванька отскочил. Сергей закрыл окно, сказал раздраженно:

— Ка-а-азел!
— А ты его больше приваживай. Водочки ему. Мамашины блинчики...

За окном видно, как Ванька обнял Машу за плечи и они пошли прочь.

— Ладно, все! Гуляй!
— Да нужен ты мне!
— Ну и хорошо. Иди, мой свои полы.
— Муда-а-ак. — Клавка повернулась и ушла.

Сергей спрятал бутылку, развел руками,

сказал:

— Мда-а... пришел Ванька... Но ничего, и это пройдет.

Сергей вышел из комнаты, пошел по коридору.

— «Отче наш, Иже еси на небесах! — говорил он. — Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. — Он завернул за угол — спиной к нему, наклонившись, Клавка моет ступеньку лестницы. — И остави нам долги наша... — Он хотел обойти Клавку. Клавка переместилась, мешая пройти. — ...Якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...» Разрешите, пожалуйста, пройти.

— А подождете! — Клавка продолжала мыть лестницу.

— Клава, прости меня! — дурашливым голосом вскричал Сергей. — Я больше никогда не буду! — Он ушипнул ее за бок.

Клавка взвизгнула, выпрямилась, замахнулась тряпкой. Сергей побежал по коридору. Клавка — за ним.

Они вбежали в зал, взбежали на сцену. За кулисами запутались в лежащем на полу заднике, упали, барахтались, смеялись.

— Серега! — послышался звонкий мужской голос. — Серега!

Они замерли.
— Серега!
— Пришло начальство. — Сергей встал. — А ты не спеши. Тихо, тихо, тихо... — Он на цыпочках пошел к выходу, вышел в коридор.

На втором этаже тот же голос:
— Серега! Серега!
— Чего-о?!
— Зайди ко мне!
— Иду! — Сергей поднялся по лестнице.

На втором этаже у кабинета парень лет двадцати пяти в отлично сшитом костюме открывает ключом дверной замок. На двери табличка: «Заведующий районным отделом культуры». Парень, открывая дверь, спросил:

— Где пропадаешь? — и вошел в кабинет.
— Здравствуйте, Олег Вадимович, — говорит Сергей, входя в кабинет.

— Где пропадаешь? Почему я орать должен? — парень уселся за стол, посмотрел на Сергея.

— Да в туалете задержался.
— Чего ты врешь? В туалете воды по колени, а у тебя ноги сухие.

Помолчали.

— Тебе сорок лет, а ты все пацанизмом занимаешься... Вот интересно — через десять лет тебе будет пятьдесят. Карьеры уже не сделаешь. Здесь ты не задержишься — это точно. В других местах, как я понимаю, тебя не ждут. В лучшем случае дадут общагу. На пенсию выйдешь — из общаги попрут.

Куда? Под забор. А ты все в пацана играешь.

Опять помолчали.

— Или в тюрьму попадешь. Из райкома требуют фотографии передовых доярок. Пойдешь к председателю, спросишь, кого фотографировать. Через три дня фотографии должны быть на этом столе. Все, свободен.

Сергей вышел из кабинета.

Парень продолжал сидеть за столом. Потом выдвинул ящик стола с одной стороны, потом с другой. Некоторое время выдвигал и выдвигал ритмично, попеременно ящики. Встал, вышел на середину кабинета, стал наносить удары по воздуху, подражая каратисту. Замер. Прошел к окну. Смотрит в окно. Видит, как возле одной из изб остановился автобус. Из автобуса вышли музыканты с духовыми инструментами. Музыкант с ударными тарелками был пьян. Дойдя до калитки, он упал. Его стали поднимать.

Занесли пьяного музыканта в автобус, положили на скамейку, стоящую вдоль окон.

Вышли из автобуса. Один из музыкантов, пожилой, крикнул:

— Серега! Иди сюда!

Сергей подошел к автобусу.

— Привет!

— Привет!

Пожали друг другу руки.

— Серега, постучи в тарелки.

— Не получится.

— Заплатим.

— Мне председателю ловить надо.

— Успеешь.

— Куда успеешь?! Она сейчас заведется — где потом ее искать?

— Такой ты друг?

— Я тебе когда отказывал?

— Ну прошу тебя.

— Я тебе когда отказывал?

— Ну хоть до конторы постучи. Все равно туда идешь.

— Ну, мать твою, как твои дела делать, а мои дела...

— Серега, — музыкант обнял Сергея за плечи. Сергей сбросил руку, сказал: — Ну почему все всегда требуют, чтобы их дела делали, а как я хочу...

— Так мир устроен, — музыкант засмеялся, снова обнял Сергея за плечи. — Серега, ну до конторы, все равно туда идешь. Ну выручи. Ты же свой мужик. Мы тебя уважаем. Ты для нас — как все равно здесь родился. Тебя кто-нибудь обижал хоть раз? Ну стал бы я чужого просить? Ты же меня знаешь. Я тебя когда обманывал? Тебя здесь все уважают. Знают, что Серега никогда не откажет. Ты, Серега, человек... — И, ласково уговаривая, обнимая за плечи, довел Сергея до избы.

Они вошли в избу.

Убогое жилище.

Посреди комнатухи — гроб со старичком-покойником, четыре старушки, дряхлый священник, четыре мужика.

— Вынесите, — сказал музыкант.

Четыре мужика подняли гроб.

Бабушки запричитали.

Гроб вынесли из избы.

Автобус тронулся, процессия пошла за гробом.

Сергей громыхал тарелками.

Автобус переехал лужу, прибавил ходу, оторвался от процессии.

Провожающие обходили лужу.

Из коровника выглянула доярка, перекрестилась. Замычали разноголосые коровы.

Сергей стучал тарелками. Бухал барабан. Раздувая щеки, дули в трубы музыканты.

Старушка, причитая, вскидывала ритмично руки и на вопле ударяла в ладони.

Самосвал проехал по луже, обрызгав священника. За рулем сидел откормленный мужик средних лет. Ехал рядом с гробом, рассматривал покойника. Насмотрелся — уехал.

Сергей увидел, как из здания, в котором находится правление колхоза, вышли две женщины. К ним тут же подъехал «газик», остановился рядом. Женщины беседовали.

Сергей сказал барабанщику:

— Возьми.

— Во что? В зубы?

— Ну а куда? Председательша уедет.

— Да идем с нами.

— Я их сейчас брошу.

— Ну отдай бабке.

Сергей сунул тарелки старушке. Старушка, продолжая всплескивать руками и причитать, пошла, громыхая тарелками, впереди оркестра.

Сергей подошел к двум беседующим женщинам, остановился неподалеку, почтительно подождал, пока одна из них перестала говорить.

Женщина лет сорока пяти с волевым выражением лица говорила другой:

— ...А разве мне не горько? Вы думаете, мне людей не жалко? Я ж сама с крестьянской семьи. Мать всю жизнь в колхозе горбатилась. С зари до зари. Она тут годы и годы дояркой работала. А вы знаете, что такое доярка? И днем и ночью в коровнике. И детей еще накорми, и постирай. Отец с войны инвалид пришел. За ним ходить тоже надо. А он еще стал пьющий. Но я же с деревни не побежала. Сама дояркой работала...

— Поэтому я и удивляюсь, что вы против аренды, — встала своею другая женщина.

— Вот вы, корреспонденты, все переначиваете. Я ж не так говорила. Я не против аренды.

— Вы сказали, что закон об аренде не решает аграрных проблем.

— Я сказала, что я не уверена. Не увере-

на, что в нашем колхозе. А что я против, я не говорила. Вы это не пишите.

— А почему вы не уверены?

— А вы раздайте колхоз частникам. Знаете, что получится? Правды не будет. Одна несправедливость.

— Не понимаю.

— Да половина крестьян по миру пойдет, уже одной техники не хватит. А хоть комбайны теперешние — куда вы денете? Они же на большие площади рассчитаны. А с пенсионерами что делать? А пьяницы? Вы с них арендаторов делаете? Да их даже в батраки не возьмут. А те, кто батраками станут? Это будет социализм? Это справедливость будет? Чтоб аренду делать, другой народ родиться должен. Моя мама как работала? Без разговора. От темна до темна. За палочки. За трудовни. А сейчас за деньги не хотят. Потому и нищие. Вот хоронят, а деньги колхоз дал. Музыкантам заплати. За автобус заплати. Работают, как хотят. И ничего с ними не сделаешь. Из-под палки работают. И пьяницы. Это вам с города все по-умному кажется. Вот лоботряс стоит, — она показала на Сергея. — На нем землю пахать, а он в клубе пригрелся. Танцы крутит. Фотографии фотографирует. Вот его разоблачайте. Сидят на шее у крестьянства. А тебе надо?

— Здравствуйте, — сказал Сергей. — Есть приказ передовых доярок сфотографировать.

— Кто сказал?

— С райкома. Фамилии дайте.

— Вот. Слово «дайте» знает, а «пожалуйста» не выучил.

— Пожалуйста.

— Ой, погоним мы тебя отсюда.

— Кого фотографировать?

— Дуську Смолякову. Егоровну. Анька Павлова. Варька Дубинина. Машку Варакину не фотографируй. Надю Пустову. Вот безотказная труженица, — обратилась она к корреспондентке, — вы про нее напишите. Он вам покажет, потому что мне сейчас в райком надо. — Она полезла в «газик».

— Я хотела бы с вами еще...

— А давайте после обеда. В три часа. А вы пока все посмотрите. Я от вас ничего не прячу. И с людьми про аренду поговорите. Они вам лучше меня скажут. — Она хлопнула дверцу.

Машина уехала. Сергей и корреспондентка смотрели ей вслед.

Корреспондентка, молодая, симпатичная девушка, спросила Сергея:

— А вы как к аренде относитесь?

— А никак.

— Вас это совсем не интересует?

— Не интересует. Я веду аскетический образ жизни. Мне кусок хлеба и три литра воды в сутки хватает. А остальная еда — разврат. Особенно мясо животных. Ведь их уби-

вать надо. То есть становиться убийцей. А перед этим еще и откармливать.

— Вы, наверное, верующий?

— Если в Бога, то нет.

— А во что вы верите?

— В то, что мы все умрем.

Поодаль проходила доярка со шляпой в руке. Остановилась, закричала:

— Серега, Ивана-скотника не видел?

— Нет!

— Пропал с утра, зараза! Одна шляпа осталась! — Она не знала, куда идти, топталась на месте.

— Но смерть... Это даже не требует доказательств. Это не вера. Это знание.

— Значит, я не верующий, а знающий.

— С вами интересно говорить. Только, мне кажется, вы все шутите. Но вот серьезно, как вы к аренде относитесь?

— Я же сказал: если люди будут есть столько, сколько нужно для здоровья, то еды очень мало нужно.

— Но аренда это не только еда. Это еще... ощущение себя свободным человеком. Не рабом...

— Серега, спички есть? — К ним подошли два мужика с корзиной. В корзине мясо, на мясе — ножи.

Сергей протянул спички.

Доярка крикнула:

— Николай, Ивана-скотника не видел?!

— Не видел! — Стал прикуривать, разглядывая корреспондентку, спросил: — Вы корреспондентка будете?

— Корреспондентка, — мило ответила девушка.

— А чего это?.. Будете про нас писать?

— Про вас. И про аренду. Я с вашим председателем уже беседовала про аренду. А вы как относитесь к аренде?

— Нам спешить надо.

— Но ведь это же вас затрагивает. Вы же не можете...

— А вы Сергею спросите. Нам спешить надо. — Они подняли корзину и пошли. Доярка пошла им наперерез.

Сергей склонился к уху корреспондентки и быстро заговорил:

— Вы зря про председателю сказали. Вы их догоните. Это интересные люди. И при мне зря спросили. Они вам все скажут. Наедине. А меня еще увидите. Я в клубе работаю. Вы их догоните, а то они вас забудут.

— Я к вам зайду, обязательно. — Корреспондентка поспешила за уходящими.

Сергей охватил грудь руками, вздохнул, улыбнулся, пошел к клубу.

Корреспондентка догнала мужиков. Они остановились, некоторое время общались, но видно было, что колхозники отнекиваются. Потом они пошли своей дорогой, и корреспондентка осталась одна среди простора колхозной усадьбы. Маленькая, одинокая.

Скорчившись на ступеньке широкой лестницы, сорокалетняя уборщица со странным лицом забавляла камнем гвоздь в швабру. Приговаривала:

—...Ну да. Ломать швабры — так всякий. А чинить — так Валя. Конечно, Валя — дура! Пусть себе чинит. Другие ломают — Валя чинит. Ломают — чинит. Валя — дура. Валя — чинит. А что, нет? Или я буду ждать человеческого человека? Ломают — чинит Валя...

Уборщица поднялась по лестнице и через массивную дверь вошла в съемочный павильон.

В павильоне сорокалетний режиссер-постановщик назойливо объяснял:

— ...Все должно быть энергично! Энергично! Мне нужна кишашая масса тел! Они переплетаются, скользят друг по другу...

Уборщица пошла вдоль стены, громко удивляясь:

— И тряпку украли. Вот только что здесь лежала...

К уборщице подскочила помощница режиссера, завязала дурацкий спор.

Режиссер сказал ассистентке:

— Я выйду на пару минут.

Он вышел из павильона. Остановился на площадке. Вниз ведет широкая лестница. Неподалеку от лестницы стоит грузовик. Рабочий сбросил с кузова большой лист фанеры, потом стал сбрасывать гибкие манекены, цветом похожие на трупы людей. Из машины вылез водитель, подошел, присел, потянул женский манекен за сосок. Отпустил. Щелчок.

Режиссер закурил сигарету.

Из павильона вышла девушка в длинном плаще-накидке, подошла к режиссеру, сказала игриво:

— Мужчина, угостите сигареткой.

Режиссер подал ей сигарету, зажег спичку. Девушка прикуривала, глядя в глаза режиссеру. Прикурила, спросила:

— А почему вы такой грустный?

— Да нет.

— Но я же вижу. Я за вами наблюдаю. Вы мне кажетесь грустным. Вы мне можете сказать все. Мне кажется, мы так похожи. Я смогу вас понять. Скажите мне, почему вы такой грустный? — Она вдруг посмотрела в сторону павильона.

У двери стояла другая девушка в плаще-накидке и смотрела на нее.

Первая девушка рассмеялась, сбежала вниз по лестнице. Там, у кучи манекенов, стоял уже еще один мужчина в форме штурмовика и в гриме Гитлера. На шее у него, на шнурке, висел саксофон. Девушка подбежала к штурмовику.

Вторая девушка подошла к режиссеру и, обняв сзади за плечи, прильнула к нему, спросила:

— О чем вы щебетали?

— Закурить попросила.

— Да-а-а?

Режиссер поморщился, посмотрел вниз.

Из подъехавшего автобуса вышел актер в гриме Сталина, подошел к Гитлеру, раскурил от его спички трубку. Потом потрогал саксофон, пропел куплетик на английском языке. Гитлер стал аккомпанировать. Из автобуса вылезло несколько штурмовиков с музыкальными инструментами, стали играть. Первая девушка взошла на лист фанеры, стала отбивать четкую и кружиться. Плащ развевался, открывая обнаженное тело, высоко поднимались полы плаща, от кружения вытягивались в горизонтальную плоскость, отделяя зрительно голову от туловища.

Вторая девушка спросила режиссера:

— Тебе нравится эта б...?

— Нет.

— Но я же вижу, как ты смотришь.

— Для будущего сценария.

— Я тебе такой сценарий напишу!

— Ну а я здесь при чем?! Я, что ли, ее заставлял?!

— Сергей Сергеевич... — послышался голос ассистентки.

Режиссер обернулся, посмотрел на ассистентку. Ассистентка сказала:

— Вас оператор спрашивает.

— Иду. — Режиссер отстранился от второй девушки и пошел в павильон.

Девушка сказала грубо ассистентке:

— Дай закурить.

Ассистентка дала сигарету.

Рабочий крикнул:

— Куда трупы нести?

— В гастронóm! — крикнула ассистентка.

Рабочий стал хохотать. Замолк.

— Чего смотришь? — крикнула ассистентка. — Бери на плечи и неси в павильон. — Потом крикнула танцующей девушке: — Тяня-а-а, на репетицию!

Девушка перестала танцевать, кокетливо рассмеялась. Музыканты ей аплодировали. Она раскланялась, взбежала по лестнице, развевая полы плаща, и скрылась в павильоне.

...Режиссер объяснял:

— ...Все должно быть активно! Активно! Кишашая масса тел. Они переплетаются, скользят друг по другу... И по команде «Ожерелье» бросаются все! Все бросаются к ожерелью! Каждая хочет им завладеть! И активно! Активно!.. Ре-пе-ти-ци-я! Всем внимание! Приготовились!

Девушки сбросили накидки. Девушек человек тридцать. Они обнаженные.

— Итак! По команде «Начали» — все танцуем. По команде «Ожерелье» — создаем активную массу кишаших тел. Внимание! Начали!

Обнаженные девушки начали танцевать.

— Ожерелье!

Ассистентка бросает ожерелье в круг танцующих девушек.

Девушки бросаются к ожерелью.

Кишат скользящие друг по другу тела.

Мелькают лица.

Вдруг — истошный крик!

Девуцы отпрыгнули в стороны, как воробьи.

Видно, как вторая девушка дерется с первой. Они визжат и катаются по полу.

Режиссер закрыл глаза, задрал подбородок вверх. Потом пошел за декорацию, присел там на ведро, посмотрел в щелку на дерущихся.

Ассистентка схватила мегафон, подбежала к дерущимся, склонилась к их лицам и завизжала в мегафон:

— Обед! Все ослаблились. Все идут обедать.— От испуга девушки расцепились, смотрят на ассистентку.— Засаекаю время. Через час всем быть на съемочной площадке. Просьба к актерам — не опаздывать. Прошу понять меня буквально. Спасибо.

Режиссер закрыл ладонями уши и стал тихо мычать и раскачиваться. Замер. Открыл глаза — перед ним ассистентка. Наливает из термоса в пластмассовый стаканчик кофе.

— Кофе?

— Спасибо.— Принял стаканчик, улыбнулся: — Кто бы меня еще пожалел?

— Сам виноват. Не надо было лезть в режиссуру.

— Что сказать?

— Какой ты был веселый, когда был актером. А сколько шампанского было выпито...

— Увы, увы, увы...

— И не надо влюбляться в своих актрис.

— Ну хоть ты не нуди.

— Как режиссеру будет угодно.

— Да ла-а-адно! Я что, из себя режиссера строю?

— Ну ты же такой талантливый. И хоть ты ничего не снял, но мы же все знаем, что ты талантливый. Я, например, тебя о-о-очень уважаю...

— А что вы тут делаете? — спросила подошедшая вторая девушка. Она возбуждена.

— Беседуем,— ответил режиссер.

— О чем вы беседуете?

— О дураках и о дурах.

— И кто же это?

— Слишком много. Поименно всех называть?

— А я могу тебя слушать хоть всю ночь.

— Стаканчик верните... Сергей Сергеевич,— сказала ассистентка.

Режиссер отдал стаканчик. Ассистентка выплеснула кофе из стаканчика, закрыла термос и ушла.

— Чтоб я ее больше здесь не видела,— сказала девушка.

— За-а-ачем?! — с надрывом сказал режиссер.

— Я не хочу, чтобы она с тобой работала.

— Ну что ты придумываешь? У нас ничего с ней нет. Она отличный ассистент. И все.

— Так у тебя с ней что-то было?

— Да говорю — нет! Что у тебя, мозги в одну сторону работают?!

— А в какую они должны работать? Я что, не вижу, как ты на этих голых сук смотришь? На тебя смотреть противно! Да все же над тобой смеются! — Она стала его злобно щипать, замахнулась...

Режиссер схватил ее за горло, прижал к стене, стал говорить со злостью:

— Ты что, не понимаешь, что я снимаю дебют? Первый свой фильм. От этого вся моя жизнь зависит. Я не могу работать с дураками. Мне нужны профессионалы. Я с ней не спал! Не спал. Она нужна мне как ассистентка. Ду-ура ты,— он отшвырнул ее и пошел к выходу.

Девушка догнала его, забежала вперед, не давая пройти:

— Ну прости меня. Ну я дура. Ну прости. Я тебя так люблю.. — Она скинула накидку: — Посмотри, разве я тебе не нравлюсь? Разве я уродина? Ты же любишь меня, правда? — Передвигаясь, они дошли до сваленных неподалеку от двери манекенов. — Ну обними меня! — Она обняла его. Он стал молча отстраняться. Она повисла на нем. Он споткнулся, упал на кучу манекенов. Она стала целовать его.

Скрип массивной двери павильона. Они вскочили. Она стала искать накидку, но накидка лежала чуть ли не в другом конце павильона.

Дверь отворилась.

Девушка легла на кучу манекенов и замерла.

Появилась уборщица. Увидев режиссера, сказала:

— И что все воруют? Ну кому нужна тряпка? Вы знаете? Это у нас народ такой. Всегда воровали. И никому не стыдно. Вот набросали трупы. Это разве человечно? — она ткнула концом швабры в живот девушке.

Девушка вскрикнула и резко села. Уборщица вскрикнула, упала и умерла.

Режиссер склонился над уборщицей, хлопал ее по щекам, посмотрел на девушку. Девушка обошла уборщицу, побежала к накидке, надела ее, вернулась.

Режиссер приложил ухо к груди уборщицы, потом стал щупать ее пульс, выпустил руку. Рука стукнулась о пол. Режиссер еще раз поднял руку, отпустил. Рука ударилась о пол. Вновь поднял руку, опустил. Рука ударилась о пол.

Девушка вскрикнула и выбежала из павильона.

А на подвешенных к потолку осветительных щитах лежал рабочий, который разгружал манекены. Он ел колбасу. Когда режиссер вышел, рабочий встал, пошел по щитам, закуривая на ходу, спустился по лестнице неподалеку от уборщицы, посмотрел на нее, присел, провел пальцем по ее профилю, вышел из павильона.

Неподалеку от лестницы, ведущей в павильон, — группа всадников в костюмах славынских воинов, штурмовики, несколько старых в одежде конца девятнадцатого века.

Мускулистые руки мужчин гладят лошадиные морды. Старческая рука дает лошади кусок булки. Лошадиные зубы, металл духовых инструментов, красно-бело-черные повязки штурмовиков, лошадиные глаза, фактура кольчуг, зубы людей, их глаза, наклеенные бороды... все в кишасщем движении. Длинные пальцы изящной женской руки, тянувшейся к лошадиной морде, звонкий голосок:

— Дайте мне потрогать. А она не кусается? — И смех, и восклицания.

Мимо проходят актеры в форме советских солдат времен Отечественной войны. Костюмы их в грязи, лица загримированы под изнеможение. На груди у одного немецкий автомат.

Девушка в костюме девятнадцатого века говорит солдату:

— Продай автомат!

— Тридцать рублей!

Девушка засмеялась и сказала:

— Дай потрогать, — и пальчиками коснулась автомата: — Какой сексуальный. А он стреляет?

— Холостыми. Хочешь?

— Хочу.

— Тяни вот эту штуку.

Девушка с натугой оттянула затвор.

— Какой упругий.

— А теперь нажми вот это. Только не пугайся. И стреляй в воздух. Поняла?

— Вот это нажать?

— Да.

Девушка подняла дуло вверх, нажала курок.

От восторга девушка завизжала.

Лошади заволновались.

Девушка визжит и стреляет.

Рабочий закричал дурным голосом и, растопырив руки, как курица крылья, побежал по лестнице вниз, завернул за угол павильона, остановился, замер, оглянулся, пошел бочком вдоль стены, вошел в соседнее здание.

В здании никого, видно, идут малярные работы. Ленты бумаги на полу, много разноцветных пятен, фактуры стройматериалов.

Рабочий прошел по пустым солнечным комнатам, подошел к бочкам с краской, стал

попеременно совать одну руку в краски, причем от смешения красок цвет руки становился неожиданным, и вдруг рука окрасилась в цвет крови.

Он поднес руку к лицу, рассматривал, потом стал играть в боль, шатаясь, пошел к выходу и, выходя из здания, столкнулся со второй девушкой. Она опешила. Рабочий сделал вид, что хочет провести рукой по ее лицу. Девушка взвизгнула. Режиссер, шедший за девушкой, ударил рабочего по лицу, и тот улетел в дверной проем. Режиссер некоторое время смотрел на рабочего, повернулся, пошел прочь. Рабочий встал, вышел из здания, дошел до пожарного щита, остановился, потом снял со щита топорик, догнал режиссера и, уже среди актеров, столпившихся возле лошадей, ударил режиссера топориком...

...Клавка сидела в кинобудке и смотрела в окошечко на экран. Сергей подошел к ней, поцеловал в шею. Клавка завела руку за голову, погладила Сергея по щеке.

Проскочили в аппарате последние метры пленки. Сергей остановил аппарат, нажал кнопку выключателя, посмотрел через окошко в зал. В зале зажегся свет. Видно сидящих в зале. Их несколько человек: режиссер, оператор, монтажница, монтажер, замдиректора кинокартины, заведующий отделом культуры.

Все встали, пошли к выходу. Профессиональные разговоры, ну как всегда после просмотра материала.

Замдиректора сказал заведующему отделом:

— Сегодня ночью снимаем. Нужно, чтобы ваш электрик был...

— Это к Сереге. Я его проинструктировал. У него ключи от щитовой и от других помещений.

— Понял.— Замдиректора свернул к Сергиной комнате.

Со второго этажа спускался Сергей, нес яруф с пленкой.

— Серега, пару капель примешь?

— Можно.— Сергей открыл дверь.

— Сегодня ночью снимаем...

— Уже в курсе. Обслужим по высшему классу.

— А где у вас стаканы? — Замдиректора положил на стол дипломат, открыл его, вынул бутылку коньяка.

— Счас будут,— Сергей открыл дверцу шкафа: на пол вывалилась постель.

— Орудия сексуального отдыха?

— Живу здесь. Это как бы моя квартира.

— Ты не местный?

— После института. По направлению. Уже два года отбомбил.

— Тебе обязаны как молодому специалисту жилье.

— А где они возьмут? Своим не хватает. Тут вообще периодически один и тот же кон-

церт. Появляется первый секретарь райкома, открывает мой шкафчик, видит мою постель и кулаком по столу: «Мерзавцы! Негодяи! Морите человека! Специалиста от села отваживает! Чтоб сегодня же человек был устроен!» А они ему: «Да! Поняли! Сделаем! Ура!»

— О, Клавочка! Вот кого я обожаю! — замдиректора обнял Клаву за талию, склонил свою голову ей на грудь. — Жизненная женщина. Я возле нее еще бы сто лет прожил.

— Ой, не щекотите! — Клавка отстранила замдиректора.

— Нет, я за Клаву жизнь отдам. Серега, хватит мыть стаканы. Меня машина ждет.

— А где вы много голых берете? — спросила Клавка.

— Кла-а-авочка! Да они табунами сами проснутся. Общество раскрепощается. Еще пару лет, и стриптиз проникнет в ваши коровники.

— А я на кирпичном заводе работаю.

— Секс не знает преград.

— Так что мы голые будем кирпичи таскать, — Клавка весело рассмеялась.

Замдиректора тоже рассмеялся, сказал:

— Нет, Клава, ты вот такая баба! Я тебе честно говорю. За Клавочку! Чтоб ты хорошего мужа имела и еще десять любовников, — опрокинул коньячок в горлышко.

Выпили. По блиночку. Жуют.

— До вечера, Серега! — замдиректора подхватил яуф и вышел в коридор.

В коридоре столкнулся с заведующим по культуре. Тот его спросил:

— Договорились с Серегой?

— Да. Все в порядке. Спасибо вам.

— А как насчет творческого вечера? Мне бы для отчета не помешало.

— Сделаем. Я поговорю с режиссером.

Через стеклянные двери видно «рафик», слышен звук сигнала.

— Все сделаем. Еще есть время. Извините, зовут. — И он побежал к выходу.

Зав по культуре посмотрел ему вслед и тоже побежал по лестнице, забежал в свой кабинет, набрал номер телефона, стал говорить:

— Иван Борисович, это Иванов говорит... Да, смотрел. Про наш райцентр пока кадров нет... А они партиями возят, на проявку, а потом сюда. Они же тут монтируют, по ходу. Так что если будет — я обязательно увижу... Да, конечно, я понимаю ответственность. Да, если что, так сразу. Спасибо... До свидания.

Он положил трубку, радостно потер руки, вышел из кабинета, вошел в соседнюю комнату.

В комнате за столами сидели работники канцелярии отдела культуры и клуба. Все женщины. Они спросили заведующего по культуре:

— Олег Вадимович, хороший фильм?

— Это не фильм, только материал. Разные куски.

— А интересные?

— Порнуха. Голые бабы.

— Прямо с ума сошли. И по телевизору тоже. Секс и проститутки.

— А вот чтоб про село показать, как оно есть...

— Ага, покажут тебе. Что люди горбятся и разные болезни. И мыла нет, и сахара нет, и детям обуви нет...

— Тихо! Тихо! — закричал зав по культуре, поднял руку. — Дети мои, объясню популярно! Первое: если кто-то чем-то недоволен — пусть пишет в газету и подписывается своей фамилией. Второе: если кто-то чем-то недоволен — пусть пишет в газету и подписывается своей фамилией. И третье: если кто-то чем-то недоволен — пусть пишет в газету и подписывается своей фамилией.

Он взял аккордеон, надел ремни на плечи, сказал:

— А теперь все хором.

Все запели песню «Хлеб всему голова».

Зав по культуре похаживал, аккомпанируя, по кабинету, пел вместе со всеми. Дошел до окна, посмотрел в него, оборвал игру, сказал:

— Первый секретарь приехал, — и торопливо снял аккордеон.

Он выбежал из кабинета, закричал, сбегая по лестнице:

— Серег! Серег!

— Чего?!

— Первый секретарь приехал! Включай насос!

По коридору они бежали вместе и разбежались в разные стороны: Сергей — в подвал, зав по культуре — к входным стеклянным дверям. Остановился, одернул пиджак, пригладил волосы, смотрит на идущего к клубу секретаря.

Секретарь шел в окружении колхозников. Он говорил:

— Тринадцатого числа мы проводили полтзанятия. Вдруг прибегает уборщица и говорит: «Опять эти инопланетяне прилетели!» Мы вышли на улицу, там уже собралось человек тридцать. И вот в течение двадцати минут наблюдаем такую картину: километрах в трех от нас висит в небе тарелка и светится. Ярким желто-красным свечением. Затем она начинает медленно опускаться к земле. — Он замолчал, выдерживая паузу. — И видно, что предмет материальный, шарообразной формы и не менее пятидесяти метров. Что скажете, а?!

— И у нас была тарелка, — говорит председательша. — Вот Маша Кулакова видела. Скажи, Маша.

— Ага, — подхватывает Маша. — Мы с Дуськой ночью из коровника выходим, а она рядом висит. В ней три человека, потому

что тарелка прозрачная. Дуська напугалась, а я машу: спускайтесь к нам. А один руками так — нет, нам нельзя. И улетели. Как у вас.

— Вот. Даже инопланетян видели! — сказал одобрительно первый секретарь.— А у нас тарелка опустилась и зависла над пашней. Невысоко. Наверху у нее быстро высвечивались иллюминаторы. А потом над полем пошла зигзагами и под собой высвечивает прожектором. И улетела. А после нее осталась скважина, глубиной метров шесть. А потом она как бы изгибалась и уходила в сторону. И грунта возле нее не было, как обыкновенно при бурении. Я же сам старый буровик и авторитетно заявляю, что это не наше бурение. И форма у нее не круглая, а эллипсовидная. Эллипс — это как бы круг, но вытянутый в два края. А у вас, значит, тоже летают?

— Летают, чуть ли не каждый вечер,— подхватил один из колхозников.

— Летают, летают,— подтвердили остальные.

— Так можно было бы сфотографировать, если каждый вечер.

— Так можно бы, конечно, если б у кого фотоаппарат имелся.

— А я тоже видал,— подхватил Ванька.— И тоже скважину пробурила. Мы с ребятами туда кирпич на веревке спускали. А он оторвался и — ух! Куда-то вбок улетел. А мы туда солярки налили, а оттуда пламя как польхнет. А с чего бы ей гореть? Ведь там же глубоко и не должна гореть. Наверное, из-под низу к воронке воздух поступает. Так, может, это от вашей скважины к нашей скважине ход идет? Может, наша скважина к вашей загибается?

Секретарь засмеялся, сказал:

— Думаю, тарелочки, когда вернутся к своим скважинам, просто обалдеют от тех символов, что мы им оставили.

Все засмеялись, а потом нависла пауза.

— Ну не буду красть ваше обеденное время,— сказал, стоя наверху лестницы, секретарь.— Ведь как пообедаете, так и работать будете. Правильно?

— Правильно, правильно...

— Обедать, товарищи, обедать,— засуетилась председательша.

Колхозники расходились, обтекая секретарскую черную «Волгу».

Завклубом распахнул дверь. Секретарь вошел первым, поздоровался за руку, пошел по вестибюлю. Навстречу — Сергей, выбежавший из подвала. Увидев секретаря, почтиительно притормозил, сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте,— секретарь протянул ему руку.

— Извините, у меня руки грязные. Насос ремонтировал.

— Главное, чтобы сердце было чистое... Нравится мне наш народ.— Они пошли по коридору.— Есть в нем скромность. Настоящая, а не то что показуха. Вот в одной газете прочитал, что заывают к нам фермеров из Голландии и что один француз хочет взять в надел кубанского чернозема... — Он вошел в Серегину комнату, остальные за ним.— Оно, может, для дружественных связей хорошо, мы стремимся к открытости. Но тут и другая сторона проглядывает, как бы недоверие к своему крестьянину. А я лично не верю, что у нас вывелись настоящие крестьяне, способные хозяйствовать. Были у нас ошибки, не скрываем. Но ведь их же и поправлять надо. И побольше народу доверять надо. Все это полезно...— Он открыл дверцу шкафа, увидел постель и умолк, посмотрел на сопровождающих. Нахмурился гневом, ударил кулаком по столу, сказал:

— Негодяи! Рабочего человека морите?! Специалиста из села отваживаете?! Пользуетесь, что он скромный? Я что вам прошлый раз говорил? — указал он пальцем на мужчину лет тридцати пяти.— Вам. Лично. Вот на этом же месте.

— Да вот уже на днях. Изыскиваем. Сами переживаем...

— Плохо переживаете. Совесь совсем потеряли. Вот останьтесь здесь и лично с товарищем поговорите. И запишите его требования в свой блокнот. У вас есть блокнот?

— Вот записная книжка. Счас возьму у товарища все претензии.

— И доложите. Мне лично. Совсем уже, понимаете... — Он вышел из комнаты. Остальные за ним, кроме мужчины, Сергея и Клавки.

Мужчина закрыл за ушедшими дверь, ослабил, сказал Сергею:

— Ну что, продашь гитару?

— Я же уже говорил — память погибшего друга.

— Ты ж не умеешь на ней играть.— Он снял гитару со стены, тронул струны.— Хорошо заплачу. Это не гитара, а сказка. Звук какой!.. — Он снова коснулся струн.— Почему не хочешь?

— А квартиру дадите?

— Да что ты как пацан?! — Вы же глава местной советской власти.

— Так от этого квартира не появится. У меня вон строителям жить негде. Сами строят, а в бараках живут. Ты со своей культурой что есть, что нет. Как с козла молока. А люди трудящиеся жилья получить не могут. Вкальзывают, а не могут. Обидно.

— Так вам же приказали,— улыбнулся Сергей.

— Так он же в другой раз может шкафчик и не открыть.

Помолчали.

— Ну так продашь?
— Нет.
— Ну ничего, время еще терпит.— Он заиграл на гитаре. Запел народную песню:

Трава моя, трава,
Трава зеленая...

Песня настраивала на дружественный лад. Сергей, пританцовывая, пошел по кругу, вовлек в танец Клавку, а потом и гитариста. Они разыгрались...

...И в лоб — портреты колхозниц и колхозников, рассказывающих о своей жизни, об отношении к нашим переменам... (Съемки документальные. Подготовить вопросы. Разговорить людей.) Эти рассказы занимают в фильме центральное место и по времени на экране — значительную часть.

...И снова танцующие.

Они остановились. Замерли. Потом гитарист спросил:

— Продашь гитару?

Сергей чуть помолчал, сказал:

— Дарю.

— Да есть деньги. Я заплачу. Ну сколько хочешь?

Началась нежная, трогательная сцена. Сергей отказывался. Улыбки. Деликатные прикосновения, уговаривания, приятность общения...

За окном мужик:

— Серега, идем, сфотографируешь, пока обед. Как раз вся семья собралась.

— Клава, присмотри! — Сергей схватил фотоаппарат и выпрыгнул в окно.

На гитаре оборвалась струна.

Мужик и Сергей шли по коридору дощатого барака. В открытую дверь одной из комнат было видно парней, которые обедали с водочкой. Среди них Ванька Фролов. Он крикнул:

— Серега, иди зафотографируй!

— Счас я его заказал,— ответил мужик и открыл дверь комнаты напротив.

— А чо там за корреспондентша?

— Потом, Ваня, потом.— Сергей вошел в комнату мужика и закрыл дверь.

В комнате много детей разного возраста, перины, развешено белье, много вещей, ведра, кастрюли, три молодые бабы, три парня, старуха, дед, кошка, детские игрушки, стол. За столом люди обедают. Во главе стола дед.

— Здравствуйте всем! — сказал весело Сергей.

Все загалдели. Молодуха сказала:

— Садись с нами.

— Потом. Хорошо сидите.— Сергей начал фотографировать.

— Да зачем так? Нам так не надо. Мы всей семьей хотим,— сказал мужик.— А ну, все сюда рассаживайтесь. Стол отодвигай.

Стали стол отодвигать, потом расселись на кровати, детей кто на руки, постарше дети у ног сели. Застыли в принятых позах; смотрят в объектив фотоаппарата. Серега присел, навел резкость.

Тут открылась дверь и вошел Ванька.

— О! Гля! Выставились! — Ванька присел и раскорячил руки.

Мужик встал, вытолкнул Ваньку, закрыл дверь, сел на место.

Все замерли.

И тут вошел Ванька.

Присел, раскорячил руки.

Мужик встал, вытолкнул Ваньку, вернулся на место.

Все замерли.

И тут вошел Ванька.

Присел, раскорячил руки.

Мужик встал, вытолкнул Ваньку, вернулся на место.

Все замерли.

И тут вошел Ванька.

Присел, раскорячил руки.

Мужик встал, вытолкнул Ваньку, вернулся на место.

Все замерли.

И тут вошел Ванька.

Присел, раскорячил руки.

Мужик встал, вытолкнул Ваньку, но остался у двери.

Открылась дверь, всунулась Ванькина физиономия.

Мужик пятерней вытолкнул ее, закрыл дверь, ждет.

Всунулась Ванькина физиономия.

Мужик пятерней вытолкнул Ванькино лицо. Вернулся, сел на место.

Все замерли.

Вдруг из замочной скважины брызнула струя.

Мужик отворил дверь — Ванька мочится в замочную скважину.

Мужик ударил Ваньку. Тот улетел в комнату напротив. Встал, кинулся на мужика.

Началась драка, в которую втянулся весь барак: с мужиками, бабьим визгом.

Сергей смотрел на дерущихся, потом вылез в окно, пошел вдоль барака, дошел до отстойника и увидел погрязшую уже по грудь в вязком болоте отстойника журналистку.

Распластав руки поверх болота, она осипшим, еле слышным голосом пыталась кричать:

— Люди! Помогите!..

Сергей стал ее вытаскивать. Это было трудно, заняло много времени.

Он вытянул журналистку, оглянулся. Вокруг стояли недавно дравшиеся. У кого нос разбит, у кого глаз подбит.

Сергей и журналистка стояли перед скупившимися полукругом людьми.

Журналистка в шоке. Она сказала:

— Спасибо,— и пошла вдоль полукруга,

говоря каждому «спасибо».

Сергей вынул из кармана связку ключей, выбрал один, взял под руку журналистку.

Люди расступились. Сергей повел журналистку.

Они подошли к небольшому кирпичному зданию. Сергей открыл навесной замок. Ввел журналистку в здание — это была небольшая колхозная баня.

Сергей подвел журналистку под душ, открыл воду.

Постепенно журналистка приходила в себя.

Сергей сидел напротив, на деревянной лавке для мытья, смотрел на журналистку.

Журналистка улыбнулась.

Сергей улыбнулся в ответ.

Журналистка присела под душем, заплакала.

Сергей подошел, погладил ее по голове.

Она посмотрела на Сергея.

Сергей сказал:

— Вода только холодная.

— Что?

— Вода только холодная.

— Мне не холодно.

— Что?

— Мне не холодно.

— Вам не холодно?

— Мне не холодно.

Замолчали, смотрят друг на друга, улыбаются.

— Спасибо, — сказала журналистка.

Сергей оживился, встал, сказал:

— Вы тут мойтесь. Раздевайтесь. Я уйду.

Я не буду смотреть. Я потом приду. Я принесу что-нибудь. Одежду. Вы не стесняйтесь. Никто ругаться не будет. Здесь можно мыться. Только вода холодная... Я вас на замок закрою. Снаружи. А то тут запора нет. Видите, оборвано. Вы не волнуйтесь. Я вас закрою. Вы мойтесь. — Он вышел, закрыл замок.

Журналистка сидела под душем, затем встала, сняла платье, стала его стирать, потом бросила на пол, закурилась, засмеялась, присела, вскочила, подбежала к душе, стала ладонями разбрызгивать струи.

Собачий лай!

Журналистка посмотрела в ту сторону, откуда звук, — там, в форточке покрашенного краской окна, Ванькина добродушная ряшка. Ванька лает.

Журналистка схватила платье, прикрылась им.

— Чо, испугалась? — весело спросил Ванька.

— Вы кто?

— А ты журналистка?

— Закройте форточку.

— Про нас писать будешь?

— Закройте форточку!

— Ну будешь про нас писать?

— Да закройте же форточку! — Она подскочила к окну и ударила мокрым платьем

по Ванькиному лицу.

Ванька спрыгнул на землю, засмеялся, залял, пошел прочь.

Увидел железяку, подошел к двери, стал бить в дверь и по замку, кричать и говорить, изменяя голос, чтобы казалось, что несколько мужиков.

Журналистка натягивала мокрое платье, говорила:

— Уйдите! Я кричать буду!

Ванька продолжал.

С журналисткой сделалась истерика.

Ванька бросил железяку, пролаял пару раз и вышел из предбанника на улицу.

Навстречу шла доярка со шляпой, спросила Ваньку:

— Ивана-скотника не видел?

— Дай шляпу поносить.

— Иванова шляпа.

— Пошли искать вместе. — Он обнял доярку за плечи, и они пошли вместе.

От края до края шеевичное поле. Ветер гоняет волны. А потом тревожный женский голос:

— Господи! Господи! Ну что опять случилось?!

На сцене клуба, в шеренгу, весьма легко одетые девушки танцуют, вскидывая ноги.

— Стоп! — кричит режиссер-постановщик. — Снято!

Шеренга девушек развалилась.

Режиссер спрашивает замдиректора:

— Клавку подготовили?

— Еле уломал. Уже гримируют. Но я думаю, только один дубль получится.

— Снимем с трех камер, — сказал оператор.

— Купилась на то, чтобы в страусиных перьях покрасоваться. Она ж не знает, что ее насилуют будут, — сказал замдиректора.

— А что делать? Нужна непосредственная реакция, — сказал режиссер.

— А если скандал?

— Заплати, как за обнаженную натуру. Пять смен ей напиши.

— Да деньги заплатим...

— Ты думаешь, она в суд подаст?

— Я не думаю, но... жалко девку.

— Жалко — иди в больницу работать. — Режиссер повернулся и пошел из зала.

Он вышел в коридор, подошел к комнате, в которой расположились гримеры и костюмеры.

У двери в комнату стояла группа местных парней. Среди них был Ванька. Он отпускал замечания по поводу Клавки.

Режиссер подошел к Клавке, положил руку ей на плечо, спросил:

— Волнуешься, Клавочка?

Клавка смущенно улыбулась.

— А ну, Клавочка, встань.

— Наклонитесь, я сказать хочу.

Режиссер наклонился. Клавка ему сказала тихо:

— Пусть они уйдут. Я при них не буду.

Режиссер вышел в коридор, крикнул:

— Вишневский! Вишневский!

Прибежал замдиректора.

— Почему посторонние на съемочной площадке?

Замдиректора подскочил к парням.

— Товарищи, пожалуйста, у нас здесь работа. Мы работаем. Потом в кино все вам покажут. Пожалуйста, пройдите.— Он руками необидно, но оттеснял парней к выходу.

— А чо? Это наш клуб! — запетушился Ванька.— Мы чо, не имеем права?

— Ребята, ну зачем обиды? Зачем скандал?

— А чо он нас посторонними называет? — продолжал Ванька.— Я здесь родился. Он сам посторонний.

— Ребята, прошу вас. Разве я вас обижаю? Ну по-человечески прошу.

— Да я ему ща! Козел столичный! Кино он снимает. Мы тут горбатимся, чтобы ему жрать что было, а он посторонними обзывается.

Парни ухмылялись. Ванька раззадоривался.

Из своей комнаты вышел Сергей, сказал:

— Ты чо мне здесь подянки делаешь?

— Да не про тебя, Серега.

— Кто за клуб отвечает? — попер Сергей.— Я или он? Кого завтра долбать будут? Его или меня? Мы друзья?

— Друзья, Серега-га.

— Ну так не делай мне подянок.

— Серега, ну дай я ему рога пообломаю.

— Петро, Николай, давайте его. Пусть проспится. Давай, Ваня, до завтра.

Ребята взяли Ваньку под руки, потянули к выходу. Ванька попытался вырваться. Ему заломили руки и повели к выходу.

Сергей смотрел им вслед.

— Серега, коньяк с меня,— сказал замдиректора.

— Я запомню.— Сергей улыбулся: — Тут как на вулкане. Могли спокойно вместо Ваньки мне вломить.

— Как ты здесь живешь?! — удивился замдиректора.

— Да они в общем-то добрые люди. Если надо помочь — всегда.

— Вишневский! Вишневский! — послышался женский голос.

— Извини.— Замдиректора убежал.

Сергей подошел к двери гримерной, взглянул на Клавку. Склонившись, режиссер что-то говорил ей на ухо. Клавка улыбалась.

Сергей пошел прочь. Навстречу ему шла

девушка в легком костюме. Она демонстративно вошла в гримерную, спросила режиссера:

— Олег Петрович, сейчас моя сцена?

— Позже.

— Мне нужно вам кое-что сказать.

— Я занят.

— Это важно и срочно.

— Я слушаю.

— Не здесь.

Режиссер усталился на нее. Она помолчала, потом сказала:

— Да! Я хочу все знать. Я готовилась к этой сцене,— в ее голосе истерические ноты,— и я не понимаю, почему со мной так обращаются? И я прошу вас уделить мне внимание.

— Идемте.— Режиссер вышел из гримерной, закрыл за собой дверь.

— Я не понимаю,— в голосе слезы,— это моя сцена. Насиловать должны были меня...

— Вас будут насиловать, будут.

— Но ведь вы же ее будете снимать.

— На дальнем плане. Широкоугольным объективом. Она будет во-от такая микроскопическая.

— Я тоже могу быть микроскопическая.

— Вы знаете, что вас будут насиловать, а она не знает. У нее реакция будет другая. На дальнем плане. А на среднем, на крупных, там где нужна качественная актерская игра, там будете вы. Это все монтируется. Как актриса она не справится. Тут нужны вы, с вашей редкой чувственностью.

— Это правда?

— Успокойтесь. Вы же умеете так мило улыбаться. Улыбнитесь... Вот. Очаровательная женщина. Ты мне нужен,— крикнул он актеру.— Извините. И успокойтесь.— Он пошел навстречу актеру, и они вместе удалились от девушки.

— Ой, с бабами дело иметь... Значит так,— говорил режиссер актеру, играющему рабочего, который таскал манекены.— После того как ты убил топором режиссера,— ты в бегах. И вот ты, одичавший, прячась ото всех, проник в клуб, чтобы спокойно выспаться. На улице ночь, дождь, менты и эпидемия гриппа. Закончилась репетиция, все ушли со сцены, и осталась одна баба. В теле! У нее разорвалось ожерелье, и стекляшки рассыпались по сцене. Она подбирает стекляшки, наклоняется — и ты видишь! — он показал размер руками.— Ты бросаешься... Главное, сорви бюстгальтер, чтоб грудь вывалилась, а там есть чему вывалиться, заваливай ее на пол и делай, что хочешь. Подольше удержи на полу, потому что второго дубля, я думаю, не будет... Понял?

— Сделаем.

— Главное, твой подбег она не должна заметить. Но если заметит — не останавливайся.

— Я понял. Сделаю.
— Та-а-ак... Ну а теперь, Лида! Если Клава готова — приведи ее на площадку.
— Поняла!
Ассистентка пошла к гримерной, вошла в комнату, спросила гримершу:
— Актриса готова?
— Готова. Вот тут чуть-чуть. Все, Клавочка, вы у нас красавица.
— Пожалуйста, в кадр,— сказала ассистентка.
Клава встала. На ней плащ-накидка. В волосах перья страуса. Она пошла за ассистенткой.
У комнаты Сергея остановилась, спросила:
— Можно, я на минуточку?
— Клавочка, все потом. Сосредоточьтесь на работе.
— Я только на минуточку.— Клава скользнула за дверь.
В комнате Сергей стелил постель, обернулся.
Клава скинула плащ-накидку и осталась в красивых трусиках и лифчике.
— Ну как я? — она стеснялась и хихикала.
— Ну-у-у, ты красавица, Клавка!
— Нравлюсь?
— Надо же, чуть подмазали, пару красивых тряпок и — фантастическая женщина. Дай, хоть потрогаю.— Сергей прикоснулся к ее подбородку, провел кончиком пальца до уха, по шее, по плечу, по руке и сжал ее пальцы.— Ты очень красивая.
— Сереза,— сказала Клавка,— давай уедем куда-нибудь. Завербуемся. Я буду работать. Я нас прокормлю. А ты только будь со мной. Я так тебя люблю. А ты будешь делать все что хочешь. Я тебе слова не скажу. Все что хочешь будешь делать.
— Ты теперь актриса будешь.
— Я только попробовать. Если хочешь, я не буду. Я сейчас им скажу,— она сделала движение к двери.
— Да ты что? Люди на тебя рассчитывают. И я тебя прошу. Для меня сделай.
— А ты не обижаешься?
— За что?
— Что на меня все будут смотреть.
— Да мне это приятно. Пусть видят, какая у меня Клава. Такая красивая!
— Правда?
— Очень красивая!
В дверь постучали, голос ассистентки:
— Клава, вас ждут.
— Сейчас!
— Иди-иди,— сказал Сергей, подталкивая Клаву к двери.— Потом придешь.
— Ты будешь ждать?
— Буду.
— Клава,— голос ассистентки.
Сергей открыл дверь, Клава, накинув накидку, вышла.
Сергей смотрел ей вслед. Входя в зал,

Клава обернулась, посмотрела на Сергея. Он смотрел на нее.

Клава вошла в зал.

— Клавочка пришла,— сказал режиссер.— Сюда, Клава, на сцену. Тишина! Репетиция! Актеры на площадку!

Девушки поднялись на сцену.

— В какую сторону они у тебя выходят? — спросил режиссер оператора.

— Вправо.

— Выходите вон туда,— сказал режиссер девушкам.— Ты, Клавочка, сначала идешь с ними, потом останавливаешься и начинаешь собирать разорвавшееся ожерелье. Сначала идешь сюда,— он взял ее за руку, повел.— Где она наклоняется?

— Еще шаг вперед.

— Положите здесь стекляшку. Так, наклоняешься,— он наклонил Клаву.

Оператор смотрит в камеру, наводит резкость.

— Подымаешь стекляшку, идешь сюда, здесь наклоняешься.

Снова оператор.

— Потом сюда. Наклоняешься. Потом сюда, наклоняешься. Выпрямляешься, разводишь руки в стороны, потягиваешься и говоришь: «Э-эх! Мужика бы сейчас!»

— А зачем? — удивляется Клава.

— Женщина осталась наедине, и все самое сокровенное...

— Так я ж не одна.

— Клавочка, ты делай, как я прошу. Хорошо?

— Не получается у меня. Не могу я сниматься.

— Все очень хорошо. Сначала у всех так бывает. А у тебя все нормально. Только расслабься. Как у Клавочки получается? — крикнул он оператору.

Оператор поднял большой палец вверх, сказал:

— Выс-сший класс!

— Ну а теперь сама пройдишь. Все на исходную.

Девушки вернулись на сцену.

— Пошли!

Все пошли. Клава стала собирать бусинки, дошла до последней, замаялась, но собралась, развела руки и сказала:

— Э-эх! Мужика бы сейчас!

Раздался смех.

Смеялся Ванька. Он стоял рядом с осветителями. Чуть сбоку замдиректора.

— Уберите этого кретина! Вишнеvский! — завопил режиссер.

— Вон отсюда! — заорал на Ваньку замдиректора.

Ванька опешил.

— Покиньте немедленно площадку! — он потащил Ваньку за рукав.

Ванька сначала поддался, потом пришел в себя и толкнул замдиректора. Тот упал, вско-

чил. Пара здоровых осветителей схватили Ваньку. Ванька вырвался. Один ударил его по печени. Ваньку поволокли к выходу.

— Всем на исходную! — властно сказал режиссер. — Клава, внимание! Пошли!

Актеры проделали все сначала.

— Приготовились к съемке! Всем на исходную!

— Свет! — крикнул оператор.

Вновь зажегся свет.

— Мотор!.. Камера!.. Пошли!

Девушки пошли. Клава стала собирать стеклашки, дошла до конечной точки, развела руки, сказала:

— Э-эх! Мужика бы сейчас!

Сзади подскочил актер, рванул тоненькую полосочку лифчика на Клавкиной спине.

У Клавки удивленное лицо, грудь вывалилась.

Актер схватил ее за талию, потянул на себя, сам падая на спину. Стал на полу срывать с нее трусы. Они боролись. Потом Клава отшвырнула актера, вскочила, актер кинулся к ней.

Клава побежала из зала, вбежала к Сергею, задвинула засов, села на пол и разрыдалась.

Сергей соскочил с постели, бросился к Клаве.

— Сереженька! Миленкий! — и дальше рыдания.

Сергей встал, начал отодвигать засов. Клава цеплялась за ноги Сергея, просила не оставлять ее.

— Да счас приду. Да пусти ты. Счас приду.

Сергей вышел из комнаты. За дверью стоял Вишневецкий.

— Чо случилось?

— Актер.— Вишневецкий возбужден.— Так получилось. Актер. Никто не ожидал. Вошел в роль. Я ей тысячу заплачу. Мы все извиняемся.

— Иди сюда.— Сергей взял Вишневецкого за лацкан, повел в закуток.— Теперь спокойно — что случилось?

— Ну там должна была быть... Ну там... Ну сцена нападения. Там у нас есть как бы немного ненормальный. Он нормальный. Роль такая. И как бы хочет познакомиться с девушкой. Ну и пережал. Импровизация. Я ей тысячу заплачу. Хоть сейчас. Ну пятьсот точно. Прямо сейчас. Пойдем к ней.

— Лихие вы ребята. Лихие.

— Я заплачу. Пойдем к ней.

— Пусть отойдет. Я сам ее успокою. Лихие вы ребята. Лихие. Лихие... — Он нервно похаживал, ударяя себя по правому карману брюк.— Лихие... Лихие... — Он замер, потом вынул из кармана связку ключей, посмотрел на них и побежал по коридору к выходу.

Он открыл навесной замок на двери бани,

вошел внутрь, включил свет. На скамье для мойки, охватив колени, сидела корреспондентка и смотрела на него.

— Извините, замотался.

Она молчала.

— Но ведь бывает так? — сказал Сергей.

Она слезла со скамьи, подошла к нему, улыбнулась, поправила прядь его волос, сбившуюся на лоб, сказала:

— Я не обижаюсь... Я сначала обиделась. Потом еще кто-то лез в форточку, лаял, пытался замок сбить. Я кричала. Потом ждала вас. Потом стала вас ненавидеть, потом вспомнила, что вы меня спасли, и что я уже была бы мертвая, и что ничего последующего не было бы, и что весь этот лай и сбивание замка, и крики даны были мне, чтобы я ощутила жизнь, пусть в такой форме, пусть. И я стала благодарить этого человека, и вас, и всех людей живущих, и тех, что были прежде, и тех, что еще будут. И времени как бы не стало, и прошлое и будущее слились в настоящим, и я стала всеми людьми сразу, и что я в ответе за всех этих людей, ставших мною, и что...

— Со мной это уже было. И это неправда.

— К вам это еще вернется, и вы поймете, что ошибаетесь, и любовь возродится...

— А ты мне отдайся.

Она улыбнулась и взялась за полы платья.

— Ну хватит. Идем в клуб, там переоденешься. И с киношниками до гостиницы доедешь.— Он повернулся и вышел.

Она пошла за ним. Он стал закрывать замок.

— Я вас обидела?

— Меня уже давно никто обидеть не может. И помолчи.

Они молча шли к клубу.

Из-за коровника появился Ванька. Он нес канистру. Они сошлись.

— Серега, ты?

— Этот лаял? — спросил Сергей корреспондентку.

— Да они у меня, Серега, синим пламенем пойдут. Я им костерчик запалю. Во бензин, видишь? Ща они побегают.

— Этот лаял? — Сергей взял Ваньку за локоть.

— Да.

— Чо лаял? — встрепенулся Ванька.

— Милый,— она протянула к Ванькиному лицу руку.

— Чо она?

— Падла! — Сергей ударил Ваньку.

Ванька отскочил.

— Ты чо?

Сергей схватил упавшую канистру, стал открывать.

— Щас ты у меня полаешь!

Ванька бросился бежать. Сергей за ним. Бросил канистру.

Они вбежали в коровник. Ванька споткнул-

ся, упал. Сергей навалился на него.

Коровы жевали равнодушно.

Слышался Ванькин хрип.

Сергей душил Ваньку. Ванька вывернулся, вскочил. К яслям одним концом была привязана цепь. Ванька ударил цепью Сергея по голове. Сергей остановился, схватился за голову.

— Не подходи! Убью! Убью!..— вопил Ванька.

Сергей повернулся и, держась за голову, пошел, шатаясь, к выходу.

Выйдя в темноту, остановился, замычал, пошел дальше, встретился с дояркой, она спросила:

— Ивана-скотника не видел?

— Ивана? Скотника? Кто таков? Он что тебе — брат, сват, муж, любовник? Зачем ищешь?

— Так человек пропал.

— Человек? Пропал? Всего лишь человек пропал. И только! Че-ло-век пропал...

— Иди проспись, Серега.

— Пойдемте, Сережа,— взяла за руку Сергея подошедшая журналистка.

— А нет. Пусть она скажет, зачем ищет.

— Пойдемте, у вас кровь.

— А пусть скажет.

— Я прошу вас.

— Пусть скажет...

— Ка-а-азел! — сказал выразительно проходящий мимо Ванька. Он поднял канистру и пошел дальше.

Сергей смотрел ему вслед.

— Пойдемте. У вас кровь. Я помогу вам, пойдемте,— ласково сказала журналистка и повела Сергея за собой.

Доярка посмотрела им вслед, потом повернулась, крикнула:

— Иван!

Доярка стоит посреди коровников и кричит:

— Иван! Иван! — И вдруг зычно, протяжно:— Ива-а-ан!

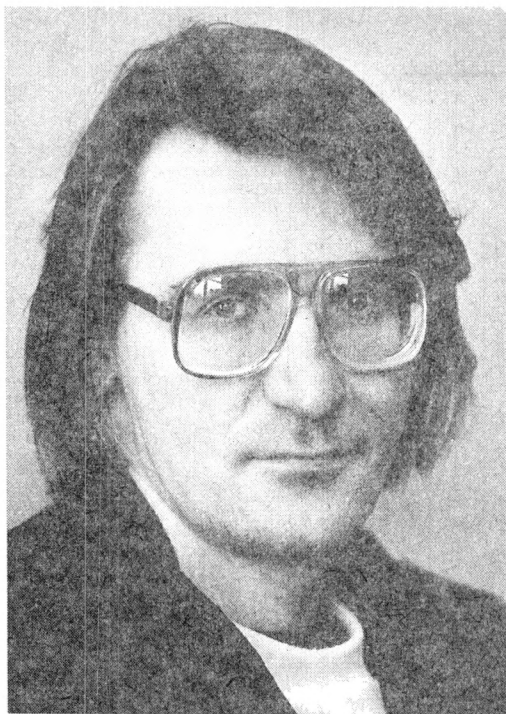
Неожиданно, в рапиде, из отстойника вырывается раскрепощенный Иван-скотник и кричит:

— Чаво-о-о?!
■

Стоп-кадр.

Грянул канкан.

1989 г.

**Сергей
ВАЛЯЕВ**

**Александр
ХВАН**

ФУРИЯ

Туман-туман-туман — эта странная небесная субстанция осторожно, наступательно поглощала предутренний город;

туман-туман-туман — как наваждение, обволакивал улицы-площади-памятники, пропитывал деревья-кусты-траву, проникал в подворотни-дворы-дома;

туман-туман-туман — город, оккупированный матовой пеленой химер, был тих, умиротворен и прекрасен...

Но, тревожа хрупкую гармонию утреннего мира, по проспекту с шелестящим авиационным звуком катил первый троллейбус... Он был пуст и темен, лихо вывернул на пустынную привокзальную площадь...

Электрические вокзальные часы выбивали цифры 05.56.

Заспанные пассажиры дальнего следования неприкаянно маялись по залу... У выхода на перрон сгрудились малочисленные встречающие.

Моросил мелкий, сетчатый дождик. Объявили о прибытии скорого.

Неторопливо потянулись к перрону носильщики с тележками. Один из них, объезжая лужу, поскользнулся, едва не упал, удержался за металлический поручень своего нехитрого передвижного механизма, матюгнулся.

Скорый остановился. Лязгнула лесенка последнего вагона, проводница протерла тряпкой поручни... За ее спиной маячили двое мужчин — в плащах, шляпах, при галстуках, с «дипломатами».

— Все торопитесь, торопитесь, — выговаривала им проводница. — Куда? А мне отвечать... Вот теперь пожалуйста...

— Ну спасибо, — говорили двое, легко выпрыгивая из тамбура, игриво ударили ладонь в ладонь.

— А-а-атлично, Георгий!

— А-а-атлично, Константин!

И скорым шагом пошли по перрону.

Из вагонов высыпали пассажиры с чемоданами, ящиками, баулами, мешками, загрохотали пространство... суетились, кричали носильщиков, скандалили из-за них... загружали тележки...

Двое, Георгий и Константин, с брезгли-

выми минами лавировали среди этого хаоса. Поджарый, несколько сутулый Константин шел по кромке перрона. Внизу тускло поблескивала сталь рельсов, между шпал лежала мокрая мусорная дрянь.

На свободный путь накачивала пригородная электричка... как тень...

— Эй, поберегись! Эй, в шляпе!.. — кричал трудолюбивый носильщик. — Поберегись!.. Коз-з-зел!..

Константин зло оглянулся и сделал невольный неверный шаг назад от чрезмерно нагруженной тележки, сделал шаг и...

нога не нашла опоры...

человек, еще ничего не понимая, завалился спиной в пропасть;

взметнулось мокрое, низкое небо;

а сбоку обрушивалась выпуклая, крашенная ядовитым купоросом, неотвратимая, безжалостная механическая сила...

Туман-туман-туман — как наваждение, обволакивал улицы-площади-памятники, пропитывал деревья-кусты-траву, проникал в поворотни-дворы-дома...

В домах еще спали люди...

Туман-туман-туман — материализующийся в медиумический занавес окна... Бесцветный свет сквозь него размывал комнату. Беспечно, сжимаясь от холода, спала женщина, и снился ей сон...

...Из зева метрополитеновского туннеля медленно и бесшумно выкатил вагон. Плыл вдоль перрона станции, как призрак... как тень... Остановился, двери открылись, и на перрон, точно на пристань, ступила босая женщина; женщина в линялом домашнем халате предприняла первый осторожный шаг... второй... Станция была пуста и бела от мрамора и больничного света люминесцентных ламп... по полу клубился эфирный туман...

Женщина пошарила в карманах халата, поймала спичечный коробок, с благостной улыбкой чиркнула спичкой и поднесла ее, искрящуюся, к облачной массе у своих ног, но спичка тотчас же, чернея, погасла... Женщина с покорной обреченностью чиркнула следующей и не заметила, как на искривленных болезнью ногах надвигается уборщица; на плечах старухи коробился прорезиненный плащ; уборщица делала вялую попытку разогнать шваброй замороженную морось... движения пройды и пропойцы были заторможены, лицо безучастно, как маска... И вдруг — оно передернулось, укусно скисло, из глаз исчезла похмельная накипь — на полу-то... спичечный сор... гарь... И старуха налилась дурной кровью, будто вампир, и в беззвучном оре разинула властную пасть.

...Женщина в линялом халате бежала вверх по замершей ленте эскалатора... вверх... вверх... Но неожиданно эскалатор ожил и по-

тянул ее вниз... вниз... вниз... к тревожному металлорежущему звуку...

...Трезвонил будильник. Женщина привычно рванула на звук руку, однако с тяжелого сна промахнулась и... часы ударились об пол. Женщина резко села на диване; глаза были закрыты — в ресницах путался сон...

Вдруг будильник издал прощальный, упоконный треск... Женщина вздрогнула, глубоко-глубоко вздохнула, как перед прыжком в неизвестное, и открыла глаза... А в них — покорность обстоятельствам, усталость, лояльность к судьбе...

Для вящей убедительности женщина потрясла разболтанным будильником, снова обреченно вздохнула и поставила часы на полку, на которой тесным рядом уже стояли... разнокалиберные будильники-будильнички-будильнищи, немые свидетели прошлого.

Сладко потягиваясь, женщина подошла к окну, машинально взглянула вниз, в прозрачный двор... На мгновение застыла с распростертыми руками на фоне оконной рамы, потом устало сказала, точно плюнула:

— Ч-ч-черт!

Там внизу, на детской площадке, на качелях сидел подозрительный в своем одиночестве человек в брезентовом плаще. Когда женщина в окне ругнулась, человек будто ее услышал, помял руками лицо, встал и медленно побрел со двора...

У подъезда высотного помпезного дома здания с визгом притормозила машина-такси... Из нее пулей выскочил Георгий, припадая на одну ногу, кинулся бежать к массивным дубовым дверям... Таксист подобрал с сиденья десятку, пожал плечами... выключил, клацая ключом, счетчик с цифрами 02.23...

Щелкнул выключатель — мутный свет бра рассеялся по коридору. Лампадный свет отразился в зеркале, обрамленном чугунными ветвями... И женщина, напористо набирающая номер телефона, тоже отразилась в зазеркалье; не понравилась самой себе... нанесла по щекам две массажные оплеухи, возмущенно закричала:

— Мужики! Время! Подъем!

Двери лифта открылись — из него выпал Георгий; быстрым паническим шагом двинулся по гулкому коридоришу... быстрее... быстрее... побежал...

В детскую комнату входила женщина, строго выговаривала:

— Кирилл! Сколько можно повторять? Подъем!

— Ну, ма-а-а! — Кирилл, мальчишечка, ла-

пушка, лентяшка, растеряшка, ненаглядный, вреднюля, дрых без задних ног.

— Кирюше-еня,— мать присела, поцеловала сыновний фарфоровый лоб.— Холодный... Пора-пора...

— Ко второму... уроку...

— Кирилка! Вчера тоже было ко второму?..

— Чест слов, ма... У нас за-бол-бол-бол...— И отвернулся к стене, вруша.

В огромном кабинете, филиале антикварного магазина, сидел Георгий и безостановочно выговаривал, повторяя:

— Голова, как арбуз... р-р-раз — и в стороны!.. Бред какой-то... секунда — и все. Я бы не поверил, если бы не своими глазами... собственными глазами...

Перед ним ходил грузноватый человек, который производил впечатление основательного: лоб с залысиной, роговые очки, вязаный свитер, галантерейная борода... Он остановился у картины, рассматривал ее... затем развернулся всем телом к собеседнику и веско сказал:

— Меня не интересует, как он, дурак, погиб. Меня интересует, почему он, дурак, погиб.

В малогабаритную спальню вошла женщина, выговаривая:

— Алексей! Ну сколько можно?.. Мне бежать надо!

— Бги-бги,— замычал спящий муж.

— Кира, в школу, бога ради... Колбасу отвари. И за телефон, отключат же... Господи, что еще?

— Шура, все будет... хорошо!..— Он отвернулся к стене.

— Будет, будет,— отмахнулась Шурочка.— Это я от тебя сто лет слышу...

— Угу-угу-угу,— он накрыл голову подушкой.

— Колбасу, говорю, не забудь отварить,— жена приподняла подушку над мужем.— А то потравитесь! — И вдавила подушку в мужа.

По антикварному кабинету вышагивал грузный, основательный хозяин. Он остановился у стола, на столе лежал «дипломат»; щелкнули замки — «дипломат» был набит тугими пачками крупных ассигнаций...

— Благодарю бога, что груз у тебя оказался,— проговорил хозяин.— Курьеры, мать твою...

— Ну да, ну да,— забормотал Георгий.

— Понимаешь? — тихо взъярился хозяин.— Что ты понимаешь, вша?.. Случайно, говоришь?.. Поскользнулся, говоришь?..

— Случайно, клянусь,— и даже хотел перекреститься.

Хозяин взглянул на него, вжавшегося в

стул, жалкого, растерянного, заставил себя успокоиться.

— Случайная смерть? — переспросил он и проговорил в задумчивости: — Случайно, дружок, только милиционер свистит в свисток.

На стройку, чадя, въезжал массивный самосвал; из-под его колес бабочкой выпорхнула Шура... Большеликий шофер погрозил ей кулаком; женщина не осталась в долгу, тоже вскинула над головой интеллигентный кулачок.

Хозяин антикварной квартиры двумя пальцами брезгливо зацепил пачку радужных госзнаков из «дипломата», плюхнул ее перед Георгием:

— Ничего не видел, ничего не знаешь, ничего никому...

— Могила,— поспешил с уверениями счастливый обладатель денежной пачки.

— Вот именно,— хмыкнул хозяин и плюхнул еще пачку перед носом собеседника.— И чтобы духа твоего в городе не было...— Потом позволил себе пошутить: — И хорошо бы в стране...

— Хорошо бы,— с готовностью хохотнул Георгий, потирая ладонью вспотевшую от переживаний шею.

— Исчезни,— поморщился хозяин антикварной квартиры и потянул руку к телефонному аппарату с деревянной инкрустированной трубкой...

В коридоре малогабаритной квартиры, полутемном и пустом, оживает телефон; звук тревожен и настойчив... Наконец из детской вываливается заспанный Кирилка, шлепает босиком по паркету...

Потом дует, как в горн, в телефонную трубку:

— Алло... Это кто?.. Не слышно вас! А? Папу? Счас!

В переполненный пассажирами троллейбус вдавливают Шурочку; ее лицо непроницаемо, как у любого гвардии рядового страны... Троллейбус мчится по кольцу, на его крупнокаллиграфическая надпись: «С и н и й т р о л л е й б у с».

Сонный Алексей стоит у телефона, бубнит в трубку:

— Что? Не может быть! Да! Да-да! С ума сойти!.. Поминки? Конечно, буду... буду-буду...

Троллейбус притормозил у казематного

здания, зашпилила двери — пассажирский поток закружил Шурочку. Через минуту «синий троллейбус», пустой-пыльный-загаженный, разворачивался на кругу конечной остановки. Шура же, подгоняемая светящимися над проходной малахитовыми цифрами часов 08.56, торопилась вместе со всеми...

В просторной кастрюле кипела вода; в бурлящей воде плавали посеревшие, с бордовым отливом шайбы колбасы. Алексей с кислым выражением на лице тыкал их вилкой, кричал:

— Кир, ам-ам!

— Чего? — Сын заглянул в кухню. — У-у-у! — скроил рожицу.

— Иди жрать, говорю, — и взмахнул рукой; мясистая шайба сорвалась с вилки, плюхнулась в кипяток. — А-а-а, чтоб тебя...

— Опаздываю, па, — ухмыльнулся сын, — ко второму уроку, — и скрылся, а после — удар входной дверью.

Алексей снова зацепил колбасный кругляш, поднес его к носу, осторожно понюхал... передернул плечами и стряхнул подозрительный пищевой продукт в помойное ведро...

По длинному-длинному-длинному коридору шла женщина в медицинском халате. Это была Шурочка. Она несла колбу с жидкостью. У одной из дверей остановилась и пропала в кабинете... Потом снова шла по коридору, уже с двумя колбами... Опять исчезла в кабинете и опять шла по коридору — в руках три колбы... четыре колбы... пять... шесть... семь... восемь...

Перед зеркалом прихорашивался Алексей. На нем был черный строгий костюм, белая рубашка, траурный галстук. Смотрел на себя, зазеркального. Улыбнулся, сделал печальную мину, принял позу скорби... Покачал головой и вспомнил, протянул руку к телефону...

Шурочка входила в лабораторию, которая была заставлена всевозможными колбами, бутылками, бутылками и пр. Из-за стеклянной стены слышался молоденький голос лаборантки:

— Ой-ой, она идет, идет... Александра Михайловна, это вас!

— Да? — сказала Шурочка в трубку. — Ты? Что? Какие поминки еще? — Помолчала, переступила с ноги на ногу. — А я-то тут при чем? Кирилл от рук отбивается... — Снова замолчала, после проговорила: — Мне твой Самсонов и все дела... твои... — Прислонила трубку к груди, закатила глаза к потолку, затем сказала: — Ну ладно-ладно, договорились, — и швырнула трубку на аппарат.

— Муж? — сочувственно спросила молоденькая лаборантка.

— Муж, — вздохнула Шура, — который обьелся... — и задумалась.

— Груш, — подсказала девушка.

— Колбасы, — буркнула Шура.

На фасад Дома культуры рабочие пытались прикрепить наглядную агитацию, ими командовал маленький плюгавенький коротыш с лиловой лысиной:

— Куды? Не туды! Тудыт твою... Сюды! Не понимают!.. Куды? Кры-ы-ыво!

К нему несколько согбенно подходил Алексей:

— Здрасьте, Петр Петрович... Вешаем?

— Я б сам лучше повесился, чем это... Да куды ж ты?

— Обижаете, Петр Петрович, — пожал плечами Алексей. — Я мог, конечно, лучше, но условия какие... походно-полевые...

— Условия, — покосился лиловым глазом директор ДК. — Уж скоро обед... И чего вырядился? Пришел, явился — не запылился.

— Так поминки, — он принял позу скорби. — Товарищ... друг... несчастный случай...

— И по мне тоже будут, — смягчился директор. — С такой вашей работой... Халтура! Да куда же вы?! Убивают без ножа!..

— А по-моему, ничего... если издалека, — прищурился Алексей на фанерные щиты.

— А, иди ты, худо-ожник! — взмахнул на него папочкой коротыш. — Работать! А еще Суриковское заканчивай!..

— Петр Петрович, не трогайте училище! Это — святое, — взлетел на ступеньки ДК Алексей. — От этих текстов у меня руки отсыхают... От этой жизни...

И не успел договорить, услышал истошный голос сверху:

— Падает! Берегись!!!

Алексей юркнул в дверь Дома культуры, и тотчас же на место, где он стоял, с орудинным хлопком громыхнул фанерный лист...

Светящиеся малахитовые цифры утверждали полдень: 12.23. Из проходной бежала Шурочка, сигнализируя хозяйственной сумкой, как флажком капитуляции, отправлявшемуся в путь троллейбусу.

За грязными стеклами плыл город — над струнами проводов висел сиреневый смог. Двигался механизированный поток транспорта, лязгающего-скрипящего-несокрушимого... Прохожие жались на тротуарах, кружили заводы очередей у магазинов, в стеклянном гастрономе кишел люд...

Шурочка бесстрашно, как боец, ринулась в атаку туда, где наблюдалось наибольшее скопление покупателей. У металлического прилавка, схожего с корытом, давились за

полукопченной колбасой. Счастливая Шура, вырываясь из схватки, держала над головой колбасную палку.

В кабинете директора ДК было накурено, нервно и оживленно. В который раз Алексей повторял:

— Мать моя!.. Вижу, летит... Не быть, думаю, мне на поминках, если только на своих...

— Бывает-бывает,— качали головами рабочие.— Ветер выюжнул, чтоб его...

— Да-да, ветер,— устало почесывал лысину директор.— Значит, так: наглядная агитация, часть ее, окончательно попорчена... Что делать будем?

Рабочие пожимали плечами: делать, мол, нечего, пусть художник рисует.

— Чтобы вы меня второй раз... окончательно,— хохотнул Алексей.— Мило-мило...

— Так,— поднялся директор,— всем присутствующим объявляю выговор. В том числе и себе!

— А мне за что? — удивился Алексей.— Что увернулся?

— Законы природы необъяснимы, но для некоторых,— поднял палец директор, имея в виду себя, разумеется,— могут быть понятны!

Рабочие согласно кивнули и стали выходить из кабинета.

— А мне вот не очень понятно,— заартачился Алексей.

— Не понимаешь? — развел куцыми ручками директор.— Милый мой друг, даже фанера не выдерживает твоего творческого, извини, потенциала...

— Ах так,— взвился Алексей.— Тогда я тоже вам все скажу, милейший Петр Петрович...

Спешным шагом Шурочка входила в мирный старенький дворик. Старушки выгревались на мягком осеннем солнце. Мамы выгуливали детей. Те копошились в квадрате песочницы, как птички... Шура устремилась к ветхому двухэтажному особнячку с обшарпанным донельзя фасадом. Стояли строительные козлы. Дверь подъезда была крест-накрест обита досками, но отъезжалась. Деревянная лестница предупредительно скрипела.

Своим ключом женщина быстро открыла квартиру, крикнула в ее глубину:

— Это я, папа! Ты как?

Сквозь захлавленную прихожую она протиснулась в кухню, большую, неопрятную. На подоконнике стояла батарея молочных бутылок, по столу путешествовали тараканы, потолок был покрыт скользкой плесенью.

— О господи! Жизнь моя...— вздохнула женщина и метнула на стол пачку пельменей.

...За антикварным столом сидел плотный лобастый старичок в ватнике и валенках, с радостным беспокойством исписывал лист бумаги...

— Ну, отец! — вошла, теребя передник, Шурочка.

— Я потом, потом...

— Никаких потом...

— У меня серьезная работа... Я есть живая история... Если не я, так кто же?

— У меня тоже работа! — взорвалась женщина и сорвала с себя цветастый, в меру замызганный фартук.

По длинному-длинному-длинному коридору шла женщина в медицинском халате. Это была Шурочка. Она несла бесчисленное количество колб... У одной из дверей остановилась и пропала в кабинете. Потом снова шла по коридору... Опять исчезла в кабинете... И с каждым входом-выходом количество колб в ее руках таяло. Восемь... семь... шесть... пять... четыре... три...

На перроне метрополитеновской станции нервничал модный молодежавый человек. Это был Алексей. Он мял газету, считал облицовочные плитки на стене, поглядывал на скачущие цифры электронного циферблата...

С вселенским взвизгом, скрежетом металла о металл, с порывами воздушной волны прибывали электрички... Уходили в будущее...

Наконец сквозь пассажиропоток пробились Шурочка, отягощенная хозяйственной сумкой и объемистыми пакетами.

— Прости,— выдохнула она.— Напала на чай... Ты же любишь чай?

Муж осуждающе оглядел жену:

— Это ты на поминки собралась?.. С этими ведрами?

Двое торопливо шли через площадь, мужчина и женщина. Это были Алексей и Шура; сквозь городской шум вели напряженный супружеский диалог.

— Мне что, тоже уволиться? Мне тоже все осточертело. Каждый день... каждый день... Как лошадь по кругу...

— А я тебе говорю: все будет хорошо!

— Это я уже слышала!

— Послушай...

— Ты только о себе думаешь... А ты о сыне подумал?

— Вот только об этом не надо!.. У тебя

сын, как щит... Ты им все время прикрываешься...

— Ну-ну, сын для меня щит. А я кто для тебя? Грунтовка?

— Прекрати!..

— Жаль, что по голове фанерой не поцелуй... может быть, поумнел бы...

— Ну знаешь...

Двое направлялись к подъезду высотного дома-здания, продолжая выяснять семейные отношения...

В антикварной квартире оживленно скорбела. Сновали приглашенные гости. Женщины на кухне спешно готовили трапезу. Аккуратненький мальчуган в смокинге пальчиком тыкал клавиши пианино...

— Очень приятно, очень приятно познакомиться,— встретил Алексея и Шурочку хозяин Самсонов.— Хотя повод, конечно, не дай бог...

— Мне, как я понимаю, на кухню? — спросила Шура.— У меня помидоры и огурцы.

— Да-да, Шурочка, будьте добры, а мы тут с вашим мужем...

— Ой, я только позвоню... Кириллу...

— Наследнику,— ответил Алексей на вопросительный взгляд Самсонова.

— Ну да, какие проблемы,— и подтолкнул Алексея в сторону кабинета.

Женщина осталась одна, набрала номер, слушала длинные гудки и голоса из комнат:

— Случается и кирпич на голову...

— От судьбы не убежишь, беда-беда...

— А вот с моим приятелем был такой случай... подцепил он бабенку...

— Анекдот. Судят гражданина, судья говорит: «Ваше последнее слово, подсудимый?», тот встает, отвечает: «Миллион!», «Суд удаляется на совещание»...

— Кирилл, ну ты где?! — закричала Шура в трубку.— В ванной? Я вот что забыла тебе сказать...

...В кабинете Самсонов открыл бар, заиграла музыкальная шкатулка.

— Пить-то что? Что пить будем?

Алексей пожал плечами.

— Ну как дела?

— Делишки...

— Погулял? — понимающе улыбнулся хозяин.

— Какое там, долги все раздал, жене только колечко обручальное. И то сказал, что на премию.

— Все пять штук? — удивился Самсонов, откручивая пробку на бутылке.

— Ага,— вздохнул Алексей.— Но зато долгов нет.

— За все надо платить,— согласился Самсонов.— Я вот что хотел спросить: ты за последнее время ничего такого не замечал?..

— В каком смысле?

— Ну там — странные звонки, странные происшествия.

— Ха! Происшествия! — хохотнул Алексей.— Сегодня меня чуть не убило... щитом фанерным...

— А, черт! — рука Самсонова дрогнула: на стол из бутылки выплеснулась темная жидкость.— Как не убило? — переспросил он, меняясь в лице.

— Ну говорю — щитом... там, в нем пуда два... если бы...

У Самсонова непроизвольно отвисла челюсть.

...Маленький аккуратненький мальчуган в смокинге играл на пианино «музыку уют». Гости притихли. Кто-то сидел за столом, вяло ковыряясь в тарелках, кто-то курил на балконе, кто-то шушукался на кухне... Шурочка, прислонившись к музыкальному инструменту, во все глаза смотрела на бегущие хрупкие пальцы ребенка. Рядом с маленьким пианистом стоял благородный плотный мужчина, перелистывал ноты, покачивал головой в такт музыке. Наконец мальчик закончил игру, поклонился присутствующим.

— Ой какой! — восхитилась Шурочка.— Это ваш внук?

— Это мой сын,— невозмутимо ответил Благородный.

— Да?.. Ой, какой хороший мальчик! — поспешно проговорила Шура.— А мой... в голове одно: футбол-хоккей... Господи, сколько же времени? Уже поздно, а он с вами.

— А он всегда со мной,— ответил Благородный, складывая ноты в папку.

...В кабинете горячились двое, Самсонов и Алексей.

— Извините, Федор Кузьмич, но я еще с ума не сошел, завещание писать. Милое дело, во цвете лет...

— Алексей, это чистая формальность! У меня должны быть гарантии. А если на тебя опять щит?

— Тогда точно упадет.

— Ага, я буду стоять на крыше и на тебя сбрасывать?..

— Не знаю, не знаю...

— Ладно, ты пишешь завещание в мою пользу, а я тебе десять... нет, пятнадцать штук...

— Жизнь моя в сто раз дороже стоит, Федор Кузьмич.

— Слушай, ты, я бы тебе сказал, сколько она стоит.

...В это время Благородный прощался с Шурочкой, держал за руку сына:

— Мы уж по-английски, тихо-тихо, шмыг... шмыг...

— Всего хорошего,— улыбалась мальчику Шура.

Тот строго кивнул ей. Женщина млела от восхищения. Потом Благородный с мальчиком вышли в объемный коридор, медленно направились к вешалке. Из кабинета доносились возбужденные голоса.

— Или тогда возвращай все к чертовой матери. И пять штук тоже. В двадцать четыре часа.

— Возвращать? Папочку, пожалуйста, не жалко, а вот штуки...

— А это меня не интересует. И с процентами чтобы вернул.

— А, разбежался!

— Да я из тебя!

— Руки!

— Ладно, пойдй проспись, а завтра поговорим.

— Ой-ой, не очень я испугался.

Благородный запаковал в непромокаемый плащ сына, щелкнул замком, и они пропали за дверью.

Двери троллейбуса с шипением открылись, и в темное его нутро впал Алексей, а за ним поднялась Шура. Двери закрылись, и машина покатила по ночному проспекту.

— Алексей, возьми себя в руки,— косился Шура в сторону малочисленных пассажиров.— Сколько можно, свинья?..

— Шурик, все будет, я их за горло возьму. Я тебе подарил кольцо обручальное?

— Отстань!

— Еще подарю!

— Дурак!

— И ты против меня? А ему не отдам, ха-ха... Ты знаешь, чем обладаешь? Тс-с-с! Военная тайна.

— О господи, мама моя! Нажрался.

— А я имею право, я сам чуть покойником не стал.

Троллейбус остановился у светофора. Рубиновый свет залил салон. Неожиданно перед машиной пролетела ночная птица — нет, это была не птица: пробежал человек, пропал в тени; через мгновение промелькнули-пропорхали еще какие-то люди. Четыре... пять... или шесть?.. Или это были птицы?

— Ночная жизнь большого города,— хмыкнул Алексей.— Мне такая жизнь не нравится. Или нравится?..

Двое вошли в подъезд панельного дома. Лифт не работал, о чем сообщала трафаретка. Алексей чертыхнулся, Шура молча шагнула к распределительному щиту.

Супруги вошли в лифт. Кабина наполнилась энергией и светом.

Двери лифта открылись, и Шура поставила ключ к замку. Замок был поврежден, а на двери оказались вмятины. От ужаса Шурочку повело, сумка выпала из

рук, а дверь свободно открылась. В квартире пылал свет.

Шурочка металась по комнатам, побежала на кухню.

— Алексей! Ну что же это такое?.. Кирилл! — закричала она.— Кирилл,— проговорила тише.— Кирилл,— прошептала Шурочка в полуобморочном состоянии...

— Здесь он, здесь! — услышала она возбужденно-радостный возглас мужа.

...Сын, устроившись на двух подушках, сладко спал в ванне. От счастья Шурочка задохнулась, всхлипнула, схватила сына, принялась тискать.

— Дурачок ты мой, ну что же это такое? Что случилось? Замок...

— Я... я ключи... куда-то...

— Потерял?

— Угу, нет их... а дядя Вова открыл...

— Ох, этот дядя Вова,— проговорил Алексей.— Рабочий класс, все по-простому. Хрясь!

— Помолчал бы.

Шурочка унесла сына в детскую, уложила в постель.

— Ма, не уходи,— попросил он, полусонный, беззащитный, нежный.

— Не уйду, не уйду.

...Сын заснул, мать осторожно и устало прилегла рядом.

...В загаженную кухню вошел старичок в фуфайке и валенках, подкрутил радио. Ударил куранты, потом грянул гимн. Старик, стоя навытяжку, слушал гимн народовластию...

...Босая женщина в линялом домашнем халате поджигала туман. Спички гасли, и она отбрасывала обгоревшие черенки. Вдруг лицо женщины искажилось от ужаса: на нее наезжали механизированный монстр для уборки станционных полов, которым управляла старуха в нищенской одежде. Старуха хохотала беззубым ртом.

Женщина прыгнула с перрона и побежала по шпалам, задыхаясь от ужаса. Оглянулась: на нее накатывала дрезина с омерзительной старухой. Женщина, размахнувшись, швырнула в ее сторону коробок спичек. Дрезина остановилась и поехала назад... Женщина облегченно вздохнула, не видя, как за ее спиной неотвратно на движается вагон, наполненный кишачей людской массой.

— ...Господи! — вскинулась Шурочка и увидела, как медленно и страшно открывается дверь комнаты, словно надвигается вагон...

Вошел Кирилл; глаза его были закрыты, и поэтому руки он держал перед собой:

— Мама, мамочка!.. Ты где. моя мамочка?..

Женщина потянулась к сыну, ухватила пустоту...

— А-а-а! — закричала она в ужасе и проснулась.

За плечо ее теребил Кирилл, аккуратенький, чистенький, тепленький сыночек.

— Ма, дай ключи...

— Кириша, ты меня... — принялась тискать сына Шуручка, поцеловала в лоб. — Холодный...

— Ну, ма, — вырвался тот. — Я что, маленький?

— Ты растеряха-потеряха.

— Ма, ну дай ключи.

— Возьми у папы.

— А он кричать будет.

— Не будет.

— Будет.

— Я буду кричать!

Шуручка побежала в коридор и тут же вернулась, стала потрошить пиджак мужа. Вырвала из кармана записную книжку, мятый носовой платок, пачку вощеной бумаги, бросила все это на письменный стол. Звякнули ключи.

— На! И не теряй! И отпусти мою душу... — Она упала на детскую кровать, закрыла глаза.

Сын с привычной невозмутимостью удалился.

Потом, все еще с закрытыми глазами, Шуручка протянула руку к письменному столу и неожиданно нащупала пачку в банковском переплете, открыла глаза.

— Алексей, это что?! — ворвалась она в спальню с находкой в кулаке.

— Мда-мда-мда, — просыпался супруг.

— Что это такое?!

— Где?

— Это?

— Кулак... чек... твой...

— Не валяй дурака.

— Ну деньги, — признался Алексей.

— Д-д-деньги?! — задыхнулась от возмущения Шура. — Я каждую копейку... каждый день...

— Погоди, мать...

— Как тебе не стыдно?

— Да это отходные... увольнительные, — соврал муж.

— Так много?

— Я же сказал, что еще куплю тебе кольцо... И долги надо отдать...

— Та-ак, вот это я взяла на кольцо, — решительно проговорила Шура, вырывая из пачки несколько жестких купюр.

— Александра, долги прежде всего!..

— Нет уж, хватит! Ты хочешь, чтобы я была старая, страшная?

— Ничего я не хочу.

— Вот именно ничего! — взвилась Шуручка. — Я устала так жить, устала!

— Ну потерпи.

— Не хочу и не буду, — она спрятала руку с деньгами за спину. — Хочу быть жен-

щиной, а не приложением к мужу и колбам! Все!

На детских качелях сидел взрослый человек в брезентовом плаще. Из подъезда вышла Шура, увидела странного субъекта, решительно направилась к нему. Человек обмер, на простодушном лице — неподдельная радость от встречи. Женщина поинтересовалась устало, жестко:

— Опять за свое, Тима?

Мужчина молчал, виновато улыбаясь.

— Вернулся из великого похода?

Он не отвечал, смущенно улыбаясь.

— Иди лучше, Тимофей, домой.

Тот упрямо продолжал молчать, смотрел на женщину, как на икону.

— Иди... иди... иди... — неопределенно махнула рукой Шуручка, продолжая путь. — И больше не приходи, не надо... — И уже не оглядывалась.

А странный мужчина по имени Тима-Тимофей, вполне удовлетворенный ходом событий, аккуратно, буквально на всю площадку разложил плащ-палатку и принялся ее профессионально скручивать.

В своем маленьком кабинете нервничал Алексей, выдвигал ящики стола, перелистывал папки; кинулся к книжной полке, начал потрошить книги.

— Что за... Не может быть! Где же они?.. А-а-ай! — Он ударился ногой о выдвинутый ящик. — Жизнь моя!.. Но кто мог взять, сосед дядя Вова? Тьфу... Сойти с ума!

И рылся, рылся в бумагах, папках, книгах, не забывая о порядке.

Универсальный магазин был окружен стеной самодельных продавцов и покупателей. Птичий гомон висел над площадью. Желтый, как лимон, милицейский «уазик» походил на островок в разбушевавшемся море. Шуручка со страстным любопытством наблюдала за этой бурной стихией.

Вдруг возник женский галдеж:

— Косметика! Выбросили! Тени! Пудра!

В огромном антикварном кабинете затренькал телефон. Рука человека уверенно легла на деревянную инкрустированную трубку.

— По талонам! Только по талонам! — с ненавистью орала габаритная продавщица, упираясь спиной в стеллажи. — Милицию призову! Милиция!..

— Безобразия! Скоро все уже по талонам! Дожили! Шо вы меня давите? Пошла вон! Дай ей в морду! Дура! Сама

такая! — волновалась исключительно женская масса, но начинала редеть; счастливые обладательницы талонов скупали парфюмерно-косметические наборы. Их не увидели. Огорченная Шура с завистью смотрела на них.

— Гражданочка, не желаете талончики? — обратился к ней флегматичный тип с ужимками шельмы. — Но дорого...

— Беру, — Шурочка безрассудно вырвала из кошелька купюру.

Самсонов держал трубку у лица, самодовольно жевал губами:

— Ну то-то, так лучше будет. И для тебя, и для меня... Можешь подышать... — Он налил в фужер минеральной воды. — Да, чуть не забыл, папочку-то прихвати... — и поднес к губам наполненный кипящей жидкостью фужер, но рука дрогнула от крика: — Что, что ты говоришь?! — Он облился минеральной водой. — Слушай, гнус, я из тебя! — страшно закричал он. — Убью! — и со всех сил шархнул хрустальный фужер в стену.

Шурочка беззаботно шла по городу, останавливалась у всевозможных ларьков, палаток, купила торт, мужскую сорочку, туалетную бумагу, купила банку огурцов...

Самсонов некоторое время сидел недвижно, смотрел на стену, где распласталось мокрое безобразное пятно... Потом решительно взялся за телефонную трубку, набрал номер, проговорил:

— Это я. Есть работа... Срочная. Треть — вам!..

Шура привычно нырнула в дыру в заборе. Как эквилибристка, шла по дощечкам-кирпичам-камням, втоптаным в грязь. Стройка бездействовала по причине выходного.

В малогабаритном коридоре зазвонил телефон. Алексей выскочил из умеренно разгромленной комнаты — поднял трубку и опешил:

— Чего? Кто это?.. Какие семьдесят пять тысяч?.. Вы что там, спятили? А пошли вы! — и бросил трубку.

Телефон снова ожил. Тогда Алексей отключил аппарат, беспокойно подошел к входной двери... Напряженно гудел лифт...

Алексей отпрянул от двери, снова подошел на цыпочках, посмотрел в «глазок», облегченно вздохнул — за дверью маячила искаженная фигура жены.

Он открыл дверь.

— О-о-о, что-то в лесу большое сдохло,

муж жену встречает у порога, — хмыкнула Шура, передавая сумки, пакеты.

— Слушай, — спросил Алексей, неся покупки на кухню, — ты не видела такой папочки, пурпурной?..

— А что, собственно, происходит? — удивилась она беспорядку. — Тебя одного нельзя оставлять, как и Кирилла.

— Саша, я спрашиваю: ты не видела папки?.. Это очень серьезно.

— Не видела! Доигрался со своими делами-делишками?

— Шура, только не надо, а?! — вскричал Алексей, хватаясь за голову.

— Нет, надо! — Она положила под струю мороженный, синюшный труп курицы, открыла банку с огурцами... — Ты думаешь, я ничего не замечаю?..

— Что ты замечаешь? — проорал из комнаты муж. — Что?!

— Побольше бы честно работал, поменьше бы по поминкам болтался...

— Бы-бы!.. Черт, и дома покоя нет!

— Вот-вот, пойдя за хлебом, — спокойно сказала Шурочка.

Из подъезда осторожно вышел Алексей, внимательно посмотрел по сторонам, юркнул на тропинку в зарослях с еще не опавшей листвой...

Шура проходила мимо телефона — с удивлением обнаружила, что он отключен. Включила, набрала трехзначный номер, проверила часы. Не успела сделать и шаг в сторону, как телефон затрещонил: дзинь-дзинь-дзинь!.. Она подняла трубку, машинально включила бра, посмотрела на себя в зеркало.

— Алло? Фильм? Какой фильм?.. А-а-а, нет, вы ошиблись, квартира. — И выключила свет.

Шурочка подошла к окну, увидела, как у дальнего дома вместе с друзьями появился Кирилл... шалопайка... растеряшка... единственный... Болтал ранцем. Она уже хотела отойти, как вдруг увидела... Из машины вышли двое, нависли над ребятами, что-то говорили. Спрашивали?.. Потом показали на окно. А в окне — она... она... она...

— Кирилл, — зашептала Шура в ужасе в теплое, пыльное стекло. — Кирилл! — заголосола она, стала рвать ручки рамы, сбрасывать с подоконника цветочные горшки, банки с вареньем, молочные бутылки. — Кирилл! — закричала в ужасе, и показалось, что выпадает из окна...

А в погожем небе плавали птицы.

Растрепанная, в домашнем халатике, выбежала из подъезда женщина, а навстречу ей

вольным шагом шел Алексей, удивленно улыбаясь:

— Ты что, на пожар?

— Кирилла!.. Кирилла!.. Украли!..—

И, обессиленная, упала в объятия мужа.— На машине... двое...

— Что? — поменялся в лице Алексей.— Не может быть! — Он испуганно осматрелся.— Это кто-то пошутил... Мои друзья... Или просто покатасть взяли...

— Да? — с надежной спросила Шуручка.

— Ну конечно, пошли, пошли, сейчас все выясним,— и повел жену в дом.

В квартире трезвонил телефон — Алексей первым выскочил из лифта, рванул дверь, подбежал к аппарату:

— Алло? Я слушаю вас! Что? Слушайте, вы! Я в милицию уже заявил! Я вас... вы за все ответите!..— и опустил трубку.

— В чем дело? — со смертельным испугом, устало спросила Шура, стоя в дверном проеме.

— Сволочи... Бред какой-то... Что-то там требуют...— и заметно вздрогнул, когда снова зазвонил телефон.

— Я сама,— проговорила женщина.— Да? — сказала она в телефонную трубку, включила светильник.— Что? — и выключила свет.

Размытые силуэты Шуры и Алексея.

— Семьдесят пять? — переспросила она и включила бра.— У нас... у нас...— Шуручка вывалила из кошелька монеты, стала считать,— у нас три рубля пятьдесят три... четыре... пять копеек,— взяла черепаховый гребень, сжала в пальцах... слушала, что ей говорят, смотрела пристально на себя в зеркало... выключила свет... услышала свой спокойный голос: — Милиция? Какая милиция?.. А-а-а, хорошо... Нет, я не хочу получить сына на три рубля пятьдесят три... четыре... пять копеек. Я хочу... Алло? Алло?! — и услышала короткие гудки.

— Что будем делать? — ровным, чересчур спокойным голосом спросила Шура, стоя у окна и из-за шторы наблюдая за двором.

— Шуручка, ты не волнуйся, я все устрою,— нервно одевался Алексей.— Все улажу... Сейчас... съезжу...

— Это связано с твоими делами?

— Нет... в смысле что?..

— Все!

— Я ничего не понимаю, Шура, честное слово... Мне просто могут помочь... в этом деле... я надеюсь...

— Я тебе не верю.

— Шура!

— Я тебе не верю,— повторила она.

Женщина переставляла безмолвные

будильники. Была одна... одна... одна...

Дзинь, дзинь, дзинь!

Шура поднесла будильник к уху. Нет, трезвонил телефон... Она подбежала к телефону, подняла трубку:

— Да... Кирилл? — Рука сжала гребень — зубья захрустели, рая руку.— Как дела? Не голодный?.. Мороженое?.. Не простишься...— Молчала.— Да, я попросила, я... главное, тебе нравится... Я очень рада.— Молчала, провела ладонью по лицу.— Конечно, передай. Да?.. Я слушаю, слушаю... Согласна. Это место знаю. Хорошо... хорошо... хорошо...— Шура аккуратно положила трубку на аппарат, с удивлением глянула на огрызок гребня, на себя, окровавленную, в зеркале, на ладонь с порезами, протянула ладонь к зеркалу и отпечатала на чистой поверхности след раненой своей души.

Дубовую инкрустированную входную дверь дубасил кулаками человек. Это был Алексей, сначала он кричал:

— Открой-открой, гад! Сволочи! Все подпиху! Открой!..— потом сник, обмяк, царапал ногтями деревянную поверхность, ныл: — Ну, Федор Кузьмич, ну пожалуйста, я очень вас прошу, я все, я больше не буду.— Наконец он заплакал, сполз по двери на коврик, спрятал голову в глубь куртки, плечи изредка вздрагивали, потом затих, словно умер.

Город жил вечерней жизнью. По проспекту мелькали цветными огнями автомобили и общественный транспорт. Светящиеся изнутри теплым светом троллейбусы напоминали аэростаты.

Шура стояла в тени деревьев. Неонный квадрат объявлял номер отделения милиции. Два окна были зарешечены, за ними расслабленно ходили люди в форме. Подкатил «уазик», оттуда выволокли нетрезвого гражданина, вопрошающего:

— По какому праву? Нет такого права! По какому такому праву?..

Женщина осмотрелась и нерешительно пошла в отделение.

Наряд сдавал дежурному оружие: пистолеты, резиновые дубинки, портупей. За спиной дежурного капитана новогодними лампочками мигала карта района. На Шуру никто не обратил внимания, лишь грузная, крепкая женщина зашипела:

— Пос-с-сле меня... пос-с-сле меня...

Человек, сникший у дубовой инкрустированной двери, очнулся, с некоторым удивлением осматрелся. Лицо его перекошилось от воспоминания. Осторожно, на цыпочках он пошел прочь.

В отделение милиции входил молодой человек с вульгарным, помятым лицом.

— Это к тебе,— кивнул на женщин дежурный.

— О-о-о! Опять без ужина! — поморщился сотрудник.— В чем дело? — И прицельно взглянул на Шуру.

— Велосипед, гражданин следователь, украли... Среда белого дня,— подхватила крепкая женщина.— Дорогой, сто... а я...

— Пройдем-ка,— без энтузиазма пригласил пострадавшую в кабинет следователь.

Дзинь, дзинь, дзинь! — от этого телефонного звука Шура сильно вздрогнула, поежилась, потом поднялась.

— У вас тоже велосипед? — опуская телефонную трубку, спросил офицер Шуру.

— Да-да... нет-нет, извините,— и вышла прочь под новые, предупреждающие звуки: дзинь-дзинь-дзинь!..

Человек в плаще встал с качелей, вскинул голову на темные окна интересующей его квартиры, побрел, понурившись, со двора...

— А я тебя не боюсь,— закричал шепотом Алексей в темной комнате, в руке он держал ополовиненную бутылку.— Никого я не... боюсь!.. Ничего-ничего, я еще с вами... я вас...— рвотно глотал из бутылки, потом кинулся в коридор, включил светильник, неверной рукой стал набирать номер телефона: — Сейчас-сейчас... Самсонов, сволочь! Ха-ха, не отдам я тебе папочки! Ха-ха, нет ее потому что! Сгнула! Нет, и все! Не найду! Слышишь, падаль! Вот тебе! — скрутил кукиш, покрутил у трубки.

Телефон был отключен.

Уродливая тень человека прыгала по стенам коридора, как в театре теней...

Над стройкой, на башне крана, висел прожектор — бил прозорливым лучом в ночь, и ночь от этого казалась еще темнее... Женщина пролезла через дыру в заборе и, спотыкаясь, пошла по направлению к недостроенному зданию с пустыми бойницами окон. Уродливые тени стелились от фантастических нагромождений арматуры.

Чернел лестничный проем... Из-под женских каблучков летел по бетонным ступеням гравий... На фоне осеннего ночного неба обвисла петля, Шура рукой проверяла ее надежность...

Старичок в фуфайке и валенках аккуратно подкрутил радио. Ударил куранты, потом грянул гимн. Старик навтыжку слушал гимн народовластию...

По ночному проспекту легко скользила легковая машина, притормозила у высотного дома-здания. Из автомобиля выбрался грузный человек с «дипломатом», посмотрел на темные окна, постоял, переминаясь с ноги на ногу, наклонился к водителю:

— Передай... Вам — половина...

— А сам-то знает? — спросили его.

— Знает,— передернул плечами человек с «дипломатом»,— все он знает...

Шура стояла перед зеркалом. Лунная дорожка набегала из окна кухни, ирреально мерцала на зеркальной поверхности, и казалось, что женщина оскалилась в чудовищной улыбке, слушая странные звуки из комнаты. Это был храп человека, рулады...

Потом Шура сидела на кухонной табуретке, держала на коленях банку с огурцами, вылавливая очередной овощ и жадно его поглощала. Ела... ела... ела... После сникла, продолжая держать банку на коленях, забылась...

...Из зева метрополитеновского туннеля, самостоятельно двигая рычагами, ходко выбежала дрезина, на ней стояла женщина в линялом домашнем халате и держала над собой банку, наполненную спичечными коробками... Дрезина притормозила, женщина ступила на мраморный пол станции, пошла по тихой мути тумана и не заметила брошенной швабры, споткнулась. Банка, как бомба, взорвалась. Осколки... осколки... осколки...

...Рассол вскипел в битом стекле, растекся под столом, табуретом, шкафом. Шура с неммым недоумением смотрела на ожившую мертвую материю. Вспоминала... вспоминала... вспоминала... Поднялась с табурета, переступила через лужу.

Туман-туман-туман... Город проснулся, ожил, и туман исчез. А был ли он?.. Только роса на деревьях-кустах-траве, будто память о прошлом...

Клацали портновские ножницы, кромсали газеты... Газетные обрезки женщина смахивала со стола в полиэтиленовый пакет...

— Шурочка,— вошел помятый и виноватый Алексей.— Прости меня... А что ты делаешь?

Женщина не отвечала.

— Ты меня презираешь?

Женщина молчала, на весу держала пакет.

— А я тебе обещаю: все будет хорошо.

Нет, ты, конечно, вправе считать...

Женщина вышла в коридор, надела туфли, потом скользнула взглядом по зеркалу, словно прощаясь сама с собой.

— Куда ты? Я... я тебя не пушу.

Женщина посмотрела на мужчину, набросила прозрачный плащ.

— Тогда я с тобой, подожди меня...

— Нет,— сказала она и положила у зеркала связку ключей.

На детской площадке на качелях ежился человек в брезентовом плаще... Поднялся, виновато улыбаясь.

— Деньги есть? — подошла Шура.

— Есть,— смутился Тима-Тимофей.

— Сколько?

— Вот,— выудил из кармана пожухлые рубли.

— Это все?

— Все. Дома есть, двадцать рублей,— он глуповато ухмыльнулся, стоя с протянутой рукой.

Шура долгим взглядом смотрела на эту руку, потом ударила по ней снизу пакетом. Рубли вспорхнули в воздухе.

Алексей стоял в кабинете, смотрел на разгром. Потом с отрешенным, маниакальным лицом принялся перелистывать каждую страничку, каждую книгу и выносить их в коридор, а там аккуратно складывал в стопочки.

Площадь, залитая бетоном и обнесенная непрочным проволочным забором, была запружена автомобилями и людьми. И в этом автобазарном хаосе металась женщина, призывно размахивала пакетом, как флагом капитуляции. Мир чадил, рокотал моторами, кричал, мелькал потными, искаженными лицами, каруселил импотентными страстями.

Тра-та-та! — прогазовала мимо Шуры какая-то развалюха, и в этот момент чья-то бесстрастная, но требовательная рука предприняла попытку вырвать пакет. Женщина растерялась, непроизвольно потянула пакет на себя...

— Пусти, с-с-сука,— шипел молодой человек в дорогой спортивной куртке, ворочал тяжелой боксерской челюстью.— Пусти... как договаривались...

— Где сын? — вцепилась в преступника Шура и обморочно повисла на нем.

— Пусти, б...,— он сжал ее хрупкие руки.

— Где сын?! — женщина взвизгнула от боли и ненависти.

Вокруг замельтешила толпа любопытных. Лица... лица... лица...

— В чем дело? Что такое опять? Да пьяны! Любовь у них!

— Тебе что, б..., жить надоело? — цедил сквозь зубы Спортсмен, лицо его покрылось латунным потом.— Пусти... убью!

— Сына-а-а! — висела на нем женщина.

— Да милицию-то зовите! — взвизгнул бабий голос.

— Ах, ты! — преступник вывернулся из куртки и побежал, лавируя в мессиве автобазара. Куртка осталась в руках Шуры. Она отшвырнула ее, как помеху, и бросилась следом...

Спортсмен впрыгнул в малолитражку небесного цвета. Мотор взревел, но впереди припарковывалась развалюшка, перекрывала путь. Шура рванула на себя дверцу машины, втиснулась в салон.

— Это я,— сказала она, ей не ответили.

Шел милицкий наряд; резиновые палки, предупреждая о правопорядке, покачивались, овчарка скалилась, выбрасывая обмылок языка...

— Старая,— проговорила женщина,— скоро умрет.

Пес остановился у бампера, мочился на колесо.

Малолитражка небесного цвета с праздною скоростью катила по проспекту.

— Идиот! — ругнулся впереди сидящий человек; это был коротыш с лиловой лысиной, и в нем нетрудно было узнать Петра Петровича, директора Дома культуры.— Идиот! — повторил Петр Петрович, повернулся и профессиональным ударом наказал Спортсмена; тот взвизгнул:

— Да она дура!

— Сам дурак,— сказала Шура.— Где мой сын?

— Девушка думает, что мы шутим,— хмыкнул невзрачный человечек в очках.

— Сам ты...— сказала женщина.— Где мой сын?

— Во сучка! — с восхищением проговорил долговзый блеклый водитель.

— Сам ты... Я вас всех... Вы у меня... Сво-лочи!

— Заткись,— прервал ее Петр Петрович, вываливая содержимое пакета на колени.— Ну бля-я!.. Ты что? — Он копался в сухих шуршащих обрезках.— Да мы тебя за это...

— Нет, она мне нравится,— хмыкал Водитель.— Может, дернем ее пару раз?..

— Мне она тоже нравится,— проблеял Невзрачный и протиснул ладошку в разрез кофточки.

— Иди ты, коз-зел! — и саданула локтем.

У Невзрачного опасно сбились очки с носа, но он их поймал и с детской обидой зыркнул на женщину. Водитель довольно хохотнул.

— Стой-ка здесь,— приказал ему Петр Петрович.— Двухеcki есть?..

Его спутники покопались в карманах. Шура протянула монетки:

— Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

Он выбрался из машины и направился к

будке телефона-автомата.

На летней веранде, светлой от прозрачных штор, белой скатерти и мраморных статуэток, за черным пианино сидел аккуратный мальчик. Благородный, с легкой улыбкой мальчика. Не слышно внимал.

Неслышно ступая, холеный Помощник принес телефонный аппарат с поднятой трубкой...

В стеклянной будке размывалась грузная короткая тень. Наконец вывалилась, превращаясь в потного, недовольного Петра Петровича. Плехнувшись на переднее сиденье машины, он пожевал губами, посмотрел перед собой, подал команду:

— Отключи-ка ее.

Невзрачный поправил очки на носу и молниеносно, как стрелой, ткнул острием тренированного пальца в незащищенную шею женщины.

И женщина...

Туман-туман-туман — то ли сон, то ли жизнь, то ли смерть?

Туман-туман-туман — на мраморном полу сидел котенок. Он был один... один... один... маленький-тепленький-домашний... Изредка лапой котенок пытался поймать проплывающие сгустки неживой материи.

...Умытый старичок вошел в огромную светлую комнату, подошел к антикварному столу, с удовольствием посмотрел на белые листы бумаги, на письменные принадлежности...

...Шура открыла глаза и увидела котенка. Тот, играя, царапал ее прозрачный плащ. Женщина лежала на плотных матах в странной комнате без окон.

— Кис-кис-кис, — позвал человек за столом и бросил коту кусок ветчины.

Шура застонала от боли в горле. Незнакомый человек (это был холеный Помощник) налил в стакан минеральной воды, протянул женщине. Та сделала глоток, поперхнулась, пеннистая жидкость вскипела.

— Как вы себя чувствуете, Александра Михайловна?

— Вы... вы...

— Сколько с вас запросили?

— С нас?.. Семьдесят пять тысяч. Это что-то...

— И вам это кажется странным?

— Д-д-да, — выдавила женщина. — Где мой сын?

— Вы не волнуйтесь. С ним все будет в полном порядке... И более того, мы вам его вернем, но маленькое условие... Кис-кис-кис,

а ну, иди сюда, зверь, — он за шкуру приподнял котенка. — Третий лишний. У-у-у, кусается... Так вот, что это за папочка?

— Папочка?

— Папочка!

— Не знаю я никакой...

— Да? — с хитрецей взглянул на женщину Помощник. — А все-таки?..

— Вы с ума посходили!.. То сумасшедшие деньги требуют, то какую-то папочку... — она неожиданно осеклась.

— Ну-ну? Вспомнили?

— Муж искал какую-то папку, пурпурную. Но я ничего не знаю... Не знаю! — закричала она. — Где мой сын? Пока я его...

— Вот так — да? — укоризненно покачал головой.

— Я не понимаю, что вы от меня хотите? — Александра Михайловна, сейчас вы все поймете, — улыбнулся Помощник и постучал костяшками пальцев в стену.

Алексей перед зеркалом поправлял галстук. Вдоль стены лежали стопками книги, бумаги, какие-то старые картонные листы. Алексей присел, взял один из таких картонных листов, поставил у стены. Это был аляповатый натюрморт. Потом Алексей снял с вешалки плащ...

Двое преступников вносили стеклянную бутылку.

— Все выливать? — спросил один из них.

— Вы что? — отпрянула Шура.

— А что такое? — удивился Помощник. — Что, знакомая посуда?

Шура не отвечала, жалась в углу.

— Давайте-ка, — Помощник прошел к двери ванной комнаты. — Вот-вот, пока хватит. Александра Михайловна, будьте добры...

— Нет, — прошептала она.

— Я вас прошу...

— Нет.

— Тогда извините...

— Не-е-ет!!! — закричала Шура.

Алексей входил в отделение милиции, над которым, несмотря на день, мутным сгустком светился неоновый квадрат.

Двое преступников держали Шуру, наклоняли над ванной. Там поблескивала тяжелая маслянистая жидкость.

— Да вы так не волнуйтесь, Александра Михайловна, — сказал Помощник. — Пока не вас... — И позвал: — Кис-кис, иди-ка сюда, собака, — за шкуру приподнял котенка над ванной, тот мякнул, лапами зацарапал воздух. Помощник разжал пальцы — и котенок плюхнулся в жидкость. Живая его плоть начала разлагаться в едкой серной кислоте,

превращаясь в мертвую темную обуглившуюся массу...

— Теперь, надеюсь, Александра Михайловна, вы все поняли? — улыбнулся преступник с аккуратным пробором светлых волос. — Найдём общий язык? Или как?

За казенным столом разговаривал по телефону молодой Инспектор.

— Можно? — проник в кабинет Алексей.

— Можно, — вздохнул Инспектор и опустил трубку на рычаг. — Что у вас?

— Вы знаете, — засмутился Алексей, — сына украли...

— Сына? Интересно-интересно, — прищурился Инспектор. — Так и украли?

— Украли и вымогают бешеные деньги.

— Да?

— Да!

— Извините, а у вас праздник был какой-то?

— Праздник?..

— Ну день рождения сына или именины сердца...

— Ах, вы про это? — Алексей прикрыл рот ладонью. — Так это я с горя, так сказать...

— С какого? — Инспектор с невозмутимым видом выдвинул ящик стола, достал два бумажных листочка и придвинул к потерпевшему. — Ручка имеется?

— Во-о-от, да, — суетился тот.

— Прекрасно, пишите все-все, подробно.

— Заявление?

— Да, — Инспектор поднялся из-за стола. — А я пойду пока перекушу.

Малолитражка небесного цвета притормозила у подъезда панельного дома. Из нее выпрыгнул Спортсмен, придержал дверцу: — Прощу-с... Вот мы и дома...

Женщина в полубморочном состоянии сделала несколько неверных шагов... Молодой человек участливо придержал ее за локоть. Через двор шли воскресные люди...

— Будь готов, — кивнул водителю Петр Петрович.

— Всегда готов, — отсалютовал, ощерившись, шофер.

— Пионер — всему пример, — хихикнул на это Невзрачный, пощелкивая костяшками пальцев.

...Трое мужчин и одна женщина входили в подъезд.

Алексей, один в казенном кабинете, старательно строчил мелким бисером бумагу. Иногда он задумывался...

Преступники по-хозяйски ходили по квартире. Входная дверь была взломана. Шура в

каком-то отупении сидела на кухне, слушала голоса:

— Дурное дело, я сразу понял: дурное дело.

— Ты ищи-ищи...

— Чего искать-то, вчерашний день?.. Тут до нас еще поработали.

— А с этой чего делать будем? Мочить надо...

— Тебя забыли спросить, иди ищи, гнида...

Шура подняла голову, в окне увидела башенный кран... Она приподнялась, осторожно ступила в коридор, выскользнула в дверь. Дверь предательски скрипнула...

В казенный кабинет входил молодой Инспектор:

— Изложили?

— Написал.

— Хорошо, регистрируем, — Инспектор потрепал странички. — Будем принимать меры, но вообще-то вы тоже поищите. Может, у друзей, у бабушки, бабушки...

— Нет бабушки, а с бабушкой... — Алексей огорченно махнул рукой.

— Хорошо-хорошо, меры будут приняты.

— Спасибо большое, — отступал спиной к двери Алексей.

Старичок старательно писал, с умилением поглядывая на стопку исписанной бумаги. Приглушенно звучали сигналы точного времени...

Шура бежала через подворотню. Из пищевых баков выпорхнули потрепанные голуби. За ней спешным шагом, словно стесняясь редких прохожих, торопился Спортсмен:

— Мы же договаривались... Ну вообще! Куда же ты? Вот как нехорошо, ай-ай-ай...

Женщина юркнула в дыру забора. Молодой преступник огляделся по сторонам, мстительно прикусил губу и нырнул следом.

Петр Петрович плюхнулся в машину, зло спросил:

— Куда побежала эта стерва?

— Туда, — кивнул в сторону кустов Водитель. — Да, наш Малыш ее сделает, повезло, ничего девка, упругая...

— Дура-ак, — ругнулся Петр Петрович. — Ладно, упокой душу рабы божьей. Вперед!..

Ступени лестницы были заляпаны бетонными лепешками, известью. На одной из площадок стояли строительные козлы, еще выше — странное сооружение, напоминающее механическую лебедку. Шура, умирая от напряженного бега, перегнулась через перила, посмотрела вниз, потом смахнула ногой

гравий. Камешки застучали... тук-тук-тук...

Спортсмен пружинисто, через три ступени взбежал по лестнице. Все внимание — на Шуру.

— Ну что, доигралась, тварь? Я ведь могу-у-у! — Он не заметил, как угодил в ловушку-петлю. От неверного, панического движения петля хлестко затянулась вокруг шеи, вздернула тело.

Преступник хрипел и царапал пальцами стальной трос, стоя на цыпочках.

— Где мой сын? — рука женщины держала рычаг подъема-спуска механизма.

— Отпусти-и,— сипел Спортсмен, глаза вываливались из орбит.— Скажу-у!

— Говори,— Шура повела рычаг вниз.

— А-а... а-а... а-а... — глотал с трудом воз-
дух.

— Говори!

— Меня убью-ут!

— Ну? — она дернула рычаг.

— Скажу-у!

— Говори!

— Там... это... на даче... по направлению...

Алексей входил во двор дома, смотрел по сторонам. Навстречу ему с детской площадки поднялся человек в плащ-палатке. Алексей отшатнулся... Тима-Тимофей смущенно улыбнулся:

— Извините, вы меня не узнаете?

— Узнаю,— неуверенно проговорил Алексей.— Шурин однокурсник?..

— Да-да,— закивал Тима-Тимофей.— У Шуры, я знаю, неприятности... Нужны деньги?

— Да,— отвечал Алексей и все время поглядывал по сторонам.

— А сколько нужно?

— Что?

— Ну денег?

— А у вас сколько?

— Я... у меня... я могу продать машину.— и глазами показал на автомобиль.

Алексей посмотрел — у мусорных баков стоял грязный старенький «Запорожец».

— Я все сказал, чест слово! Отпусти-и! — страдал преступник.

— Отпущу-отпущу,— сказала женщина, держа руку на рычаге,— когда моего сына... сына... сына... — И повела рычаг книзу.

Но вдруг механизм лебедки взбунтовался: рычаг выбило из рук, и он опасно забился в конвульсиях. А во вздернутой петле...

На пороге квартиры застыл Алексей. Он сделал шаг... еще... еще... В квартире был чудовищный погром.

В смятении Алексей ходил по квартире: из

кухни — в комнату, из комнаты — в кухню, из кухни — в комнату, из комнаты — в кухню...

На фоне синего предвечернего неба в проеме будущего окна обвисли ноги в цветных носках...

— Господи, что же это такое?! — обжимала голову руками женщина.— Я же не хотела, Господи!.. Прости меня, Господи! Помогите мне, Господи!

В антикварном кабинете зазвонил телефон. Из ванной комнаты — с зубной пастой на губах и щеткой в руках — торопился Самсонов. Он схватил инкрустированную трубку, рыкнул:

— Да? — и поперхнулся, сбил напор: — Да? Слушаю, слушаю... Конечно, конечно, буду... Да-да-да!

Зал пригородных касс был куполообразен, огромен, как храм. В кассовых автоматах звякали монеты.

В зал-храм вошла Шура, медленно подняла голову на карту пригородных зон.

Потом долго шла вдоль состава электрички...

Сидела в пустом вагоне...

Смотрела через пыльное вагонное окно на перрон — там двигалась стена войсковой части, безликая-кованая-плотская стена.

Затем мир сдвинулся и поплыл навстречу гулжающим сумеркам.

А в темной малогабаритной квартире метался человек... Из комнаты — в кухню, из кухни — в комнату, из комнаты — в кухню... И лица этого человека не было видно.

Веселенькая энтээровская гоп-компашка пела под гитару. Шура смотрела в окно. Некрасивый, заросший балагур-весельчак проявил к ней интерес:

— Осень... осень... Вы любите осень?

Женщина не отвечала.

— Любите, конечно! А с нами не желаете? Костерок, шашлычок. К шашлычку...

— А спички есть? — спросила Шура.

— Курите? Цвет лица... м-да...

— Мне нужны спички,— с напряжением повторила Шура.

— Не курите? Тогда зачем спички?

— Хочу сжечь все деньги... все деньги...

Балагур-весельчак хохотнул:

— Как же без них, родных? У меня только зажигалка, импортная. Увы, подарок...

— Извините...

Электричка накатывала на станцию. Появились крупные трафаретные буквы названия.

Самсонов с «дипломатом» в руке подошел к автомобилю, открыл дверцу.

— Что-то случилось? — спросил он с напряжением.

— Не знаю, — ответили ему.

— Ох эта проклятая жизнь, одни неприятности.

Шофер повернул ключ зажигания.

Ночной ветер рвал еще не умершие листья.

Дачный домик был упрятан за плодовыми деревьями и густым кустарником. Шура спряталась в тень, с болезненной подозрительностью наблюдала. Домик казался безжизненным...

Пробежала, трусая, собака, обнюхала женщину.

— Черт, — выругалась Шура.

Не спеша пошла она по дорожке, остановилась, прислушалась, поднялась по ступеням веранды. Дверь в домик была открыта, облицовочно светлела берестяная поленица. Женщина взяла увесистое полено и... полено улетело в опасную, нездоровую темень, которая тотчас же взорвалась метафизическим ором:

— А-а-а, твою мать!

На веранду выпал поврежденный человек. Это был Георгий. Он упал, скорчился от боли.

— Сука, что же ты делаешь?!

Легковой автомобиль выехал на пригородную трассу и с недопустимой скоростью пошел вперед.

Электричка неистово вырвалась из ночного леса. Сконцентрированная, мощная, механическая сила. Потом возник металлорежущий звук — электричка затормозила на безлюдном полустанке, остановилась. Двери спазматически открылись.

В первую дверь последнего вагона запрыгивала Шура, увидела, как мужчина тоже заскакивает в вагон, во вторую дверь. Женщина выскочила из вагона. Преследователь — за ней на перрон, пытался что-то кричать... Шура снова бросилась в вагон, успела проскользнуть между двумя гильотинными створками. Мужчина же запоздал — ногу по бедро заклинило дверями; прыгал на свободной по ходу движения электрички. Еще ничего не понимал...

Шура пробежала пустой вагон. В тамбуре сучила об пол нога, у ноги стоял «дипломат»...

— Где мой сын? — закричала женщина.

— Стоп-кран! Стоп-кран! — прорывался заклинаящий вопль.

— Сы-ы-ына!!!

— Кра-а-ан!!!

— ...ы-ы-ына!!!

— ...а-а-ан!!!

...В освещенном тусклым светом вагоне дремала пожилая пара грибников. Электричка гремела на стыках.

Шура не заметила туристов — села напротив, за три ряда, расстегнула замки «дипломата». Некоторое время она была без движения, потом вытащила бутылку водки, зубами сорвала пробку и сделала жадный глоток.

Напуганные грибники переглянулись.

И Шура осталась одна... одна... одна...

Смотрела перед собой, и колеса выбивали: во спасение себя... во спасение себя... во спасение себя...

К ажурным воротам подкатил легковой автомобиль. У ворот стоял постовой милиционер.

— По приглашению, — сказал ему Самсонов.

За ажурными чугунными воротами сверкал огнями дом, похожий больше на замок. У дома парковались машины иномарок...

— Все флаги в гости к нам, — резюмировал Самсонов, вываливаясь из авто.

— Будут тебе флаги со знаменами, — буркнул шофер.

Из электрички выбиралась Шура, ее пьяно мотало.

— Это что такое? — подступил к ней привокзальный постовой. — Пройдем-ка...

— П-п-пройдем! — протестующе замахнулась «дипломатом» Шура.

Постовой сгубился к асфальту перрона, глотал свежий ночной воздух. Электрические часы выбивали цифры: 00.56. Мимо постового продефилировала с лукошками милая пожилая пара, с удивлением смотря на его ужимки.

— Вам помочь? — выказали сочувствие.

— Посвистите, пожалуйста, — и протянул свисток.

Неровная дальняя трель деформировала тишину ночной улицы. Из-за угла казенного здания выехал выдавший виды «кадиллак» и медленно-медленно покотился за идущей женщиной. Потом голос с акцентом спросил:

— Дэвушка, пакатаца?..

Шура развернулась на голос, как волчица, всем телом.

— О! Праститэ! — и автомобиль исчез, пропал... А был ли он?

Женская рука сжимала боевой ТТ.

Самсонов маялся в маленьком коридорчике. За стеной бушевало веселье: кричали, хлопали в ладоши, визжали, стреляли из ракетниц в небо. А он был один... один... один...

Наконец появился служивый человек в полубоевой униформе, молча протянул руку.

— А? Что? — не понял Самсонов. Потом вспомнил, засуетился, шаря во внутреннем кармане. — А, черт!.. — вынул пистолет, вложил в чужую руку.

Телохранитель посторонился, приоткрыв дверь в скромный кабинет. Самсонов протиснулся туда — у окна стоял Сам, благородный, с сединой...

Небо полосовали разноцветные огни салюта.

— Иди сюда, — сказал Сам. — Ближе, еще ближе.

Самсонов приблизился. Благородный протянул руку, цепко схватил за мясистое ухо, выкрутил, ровным голосом говорил:

— Слушай меня внимательно, слушай, ты, говно в мешке, коз-з-зел!.. жлоб!.. мешок с говном!.. Ты что, издумал против меня играть? Или выйти из игры, а?

— Побойся Бога, — Самсонов повалился на колени. — И мыслей не было! Я все объясню, объясню...

— Ну-ну, постарайся, дерьмо, — он отпустил самсоновское ухо, обтер руку о занавеску и посмотрел в окно на красивое, вечное, ночное небо...

Женщина долго шла вдоль глухой бетонированной стены, которая была заставлена ящиками, контейнерами, мешками с мусором. Шла... шла... шла... и казалось, что стена никогда не закончится.

Но потом — свет фар ослепил... ударил... вырвал из ночи... срезал женскую фигуру...

— Шурочка? Это я! — слышался голос из горбатенького «Запорожца».

— Тима?

— Я... я...

— Ты один? — Женщина направила оружие.

— Я? Я... Я... — растерялся человек и от испуга вздернул над головой руки, точно сдаваясь. — Один, конечно один!

В скромном кабинете под шум веселья и стрельбы из ракетниц продолжали светскую беседу двое — хозяин и гость.

— Весь этот лепет меня не убеждает, — сказал хозяин. — Он испугался...

— Испугался-испугался, — поспешно подтвердил гость. — Думал, против меня террор.

— Сам себя, дурак, перехитрил. Хочешь чистым выйти?..

— Не хочу... то есть...

— Чтобы я поверил — папку на стол!.. Вот сюда!

— Так это... ищут!

— И найти не могут? — спросил с издевательством хозяин.

— Не... не могут...

— Понятно. Боюсь, не доживешь ты, родной, до благородных седин...

— Клянусь!

— Чтобы, повторяю, я поверил: папку на стол. Контрольное время — двенадцать ноль-ноль. Все!

В загаженной кухне в очередной раз ударили куранты. Старичок топтался в валенках, вытягивался по стойке смирно.

Грянул, как обвал, гимн...

Шура, теснясь в автомобильчике, плакала, шмыгала носом, размазывала слезы. Мужичина нежно придерживал ее за плечи:

— Все будет хорошо, хорошо, Шурочка...

— Как может быть хорошо, если хочется убивать, убивать...

— Ничего-ничего, я верю, все будет хорошо, — гладил он женское плечо. — Тебе не холодно? Ночи холодные.

— Как я устала, если бы кто-нибудь знал, — стонала Шурочка. — Я даже умереть не могу, так я устала.

— Ничего, что-нибудь придумаем. У меня друзья, деньги.

— Деньги-деньги... сжечь... сжечь... в пепел... в прах...

— Без них нельзя. — И повернул ключ зажигания.

От ярко освещенного загородного дома-замка, скрипя тормозами на поворотах, рванул легковой автомобиль. У ажурных ворот мелькнул постовой. Галька ударила о днище машины...

Чернели кресты рам, и лишь в одной квартире оранжеевел свет...

— погоди! — сказала Шура, глядя вверху.

— Я проверю, быстро, ты не волнуйся.

— На! — протянула она ТТ.

— Бог с тобой! — отчаянно отмахнулся он.

Шура упрятала боевое оружие в дамскую сумочку, недоверчиво и устало поглядела на светлые оконные проемы. Неожиданно люстра на кухне погасла — вспыхнула, погасла — вспыхнула, погасла...

Из скрытого тенью деревьев автомобиля выпрыгнул долговязый человек, направился

к подъезду. Шура узнала Водителя, вжалась в сиденье, оцепенела.

Распахнулась дверь — Водитель столкнулся с выбегающим Петром Петровичем, ткнул рукой в сторону горбатенькой малолитражки.

Двое подбежали к машине. Водитель замахнулся монтировкой — лобовое стекло треснуло свинцовой паутиной.

— А-а-а! — страшно закричала женщина и повернула ключ зажигания.

Мотор взревел, Шура от ужаса происходящего засучила ногами. Автомобильчик резко рванул вперед... Водителя отбросило в сторону, мотор заглох.

Громоздкий Петр Петрович изо всех сил руками ударил по лобовому стеклу — стекло брызнуло, как вода.

Но женщина уже убегала... убегала... убегала... в надежде... в надежде...

— Помогите! Помогите! — раздался крик, но город был безучастен, как может быть безучастен человек.

Женщина попала в каменный колодез домов, наткнулась на мусорные баки, на разлагающуюся свалку.

Петр Петрович неотвратно и страшно шел на нее. Лица не было, была маска, как у манекена...

— Убью-у! — прошипела Шура, отступая. Оружие не остановило. Надвигался, сжимал-разжимал пальцы, сжимал-разжимал... и щерился...

Пуля пропала в ощерившемся рту, словно подавился пулей... Он сделал шаг и рухнул ниц на овощную гниль. Пальцы еще жили: сжимались-разжимались, сжимались-разжимались...

...Женщина долго шла вдоль глухой бетонированной стены, которая была заставлена ящиками, контейнерами, мешками с мусором. Шла... шла... шла... и казалось, что стена никогда не закончится.

...Под женскими ногами мерцало, как лед, битое стекло. Потом Шура потопталась у малолитражки, условно просигналила: би-би-бибип.

Кабина лифта вознеслась в шахте. Шура прислушивалась, выворачивая голову, услышала лязг двери. Кабина поплыла вниз, и тогда женщина жестко клацнула рубильником на щите распределения энергии. Лифт завис между этажами.

...Невзрачный прислушался, поправил очки на носу и нанес сокрушительный удар ногой в верхний угол пластиковой двери.

...Женщина напряженно выворачивала голову вверх, и рука снова жестко клацнула рубильником.

Шаги... шаги... шаги... по клавишам лестницы. Поднималась женщина, и волосы ее

были покрыты серебристо-никелевой накипью, как парчой.

Невзрачный, выбирающийся из лифта, был раздавлен лифтным механизмом. Очки с блеклыми стеклами продолжали изучать мир...

— Господи, что же это такое? — стонала Шура.— Ну сделайте что-нибудь... Я не хочу... не хочу...— Ее шатало от стены — к перилам, от перил — к стене.— Ну кто-нибудь! Помогите! Верните сына!. Верните мне, Господи, самое себя! Пожалуйста-а-а!

Воспаленными высушенными глазами Шура смотрела на себя в зеркало. Не узнавала. Накрутила на пальцы локон волос и, продолжая не верить зазеркальному отражению, приблизила его к глазам... глазам... глазам...

Неслышно вошла в разгромленную гостиную. У двери в перистом джинсовом костюме стоял крепкий молодой человек, вертел в руках будильник... сторожил Алексея и Тимофея, загнанных в угол.

— Я тебя не знаю,— сказала женщина и повела дулом ТТ.— Ты кто такой?

Будильник упал на домашний хлам, время на нем было мертво...

— Шура-а-а! — бухнулся на колени Алексей и пополз к ней.— Прости-прости-прости! Это я во всем виноват! Папка пропала... А там доверенность, понимаешь, на дачу, на машину и еще что-то там... Все самсоновское — на меня, на семьдесят пять тысяч! Прости-и-и! Пропала папка — и все, все из-за нее!

— Будь ты проклят,— сказала Шура и спросила преступника: — Я не слышу, как тебя зовут?

— Я... меня?..— отступал он.— Я... Юра...

— Пошли со мной, Юра,— просто сказала она.

— А я? — спросил Тима.

Шаги... шаги... шаги...

— Я сейчас включу лифт, вытащите его... А то нехорошо... люди на работу пойдут...

Битое стекло скрипело под ногами... Тима-Тимофей присел перед бампером, спросил жалобным голосом:

— Шурочка? А это что такое?

— Ты меня любишь?

— Я?.. Шура!

— Если любишь, вытащи его... и в багажник... а то нехорошо — люди на работу пойдут...

...Трое окружили багажник, суетились, закрывали:

— Ногу-то, ногу туда, поправь...

— У, зараза, не лезет.

— Тут вот это... мешает...

— Вы скоро там? — поинтересовалась Шура из тени.— Мне спешить надо.

Самсонов лихорадочно собирал документы в небольшой чемоданчик, пролистывал бумаги, что-то рвал. Хрустальная люстра пылала... На мирскую суету невозмутимо взирали лики святых на иконах...

— Будет вам контрольное время,— сказал он и поднял голову.

В дверях стояла Шура с ТТ в руках, а за ней...

— Вам нужна папочка? — спросила женщина и подошла к столу.— Я принесла вам папочку.— Она взяла тяжелую хрустальную вазу.— Вот ваша папочка! — и швырнула вазу в матовый экран цветного телевизора. Хрустальная ваза взорвалась.

— Что ты делаешь, сучка?! — взъярился хозяин квартиры, выхватил из внутреннего кармана свой пистолет.— Убью!..

— Я тебя убью,— взвизгнул Алексей и неумело, но со всей силы оттолкнул врага.

А женщина крушила стулом уникальную фарфоровую посуду.

...Заляпанный кровью, как краской, в стекле и фарфоре прекрасного прошлого лежал поверженный Самсонов. Сейф был открыт. Женщина забивала пачками денег свою дамскую лакированную сумочку.

— Милиция...— застонал Самсонов.

— Будет тебе милиция,— прохрустели шага.— Где мой сын?

— Не-е-е...

— Где? — присела она.

— Не знаю...

— Знаешь...

— Н-нет!

— Знаешь,— и дулом ТТ раздвинула самсоновский рот.

— Я знаю,— сказал Юра.

Город просыпался. Зевал на посту регулировщик. Поливальная машина освежала водой асфальт. Трезвонил и лязгал буферами сдвоенный трамвай...

На кухонном столе ожило радио — размеренные звуки метронома, затем сигналы точного времени и, наконец, гимн — торжественный, неотвратимый...

В солнечных праздничных лучах, как мираж, белокаменный дом, больше похожий на замок, огороженный чугуной изгородью.

Машина остановилась у ажурных ворот. Постовой — веснушчатое крестьянское лицо — заглянул в салон:

— По приглашению?

По бордовому гравию дорожки не спеша

шла женщина. Английская изящная лужайка, стриженные шары кустарников. Дворник граблями сгребал листья.

Шура услышала прекрасные звуки пианино и под эти звуки стала медленно подниматься по мраморной помпезной лестнице. Она увидела веранду, светлую от утреннего, ванильного света... светлую скатерть на столе, занавеси, развевающиеся знаменами от сквозняка... За черным пианино сидел аккуратенький мальчуган... Она увидела человека в светлом костюме, его светлые с седой волос, светлый благородный взгляд, а рядом с ним — жена, блондинка, и выводок детей — светленьких херувимчиков... И среди них — Кирилл!..

— Кир...— прошептала Шура, ее не услышали.

Мальчуган закончил играть, степенно кланялся, и ему хлопали благодарные слушатели.

Потом Шура услышала голос сына:

— Ма, ты уже пришла? Почему так рано?

Здоровая крестьянская пища на столе: сливки-молоко-сметана-творог-сыр...

— Приятного аппетита,— пожелали Шура.

— Спасибо,— и послушно ела: сливки-молоко-сметану-творог-сыр.

— Спасибо, мамочка... спасибо, мамочка... спасибо, мамочка...— херувимчики выходили из-за стола.

— А можно листья пожечь? — спросил Кирилл и громко, простуженно втянул соплю.

— Спроси у мамы.

— Ма?

— Можно.

Жена-блондинка скользнула по светлым волосам мужа губой.

— Извините, вынуждена вас оставить,— улынулась она.— У вас хороший мальчик.

— Спасибо,— сказала Шура.

Благородный смотрел на женщину просветленными глазами.

— Не смотрите на меня так,— сказала Шура, выкладывая на скатерть темную лакированную сумочку.— А то я могу и застрелить, как этих...— Она извлекла спичечный коробок... второй... третий... четвертый... пятый...

— Что это? — пожевал губами хозяин.

— Это? — Шура направила на него ТТ.

Знаменами капитуляции развевались прозрачные занавеси.

— Иногда стреляет,— повел плечом Сам.

И неожиданно в обморочной тишине веранды — телефон... Рука женщины вздрогнула, фейерверочный хлопок выстрела... Благородный пригладил волосы...

С телефонным аппаратом вошел Помощ-

ник и с галантной невозмутимостью кивнул Шура, заботливо спросил:

— Стреляли? — и передал аппарат хозяйину.

...Благородный говорил по телефону:

— Нет, нет, спасибо... С удовольствием, но сейчас увы, увы... дела-дела... Супруге кланяюсь.

Потом он поднялся из-за стола, поправил полы летнего костюма, покачался на носках.

— Извините, произошла ошибка.

— ?!

— Произошла ошибка, и мы приносим свои извинения...

— Извинения?

— Да...

Женщина посмотрела на человека, сделала шаг назад... еще шаг...

— А это? Эти? — показала она на спичечные коробки.

— Пустое, — он снова пригласил благородную седину.

— Да-да, — отступала она, — спасибо...

— Пожалуйста. Извините, оружие?

— Нет, — ответила Шура, — нет, это зажигалка... импортная... подарок...

...Женщина торопилась по бордовому гравию дорожки. Английская изящная лужайка... Шура открыла сумочку, чтобы похоронить пистолет, и увидела пачки банкнот. Их желтушный цвет напоминал осенние листья.

...Дети жгли костер. Листья были мокрые, еще свежие, и костер дымил. Кирилл с увлечением раздувал трепещущую синь... Ранец коробился на его спине... Шура подседала к сыну...

— Не горит?

— Не-а...

— На, — и вручила ему вощеную бумагу.

— А это чего, ма?

— Деньги.

— О! — сказал Кирилл. — У меня такая самая есть.

— Есть?

— А вот, — он бросил ранец, открыл, покопался и вытащил... пурпурную папку!..

— Это что? — спросила Шура замороженным голосом.

— Не знаю. Это я нечаянно, ма... Тут у папы и машина, и дача... Наши? Я хотел в школе похвастаться.

Шура просмотрела документы, взглянула на сына...

— Нет, это... это... — и положила на листья будущего костра папку.

Потом чиркнула спичку, подставила купюру, та зачадилась, вспыхнула.

— Держи-ка, — и подала купюру сыну.

— Тетенька, а мне? — подбежал мальчик-херувимчик.

— Пожалуйста, — Шура подошла ассиг-

нацию.

— А мне? — попросила девочка-херувимчик.

— И тебе.

— И я хочу... — подошел аккуратный мальчик-пианист.

— И я...

Костер разгорался, осветленный утром. Смеялись дети. Шура швыряла банкноты в очистительное пламя. Некоторые улетали, и дети их отлавливали, несли в прожорливый костер. Человек на веранде смотрел, приглаживал пробор седых волос...

...Шура уводила сына, тот ныл:

— Ну ма-а-а, я еще хочу, ну немножко.

...У ворот по-прежнему дежурил постовой. Чуть дальше, у открытого мотора малолитражки, стояли трое.

— Па! — сын вырвался из рук матери, налетел на отца. — Это наша машина?.. А мама говорит...

— Все в порядке? — открыто улыбнулся постовой.

Шура вздрогнула от вопроса, посмотрела на милиционера. Казалось, что она кричит, разрывая рот, от ненависти, безнадежности, отчаяния... Но на самом деле она не кричала — шептала, разрывая рот, от ненависти... безнадежности... отчаяния...

— Как мы живем? Мы прекрасно живем! Пусть на бумаге, но прекрасно! В нашей стране только так и можно жить... Никто так не живет.

— Шуручка, что с тобой? — спросил, трогая ее за плечо, Алексей.

Постовой же недоумевающе рассматривал женщину, а та обернулась к мужу, сбросила руку, маниакальным взглядом оглядела его, машину, поле, пролесок, горизонт...

— Зачем открыли багажник?

— Что?

— Открыли багажник зачем?

Багажник был закрыт.

— Не подходите! — отступала она. — Вы их выпустили!.. Зачем? Чтобы погасить костер? Знаю-знаю, — смотрела беспмятными глазами.

— Шура!

— Ма, — всхлипнул сын.

— Тс-с-с! Где мои спички? Снова украли? — Она вырвала из сумочки пистолет. — Лучше верните... — и повела боевым оружием. — Кирилл, сколько можно говорить: спички не брать! Детям нельзя спички! Я тебя за это убью... убью...

— Ма, — не понимал сын. — Я... ты... ты, — заплакал он в голос.

— Не плачь, хочешь зажигалочку?.. Смoтрит, как горит, — и направляла... направляла... направляла... вороненое дуло ТТ.

Михаил
КУРАЕВ

СНЫ И ПРОБУЖДЕНИЯ ПИЛОТА ОЛЬГИ АРЖАНЦЕВОЙ

*Герою Великой Отечественной
войны командиру воздушного
транспортного корабля
Ольге Михайловне Лисиковой
посвящаю*

Фотোগрафия большая. Старая. В обрамлении аэропланов и низвергающихся парашютистов с кометами не набравших еще воздуха парашютов двадцать мужских лиц. Это начальники и преподаватели, инструкторы и техники. Под каждым — ленточка с фамилией. А ниже — в три ряда — сорок женских портретов и тоже с фамилиями. Наверху на кудрявых облаках надпись: «1-й ВЫПУСК ДЕВУШЕК-ПИЛОТОВ 1-й авиашколы Г.В.Ф. им. БАРАНОВА». И совсем внизу — крылатое солнце, украшенное серпом и молотом, а по краям в ромбиках даты: «1934—1937».

Женский голос:

— Это знаменитый Полосухин, он в Десятой гвардейской потом был командиром эскадрильи, только не нашей, а второй. Никитенко погиб... Это Грушевский, потом тоже в нашей дивизии был, командир корабля. Красноургутский так и остался инструктором в учебной эскадрилье. Назаров на нашей Наде Вдовиченко женился. Очень красивый. Глаза необыкновенно красивые. Вдовиченко

небольшого роста, но тоже очень красивая. И любовь была такая сильная. Надя у него на глазах погибла... Погода была не очень хорошая, она на второй круг пошла, а по кругу уже шла Кононова, и столкнулись... Женя Холодова после выпуска инструктором в школе осталась. Меня почему-то озорницей считали, а я просто смеяться любила. Здесь вот тоже смеюсь. Ага, это Фатъма! Утром встанет раньше всех, одеяло накинёт и наводит красоту, брови тонкие-тонкие... Смерть свою просто чувствовала. Просила меня: возьми, возьми вторым пилотом. А у меня уже заявка была. В следующий полет, говорю, возьму, а следующего для нее уже и не было... Это Матохина Валя, то с одним мальчиком пойдет, то с другим, они чуть не дрались. Это Губина, она вместе с Расковой погибла в сорок третьем под Саратовом. «Пе-2» машина тонкая, очень чувствительная, в управлении не сложная, но вертлявая, опыт нужно иметь. А много ли у Маши налета было?.. После выпуска много девушек летало: Маша Рябченко, Лиза Миронова, Конюшок, Зайцева, Голубева Аня, Зоя Мясникова, а после войны мало осталось, совсем мало...

1934-й. Скорый «Ленинград — Ростов-на-Дону»

Тугой встречный ветер срубал дым из паровой трубы, трепал его над мотающимися и гремящими вагонами и уносил в разморенную солнцем неподвижную степь, туда, где неспешно ползли воловьи упряжки и сонно вращались решетчатые крылья ветряных мельниц.

Поезд громыхал на стыках и стрелках, вагоны жили устоявшимся бытом поезда дальнего следования.

— Как-то несерьезно все это, девочки... Свалились, едем,— скулила рослая дивчина с широким лицом, свесившись со второй полки.

— Едем уже, чего ныть? — отозвалась одна из трех девушек, примостившихся на нижней полке.

Напротив в ногах у спящей старухи сидела немолодая женщина, по виду лет под сорок, и кормила грудью ребенка. Делала она свое дело привычно, без видимых усилий, с интересом прислушиваясь к перебранке девушек, едва заметно улыбалась.

— Ольга всех подбила, а своего мнения уже нет,— бухтела сверху широколицая.

— Кто по Оленьке соскучился? Вот она я! — лавируя между узлами и торчащими в проходе ногами, Ольга протиснулась к своим.— Паромонова продолжает гнуть оппозицию? Ой, Паромонова! С оппозицией знаешь как?.. Раз, и на свалку истории.

— Ты, Аржанцева, все время хочешь получать удовольствие.

— А мы для чего в институт спорта поступили? Жизнь, Паромонова, это и есть большое удовольствие, иначе зачем она нам? Ну, зачем?

— Как поступили, так и вылетим. Узнают, куда мы ездили и зачем...

— Едем в Дону покупаться, помидоров поесть. Смотрите,— Оля развернула газетный лист и подала его как арбитру мамаше с ребенком: — «Авиационное училище имени Баранова обеспечивает...» Та-да-та, пропускаем... Вот! «Проезд до Ростова, туда и обратно, бес-плат-но!» Туда и обратно, Паромонова! И с первого сентября ты можешь метать свои ядра и диски хоть на луну. Сходишь четыре раза на экзамены, и десять дней в Ростове!

Мамаша напротив только улыбалась и качала головой.

Ослепительные брызги воды то вздымались, то обрушивались вниз, прямо в Дон, вода взрывалась под ударами юных упругих тел.

Вокруг ленинградских девушек в плотных купальниках толпились юноши в длинных широких трусах, подлинней, чем нынешние

девочки юбки.

За каждый прыжок с десятиметрового трамплина Ольга вжимала с молодых людей дань: пирожное, яблоко, горсть слив, мороженое.

— Оля, ну тает же... Оля, тает,— стонала Паромонова, держа в двух руках мороженое, едва успевая слизывать тяжелые капли, выползающие из-под вафельных кругляшков.

Ольга падала в воду «солдатиком», «ласточкой» и даже с переворотом.

Помидоры на рынке возвышались пунцовыми пирамидами, яблоки и арбузы лежали грудями прямо на земле, ароматы южного базара кружили голову и разжигали аппетит...

В длинном с дощатыми полами коридоре авиашколы им. Баранова тесными группками роились поступающие. Экзамены закончились, и все с волнением ждали, когда будут вывешены списки принятых. Разговоры вполголоса неуверенных в успехе, покровительственно бодрый тон тех, кто уже прознал о своем зачислении.

Беззаботная ватага ленинградских девушек шумно двигалась среди взволнованных парней и девчат.

— Слабо выступила ленинградская команда! — раздалось у них за спиной.

Ольга с улыбкой оглянулась, но сказавшего не угадала и сделала общий жест рукой: все в порядке!

Девушки решительно вошли в дверь канцелярии.

— Списки печатаются, потерпите, вывесим через час,— не поднимая головы от бумаг, проговорил заведующий в расшитой косоворотке.

— А нам не списки, нам документы забрать, у нас поезд в девятнадцать сорок.

— Это можно. Номер группы? Фамилия?

— Паромонова, Аржанцева, Рылова, Доманцевич, Долгопятова... Первая группа...

— Неужели подождать нельзя? Завтра бы уехали.

— Да у нас первого сентября... — начала и осеклась Рылова.

— Что у вас первого сентября? Ну что? — роясь в делах, спросил заведующий.

— Дети в школу пойдут,— с ангельским видом проговорила Ольга.

— Кто Аржанцева?

— Я.

— Поздравляю, тебя зачислили. Так что дети без тебя в школу пойдут.

— Это ошибка... Это неправильно... Может быть...

— Я говорила, что доиграешься,— шипела Паромонова.

— Что теперь будет, они ж документы не

отдадут,— шептала Долгопятова.

— Привет Первомаю,— меланхолично заметила Доманцевич.

— А вы, девушки, не огорчайтесь,— видя перевернутые лица девчат, ободрил заведующий,— приезжайте на следующий год. Мы теперь будем каждый год девушек набирать. Ну что носы повесили?

Снова старая фотография.

Женский голос:

— Это наш командир, Клименко, герой Ленинградского фронта, штурмовик, здесь и погиб. Про него Иван Данилыч может хорошо рассказать. Клименко настолько много летал, замены не было, его из кабины просто вынимали...

1934-й. Авиашкола им. Баранова

— Пятки вместе, носки врозь... Руки по швам. Вот так... Подбородочек повыше. Смотреть прямо.

Начальник авиашколы Клименко медленно продвигался вдоль курсантского строя девушек, оглядывая каждую фигуру в длинной шинели и кирзовых сапогах. Замечания Клименко делал вполголоса, почти отечески, как и следует командиру, чья власть и права неизмеримо больше отдаваемых сейчас распоряжений.

За ним неторопливо двигалась плотная группа преподавателей, инструкторов и командиров.

— Напрягаться не надо, положение «смирно» исполняется без напряжения. А вот головой не вертеть, это в строю исключается.

Аржанцева Клименко заметил уже давно. Обрезанные полы шинели, обжатая талия и острые стрелки ушитых галифе резко отличали ее в строю.

— Фамилия?

— Курсант Аржанцева!

— Курсант Аржанцева, выйти из строя!

— Есть!

Это Ольга умела: три шага вперед, четкий поворот кругом и замерла «смирно». Лицо у Ольги было счастливое, будто она знала, что ее сейчас поставят всем в пример.

— Полюбуйтесь все, товарищи курсантки. Это надо же так обмундирование изуродовать. Самолеты у нас с вами, товарищи девушки, будут одни, форма одежды одна, порядок и дисциплина тоже будут общие. Это школа имени Баранова, товарищ курсант Аржанцева, а не курсы кройки и шитья! Вы адресом не ошиблись? Хотите летать — забудьте, что вы женщина! За самовольство и нарушение формы одежды — пять суток ареста! Дежурный! Проводите курсанта.

Дежурный из старшекурсников подошел к Ольге и протянул руку. Ольга, не скрывая

улыбки, хотела ее пожать.

— Ремень давай,— буркнул дежурный.

В распушенной шинели, тут же превратившейся в подобие арестантского балахона, Ольга двинулась мимо подруг на гауптвахту.

— Тебе-то зачем это все понадобилось? — с сочувствием спросил дежурный, когда скрылись с глаз начальства.

— Что — это?

— Зачем тебе — сапоги, казарма, подъем-отбой?

— Рожденный ползать — летать не может?

— Ну полетай, полетай... — Он распахнул перед Ольгой дверь не очень уютного полуподвального помещения с двумя топчанами и небольшим зарешеченным окном. — А пока приземляйся!

Ольга вошла и с тоской огляделась.

— Здесь жить пять дней?! Какая глупость! Ваш Клименко думает, что за пять дней у меня испортится вкус и я соглашусь быть похожей на чучело?

— Наш Клименко мог дать десять суток, а дал пять. Слушай, как тебя, грохни рапорт и домой, мой тебе совет.

Ольга сделала вид, что не слышит, скинула шинель на топчан и только потом сказала:

— Я подумаю.

— Ну подумай, подумай.

Дверь закрылась, дважды лязгнул тяжелый ключ.

Ольга лихо уцепилась за решетку на окне, подтянулась, повисела, пытаюсь что-нибудь разглядеть, и соскочила вниз.

Прошагав раз десять от стены к двери, она бросилась на шинель, раскинутую на топчане, и, заложив руки под голову, уставилась в потолок.

Женский голос:

— В шестьдесят пятом в честь двадцатилетия Победы был прием во Внуково. Банкет в двух залах, народу тысяча, может, полторы. Я не хотела ехать, мама уговорила. Вхожу в зал и вдруг: «Аржанцева! Аржанцева!» Вторые мои бывшие соскакивают, штурманы, Жорж Быков, Андреев, Герои Соцтруда, международники, заслуженные... И был гост за меня, «за командира корабля Ольгу Аржанцеву». Только тогда я простила, потому что боевые мои друзья здесь не виноваты. Когда началась непринужденная обстановка, танцы, окружили меня: «Ты, Ольга, не зазнавайся, что ты летала лучше нас, мужиков, ты летала так же, как мы». Значит, я летала чуть лучше, иначе бы мне этого никогда не услышать.

1938-й. Ленинградский авиаотряд

На диспетчерском пункте Ленинградского аэропорта все умирали от жары.

Один только Логачев, словно поддерживая репутацию джентльмена, не замечал ни жары, ни пляжного вида телеграфистки, ни майки радиста. В белом полотняном кителе он стоял у окна и соломинкой пытался помочь шмелю выбраться на волю. Тот жужжал, делал какие-то суетливые попытки, но вылетать в распахнутое окно явно не хотел.

— Есть метео,— ни к кому не обращаясь, объявил диспетчер.— Ближайшие сутки дальнейшее падение ветра, легкая облачность и то же пекло. Уф-ф...

— Не замерзли? — в диспетчерскую ввалился Сорокин, шумный, улыбающийся, загорелый, даже орден «Знак Почета» на белом кителе, казалось, тоже улыбается. Первому он протянул руку Логачеву: — Море, Алексей, я тебе скажу, это вещь! А санаторий Орджикидзе, товарищи, это сказка! Чем отвечают на любовь народа авиаторы?

— Почти безаварийной работой по плану,— ответил Логачев.

— Алексей Дмитриевич,— радист сдвинул наушники,— вы борт «Л-315» спрашивали. Малая Вишера передала: прошел тринадцать двадцать пять с нарушением эшелона.

— Кто у нас на триста пятнадцатой?

— Пилот Аржанцева. Из Лодейного Поля перевели.

— А мне не нужно.— Сорокин разом переменялся, сел за стол и сдвинул фуражку на затылок.— Ты что-то, заместитель, того... Зачем меня такими подарками встречаешь?

— Не горячись, и без тебя жарко,— спокойно произнес Логачев.— Во всем мире женщины летают...

— Куда летают? Баба в воздухе — это цирк, это трюк, это рекорды, это спорт... А мы — транспортный линейный отряд. Мы ломовые извозчики, работа у нас, а не показательные выступления. В конце концов мы аэро-флот, понимаешь, флот! А на флоте баба — сам понимаешь что.

— Ты же знаешь, ни в черную кошку, ни в разбитое зеркало, ни в число тринадцать...

— Хорошо. Тогда уважай закон природы, Алексей Дмитриевич, а закон природы гласит: баба есть баба.

— Смотри сюда.

— Куда это?

Сорокин подошел к Логачеву.

— Видишь, это шмель. Я читал, что по законам аэродинамики он летать не может. А ведь летает!

— Хорошо. Шмель может без законов летать, у него начальства нет. А у меня начальство, финплан, план перевозок, матрицы, пассажиры, безаварийность. Девушка спутала Амур с Аргунью, заблудились на линейной фактической трассе, шлепнулись — и ге-

рои. А если у меня на линейной трассе такое, а? Погонят, поганой метлой погонят и правильно сделают, голуба ты мой.

— Сейчас Аржанцева будет на посадку заходить,— услужливо подсказал диспетчер.

— Встречай. Приведи. Познакомь,— Сорокин уже что-то решил про себя и был внешне миролюбив.

С парашютом на плече и шлемом в руке Ольга шла по летному полю. Логачев шел рядом, благодаря сдержанности и независимости, проступавшим в каждом слове и жесте, он казался старше своих лет.

— Ну езда! — Ольга мотала головой, разминая затекшую шею.— Это же не воздух, это болото какое-то! С кочки на кочку. Из ямы — в яму. И в Москву, и обратно...

— Надо было выше подняться.— Парашют как-то сам собой оказался в руках у Логачева.

— Да? А если у меня предупреждение от инспектора за нарушение эшелона? И кто это придумал: ах, летчики! ах, самолеты! Сидишь четыре часа, как в мышеловке, ни встать, ни повернуться, да еще эта ручка несчастная руки выламывает...

Ольга села на траву, шлепнула оземь шлемом: «У-у-у!» — и погрозила небу кулаком.

— Командир отряда хочет с вами познакомиться.

— Сорокин из отпуска вернулся? Дайте руку.

Ольга поднялась и двинулась рядом с Логачевым.

— Алексей Дмитриевич, зачем вы меня встречаете? Во-первых, это не входит в обязанности заместителя командира отряда, а во-вторых, это может не понравиться и Тосе, и Вере, и Наде.

— Вы хотите, чтобы я делал только то, что нравится Тосе, Вере и неведомой мне Наде?

Сорокин вышел из диспетчерской, и знакомство состоялось на улице.

— Пилот Аржанцева Оля, командир отряда Сорокин, Сергей Михайлович,— представил Логачев.

— Очень приятно,— искренне сказал Сорокин, пожимая руку девушке.— Как полет? Как машина?

— Нормально. Здесь жарича такая, наверну все-таки попрохладнее.

— Вот и хорошо.— Сорокин немного поколебался, но все-таки решил быть твердым до конца: — Есть возможность еще раз проветриться. Отдыхайте — и в семнадцать ноль-ноль на Москву.

— Третий рейс? — вырвалось у Ольги.

— Лететь надо, а посылать некого.

— Есть Венья Ширяев, я могу...— вмешался Логачев.

— Нет, голуба моя, ты мне дела сдашь, расскажешь, кто где, кто в чем... И Ширяева трогать не будем. Дай уж мне покомандовать.

— Алексей Дмитриевич,— покорно произнесла Ольга,— температура головок цилиндров пляшет, скажите, чтобы посмотрели.

— А такие задания, товарищ пилот, не заместителю командира отряда надо давать, а заявочку техникам и запись в борт-журнал.— Сорокин выразительно посмотрел на Логачева, взгляд был очень красноречив: «Что я и говорил, начинается...»

Ольга взяла из рук Логачева парашют, кинула его на траву и демонстративно легла, положив руки под голову:

— Не возражаете, если я отдохну?

— Да-да, конечно,— подчеркнуто вежливо буркнул Сорокин и удалился.

Подошел Гоша Данилов, слышавший весь разговор из окна диспетчерской.

— Алексей, он же ее давит! Это же форменное давление... Если бы у меня не рейс...

Ольга быстро села и положила голову на сдвинутые колени:

— Не надо, Гоша... Везде одно и то же. И в новгородском отряде, и в Лодейном Поле. Все люди как люди, летают и летают, а я все время должна что-то доказывать. И нет чтобы всем сразу, а каждому в отдельности.

— Свеча, наверное, прогорела, вот головка цилиндра и греется, я скажу, чтобы посмотрели,— сказал Логачев.

— В Новгороде в санитарном отряде работала — смех. Летаю без замечаний, все полеты выполняю, а командир смотрит, как на турку. Сыграла за них два раза в футбол, стала для него человеком.

— С вашей комплекцией? — улыбнулся Данилов.

— А у Пеки Дементьева какая комплекция?

...Когда Логачев шел в мастерскую к техникам, его догнал Сорокин.

— И все-таки заместитель командира идет выполнять задание рядового, зато молодого, зато очень молодого, даже юного пилота! Такой власти, голуба, нет, наверное, и у Чкалова, а? Фигура! Улыбка! Блондинка! А вместо сердца — пламенный мотор. Только мне дуэлей в отряде не хватало. Первым убьют меня, и убьешь ты. Тебя, наверное, убьет Гоша Данилов. Вкусы у вас сходятся, но Гоша стреляет лучше.

— Зачем ты ее в третий рейс послал?

— Затем, что не могу ее послать в беспосадочный полет в Австралию!

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Ольга томилась в своем узилище. Она сидела с ногами на нарах, положив голову на сдвинутые колени, и смотрела в одну точку.

Женский голос:

— Откуда я в футбол умею играть? Над нами жили Колотухины. Это четыре брата, один инженер, а три — футболисты. Я с мальчишками во дворе гоняла, а они приходили и с нами занимались. Они за «Спартак» играли. У нас же был великолепный двор, Невский, сто пятьдесят три. А потом я за училище играла. Сначала мужчины отказывались, а я как десять раз подряд сальто сделала, и все. А то: «Мы не можем в полную силу против женщины...» Ничего, смогли... В нападении играла.

1939-й. Ленинградский авиаотряд

В классе предполетной подготовки, единственном более или менее просторном помещении недостроенного еще здания аэропорта, шло совещание.

На фоне белых кителей со стоячими воротничками и плоских фуражек с белым верхом, делавших всех похожими на моряков, выделялся синий китель Сорокина с орденом «Знак Почета».

— Довожу до сведения: план полугодия по грузоперевозкам перевыполнен на сто тридцать шесть процентов... — Готовые вспыхнуть аплодисменты Сорокин пригласил жестом руки. — План пассажироперевозок выполнен и перевыполнен с показателем сто восемнадцать и три десятых процента... — И снова жест рукой, укрощающий страсти. — Работаем по-стахановски, работаем с полным напряжением людей и техники, тем обиднее, тем непростительнее, что в это ответственное время некоторые позволяют расслабиться, спустить, образно говоря, рукава, уклоняться от дисциплины. Аржанцева!

Ольга поднялась, а на лице неизменная улыбка.

— Тебя в центр за что поставили? За скорость. Откройся и жди мяча. Зачем идешь в борьбу? От центра к штрафной противника — вот твоя трасса! Без дисциплины не может быть победы. Садись. Результаты печальные. «Мясокомбинату» продули?! «Пищевнику» просадили! «Скорород»... ну с ним нам еще рано тягаться. Всем собраться, разозлиться, довести себя до кипения и у Пулковской обсерватории два очка вырвать!

Приоткрылась дверь, и на пороге появился военный летчик в белой длиннополой гимнастерке, синей пилотке.

Сорокин улыбнулся, сделал приглашающий жест и показал, что скоро заканчивает.

Вошедший присел на пустой стул в заднем ряду.

— Задачи ясны? Какие есть вопросы? У тебя есть что-нибудь, Алексей Дмитриевич? — обратился Сорокин к Логачеву.

— Об Аржанцевой объявите.

— Ах, да!.. Такое дело... Мы посылали

представление... В общем, Москва Аржанцевой классности пилота пассажирских линий... — он выждал паузу, дождался гробовой тишины и закончил прозаически: —...утвердила.

— Служу трудовому народу! — мгновенно поднялась Ольга, а дальше — шум, поздравления, рукопожатия.

— Тебя уже на машине возят, — кивнул на новенькую «эмочку» за окном Сорокин, подходя к гостю.

— А как же! Я, Сережа, из Гатчины, тьфу ты, Красноармейска. Вызвали новую машину поднимать, а сами еще не готовы. Еду в город, по дороге к вам заглянул.

— Новый истребитель? — доверительно поинтересовался Сорокин.

— К сожалению, старый, все тот же «ишачок», только шасси ему новое придумали, гусеничное, будем с болота взлетать, мать их...

— Потрясающе! Такого ж нигде в мире нет.

— Потому что дураки теперь редкость. Нам серийные заводы загружать нечем, «И-16» — это уже вчерашний день, посмотри, что немцы строят...

— Ох, язычок у тебя, Василий, погоришь ты с ним.

— Надо бы пилота поздравить, — гость во время разговора внимательно следил за Ольгой, окруженной поздравляющими.

— Ольга — позвал Сорокин. Ольга подошла. — Вот товарищ из Москвы хочет тебя поздравить. Кайдалов. Василий. Летчик-испытатель КБ Яковлева. Орденосец.

— Аржанцева. Оля. Ворошиловский стрелок, — с торжественной серьезностью представилась Ольга и протянула руку этак «носочком чайника», локоть вниз, ладошка вперед.

— Вы ленинградка? — Ольга кивнула. — Вы не могли бы мне город показать? Я ж его только сверху вижу. Вот и машина есть.

Поздравлявшие Ольгу были в возбуждении.

— Ты тоже хорош, — Гоша Данилов набросился на Логачева, — знал же об утверждении и никому ни слова.

— Алексей Дмитриевич у нас всегда на все пуговицы застегнут!

— Цветочки хотя бы надо было организовать.

— Это мы мигом, я полетел.

— Единственная женщина в отряде...

— Да?! — раздался возмущенный голос радистки.

— Я имею в виду — пилот, а отношение...

— Кажется, можно с цветочками не спешить.

Все видели, как Кайдалов уводил смеющуюся Ольгу.

Высунулись в окна, чтобы посмотреть, как они сядут в машину, как машина фыркнет и

укатит, взбивая легкую пыль на шоссе, заасфальтированном еще только наполовину.

Данилов даже не скрывал растерянности и обиды, Логачев был как всегда непроницаемо сдержан.

Над входом на 2-й Елагин мост, украшенный пестрыми флагами, раскачивался транспарант: «ВОЕННО-ОБОРОННОЕ ГУЛЯНЬЕ».

По краям моста вырезанные из фанеры матрос и солдат держали огромные плакаты с зазывными объявлениями: «СИЛАМИ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ ЛЕНИНГРАДА — ШТУРМ ЕЛАГИНА ОСТРОВА. Начало штурма в 13 ч.»

В потоке праздничной публики Ольга и Кайдалов ступили на мост.

У входа в парк, на сходе с моста, — новый транспарант: «ТРУДЯЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ — В ВОЕННЫЕ УЧИЛИЩА».

Парк культуры и отдыха был охвачен военно-оборонным гуляньем.

По аллеям спешно двигались отряды курсантов, бежали с винтовками, катили станковые «максимы».

С плакатов смотрели на гуляющих бесстрашный пограничник Карацупа и его умная собака Ингул.

— Профессия у меня смешная, — рассказывал Кайдалов Ольге, — на чем только летать не приходится. Мы же, смертные, и не подозреваем, сколько всех этих КБ, ОКБ, ЦКБ. Два старичка, прекрасные вооруженцы, вдруг бес в ребро, сочинили «ероплан». Хуже того — построили. Кабина у хвостового оперения, а нос вот так задран. Ничего ж не видно, говорю, как взлетать, как садиться? А старички улыбаются, учтено, говорят, для взлета и посадки у нас кресло пилотское поднимается, вот педаль. Нажал и чуть вместе с креслом из кабины не вылетел. Представляешь?

Хохотали вместе.

На просторном Масляном луку кавалеристы с опущенными под подбородок ремешками околышей демонстрировали замершей от восторга публике рубку лозы и показательное военно-спортивное фехтование на саблях.

— Вас послушать, так у нас только чепухой люди и занимаются, — сквозь смех сказала Ольга.

— Ну почему чепухой?.. Ты военную тайну хранить умеешь?

— Конечно, умею. Еще как!

— Я тоже, — шепнул на ухо Кайдалов, и они снова вместе расхохотались.

С верхней площадки парашютной вышки непрерывно прыгали курсанты. После этого они ловко кололи штыком чучело будущего агрессора, потом стреляли по мишеням и, метко попадая гранатой в фанерный

танк, забавляли его вновь и вновь, к удовольствию публики, окутываясь черными клубами дыма.

Ольга и Кайдалов тоже стали элементом оборонного гулянья: на почтительном расстоянии, словно на привязи, сначала за ними шли трое, потом пятеро, а потом уже и целовек десять молодых людей в кепках и футболках, привороженных видом настоящего летчика с орденом и решивших, по-видимому, какое училище они для себя выберут.

— Почему истребители? — переспросил Кайдалов, останавливаясь у мороженщицы. — Да потому что истребители — ведущий класс самолетов. А мне земляничное. Где в первую очередь реализуются самые смелые идеи? В истребителях. Куда в первую очередь идут все новинки самолетостроения? В истребители... А когда это вам такую форму ввели? — вдруг спросил Кайдалов, кивнув на Ольгино платье.

— Никто не вводил. У нас нет формы. Это я сама и придумала и сшила.

Поздно вечером было так же светло, как днем.

Ольга медленно петляла среди исполинских каменных стволов Исаакиевской колоннады.

Кайдалов шел вдоль стены и дверей храма. Когда Ольга заходила за второй ряд колонн, они целовались.

— Удивительный день... И полетов нет, и классность утвердили, и вы... Вы хотели бы знать свое будущее?

— Еще как! Работа такая. Мы же, в сущности, для того и служим, чтобы в будущее заглядывать.

— А я нет... не хочу. Представьте, если бы я знала, что сегодня будет такой день, он бы уже не был таким. Станный вы человек... Говорите про самолеты, про аварии, а мне смешно...

— «Вот моя деревня, вот мой дом родной...»

— Где?

— «Астория». Я в «Астории» живу. Пойдем ко мне?..

— Обязательно.

— У меня шикарный номер. Диван, кресла, стол, зеркала, как во дворце. И ванная есть.

— И можно помыться?

— Конечно.

— Сначала я, а потом вы... Вы помоете меня?

— Конечно, — едва слышно сказал Кайдалов.

— А потом мы голенькие ляжем.. Вы говорите, там зеркала?

— Ты увидишь, там много зеркал.

— А потом ляжем, и я рассчитаюсь, — не меняя интонации и не глядя на Кайдалова,

проговорила Ольга.

— За что? — опешил Кайдалов.

— За машину, за прогулку, за ЦПКиО, за ужин в ресторане, за обещание перевести меня в Москву...

— Ольга, что ты?.. Что с тобой? Глупая, что ты говоришь? — Он хотел поцеловать, но Ольга отстранилась. — Что случилось?

— Я уже год в ленинградском отряде. Я два месяца летала на «К-S» у Логачева вторым... вторым пилотом у Логачева, и мы до сих пор с ним на «вы». Разве все так просто?

— Я не понял тебя...

— Вот как? Мы знакомы с половины двенадцатого, и все еще не понял? Обычно этого времени хватает, чтобы все понять. — Ольга уже смеялась. — Ты летчик-испытатель, человек, заглядывающий в будущее. — Дразня Кайдалова, Ольга нарочно свернула «ты». — А я человек сегодняшней... может быть, даже немножко из прошлого. У нас в квартире Прасковья Валериановна живет, бывшая экономка генеральская, так когда я вот так вот с тренировки шла, — Ольга ссутулилась и показала, как шла расслабленной походкой, — она в окно видела и дверь не открывала. Приходилось возвращаться и идти как следует. Она и есть нас учила ножом и вилкой... Вам это все неинтересно.

— Можно я тебя провожу?

— Ну что вы, мне и так с вами не рассчитаться, столько удовольствий. Ступайте в свое будущее... Да не расстраивайтесь, от будущего все равно никуда не деться.

Кайдалов совсем растерялся, решительно не знал, как быть, но больше всего боялся сделать что-то еще хуже.

Ольга шла к стоянке такси напротив входа в «Асторию», Кайдалов плелся сзади, а из открытых окон «Англетера» вырывались легкие занавеси, округлые, как полные паруса, и неслась музыка, гремел модный фокстрот:

— Позвольте познакомиться?

Я совсем один...

— Зачем вы пристаете

К гражданке, гражданин?

— Вы очень мне понравились, Позвольте, я прошу...

Скажите ваше имя,

Скажите...

— Не скажу!

Логачев сидел в скверике на Старо-Невском напротив дома Ольги.

Ночь была светлая, огни не зажигали. Редкие трамваи мчались как оглашенные, наполняя тоннель проспекта грохотом и протяжным воем перед секундными остановками. Трамвай пролетал, и был слышен шаркающий звук дворницкой метлы.

Логачев проклинал себя за малодушие, мальчишество, безволие, поднимался, чтобы

решительно уйти, и понимал, что никуда не уйдет.

Когда у подворотни на противоположной стороне остановилось такси, Логачев перешел проспект.

— Подождите меня, я за деньгами схожу,— сказала Ольга водителю.

— Подожду, только оставила бы что-нибудь... хоть документик что ли...

В нагрудном кармане была только пилотская карточка.

— Никогда такого в руках не держал, хоть посмотрю,— шофер был даже смущен.— И можете летать?

— Даже на помеле,— раздался сзади голос Логачева.

— Ой, Алексей Дмитриевич, как хорошо, что вы здесь, заплатите за такси, пожалуйста.

Логачев взглянул на счетчик и протянул деньги, машина отъехала.

— Почему вы здесь? — наконец удивилась Ольга.— Сколько сейчас?

— Половина первого,— не глядя на часы, сказал Логачев.— Белые ночи. Гуляю.

— Это очень хорошо, что вы... здесь гуляете.

— Вас кто-то обидел?

— Все больше от вас обиды терплю, Алексей Дмитриевич, даже с классностью не поздравили. Спокойной ночи, то есть счастливой прогулки.— Увидев, что дворник собирается навешивать на ворота замок, нырнула во двор.

Аэродром раскис, глухое тяжелое осеннее небо было забито тучами, а совсем низко ветер гнал серые облака, то и дело сыпавшие дождем.

Порывистый ветер ерошил последние листья на кустах, мотал из стороны в сторону намокшую полосатую «колбасу».

В диспетчерской собрался народ, загнанный непогодой под крышу.

— Что вы мне заладили: «теплый фронт», «холодный фронт»,— Логачев по телефону пытался выжать из синоптиков погоду.— Вы мне ответьте просто — землю видно? Сесть можно? Ясно.— Он положил трубку и покрутил на аппарате ручку.— «Инверсия — окклюзия»...

— Товарищи, это подумать только,— откладывая газету, сказала Ольга,— всего тридцать пять лет со дня первого полета братьев Райт!

— А сколько они тогда пролетели? — поинтересовался Жорж Медведев.

— Жора, я думала, ты все знаешь, тридцать шесть метров.

— Всего-то? — удивился Медведев.— У нас при Иване Грозном какой-то чудак с колокольни летел и то дальше.

— Отто Лилиенталь две тысячи полетов

совершил, так то на планере, а Райты на бензиновом моторе, другой коленкор. Тут перспектива важна. Одно дело, понять, почему птица летает, а другое — сделать так, чтобы человек полетел,— рассудительно произнес Гоша Данилов.

— А сейчас какой рекорд дальности? — в разговор встревали новые участники.

— Четырнадцать тысяч пятьсот шестьдесят километров,— тут же отозвался Жорж Медведев.

— Жорж Медведев все слышал, все видел, все знает!

— Ничего, сбудется чкаловская мечта, еще наши вокруг шарика маханут.

— Вот тебе и Америка: полетели первые, а все рекорды наши.

— Зачем же тогда Туполев с Харламовым в Париже лицензию на «дуглас» покупали?

— Что такое этот «дуглас», я не знаю, а вот Алексеев сел на серийный «СБ» того же Туполева — и, пожалуйста, рекорд грузоподъемности.

— И девчата наши, Осипенко и Гризодубова, тоже свой рекорд фактически на том же «СБ» делали.

— Только «мессершмитт-сто девять» бьет нашего рекордсмена под Мадридом,— сказал Гоша Данилов.

— Ты под Мадридом не был, кто кого бьет, не видел, и какую пользу в таких разговорах ты видишь, я бы хотел знать,— проговорил молчавший до этого немолодой диспетчер.

— Я говорю, что рекордами не надо заслонять то, что на самом деле,— сказал Гоша.

— Перед авиацией была поставлена задача, читайте, товарищ Данилов,— диспетчер ткнул в транспарант на стене: — «Выше всех, дальше всех, быстрее всех!» Авиация ответила рекордами, и они признаны всем миром.

— В тридцать шестом году! А сегодня тридцать девятый, и за плечами Испания. И посмотри, с чем Германия начала войну... Только одни это видят, а другие не видят.

— Ах, вон оно что,— чем больше горячился Данилов, тем увереннее и спокойнее был голос диспетчера.— Товарищ Сталин не видит, а Гоша Данилов видит, товарищ Сталин не понимает, а Гоша Данилов понимает... Так что ли?

— Успокойся,— вмешался Логачев,— Гоша ничего не видит и не понимает. Время идет, появляются новые вопросы, не грех уж нам-то, летчикам, над ними и подумать.

— Наша техника сама за себя постоит, а вот над разговорами некоторых товарищей и тех, кто их старается покрыть, надо действительно задуматься.

— Что ты, Гоша, вцепился в этот «мес-

сершмитт»? Наша тактика снимает все его так называемые преимущества, я же из истребителей к вам пришел,— сказал бывший военный летчик. Ты же слышал о взаимодействии двух истребителей — биплана «И-15» и моноплана «И-16». У биплана что? Маневр. У моноплана — скорость. Теперь следи за моей рукой. В бою на кого первого бросится противник? На тихоходный биплан. Но он уходит от противника на маневре, а в это время скоростной «И-16» из всех своих пулеметов... Следишь за рукой? Этот в земле, а наши соколы — в небе.

— Матричный из Москвы! Матричный! — объявил мокший в дождевике на улице дежурный.

— Капает там, перестало?

Народ потянулся на улицу. Только Ольга осталась у окна, рисуя на запотевшем стекле самолетики.

Из низких облаков отчетливо доносился рокот мотора, самолет прошел почти точно над зданием аэровокзала, но из облаков так и не показался.

— Самое паршивое, что у нас всегда врет высотомер, неужели нельзя сделать четкий прибор?

— По Москве устанавливают — здесь погрешность дает, здесь установят — в Москве не знаешь: то ли на землю сядешь, то ли на колокольню...

Со стороны Пулковских высот донесся нарастающий звук мотора, и в дымном растрепанном нижнем слое облаков появился самолет.

Дежурный выстрелил из ракетницы раз и тут же второй.

Имея в запасе высоты метров пятьдесят, летчик сделал разворот и на первом пролете сбросил упаковку с матрицами на раскисшую землю. Следом за матрицами полетела еще какая-то коробка, по-видимому легкая, ее даже отнесло ветром.

От здания аэровокзала к упавшим матрицам рванул пикап, двое из вышедших на улицу прыгнули в него почти на ходу.

...В диспетчерскую вошел Медведев с коробкой в руках.

— Ольга, это тебе.

Вернувшиеся летчики не скрывали любопытства, один только Логачев сохранял невозмутимость и безразличие.

Оля развязала коробку и достала оттуда букет пышных осенних роз.

— Оля, а обратного адреса нет? — под простачка поинтересовался Жорж.

— Если уж сам Медведев, который все слышит, все видит, и вдруг — не знает... — Ольга глазами искала подходящую посудинку.

— Москва бьет с носка,— обронил кто-то из техников.

Все посмотрели на Логачева.

Смотрела и Ольга, уткнув нос в цветы.

Логачев, как классический влюбленный, стоял под часами с букетом цветов, тщательно упакованных в бумагу.

Часы были огромные, со старорежимной вязью: «Точное время» и «Павел Бурэ». От холода Логачев зашел под арку Главного штаба, казалось, что здесь не так дует, как на уличной панели.

Необъятная Дворцовая площадь терялась в вечернем сумраке.

Ольга возникла вдруг.

— Пошел второй год нашего знакомства, и вы наконец назначили мне свидание. И место отличное, и погода. Это я потом возьму,— кивнула Ольга на цветы,— руки замерзли. Спасибо, если, конечно, это мне.

— Вам.

— Не могли место выбрать поуютней? Или вы хотите придать нашей встрече историческую важность?

— Я слишком поздно до вас дозвонился. Через сорок семь минут мне нужно быть в штабе ВВС, это на той стороне площади. Я не был уверен, что вы придете. Думал, что придется ждать. Вот поэтому — здесь.

— На завтра синоптики обещали небольшое потепление, отложили бы до завтра историческое свидание.

— Завтра меня в отряде не будет, и послезавтра... Ольга, в Европе война...

— Вы записались добровольцем в германские военно-воздушные силы! Я слышала, к нам немецкие летчики едут на учебу в Липецкие лагеря?

Логачев оглянулся и только укоризненно покачал головой.

— В Европе война,— повторил Логачев,— так или иначе она нас коснется и, может быть, довольно скоро. Как жене военного летчика...

— Какого летчика, я не замужем,— искренне удивилась Ольга.

— Как жене военного летчика я могу вам сказать, Оля, что в округе проводятся мероприятия. Сегодня в девятнадцать ноль-ноль у нас сбор, переходим на казарменное положение, буду осваивать «ТБ-три». У нас чуть больше тридцати минут. Я позвал вас, просил прийти... Вы же видите...

— Вижу.

— Надо что-то говорить?

— Обязательно.

— Но вы же видите, я не могу без вас...

— Это тоже надо говорить.

— Мы непохожи. Особенно когда мы летали вместе, мне казалось, что ничего не получится... Я все время чувствовал, вы же не относились ко мне всерьез...

— Я ни к кому всерьез не отношусь, кроме вас.

— Это правда?

— Раз я здесь, значит, правда.

Ольга чуть приподнялась на цыпочки, обняла Алексея и поцеловала в губы.

— Ты целоваться, оказывается, не умеешь, а я думала, ты бабник...

— Я хочу, чтобы ты была счастливой.

Он привлек Ольгу к себе, поцелуй был долгим, она придерживала рукой свой немислимый берет, опасаясь, что он упадет на мокрую брусчатку площади.

Ольга и Логачев шли по темной набережной Мойки, мимо капеллы, дома Волконской в сторону Конюшенного подворья.

— ...Прости, Оля, но этот вопрос имеет множество решений.

— Для меня он решен.

— Зачем же так категорично? Это похоже на ссору.

— Нет, Алексей Дмитриевич, ссоры не будет, ничего не будет. Наверное, нельзя признаваться в любви в такой мрачный день.

— Ты держишь себя прямо как Финляндия, вызывая, — попытался пошутить Логачев. — Отвергаешь все мои мирные предложения.

— Финляндия готовится к агрессии, поэтому и не хочет разоружаться. А я ни на кого нападать не собираюсь, что ж мне крылья-то складывать?

— Хорошо. Хочешь летать — летай. Тебя инструктором в любую летную школу возьмут. Иди в любой аэроклуб. У тебя уже почти тысяча часов налета... Брось, оставь эту рейсовую работу, это же каторга! Работа на износ... Ты же сама кулачком небу грозила!

— Бывает, Алексей Дмитриевич, все бывает. Я себя жителя земли только в воздухе чувствую. Отнимешь небо, ты и землю у меня отнимешь. Я вам буду, Алексей Дмитриевич, очень хорошей женой, может быть, даже целый год, а через год возненавижу.

— Значит, ты просто не будешь моей женой.

— Да, действительно, просто... Я как-то не подумала.

Они остановились неподалеку от здания бывшего штаба конной гвардии.

Через площадь по одному, по двое, кто с женой, кто с матерью, шли летчики и скрывались в боковом подъезде.

Женщины, проводившие вызванных на сборы летчиков, расходились, не глядя друг на друга.

...Так же одна шла через площадь Ольга.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Дверь в арестантское помещение открылась, вошел дежурный и, ни слова не говоря, положил на пустую соседнюю койку свежие газеты. Проходя мимо узницы, чуть замедлил

шаг и сунул прямо Ольге в руки маленький сверток.

Когда ключ в запоре лязгнул два раза, Ольга, повернувшись спиной к двери, развернула пакетик: в несколько исписанных листов было завернуто небольшое прямоугольное зеркальце.

Газеты были отложены на потом, только последняя полоса газеты «Молот», уговаривавшая читателей: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы! Требуйте во всех магазинах, буфетах, столовых и вагонах-ресторанах!» — пошла тут же в дело. Ольга сложила лист, расческой нарезала ровные прямоугольные кусочки и, приставив зеркальце к кружке с водой, стала накручивать бигуди.

Женский голос:

— Почему орденов так мало? Я с весны сорок второго по осень сорок четвертого, два с половиной года, проработала в Десятой гвардейской дивизии АОН, авиации особого назначения, это дальняя авиация. Двести восемьдесят боевых вылетов, все задания выполнены, ни одной битой машины, ни одного ранения ни у меня, ни в экипаже и — ни одного ордена. Ни одним орденом не наградили. Я думала, враги у меня только в воздухе — «мессершмитты», «фокке-вульф», «эрликаны», а на земле все свои. Оказывается, командир полка написал на меня представление на орден Ленина. Когда пишут на орден, все знают, меня уже поздравляли. Все получают, а я не получила. Встречает меня начальник штаба, Тамарченко фамилия, Соломон Ильич, и говорит: «Ольга, это я тебя отпустил. Ты у нас одна женщина на командир корабля и можешь зазнаться. Мы решили о тебе плакат выпустить». Выпустили плакат с моим портретом в летной форме, развесили во всех аэропортах: «Летайте, как командир корабля Ольга Аржанцева!» На плакате еще не двести восемьдесят, а, кажется, двести тридцать было боевых вылетов. А каждый полет — это же шесть-восемь часов, а в тыл врага так и десять-двенадцать... Напряжение исключительно большое. Мама этим плакатом очень гордилась. Лет через двадцать встречаю этого Тамарченко, был вроде начальником штаба, ну один из заместителей комполка, не летал, а всеми орденами увешан. «Вот вы, — говорю, — всеми орденами увешаны, а я ваш плакат на себя повесить не могу». Я один раз слепую посадку во Внуково совершила, детишек из блокадного Ленинграда вывозила. Командир дивизии встречает тут же на полосе и сразу Тамарченко: «Пожалуйста, Соломон Ильич, принесите орден Красной Звезды». Он имел право орден Красной Звезды вручать лично. Тамарченко пошел и принес медаль

«За отвагу». «Не оказалось,— говорит,— ордена...» А мне потом передали, что полно их было в штабе.

1939-й. Декабрь. Финская кампания

Комендантский аэродром, раскинувшийся от Удельнинского парка до Лахтинских болот, стал фронтовым аэродромом.

Здесь базировались несколько авиаполков, у каждого был свой штаб, только аэродромное КП было общим. Просторное помещение диспетчерской напоминало и штаб и аэровокзал.

На деревянном диванчике у входа, подложив саквояж под голову, стал военврач, судя по петлицам, второго ранга.

Чуть в глубине за столом дремал грузный подполковник в шинели, накинутой поверх гимнастерки.

Деревянными и фанерными выгородками были определены территории радистов, телеграфистов, штурманов, метеорологов...

Логачев был в меховых унтах, стянутых под коленями ремешками, кожаном пальто и толстом свитере с высоким воротником.

Облокотившись на лоснящийся деревянный барьерчик, Логачев навис над диспетчером.

— Найди мне окошечко на два часа, хоть на полтора...

— Закрыт, весь перешеек закрыт,— и диспетчер провел рукой над картой погоды.

— Оставь ты его в покое, Логачев,— проснулся подполковник и поправил на плечах сползшую шинель. На кителе сверкнул новенький орден Красной Звезды.

— Я же «матричником» летал. «Правду», «Известия» круглый год возил, есть погода, нет погоды...

— Правильно, на «Р-5» возил.

— Я — «Дача»... Я — «Дача»... — отозвался диспетчер. — Вас понял, есть готовить борт «пятьсот шесть», «семьсот двенадцать».

— Товарищ подполковник, летают же люди, а я людей мучаю, на таком морозе бомбардировщик теплым держат, нам только команду...

В диспетчерскую вошел летчик в толстом меховом комбинезоне с косым широким воротником, в унтах, крагах и теплом шлеме, под шлемом была поддета еще и шерстяная маска.

— Давай, Штыков, бери товарища военврача...

— Я не Штыков, я Аржанцева,— устало сказала Ольга.

— Тебе тоже вылет, Аржанцева,— диспетчер протянул полетный лист. — Заполни, вылет я проставил. Пойдешь в Райполо. Берешь кровь и сыворотку для госпиталя, сразу оттуда на Кирлоярви, берешь раненых и сюда.

— Все загораете, бомбовозы? — улыбнулась Ольга подошедшему Логачеву, лицо ее осунулось, кожа на обмороженных скулах шелушилась.

— Ольга, третьего дня Кирлоярви сильно обстреливали, садись осторожно, чтобы в полянью не влететь...

— Спасибо, Алексей... счастливо.

Техники прокручивали винт, готовя горбатый серебристый самолет с красными крестами на фюзеляже и плоскостях к вылету.

В корпус самолета, куда обычно ставятся носилки с тяжело ранеными, загружали термосы с кровью и объемистые пакеты с сывороткой.

Серенький зимний рассвет медленно вытеснял ночную тьму, за морозной дымкой прорисовывались темные махины бомбардировщиков и подернутые инеем ангары.

Ольга поднялась на плоскость и отстегнула фартук, прикрывавший кабину. Укрепила термос с кофе, подтянулась на руках и опустила на сиденье, как в холодную воду.

Дав мотору прогреться, она подняла руку в краге, прося разрешения на рулежку.

Стартовый взмахнул флажком и, едва самолет проскользнул мимо него, побежал греться в дощатый балаганчик с железной трубой в стене.

Опустив очки и прикрыв лицо шерстяной маской, Ольга то и дело выглядывала за борт кабины, ориентируясь по мелькавшим под крылом изгибам дорог, дымившим трубами селеньям и каким-то ей одной известным приметам.

Режущий ледяной воздух мгновенно нахлестывал малейшую щель в одежде и тут же заставлял сжаться и спрятаться за плексиглазовый щиток, но это только на полминуты, а потом нужно было снова искать ориентиры и приметы.

...В Райполо Ольга не стала глушить мотор. Побегала вокруг самолета, пока медики в белых халатах поверх шинелей разгружали кровь и сыворотку...

...В Кирлоярви воронки на льду, где садилась Ольга, были заботливо обозначены срубленными елками.

Из леса на развальных вывезли раненых. Пока их укутывали и прямо на носилках ставили в самолет с двух бортов, Ольга, расположившись у хвостового оперения, согривалась кофе и галетами.

К середине дня она вошла в диспетчерскую, иззябшая, едва двигая непослушными губами; ребята бомбардировщики терли ей руки и щеки мягкими шерстяными шарфами.

— Аржанцева, такое дело... Это не приказ,

это просьба, — к ней подошел подполковник, — к Федорцову надо слетать... до темна сможешь? Ты отогревайся, покушай... Ну как?

— Кофе у меня кончился...

— Все будет, сейчас дам команду.

Она возвращалась от какого-то неведомого Федорцова, чья дивизия затерялась в снегах у Лемболовских высот, когда вечерний сумрак, густея прямо на глазах, выползал из темного леса, из глухих впадин, затоплял всю землю, смывая очертания рельефа, и постепенно поднимался по краю неба вверх.

К вечеру мороз спал, пошел редкий снег.

Самолет бросало, замерзшие руки с трудом удерживали ручку управления. Почти автоматически, наваливаясь всем телом на педали, Ольга удерживала курс, прижимаясь вплотную к холмам, покрытым глухим заснеженным лесом.

Наконец удалось привязаться к железной дороге, проглядывавшей сквозь снежную карусель.

— Час, как она вылетела. Наверное, ветер встречный... Вот-вот должна быть, — сказал диспетчер Логачеву.

Алексей Дмитриевич натянул шапку и вышел на мороз.

...Когда Ольга посадила самолет и зарулила на стоянку, у нее уже не было сил выбраться из кабины.

Логачев вспрыгнул на плоскость и бережно вынул Ольгу из кабины.

К самолету подкатила «эмочка».

Ольга попыталась поднять руку и доложить вышедшему из машины подполковнику о выполнении задания, но рука слушалась плохо, а потрескавшиеся губы не повиновались вовсе.

— Спасибо, Аржанцева. Бери, Логачев, мою машину, вези ее домой, и чтобы два дня носа здесь не показывала.

Ленинград по режиму прифронтового города был погружен в полутьму.

Выхватывая светом сквозь маскировочные щели на фарах узкие куски мостовой, «эмка» подъехала к дому Ольги на Старо-Невском.

— Не надо, я сама, сама... — Чуть отогреваясь в машине Ольга слабо сопротивлялась, но Логачев подхватил ее на руки и нес через двор к черному ходу, единственному входу в бывшую генеральскую квартиру.

Комната Ольги, по всей вероятности, была в свое время генеральским кабинетом: здесь сохранился лепной плафон на потолке,

мраморный камин и встроенный в стену застекленный книжный шкаф, используемый нынче универсально — и под книги, и под посуду, а нижние полки под одежду и белье.

Огромный кожаный диван с высокой деревянной спинкой, оснащенной полочками, видно, тоже остался от прежнего владельца.

Закутанная в одеяло, с дымящейся чашкой чая в руках Ольга смотрела, как Логачев молча и деловито, не задавая вопросов, осваивал новое для себя пространство: растопил камин, на ломберном столике накрыл ужин, пристроил у камина Ольгины унты.

— Может, забрать твой комбинезон из прихожей? Дух от него, как из керосиновой лавки. Соседи ничего?

Ольга только пожалала плечами.

В дверь постучали. Логачев решительно открыл и взглянул на Ольгу.

Перед ним стояла прямая высохшая старуха в гипюровой шали.

— Добрый вечер, Ольга. Простите. В прихожей висит ваш костюм для полетов. Ты летаешь, такие холода! Вот этот жакет... Отказываться неразумно, это простеганный гагачий пух и сверху настоящая английская парусинка. Я его купила в Швейцарии, он мне больше не нужен.

— Спасибо, Прасковья Валериановна. Такие холода стоят, а вы...

— Ты видела, чтобы я этот жакет носила? Я его давно уже не ношу.— Прасковья Валериановна присела рядом с Ольгой.— А это ромашка. У женщины волосы не должны пахнуть бензином.

Прасковья Валериановна с вызовом взглянула на Логачева и покинула комнату.

— Логачев, иди ко мне,— тихо позвала Ольга.

Он подошел и присел у дивана на корточки.

— Ты, правда, меня любишь?

Он нашел ее руку и уткнулся лицом в ладонь.

— А то, что мои волосы пахнут бензином?..

Она не договорила, он поцеловал осторожно и нежно ее потрескавшиеся губы.

— Все. Беру себя в руки. Встаю.

Он пытался удержать ее, она чмокнула его в щеку.

— Иду греть воду. У твоей женщины волосы не должны пахнуть бензином.

...Когда рано утром Логачев проснулся, он увидел рядом открытые глаза Ольги.

— Ты почему не спишь?

— На тебя смотрела. Ты во сне очень красивый. Тебе говорили об этом?

Он повернулся, обнял ее и провел носом по щеке.

— А ты знаешь, якуты, например, не целуются. Они нюхаются.

— Вот почему ты не умеешь целоваться!

У тебя была симпатия из Якутии? Да?

— Как странно. Мы приехали — с войны и завтра поедим на войну, на трамвае, как на работу. С фронта приезжать домой...

— Ой, Логачев, о самом главном спросить тебя забыла: ты замуж-то меня возьмешь?

— Я жить без тебя не могу.

— Значит, возьмешь,— вздохнула Ольга и положила Алексею голову на плечо.

Логачев повесил трубку телефона, укрепленного на стене в конце коридора.

Заглянув в комнату, он не увидел Ольги и отправился на кухню.

Большая деревянная плита с жестяным навесом от копоти служила полигоном для несчетного количества примусов и керосинок; вдоль стен разместились шесть кухонных столов разных фасонов и окраски, стены кухни были облеплены разномастными шкафчиками и полками для посуды.

Раслая молодая женщина, уютной венцом, возвышалась над столом, за которым завтракали мальчик лет семи и девочка чуть постарше.

— Ма-а... мы же опаздываем! Ну, ма-а...

— Есть им некогда! Надо вставать пораньше, все было приготовлено.

— Ма-а... ну мы опаздываем.

— Пока не доедите, из-за стола на встанете.

— Ну не ле-е-езет уже,— ныли мальчик и девочка.

— Здравствуйте,— кивнул всем Логачев и подошел к Ольге.— Я звонил, полетов нет.

— Катя, Прасковья Валериановна, Янина Казимировна, я выхожу замуж. Это Логачев, Алексей Дмитриевич, мой муж.

Под радостные и удивленные женские охи дети тихо смотались с кухни.

Прасковья Валериановна подошла и с нарочитой стариковской бесцеремонностью осмотрела Логачева.

— Теперь ты видишь, Ольга, я не зря запрещала тебе ходить вот так,— и старуха изобразила сутулую спину.— С сутулой спиной разве ты нашла бы такого жениха? Никогда.

Весть разнеслась по квартире, и на кухне появились другие жильцы, целовали Ольгу, разглядывали Логачева.

— Пан Алексей тоже летчик? — помешивая в кастрюльке, спросила высокая большоголовая полька лет шестидесяти.

— Это Янина Казимировна, запоминай, она немножко глухая,— шепнула Ольга.

— Казимеж Бронский, это мой муж, имел полет из города Лодзь на Кракув. Я знаю, это опасно.— Янина Казимировна вытерла руки и подошла: — Ольга, я тебя поздравляю, и пана поздравляю. Ольга, когда у тебя

есть Алексей, а у тебя, Алексей, есть Ольга, можете ничего не бояться. Совсем ничего. Ни беды, ни горя, ни болезни. Бойтесь больше всего только одного — бойтесь первой ссоры.

— Янина Казимировна,— перебила ее женщина в капоте,— мы вечером соберемся у меня. Я уложу ребят и посидим, поздравим нашу Оленьку. Не спорьте, у нас комната большая. Катя, вы своих тоже укладываете и вместе с Борисом приходите.

— Знакомься — Маргарита Соловьева,— представила Ольга приглашавшую в гости женщину.— Писательница. Знаменитая. «Вера. Надежда. Любовь» во всех библиотеках зачитана.

— Дело совсем не в этом,— сказала польщенная знаменитая писательница,— просто у нас в комнате стол, а у Ольги стола нет.

Казалось, что несокрушимая сдержанность Логачева дала трещину, он чуть растерянно улыбался, благодарил:

— Спасибо... Не беспокойтесь... Спасибо.

1940-й. Ленинград

Новой семье дали квартиру на Международном проспекте, неподалеку от «Электросилы».

Квартира стояла необжитой, и две пустынные комнаты со случайной обстановкой казались необычайно просторными.

Зато в прихожей было тесно от двух велосипедов и лыж.

В замке лязгнул ключ, в квартиру вошел Логачев. Увидев на вешалке легкое пальтецо жены, удивился. Брякнул несколько раз велосипедным звонком.

— Ты дома?

— Не только дома. Ты увидишь, какая жена тебе досталась.— Ольга вышла из кухни в переднике, держа перепачканные мукой руки, как хирург перед операцией.

— Когда у тебя вылет?

— Мотор пошел на профилактику, до среды я в резерве. Но дергать не будут, я Сорокину сказала все! Ты счастливый человек, ты же не видел меня в гневе. А зачем тебе мой вылет? — ревниво закончила Ольга.

— Хотел знать, сколько в моем распоряжении минут, часов.— Он заглянул на кухню.— Что это будет?

— Прасковью Валериановну помнишь?

— Это незабываемо,— и Логачев изобразил нечто вроде гренадера с лорнетом. Ольга прыснула.

— Ее рецепт. Пирог с клубникой.

— Из Лодейного Поля клубника?

— Какое Поле? Уже неделя, как на Боровичи мотаюсь.

— Мне казалось, мы не виделись пять дней, а выходит целую неделю. Я подсчитал: за два последних месяца мы были вместе

всего восемь дней.

— Разве я виновата, что тебя поставили на казанскую линию?

— Оля, Оленька, вы мне нравитесь, скрасьте мою одинокую холостяцкую жизнь, станьте моей женой! Руки вашей, руки...

— Вы обманываете честную девушку, гражданин Логачев, вы женаты!

— Я женат? Кто вам сказал? Ложь. Чистейшая чепуха. Слухи. Они даже до меня доходили. Да, у меня дома иногда ночует какая-то особа, но я ее очень редко вижу. Я даже забыл, как ее зовут. Она где-то летает, где-то ночует, возвращается только когда я улетаю. Она не будет нам помехой! Она прекрасно обходится без меня. Два раза даже записку забыла оставить. Я прилетаю, бегаю с фонарем по аэродрому. Граждане, жену потерял, жену ищущу! Это не она полетела? А вон там? А туда? Ал-ло, диспетчер, плохо слышно! Где жену искать? Куда дели? У Тихона? У Тихонова? Ах, в Тихвине! Спасибо, Макар Макарыч. Извините за беспокойство, Макар Макарыч... Премного благодарен, Макар Макарыч...

Ольга смеялась до слез, а когда вытерла фартуком глаза, вдруг сказала:

— Леша, а ведь мы соримся, да?

— Еще как! Я купил бутылку водки и шел домой с намерением написать тебе письмо.

— Давай устно.

— Пожалуйста. Уважаемая коллега! Глубокоуважаемый пилот Аржанцева! Наше общество семьей назвать нельзя. Это что-то вроде жилтоварищества...

— Вот и первая ссора.

Здание аэропорта в Ленинграде строилось медленно и странно: корпус был возведен, часть помещений даже оборудована и заселена, но пассажирский зал и большинство комнат так и не были доделаны.

Мимо зияющих пустотой дверных проемов Гоша Данилов прошел в кабинет к Сорокину.

— Рад, что зашел, у меня к тебе...— Сорокин протянул руку.

— Сейчас будешь рад, — Гоша пожал руку и сел решительно. — Значит, так! Ольга — беременна.

У Сорокина округлились глаза, и он сел. Стал быстро переключать на столе какие-то бумаги, потом встал и пересел напротив Данилова.

— Логачев знает?

— От него и узнал.

— Фу ты, черт! Что ты мне голову морочишь? Ты-то тут при чем?

— И я и ты, все — при чем! Сними ты ее с линии, найди что-нибудь полегче, понимать же надо.

— Так бы и сказал.

— Я так и говорю.

— Можно было и поделикатнее.

— Шестой месяц уже. Видитесь каждый день, и ничего не видишь. Командир!

Заложив вираж, Ольга вела машину над Невой, потом прошла над Морским каналом, повернула на Стрельну и легла на обратный курс к аэродрому.

В самолете кроме пилотского места были оборудованы две открытые кабины для пассажиров.

Оба пассажира, вцепившись руками в края кабины, вертели яйцеобразными головами в шлемах и очках.

Садиться Ольга старалась на минимальной скорости, чтобы свести к минимуму тряску на пробеге.

Самолет подрулил к толпе у аэровокзала. Техник вскочил на крыло и ловко освободил пассажиров от привязных ремней, помог выйти.

Чуть покачиваясь, счастливые, они грянули в объятия поджидавших друзей.

— Ну как? Ну что? Ну как там?

— Это полная... это полная абстракция... Я ничего не понял... Я даже не знаю, где я был, — улыбаясь во все лицо, отчитывался отважный участник перелета лет тридцати пяти.

— Я не-е хочу! Я не хочу! — с каким-то отчаянием закричала счастливая девушка, едва обрела способность говорить. Восторг душил ее. — Я вообще не хочу больше на землю! Я туда хочу... Это же наполнение таких чувств, таких чувств!..

Ольга слушала все эти крики, присев на край кабины, потом осторожно ступила на крыло и, держась за расчалки, соскользнула на землю.

— Страха никакого. Боже упаси. Но чувство непонятное.

— Когда земля вниз пошла... Представляешь, будто она куда-то проваливается...

Участники полета шли мимо огромного транспаранта: «Прогулки по воздуху! Лучший отдых! Море впечатлений! 2 рубля 35 копеек».

Ольга в широкой свободной блузке навыпуск и сереньких брючках стояла, облокотившись на плоскость. Ей было не по себе.

Бжавший мимо с блоком радиоламп Жорж Медведев подвернул к Ольге:

— Ну как на легкой работе?

— На тяжелой работе было два взлета, две посадки в день, а на легкой — восемь, — грустно улыбнулась Ольга.

— Плохо, да? — участливо поинтересовался Жора. — До семи-то месяцев дотянешь?

— Скоро ручку до конца на себя выбрать не смогу.

— Надо техникам сказать, пусть выведут

на борта или можно кресло назад.

— Кресло некуда двигать, что ты, а вот на борт вывести рукоятку, это идея.

— Педали нормально шуруешь?

— А что педали?

— Прощайся с Логачевым,— без перехода да бухнул Медведев.— Забирают на два месяца в учебный центр. Будем «ПС-84» получать, типа «дуглас». Тошнит?

— Все было, сейчас вроде ничего.

— Подамся-ка и я в бортрадисты! Кайдалова в Москве видел. Рассказал, какая ты у нас красивая летаешь. Привет передавал.

— Оля, готовы! — крикнул техник, усевший в кабину новую пару пассажиров на прогулку.

Техник подал руку, Ольга поднялась на крыло, проверила, как привязаны пассажиры, взяла с сиденья шлем, очки и осторожно, опираясь на руку техника, перелезла в свою кабину.

1941-й. Ленинград. Международный проспект

Ольга на кухне кормила Иринку кашей из зеленой эмалированной кастрюльки.

— Пропеллер как жужжит? Ж-ж-у-у-у. За пропеллер. Двигатель как стучит? Тук-тук-тук. Как сердце. За двигатель. А за рули? Без рулей пропадешь. Сиди прямо. Открывай, открывай... Все? Ну ладно. За рули, за шасси и за центроплан мама съест.

Квартира уже была обустроена, добротная мебель, плотные занавеси на окнах, а на почетном месте большая фотография в рамке, старая, человек на шестьдесят, первый выпуск девушек-пилотов в авиашколе им. Баранова.

В прихожей раздался стук и топот, грохнула дверь.

Ольга подхватила Иринку на руки и выглянула.

Логачев и Гоша Данилов вносили новенький радиоприемник «ШКС-49» размером чуть больше уличного почтового ящика.

Тут же начались хлопоты по установке и опробованию нового аппарата. Все были возбуждены, и смех возникал совершенно беспричинно.

Сначала забыли вставить предохранитель, потом вспомнили, что нужен хотя бы небольшой хвост проволоки для антенны, и наконец аппарат стал издавать плывущие, скользящие и воюющие звуки, как и подобает хорошему приемнику на коротких волнах.

Сначала наслаждались просто этой радиотехнической музыкой, общиривая эфир, потом нашли развеселую падеспань, и Оля с Ирочкой на руках сделала несколько фигур. И вдруг сквозь посвист помех, как будто бы с другого края света донеслось: «...Правительство Советского Союза выра-

жает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят свой долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар по агрессору. Мы передавали Заявление Советского правительства».

— Опять Япония? — спросила Ольга.

— Какая Япония! — стукнул кулаком в ладонь Логачев.— Дождались! И Кашуба, и Лебедев, и Таран, все, кто над границей летал, в один голос — война, война... Дождались, вороны!

— Алексей, ты забыл, что у нас с Германией договор,— Ольга улыбнулась, будто речь шла о недоразумении.

— Это они забыли, что у нас договор.

Приемник извергал бравурный марш.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Ольга была героиней дня, ее примеру последовали остальные девушки.

В окне, замазанном с наружной стороны и зарешеченном, были процарапаны в краске достаточно широкие «смотровые щели». Подтянувшись на руках, Ольга наблюдала что-то похожее на демонстрацию мод.

Зная, что Ольга смотрит, девушки-курсантки по одной, по двое выходили напротив окна на пустырь, примыкавший к хозяйственным задворкам, вышагивали походкой манекенщиц, кружились, показывая, как ушиты их шинели и какую стройность приобрели бесформенные галифе. Ольга была счастлива.

Женский голос:

— А теперь я хочу вам сказать о самой главной, самой главной моей ошибке в жизни. Это то, что я ушла из Десятой гвардейской дивизии в правительственный международный авиаполк, в тот самый, в девятнадцатый, к Новикову. До осени сорок четвертого я была в Десятой гвардейской, авиация особого назначения. Двести восемьдесят боевых вылетов. Ни одного ранения, ни одной битой машины. Мне двадцать шесть лет, представляете, попасть в международную, в правительственную, это же самого высокого класса считается, выше уже что может быть? Мне Гриша Таран, друг Логачева, Герой Советского Союза, который тоже летал от Разведуправления, от Генерального штаба, много сделал полетов, и посадки в тылу врага... он мне говорит: «Ольга, не ходи. Не ходи!» Я говорю: «Почему?» Он говорит: «Здесь ты, в Десятой гвардейской, для нас боевой товарищ, друг. Ты сегодня идешь на смерть и я иду на смерть, и делить нам с тобой нечего. Что нам с тобой делить? Так мы к тебе относимся». Относились, я вам говорила, необыкновенно хорошо. «А там борьба начнется за карьеру...» А для меня

одна карьера была — летать, летать. Я даже не понимала, о чем он говорит. Не послышалась, конечно. А к Новикову, в этот девятнадцатый полк, никого не направляли, он только лично сам набирал. Новиков — это же для нас было, как Громов. И вдруг он говорит: «Аржанцеву — беру!» Услышать от него «беру!» — это же для летчика предел, что может быть выше. Это и была моя самая большая ошибка в жизни.

1941-й. Район Боровичей

Полевой аэродром под Боровичами был похож на сотни других аэродромов, то есть в обширном поле на краю леса нельзя было угадать в нем военный объект.

Опушка леса была изрыта капонирами, где под маскировочными сетками прятали самолеты.

Выскочив из-за леса, на посадочную полосу спланировал «дуглас».

Дежурный катил перед самолетом на велосипеде, указывая ему путь в укрытие.

— А я смотрю, чья это «пэска» заруливает! — едва Логачев сошел с самолета на землю, как попал в объятия Сорокина. — Честное слово, еще о тебе подумал! Ни слуху, ни духу!

— Мотаюсь по фронтам и тылам. Как Ирочку к маме в Казань вывез, так ни разу в Ленинград рейса не было. Вот выпросил, везу в Ленинград винтовки из Ижевска. Где Ольга?

— Она при Волховском фронте, видели ее и в Хвойной, и в Веревье.

Логачев замолчал, но тут же отложил заботы о встрече с Ольгой:

— Ты знаешь, что Кашубу сожгли, он на Берлин ходил.

— А сегодня я пойду. Пришлось еще доказывать, что дойду.

— На «П-8»?

— А чем его еще достанешь? Я ненормальный, наверное: как «добро» дали, так спокойно на душе стало. Такого уже на земле не посмотрелся. Нам бы только до него дотянуться, они поймут, что у палки два конца!

— Михасенко! — позвал второго пилота Логачев. — Доложите прибытие и поторопите с заправкой. — И снова обернулся к Сорокину: — Чтобы груза взять больше, иду с «подскока», с половинной заправкой.

Логачев нагнулся и сорвал горсть пунцово-брусники.

По расквашенной лесной дороге тащилась телега, лошадь под уздцы вела санитарка в пилотке, на груди рябиновых веток лежал обгоревший летчик. Голова была забинтована, открытыми были только рот и глаза

без ресниц и бровей.

За телегой на самодельных носилках несли пехотного капитана. Ранение было тяжелое, малейший толчок отдавался пронизывающей болью. Капитан стонал и глотал воздух запекшимися губами.

— Близо уже, товарищ капитан, уже слышно...

Самолет Ольги стоял на лесной поляне, мотор работал на малом газу.

Ольга следила, как носилки устанавливают с двух бортов в фюзеляж.

— Потерпите, браточки, потерпите, лету здесь пятнадцать минут, — сказала Ольга и сама опустила бортовые крышки.

Самолет отрулил в конец поляны, развернулся и, взвыв пропеллером, начал разбег. Машина шла тяжело. Ольга довела ручку газа до упора. Потянув ручку управления на себя, она оторвала самолет, скорость была предельно мала, самолет покачался-покачался и нехотя стал набирать высоту.

Едва Ольга поднялась метров на полтораста, как увидела черную точку, стремительно увеличивающуюся на встречном курсе. Через несколько мгновений над головой мелькнули срезанные крылья «мессершмитта» с паучьими крестами.

Оглянувшись, Ольга увидела, что истребитель лег в боевой разворот.

Тихоходный перегруженный «санитар» плывал в кольцах прицела истребителя.

Желая обойтись минимумом боеприпаса, летчик шел на сближение с серебристой этажеркой.

Ольга непрестанно оглядывалась, ожидая выстрелов в затылок.

Впереди по курсу блеснула Мста. Река извивалась между высокими берегами.

Ольга бросила машину к воде и в то же мгновение увидела, как очередь термических снарядов обрушилась на деревья на той стороне реки.

Река петляла. Почти прижимаясь к воде, переваливаясь с крыла на крыло, над водой скользил самолет.

Впереди воду вспорола очередь трассирующих пуль.

Теперь уже не было ощущения обреченности, Ольга вела бой. Она следила за тем, как «мессершмитт» ложится в боевой разворот и заходит на новую атаку, значит, нужно приподняться, чтобы сбить ему прицел и в последнюю секунду броситься вниз и увернуться от огня.

Так! Еще одна очередь мимо!

И новый заход. Теперь уклониться не удалось, удар сотряс самолет, чуть не вырвав рукоятку управления из рук; на развороте Ольга едва не коснулась правой плоскостью воды. Поймала рукоятку, резко повернула влево, одновременно нажимая ногами на педали разворота.

Над аэродромом завывала сирена воздушной тревоги.

— Этого не хватало,— чертыхнулся Сорокин.

— Смотри, смотри...— показал Логачев.

Далеко над лесом выделял странные фигуры «мессершмитт».

— Гоняется за кем-то, сволочь!

Истребитель сделал мертвую петлю, взмыл вверх и оттуда снова ринулся вниз, постукивая пулеметами.

— Опять пошел!.

Самолет на мгновение скрылся за лесом, и вдруг высоко в небо взметнулся ослепительный желтый столб огня.

— Достал!

Через считанные минуты над аэродромом появился серебристый самолетик с красными крестами на плоскостях и фюзеляже. Машина тяжело переваливалась с крыла на крыло, словно не решалась, на какой бок завалиться. Не выходя на посадочное «Т», «санитар» кое-как спланировал и покатил поперек взлетной полосы.

Взвыв сиреной, к месту посадки рванулась санитарная машина.

Логачев и Сорокин бежали к приземлившемуся самолету. Они видели, как летчик выпрыгнул из кабины и распахнул бортовые крышки, там стояли носилки с ранеными.

Самолет был истерзан, рули болтались на честном слове, стабилизатор разбит, зияли пробоинами изрешеченные крылья.

Санитарная машина подскочила к самолету.

Ольга помогла перегрузить раненых.

Она шла рядом с носилками, на которых лежал оборванный летчик, но что-то заставило ее обернуться. Коротко взглянув назад, она ничего не увидела, но непроизвольно остановилась и обернулась снова.

К ней бежал Алексей.

Скинув шлем за спину, она машинально поправила слипшиеся волосы и бросилась навстречу.

Они стояли посреди летного поля, тесно прижавшись, не замечая ничего вокруг.

Рядом, бросая взгляд то на Ольгу, то на растерзанный самолет, топтался Сорокин.

От КП отъехала камуфлированная «эмка» с офицером на подножке.

Подъехав к летчикам, легковушка остановилась. Спрыгнувший с подножки офицер распахнул переднюю дверку.

— Чья машина? Кто летчик? — В сопровождении аэродромного начальства из «эмки» вышел бригадный комиссар с малиновым ромбом на голубой петлице и красной шитой звездой на рукаве гимнастерки. Бригадному комиссару было не больше сорока.

— Оленька, тебя...— негромко сказал Логачев и отстранил от себя Ольгу.

Она сделала несколько шагов к подъехав-

шим военным и снова машинально поприветствовала прицеску.

— Мой самолет,— негромко сказала Ольга.

— Докладывать надо по форме,— сказал комиссар и протянул Ольге руку: — Хмурый!

— Кто хмурый? — не поняла Ольга.

— Не слышали? Заместитель командующего ВВС фронта бригадный комиссар Хмурый.

— Аржанцева. Лейтенант Аржанцева, пилот санитарной эскадрильи фронта.

— Раненые живы?

— Капитан без сознания. Летчик... их увезли.

— Видел твой бой. Так их, лейтенант Аржанцева, носом в землю! В землю! Представляю вас к правительственной награде — ордену Красного Знамени!

— Служу трудовому народу,— негромко сказала Ольга.

— ...Лешенька, это до чего же надо дойти, до чего же надо людей довести, чтобы они за ранеными гонялись... раненых расстреливали,— сквозь слезы говорила Ольга, словно жалуясь Логачеву.

— Это не люди, я видел, что они делают.

— Нет, Леша,— сглотнув слезы, вздохнула Ольга,— в том-то и дело, в том-то и ужас, что люди.

Они шли по краю аэродрома вдоль опушки леса.

— Леша, над Ладогой старайся один не ходить. Подожди группу. Группам иногда прикрытые дают, истребители. Девочек с нашего выпуска встретила. Представляешь, у Лизы Мироновой близнецы, двойняшки.

— Извините, товарищ командир,— подбежал, приложив руку к шлему, второй пилот Михасенко.— Нам вылет дают. Дозаправка произведена, материальная часть к полету готова!

— Идите, я сейчас. Как хорошо, что я тебя увидел.

— Алексей, до зимы, похоже, война не кончится, будешь дома, обязательно возьми теплые вещи: серый свитер с синей полосой, носки толстые в нижнем ящике в шкафу, белье слева на верхней полке... И оставь мне письмо. Где всегда.

1941-й. Ленинград. Октябрь

В шинели и сапогах, в черном берете Ольга была удивительно похожа на себя в пору учебы в школе им. Баранова, хотя портупея и тяжелый пистолет на боку были существенным отличием в форме. Ольга шла быстро, то неся вещмешок в руке, то закидывая его за спину.

Не доходя до «Электросилы», она подожда-

ла у переезда, пока «овечка» протащит платформ с десяток в сторону Кировского завода. На платформах ничем не прикрытые стояли поврежденные танки, направлявшиеся на ремонт.

За переездом, недалеко от Благодатного, она увидела женщин и подростков, перебрашивающих обломки рухнувшего дома с мостовой к той бесформенной, безобразной груде из стен и перекрытий, что была огорожена лишь натянутой веревкой.

Средняя часть дома, занимавшего по фасаду метров шестьдесят, казалось, была проломлена ударом чудовищного кулака сверху, уцелевшие боковые части дома обрубками и обломками жилья нависли над пустотой.

Ольга побежала, как только поняла, что это их дом, ее дом, но уже через двадцать метров перешла на шаг, а потом и вовсе остановилась. Шаг ее стал неровным, неуверенным. Она остановилась, не зная, куда идти.

В глазах рябило от окон, крест-накрест заклеенных бумажными полосками.

В сквере, на углу 9-й Советской, стояла зенитка, угол 5-й Советской был разворочен прямым попаданием тяжелого снаряда. Руины, смешавшие в один ком кирпичные глыбы старой кладки и хрупкие свидетельства городского уюта, еще дымились. Детская кроватка, зацепившись за скрученную балку, тихо покачивалась на высоте четвертого этажа.

Конец октября, обычно дождливый и сыкотный, в сорок первом году выдался по-зимнему холодным.

Ольга поднялась по знакомой лестнице своего бывшего дома на Старо-Невском и дважды повернула вертушку звонка с любезной надписью «Прошу повернуть!».

— Кто там? — раздался строгий старушечий голос.

— Это я, Прасковья Валериановна, это я!

— Ольга! — обрадовалась старуха, открыв дверь. — Хороша! Тебе очень идет эта шинель. Входи. Днем энергию не дают, а вечером хоть и ненадолго, но обязательно будет. — Подождя, пока Ольга повесит в прихожей шинель, чуть понизив голос, сказала: — А у нас в доме радость. Катя разрешилась... Мальчик. Назвали в честь отца — Борис.

Ольга вошла в свою бывшую комнату и не узнала ее.

Теперь сюда переселилась Катя с ребятами, здесь же, за ширмой, обустроила свой угол Прасковья Валериановна.

— В нашей квартире нет печей. Это большое неудобство, а здесь камин.

Рядом с камином стояло кресло-качалка, приспособленное под детскую кроватку.

Катю, эту шумную, энергичную, красивую

женщину, было трудно узнать: волосы стали грязно-пепельными, щеки впали, и лишь огромные глаза светились из темных глазниц.

— Оленька! Вот радость. Умница. — Катя поднялась ей навстречу.

Увидев лежащего на диване мальчика, Ольга негромко спросила Прасковью Валериановну:

— А где Лера?

— Лера в школе, — поспешила ответить Катя, — а Николая я не пустила, где-то умудрился промочить ноги, теперь кашляет. Пусть дома пока посидит. Ну-ка, тетя Оля, посмотрите на нас! Это мы — Борис Борисович...

Ольга заглянула в сверток, бережно поддерживаемый Катей.

— Не пойму, вроде на тебя совсем и не похож.

— А мы — вылитый папка. Нас и зовут поэтому — Боренька.

Ольга выложила из вещевого мешка продукты.

— Оля, что ты делаешь, оставь себе, — тонко, не терпящим возражений, заявила Катя.

Тогда Ольга вспомнила, что в противопожарной сумке у нее своей паек, и выложила его на стол тоже.

— Ты летаешь без противопогаза? — искренне удивилась старая женщина. — Это безумие!

В комнату вошла закутанная в башлык Лера.

— Тетя Оленька!

— Как училась? — спросила Ольга.

— Все четыре урока сплошная физкультура: то «тревога», то «отбой», то «тревога», то «отбой». Только и бегали в убежище и обратно.

Поздно вечером, когда все улеглись, Ольга и Катя сидели у горящего камина.

— Говорят, блокаду только в декабре снимут. Мне троих до декабря не дотянуть. А кого оставлять, не знаю.

— Катя, что ты говоришь? Ты... ты... ты даже думать так не должна.

Катя повернулась и посмотрела Ольге в глаза, та не выдержала этого взгляда, стала поправлять угли в камине.

— Стану на всех делить, никого не вытяну. Без Лерки я как без рук. Те же дрова — ее работа. Если со мной что... она большая. Николай... это же исключительно одаренный ребенок. Его все учителя хвалят... Исключительно, — повторила Катя, словно кто-то ей возражал и надо было убедить. — А Боренька... его же Борис даже не видел. Это же копия Бориса, и нос, и губы. — Помолчала и тихо закончила: — Не вытянуть мне троих.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Чтобы не отстать от подруг, Ольга под арестом начала заниматься самостоятельно. Сейчас она зубрила основы аэродинамики, расхаживая от окна к двери с книжкой за спиной.

— Разделив полетный вес самолета на число квадратных метров площади его крыла, мы получим нагрузку на единицу поверхности крыла.— И подражая кому-то, с легким грузинским акцентом добавила: — Нагрузка крыла должна быть не слишком малой, но и не слишком большой.

Из-за окна раздался гитарный звон и пение. Бросив учебник, Ольга подтянулась на оконной решетке.

На пустыре расположились четверо парней с гитарой и пели явно для узицы:

Где эта улица, где этот дом?
Где-е эта барышня...
Где эта барышня?
Где эта барышня?
Где эта барышня?
Что я влюблен!..

Повиснув на решетке, Ольга слушала серенаду.

Женский голос:

— Если б я только могла предположить, что из этого из всего получится, я бы этого Карташова, сукина сына, в штрафную роту тут же сдала. Был такой Карташов, работал до войны в Москве, в управлении, а во время войны перевелся в Куйбышев и был командиром отряда маленьких самолетов. Война к концу, сорок четвертый год, пошел в учебный центр переучиваться на тяжелые транспортные. И сразу из учебного центра, не летая, попадает в девятнадцатый полк, к нам в международный. Разумеется, связи у него божатейшие, сами понимаете, всю войну в Куйбышеве. Приходит в полк и проситса ко мне вторым пилотом. Именно ко мне. Пожалуйста. Я до этого человек десять уже выпустила, не меньше. Подходит время, я его должна выпускать. И буквально один из последних с ним полетов был в Новосибирск. Прилетаю в Новосибирск, на следующее утро мне надо вылетать, а меня не выпускают. Иду к диспетчеру: «В чем дело?» Оказывается, этот мой второй пилот вчера, в комнате, выпил как следует, а там убирала женщина, ну девушка, он стал к ней приставать, она, значит, пихнула его, он ударился о шкаф, разбил зеркало. Пьяный, ружался, вел себя, сами представляете. Но мне надо летать. И опять, опять какую я делаю ошибку! Я беру его на поруки.

1941-й. Москва. Центральный аэродром

Когда над аэродромом ненадолго смолк шум авиационных моторов, в морозном воздухе разносился шум машин с Ленинградского шоссе и визг трамваев.

Ольга в полушубке, перехваченном ремнями, с чемоданом шла к зданию аэровокзала.

— Оля! Аржанцева!

— Господи, напугал... Гоша! Тебя не узнать. Кожа да кости.

— Сейчас в транспортную трельку легких берут. Увеличиваем полезную нагрузку.— Гоша взял у Ольги чемодан и пошел рядом.

— Гоша, ты к брянским окруженцам летал, да?

— Все летали. Мы с Алексеем в одной группе шли.

— Почему днем послали, почему днем? Вы же все ночники! Неужели...

— Приказ.

— Ты сам это видел?

— Видел, конечно. Я шел первым звеном, он сзади, в третьем, вел звено. Не доходя до Брянска километров пятьдесят, его подожгли.

— Мне так и говорили, восточнее Брянска, около пятидесяти. Он с горючим шел?

— Горючее для танков, там мехкорпус в окружение попал.

— Мне так и говорили.

— Из шестнадцати машин только семь вернулось.

— Неужели ночью нельзя было? И дело не сделали, и народ погубили. Ты видел, как самолет рухнул?

— Ольга! Гоша! — на них налетел летчик в унтах и толстом комбинезоне. Кайдалов скинул меховые краги, повисшие на тесемочках, и крепко пожал друзьям руки.— Откуда? Надолго? Где остановились? Только быстро, у меня через семь минут вылет.

— Только что прибыла, улетаю завтра,— сказала Ольга.

— Тогда так. В гостиницу лучше не пробовать. Только время убьете. Вот вам ключ. Беговая, шесть, квартира сто девяносто шесть. Мы там с моим механиком обитаем. Ольге будет комната, тебе — кровати! Все! Шесть, сто девяносто шесть! До вечера! — И потрусил в сторону ангаров.

— Я даже не спросил, куда ты летишь?

— В Омск, в учебный центр.

— Отлично. Я завтра в шесть ноль-ноль иду на Улан-Удэ. Перепишу дозаправку с Новосибирска на Омск. Завтра будешь в Омске.

— Кухня должна знать своего хозяина,— Кайдалов решительно пресекал любые попытки Ольги принять участие в приготовлении ужина.— Я готовить не только люблю, но и умею.

— Я этого не знала.

— Ты вообще обо мне знаешь мало. Ты знаешь, когда я стал учиться готовить? После того как с тобой познакомился. Честное слово. Подумал, если женщина, да еще такая, как ты, могла овладеть, прямо скажем, не женским делом, неужели я не смогу овладеть кухней? Сейчас увидишь!

— Кухня — как раз мужское дело. Все лучшие повара — мужчины.

— Правда? — искренне удивился Кайдалов. — Как же мне это в голову-то не пришло? Действительно! Не вышивать же учиться? Ты умеешь вышивать?

— Нет.

И оба расхохотались.

— Я видела на Центральном... — Ольга понизила голос и сказала, глядя прямо в глаза Кайдалову: — ...самолет под усиленной охраной... Его?

Кайдалов кивнул.

— Скажи правду, что будет с Москвой? Отдадут?

— Все будет сделано, чтобы этого не случилось.

— Значит, отдадут?

— В Куйбышеве был грандиозный ноябрьский парад. Открывал его сводный батальон Наркомата обороны. Принимал парад Ворошилов. Были все главы посольств. Все, как в столице.

— Я никогда Москву такой красивой не видела.

— От ленинградца такое не часто услышишь. Оля, я знаю о несчастье, о горе...

— Почему их послали днем?

— Почему? Да потому что сволочи какой-то, шкуре штабной, надо было побыстрее доложить: «Меры приняты! Помощь послана!» А то что бросили днем, по сути, без прикрытия... А-а, война спешет!

Оба замолчали.

— Где Ирочка? — спросил Кайдалов.

— Леша успел в Казань к своей матери вывезти.

— Вот и хорошо. Оля, я просто хочу, чтобы ты помнила, что я всегда, понимаешь?... Мы же летчики, всегда рядом...

— Спасибо, Вася.

Ольга и Гоша уже сидели за покрытым белой скатертью столом, со вкусом сервированным.

— Холостяцкое застолье, — шепнул Гоша Ольге.

— Володю ждать не будем. — Кайдалов взялся за графин. — Я последнее время думаю над словами Толстого «война и мир». Ну война, это понятно. Но мир, это, наверное, не просто мирное время, не просто жизнь без войны, а мир, понимаете, целый мир, большущая, огромная, разнообразней-

шая жизнь, где есть все. А война — это такое покушение, как бы сказать, сужающее, сплюсывающее, жутко упрощающее жизнь. Война на всех уровнях. Ссора, в сущности, это тоже война. Вы заметили, ссоры делают жизнь беднее? Заболтался? Оля, Гоша, я рад, что сегодня, именно сегодня в Москве есть стол с белой скатертью, есть гости... Даже маскировку хотел бы с окна сдернуть, чтобы все видели...

— И они тоже? — кивнул куда-то Гоша.

— Только в философском смысле, — нарочито перепугался Кайдалов. — За вас.

— Сколько времени на учебу? — спросил Кайдалов, подкладывая Ольге винегрет.

— Два месяца. Я как только узнала про Алексея, сразу решила: пойду в транспортную, а потом буду проситься в его дивизию. Меня пугать, конечно, начали, женских экипажей на больших кораблях нет...

В прихожей хлопнула дверь.

— Прости, Оля, — перебил Кайдалов и объявил голосом шпрейталмейстера: «Великий бортмеханик нашего времени... Володя... Чепрак!»

В комнату вошел, торжественно неся на вытянутых руках картонную коробку, замерзший приятель Кайдалова.

Коробка была точно такой, как та, что была сброшена в свое время с матрицами на расквашенный аэродром в Ленинграде.

Перевернув коробку несколько раз в воздухе, Чепрак опустил ее перед Ольгой.

— И после этого не верить в чудеса? — уже догадавшись о содержимом коробки, спросила Ольга вполголоса. — Если там цветы, то Леша жив.

Ни один мускул не выдал Кайдалова.

Ольга медленно развязала шпагат, развернула несколько слоев бумаги, сначала плотной, потом потоньше.

В середине свертка были три белые хризантемки на коротеньких стебельках.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Ольга сидела с ногами на своей постели, положив голову на сомкнутые колени, и смотрела в одну точку.

С улицы сквозь приоткрытую фрамугу доносились команды и хруст сапог множества шагающих строем курсантов.

Женский голос:

— *Скандал в Новосибирске я замаяла, взяла на поруки. Ну выпил лишнего, за юбкой потянулся. Не ломать же человеку жизнь, если рапорт написать — штрафная рота. Пожалела. Прилетаем в Москву. Но не думаешь же никогда, что человек подлец. Я же говорила: он всю войну в Куйбышеве, вторая столица, кругом дружки, приятели. Прилетаем в Москву, он сразу же к заместителю*

по летной части, к Тимошенко, а там еще и второй заместитель оказался, Авсиевич, вот он им и рассказывает: Аржанцева в Новосибирске поссорилась со своим любовником, бортмехаником. Да-да, это бортмеханик является моим любовником. Вела себя неприлично, напилась, ругалась, из-за этого был задержан полет. Теперь смотрите, я же этого ничего не знаю. А он, пользуясь своим приятельством, как бы меня же еще и выгораживает. Выгораживает, чтобы эта ложь, чтобы клевета эта на свет не вылезла. Ему же это не надо. Мне уже Таня Данко, секретарь и адъютант маршала Астахова, она очень большим авторитетом пользовалась, говорит: «Оля, я тебя защищала, как могла». «Зачем меня защищать, от кого?» Она мне все рассказывает. Все уже было доложено маршалу Астахову. Таня им говорит: «Я при ней анекдот, анекдот рассказать не могу, она выходит, она слышать этого не может, а вы про нее верите таким вещам! Она Орлову в Баку везла, так отказалась потом в ресторан идти, потому что будет выпивка и кутеж, а у нее на следующий день вылет». А я действительно была с Любовью Орловой даже похожа внешне. Она звала тогда, в Баку, а я отказалась. Представляет, Таня Данко меня защищает. А Таня даже не знала, что это Карташов такую клевету сделал, она почему-то думала, что кто-нибудь из Новосибирска. Это только поговорка говорит: брань на воротах не виснет. Еще как виснет, не задумит, так утонит.

...Неожиданно на плацу училища заработали уличные репродукторы, голосом Козловского дежурные по радиоузлу слали свой привет узнице:

Ах, Ольга, я тебя любил-ил,
Тебе, единой, посвяти-ил...

Ольга тут же соскочила с койки, и все мрачные думы как рукой сняло.

1942-й. Штаб 10-й дивизии АОН

Штаб подразделений авиации особого назначения разместился в здании аэропорта Внуково, точно таком же, как и здание Ленинградского аэропорта. По замыслу неизвестного зодчего воздушные вокзалы должны были повторить единый рисунок железнодорожных вокзалов обеих столиц.

Правда, в отличие от ленинградского аэровокзала аэровокзал в Москве успели достроить и освоить полностью.

Стены аэропорта были покрыты пятнами зимнего камуфляжа.

Ольга разделась в приемной командира соединения, оправила гимнастерку с малино-

выми кубарями на голубых петлицах и шагнула в распахнутую адъютантом дверь.

— Товарищ генерал, лейтенант Аржанцева прибыла для дальнейшего прохождения службы.

— Здравствуйте, лейтенант.— Моложавый генерал внимательно оглядел вошедшую, и она ему понравилась, ладная, юная.— Какую же службу вы собираетесь у нас проходить?

— Пилот транспортной авиации.

— Маленькой? — с улыбкой уточнил генерал и показал пальцами что-то небольшое.

— Большой,— в тон ему ответила Ольга и развела руки так, как рыбаки показывают упущенную рыбу.

Вошел адъютант и положил на стол личное дело пилота Аржанцевой.

— Из летного центра? — удивился генерал.— А почему именно к нам? Задачи у нас специфические. Трудные. Работаем непосредственно в подчинении Комитета Обороны.— Генерал листал личное дело, не вчитываясь в разномасштабные листы анкет, характеристик и справок.— Есть же женские формирования... Уверен, будут и бомбардировочные, и штурмовые... А у нас дивизия исключительно мужская, экипажи мужские. Давайте не будем спешить, познакомимся поближе и что-нибудь вам подберем. Подготовка у вас есть, налет приличный. Орден.

— Я проходила подготовку на большие транспортные корабли.

Генерал задержался взглядом на анкете, стал читать:

— Логачев ваш муж?

— Так точно.

— И вы как бы на его место?

— Так точно.

— Прекрасный пилот. Надежный. В конце сентября у нас были большие потери.— Он выждал приличествующую скорбную паузу и, переменив интонацию, продолжил: — Ну что ж, лейтенант Аржанцева, с прибытием в действующую армию. Будем определяться.— Он снял трубку полевого телефона: — Кто у нас из командиров полков на месте? Так... А из замов?.. Пусть ко мне, прямо сейчас.

В приемную генерала Ольга вышла в сопровождении майора Кубаря.

— Извините, минутку,— и Кубарь вернулся в кабинет генерала.

— Прошу прощения, товарищ генерал, мне командир голову оторвет за такое пополнение. Это же не летчик, а сборник задач: куда, как, с кем... Просто разместить, уже вопрос.

— Здесь вопрос деликатный, патристическое движение, занять место погибшего мужа. Нам ее пальцем тронуть не дадут. И ос-

нований у нас для отказа лейтенанту Аржанцевой в прохождении службы в нашей дивизии нет никаких.— Генерал говорил нарочито громко, словно хотел быть услышанным не только майором в кабинете.— Быть может, сама Ольга Васильевна поймет, что она не представляла всей сложности, всей, скажем так, специфики именно нашей работы. Полеты к партизанам. В тыл врага. К войскам в окружение. И если единственная у нас в соединении женщина-летчик выскажет какие-то пожелания, мы всегда пойдем навстречу.

— Разрешите идти? — Кубарь все понял правильно.

— Сегодня у вашего полка рейс на двадцать первую точку?

— Так точно, планируется экипаж Куликова. Должен был я идти, но у меня второй пилот в госпиталь загремел.

— Может, из пополнения кто-то...

— Разрешите выполнять? — догадливый Кубарь вытянулся в стойке «смирно».

— Вы сами в полку решите, кому лететь, с кем, куда. Зачем же я буду вам приказывать. Можете быть свободны.

— Есть.

Кубарь и Ольга шли по коридорам Внуковского аэропорта.

— Мне как заместителю командира полетной части придется вас аттестовать. Специально делать провозные я не имею возможности, но... Если желаете, я сегодня иду... полет вполне для нашей работы характерный. Если вы не устали, могу взять вторым пилотом.

— Есть,— не принимая домашнего тона, отчеканила Ольга.

— Вы обратили внимание, мы прошли штурманскую группу, потом были синоптики, дальше диспетчерская, это главная, потом, на втором этаже, служба связи. Мой борт «двадцать пять четыреста двадцать». Вылет в восемнадцать ноль-ноль на двадцать первую точку. Штурмана полка я предупрежу. Сигналы и позывные для перехода линии фронта, сигналы на точке, погоду...

— Есть готовить вылет на восемнадцать ноль-ноль.

— А кушать сейчас не будете? Столовая на втором этаже, я покажу.

— К сожалению, нет. У меня вылет в восемнадцать ноль-ноль, а я еще своей машины в глаза не видела.

«Дуглас» с бортовым номером «двадцать пять четыреста двадцать» стартовал с Внуковского аэродрома в морозной предвечерней дымке.

В кабине на месте первого пилота сидел Кубарь, вторым пилотом — Ольга.

Между ними, чуть сзади, стоял бортмеханик, следя за показателями работы моторов, давлением масла, расходом бензина; стоять ему здесь положено в продолжение всего полета.

Ольга откинула подлокотник своего кресла и отвела назад. Бортмеханик решил, что Ольга хочет встать, и чуть подался назад, но она отрицательно покачала головой и кивком предложила сесть на откинутый подлокотник.

Механик кивнул, оценив жест вежливости.

...Самолет, перемалывая винтами снеговые облака, упорно лез вверх. На трех с половиной тысячах открылся коридор между высокими слоистыми облаками и кучевыми, перешли в горизонтальный полет.

— Я не нужна? — спросила Ольга, перегнувшись к Кубарю, тот кивнул достаточно неопределенно.

Ольга поднялась, протиснулась мимо бортмеханика, заглянула в отсек к радисту и штурману, хотела открыть дверку в грузопассажирскую кабину, но дверь не поддалась.

После нескольких попыток дверь все-таки открылась, но открыли ее явно с той стороны.

Дорогу Ольге преградил офицер в полушубке и летных унтах.

— Может быть, разрешите мне пройти? — нетерпеливо спросила Ольга.

— Может быть, разрешу, а может быть, и нет. Бортрадистка?

— Второй пилот.

— Идите быстро. Не останавливаться и к пассажирам не обращаться.

На откидных десантных креслицах дремали, закутавшись в тулупы, четыре пассажира. Из-под тулупов выглядывала немецкая форма. Синий свет дежурных лампочек делал пространство кабины каким-то фантастическим. Странность картины дополнялась еще и конструкцией из трубок посередине кабины, на которой сидел стрелок со своим укрепленным на турель пулеметиком. До пояса он был накрыт прозрачным колаком.

Ольга быстро прошла вдоль свободного левого борта и скрылась в конце кабины.

В тесном туалете, почти наощупь, она неспешно накрутила бигуди, прикрыла голову беретом и быстро, чтобы не выслушивать замечаний сопровождающего, прошла в пилотскую кабину.

Кубарь взглянул на Ольгу, понял цель похода и еле сдержал улыбку. Вот это какой пилот!

Глубоко внизу открылась белая земля, облака наверху были тонкие, как серая пленка.

Впереди и сбоку блеснули желтые вспышки разрывов.

Кубарь посмотрел на Ольгу, та была совершенно спокойна.

— По-моему, это наши мазилы,— увидев вопросительный взгляд Кубаря, произнесла Ольга.

— Дайте сигнал «я — свой»,— скомандовал Кубарь.

Ольга не без труда отодвинула стекло и выпустила две зеленые ракеты.

Линия фронта даже в глубоких сумерках четко обозначалась вспышками, цветными пятнами ракет, пунктирными черточками трассирующих очередей, желтыми кустами пожаров.

Кубарь резко перевел машину в пикирование, с четырех тысяч она свалилась метров на четыреста — триста.

Во время этого стремительного падения Кубарь искоса поглядывал на Ольгу, она была сосредоточенна, но спокойна.

Когда самолет почти распластался над утонувшей в темноте землей, Ольга увидела летную работу высшего класса: экипаж не проронил ни слова, командир получал от штурмана и радиста записки с фактической скоростью и местонахождением, сверялся с едва заметными ориентирами, передавал их Ольге.

В полной темноте, на минимальной высоте огибая даже прячущиеся в темноте селения, аэродромы, мосты, все места и объекты, оснащенные противовоздушным прикрытием, самолет черным призраком мчался к цели.

— До точки шесть минут! — доложил штурман.— Курс двести шестьдесят восемь, с упреждением на снос!

— Следите за огнями! — скомандовал Ольге Кубарь.

В грузо-пассажирской кабине замигала сигнальная лампочка, и сразу появился отвечающий за десантирование бортмеханик.

Он подошел к бортовому люку и распахнул его.

Пассажиры сбросили тулупы, проверили застегки парашюта на ногах и груди, выдвинулись к десантному люку, форма на всех четырех была немецкая, как и оружие.

— Вижу сигнал! Прямо по курсу: четыре белых, три желтых! — доложила Ольга.

— Вижу сигнал! — подтвердил Кубарь.

Тут же в непроглядную темноту полетели десантники.

Ольга ждала разворота на обратный курс, но Кубарь вел машину прямо, углубляясь в территорию, занятую врагом.

Увидев нетерпеливые взгляды Ольги, Кубарь сделал жест рукой: все правильно, так надо, и, только уйдя от места десантирования километров на двадцать пять, положил машину в вираж и двел на обратный курс.

— Берите управление, идем домой! — ско-

мандовал Кубарь.

Ольга зигзагами ночного маршрута на предельно малой высоте предстояло вернуть самолет из глубокого вражеского тыла.

По запискам штурмана она меняла курс, сверяя маршрут на карте, разложенной в планшете на коленях, с какими-то приметам на летящей под крылом земле.

Неожиданно впереди по курсу показалась светящаяся карусель на высоте около восьмисот метров.

Ольга стала набирать высоту, не меняя курса.

— Куда вас несет?! — не удержался Кубарь.

— Не мешайте работать! — оборвала Ольга.

Внизу под каруселью самолетов, поблескивающих габаритными огнями, была высвечена посадочная полоса. Самолеты ходили по предпосадочному кругу, ожидая своей очереди садиться.

— Механик! Габаритные огни! Посадочные фары!

Механик взглянул на Кубаря, тот напряженно смотрел вперед.

Подойдя с огнями к аэродрому, Ольга встала в карусель.

Теперь, когда немцы утратили интерес к появившейся из мрака машине, приняв ее за одну из опоздавших или получивших повреждение, можно было погасить огни, выйти из круга, спикировать и вернуться на свой курс.

Перед линией фронта, уже набирая высоту, где-то на полутора тысячах Ольга увидела прозрачные, голубоватого тона лучи прожекторов, неторопливо, сосредоточенно обшаривающих небо.

Неожиданно кабина словно взорвалась от ослепительного света, и в ту же секунду, навалившись всем телом на правую «ногу», Ольга бросила машину на скольжение вправо, потеряв высоты метров двести, не дожидаясь нового удара светом, кинула машину на скольжение влево.

Бросая машину из виража в скольжение, из скольжения в вираж, Ольга ушла от прожекторов.

Гнездо прожекторов осталось позади, Ольга приступила к подъему.

— Штурман, дайте поправку на курс, мы сейчас вправо вильнули. Радист! Возьмите пеленг от Ленинграда и Тулы.

Линию фронта снова проходили на трех с половиной тысячах.

Опять мелькнули всполохи разрывов, и снова их обстреляли зенитки.

— Наши мазилы! — удовлетворенно проговорил Кубарь.— Ставь на автопилот. Теперь сама добежит.

— Радист! Приводную на Внуково!

«Внуково» передавало «Прелюд» Рахманинова.

Глубокой ночью колеса «дугласа» коснулись посадочной полосы.

— Я выйду у штаба,— сказал Кубарь,— ты отгони на стоянку.

Когда на стоянке, взревев от перегазовки, моторы наконец остановились, в самолете установилась пронзительная тишина.

Стали слышны голоса с улицы, шаги в грузовой кабине, возня стрелка-радиста, снимавшего свой УБТ на профилактику.

Ольга неподвижно смотрела перед собой, не было сил ни встать, ни пошевелиться. Она подобралась комочком и спрятала под мышки ладони, онемевшие от штурвала.

Бортмеханик, подставив стремянку, открывал капоты на моторах, когда к самолету подошел инженер по обслуживанию.

— С благополучным,— инженер протянул бортмеханику руку.

— Спасибо, товарищ инженер-капитан. Левый передний бак еле переключил, может, глянем? И тахометр правого мотора то врал всю дорогу, а при посадке взял и отключился.

Оба поднялись в самолет, капитан остановился и показал оторопело на открытую дверь в пилотскую кабину.

Ольга, достав зеркальце, раскручивала бигуди.

— С приборами успеем, посмотрим лучше мотор, пока теплый,— сказал бортмеханик.

Ольга услышала голоса и невозмутимо хлопнула дверку.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Заложив руки за спину, Ольга шла по коридору, возвращаясь в свою камеру. Сзади шел дежурный курсант из старшекурсников.

Пока Ольга отсутствовала, в незакрытой камере кто-то побывал, это она сразу же заметила. Дождавшись, пока лязгнут запоры, она заглянула под подушку, там лежали три груши и четыре яблока. Под тощим матрасиком нашла «почту». Читала записки со смехом, не забывая откусывать грушу.

Женский голос:

— Мне потом рассказывали, как Кубарь докладывал о нашем первом полете. «Чтобы шел человек через линию фронта, как на танцплощадку, я этого не понимаю, должны быть какие-то переживания!» Так я им переживания и покажу. После этого полета у Кубаря уже никаких сомнений не было — выпускать меня командиром корабля или нет. Я с ним еще несколько полетов сделала, и вызывают меня в управление, к заместителю по кадрам, особый отдел, генерал Бе-

лов. Разговор был только профессиональный, об отношениях мужчин и женщин ничего не было. Его предупреждение для меня очень много сыграло. Я же была такая, немножко «тра-ля-ля... спортсменка!», все мне легко давалось, летный центр прошла с отличием. Белов долго беседовал: «Ольга Васильевна, имейте в виду, вы единственный будете командир корабля в дивизии — женщина. Очень важно, чтобы вы с самого начала, с первых дней поставили себя так, чтобы никаких у вас, значит, не было... То, что мужчинам и простят или не заметят, для вас просто исключено. Вы на виду у всех. Вопрос щепетильный, но я хочу вам добра». Начинаящие командиры иногда с опытным экипажем заигрывают, у меня этого не было. Только доклад, только на «вы». Трех бортмехаников выгнала, одного бортрадиста, пока Виктор Смирнов не пришел и Быков, с ними два года отлетала. Штурман и второй пилот — они менялись. А костьяк — это бортмеханик и бортрадист. Я только голову поворачивала, они уже все понимали. А в полете, особенно в тыл врага, разговаривать некогда...

1942-й. Ленинград

В конце марта сорок второго года ленинградская трагедия перешагнула все мыслимые пределы. Прибавка хлебного пайка, в сущности мизерная, уже не могла спасти жизнь изможденных голодом горожан, они умирали, умирали, умирали, чтобы сотнями тысяч своих смертей пополнить неоплатный счет тем, кто обрек миллионы людей на муки и смерть.

Казалось, жизнь остановилась в этом огромном, скованном льдом и занесенном снегом городе.

Медленно, как во сне, передвигались по улицам редкие прохожие.

Но вот проехала машина, попыхивая сильным газогенераторным дымком, где-то прошла стайка дружинниц, строем промаршировали с песней девушки из ПВО, и человека, приехавшему с фронта, становилась видна не только хозяйка-смерть, но и жизнь, мужественно пульсирующая в артериях города.

На Старо-Невский Ольга шла по тропинкам, натоптанным на занесенных снегом улицах.

Переведа дыхание на лестничной площадке, она два раза повернула звонок. Ее поразило, как громко он отозвался в тишине лестничного пролета. За дверью было тихо. Она позвонила еще и наконец заметила, что дверь не закрыта.

В коридоре и в прихожей было темно и тихо.

Ольга толкнула дверь в комнату Прасковьи Валериановны.

Сквозь перекошенные шторы светомаскировки пробивался дневной свет. От большого платяного шкафа, отделанного карельской березой, осталась только дверка с зеркалом, прислоненная к стене. Стол на долстых гнутых ножках был наполовину изрублен, здесь же лежал тяжелый колуи.

Ольга прошла в конец коридора и вошла в бывшую свою комнату.

Она выждала, пока глаза освоятся с сумраком, но обитателей не заметила. Подумав, что квартира брошена и все перебрались в какое-то другое место, Ольга решила поискать письмо или записку.

Она подошла к окну и отдернула плотную штору.

На кровати, укрытая поверх одеяла пальто, прижимая к себе продолговатый сверток, лежала мертвая Катя.

Ольга заглянула за ширму, ей показалось, что Прасковья Валериановна спит. Она тронула ее щеку рукой и невольно отдернула ладонь. Шека была твердой и холодной.

Разгребая ворох одеял на диване, Ольга обнаружила, что на нее смотрят две пары глаз. Лера и Коля были живы.

— Это я — тетя Оля,— негромко сказала Ольга.

— Здравствуйте,— чуть слышно ответила девочка.— Вы пришли похоронить маму? Мама сказала, что все документы для похорон в сумочке, а сумочка на этажерке.

— Что ты говоришь...— Ольга присела на диван и провела рукой по чумазому лицу девочки.

— Когда мы с мамой хоронили Соловьеву, были неприятности... нужны все документы.

Рядом с женской сумочкой на этажерке лежали два крошечных сохшихся кусочка хлеба.

— Почему вы не ели, это же хлеб?! — сказала Ольга.

— Не хочется... Мы спим.

...Ольга искрошила колуиом остатки стола в комнате Прасковьи Валериановны, вскипятила воду и, вручив Лере и Коле по небольшому сухарику из своих припасов, стала пить чаем.

Мальчик с трудом держал голову.

На санках Ольга довезла детей, закутанных поверх пальто в теплые женские платки, до управления.

На аэродром их доставил грузовичок-полупортка.

— Ольга Васильевна,— бросился к ней второй пилот,— материальная часть и экипаж к полету готовы. Загрузка предельная.

Погода ухудшается. Могут вылет отложить.

— Сережа, в машине двое детей, нужно взять.

— Куда? Ольга Васильевна, без инструмента летаем, сиденья выкинута, заправку половинную берем, без штурмана ходим, нечего мне больше выкидывать, голая машина. Не подныться будет.

— Слейте двадцать литров горючего! — приказала Ольга.

Пройти в пилотскую кабину было непросто: на полу на разостланных моторных чехлах лежали дети. Их было около шестидесяти человек. Бледные, худые, они внимательно и серьезно следили за ней своими огромными глазами. Ольге на секунду стало страшно, она не могла понять природу этого страха, и только когда уже от двери в пилотскую кабину оглянулась, поняла — дети молчали.

— Что погода? — резко спросила радиста и заняла свое место.

— Эфир забит, никак не могу связаться.

— Будем взлетать!

— Девочка спрашивает про мамину сумочку,— сказал вошедший в кабину второй пилот.

— Скажите, что у меня.— И тут же командовала бортмеханику: — Запускайте моторы!

...Закончив разбег почти у самого конца взлетной полосы, машина оторвалась от земли и проплыла над верхушками елей, едва не коснувшись их еще не убранными шасси.

— После такого взлета шишки из масляного радиатора доставать придется,— проворчал механик.

Над Ладогой шел снег, и видимости просто не стало, снег озера и снег неба стали совершенно неразличимы.

— Москва закрыта, приказано садиться в Хвойной! — передал радиogramму радист.

— Подходим к Хвойной,— через несколько минут объявила Ольга.— Следите за кострами, ищите «Т».

— Ничего нет, не ждут нас.

— Ольга Васильевна, я свяжусь с ними, попрошу полосу обозначить, — сказал радист.

— Отставить. Кружить и ждать у нас горючего нет.

После короткого раздумья Ольга командовала:

— Дайте радиogramму в Москву, иду на Внуково!

— Может горючего не хватить,— сказал бортмеханик.

— Садиться в такую погоду без приводной? Чисто битая машина.

Москва ответила довольно скоро: «Приказываю сесть ближайший аэродром пути следования».

— Это приказ, Ольга Васильевна,— напомнил второй пилот.

— Здесь приказываю я. Радист, передайте: «Иду Внуково. Подготовьте посадку. Буду заходить с приводной. Аржанцева».

— Горючего на сорок минут,— сказал бортмеханик.

Москва отозвалась тут же: «Лейтенанту Аржанцевой. Требую выполнять боевые приказы беспрекословно. Полковник Хабаров».

— Радист! Настроить приводную на Внуково и держать настройку! На связь не выходить!

— Как без связи, Ольга Васильевна, а если еще кто-то вслепую будет садиться? — резонно заметил радист.

— Во всей Европе одни мы сейчас в воздухе,— Ольга улыбкой попробовала ободрить экипаж. — Хороший хозяин собаку из дома не выпустит!

Мужчины были сосредоточены и мрачны. ...Самолет шел в непроглядных снежных облаках, подняться выше было невозможно из-за нехватки бензина, идти ближе к земле просто не имело смысла.

На приборном щитке замигала, а потом устойчиво вспыхнула красная лампочка.

— У меня бензин кончился,— сказал бортмеханик.

— Сейчас мы узнаем, сколько минут жизни нам подарили конструкторы,— спокойно, будто это и было целью полета, сказала Ольга.

— Жаль, что рассказать будет некому,— буркнул механик.

— Докладывайте высоту!

За окнами кабины по-прежнему висела снежная пелена.

— Прошли приводную! — заорал радист.

— Следить за кострами! — И, не отрывая глаз от радиоконписа, Ольга приказала: — Выпустить шасси!

Когда дым костров стал просматриваться из кабины, раздалась команда:

— Пошли закрылки!

Колеса коснулись полосы около черной буквы «Т».

Ольга начала рулежку, но руки не слушались.

— Возьмите управление, — обернулась она ко второму пилоту и спрятала ладони под мышки.

Машину повело вправо, потому что стал правый мотор. Нажимая на педали, второй пилот пробовал удержать самолет на полосе, но здесь стал и второй мотор.

— Свяжитесь с диспетчерской,— сказала Ольга радисту,— скажите, что прибыли дети... из Ленинграда.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Четыре дня заточения привели Ольгу в отчаяние, ее больше не развлекали серенады за окном, тайные передачи почты и съест-

ных подношений. Она сидела на краешке своего топчана в печальных раздумьях.

Женский голос:

— И вот последний эпизод с Новиковым. Для меня это было начало конца. Все. Командир международного полка должен быть летающим, Новиков летал. И получилось так, что у меня и у него в один день полет на Харьков. Погода на трассе была совершенно скверная. Он вылетел на полчаса раньше, и говорит: «Если что, дам с трассы радиограмму». Прошло полчаса, радиограммы нет, меня выпускают. Погода действительно... Я пошла сперва низом, потом вижу все облака, муть страшная, пошла на высоту, сказала радисту, чтобы приводную включил, и взяла курс на Харьков. Пришла в Харьков. Села. Там тоже погода плохая, но более или менее развеялось. А Николая Ивановича нет и нет. Прилетел только через сорок минут. Эта такое для меня несчастье, даже трудно себе представить. Ну зачем мне нужен был этот полет? Может быть, Николай Иванович сам бы и пережил все нормально, но нашелся же какой-то подлец, пошел и сказал: «Знаете, Николай Иванович, как Аржанцева злорадствовала, когда она прилетела, а вас не было». Он же старый летчик, а тут в лицо такая обида. Старые летчики с грузом на новую технику переходили, привыкли летать визуально и приборам не доверяли. Мы с этого начинали, а они начинали совсем с другого. Они себе верили, а не приборам, вот он и заблудился. А для меня это было равносильно гибели. Если б еще мужик, а то баба. Все, через месяц я осталась без машины. Не было для меня в полку машины. Предложили идти в Куйбышев, представляете, в Куйбышев, на маленькие самолеты. Коля Маслюков все знал и спрашивает: «Как ты можешь допускать, что тебя топчут, это же позор, нельзя тебе в Куйбышев». «Коля, ну что я могу сделать? Ну что?»

1943-й. Полевой аэродром. Станица Пашковская

Раскаленное небо над Кубанью стало гремющей ареной битвы за господство в воздухе.

Напряженным пульсом воздушной войны жили полевые аэродромы.

На КП истребительного полка Кайдалов ждал разрешения на вылет. Он был в летной форме, с планшетом, у ног лежал парашют.

— У меня люди уже час в машинах сидят! — Кайдалов терял терпение.

— Грозовой фронт в районе приземления,— не выпуская трубки полевого телефона, сказал дежурный по штабу.

— Дай трубку! Послушай, диспетчер, в связи Кайдалов. Нет, ты меня совсем не

знаешь. Я перегоняю новую технику на фронт, и если хоть одна машина по твоей милости... Да-да! Ты у меня под трибунал пойдешь!..

Вздымая пыльные смерчи, тяжелый транспортный самолет катил по аэродрому станции Пашковской.

Ольга выруливала к длинному ряду капониров, где под маскировочными сетками прятались крохотные ночные бомбардировщики.

Она уже хотела скомандовать «глушить двигатели», как к ней протиснулся радист.

— Узнали, что у нас две тонны тола на борту, сейчас дадут место стоянки.

Диспетчер полевого аэродрома, пуганный уже перепуганный, привыкший ко всему на свете, отвечал спокойно и методично:

— Одну минуточку! Одну минуточку, товарищ майор. Меня под трибунал каждый день отдавать надо, если где-то погоды нет... Не отходите, не кладите трубочку, сейчас мне погоду уточнят в районе вашего приземления... Новежилов, сейчас Аржанцева села, у нее две тонны тола на борту, убери ты ее куда-нибудь к чертям подальше. И готовь ей дозаправку сразу, пусть улетает.

— Диспетчер, ты меня слышишь?! Повтори — кто прилетел?

— Тоже под трибунал хочешь отдать? Аржанцева прилетела, слышал про такую?

— Браток, на какой она волне? — крикнул Кайдалов.

— Вот за такие разговоры я точно под трибунал пойду.

К диспетчеру подошел синоптик с листом карты погоды:

— Давай вылет Кайдалову. Там грозовой фронт хорошо смещается на северо-восток, а нас сегодня с утра не бомбили. Пусть улетает.

— Кайдалов, слышишь меня? Вылет разрешаю. Старт: две зеленых в зенит. Время старта — четырнадцать пятьдесят две.

Радист протиснулся к Ольге и пригласил ее перейти к нему в радиоотсек.

Ольга удивилась, передала управление второму пилоту и взяла наушники.

— Товарищ майор, Аржанцева на связи, — сказал диспетчер в трубку полевого телефона.

— Друг, извини. Передавай: Оленька, родная, — с телеграфной точностью произнес Кайдалов.

Диспетчер повторил с той же железной интонацией.

— Береги себя. Думаю о тебе все время и в воздухе и на земле.

— Вася, где ты, как здесь оказался? — проговорил диспетчер услышанное по второму телефону.

— Перегоняю технику, у меня сейчас вылет. Когда будешь в Валуево?

— В Валуево буду двадцатого — двадцать первого, профилактика двигателей. Ты сумасшедший! Я без тебя скучаю.

— Я люблю тебя. Оля... Слышишь?

— Жду в Валуево, — сказал диспетчер и от себя добавил: — У вас старт, товарищ майор.

— Спасибо, друг, — сказал Кайдалов.

— Спасибо, друг, — повторил диспетчер.

— Это тебе спасибо, а Аржанцевой скажи: меня к Герою представили. До встречи!

— То-то ты так расхрабрился, — усмехнулся диспетчер.

От стоянки ночных бомбардировщиков к стоящему в ожидании заправщика «дугласу» бежали девушки-летчицы.

— Оля! Оленька! Аржанцева! Жива!..

— Жива, конечно, — недоумевала Ольга. Она едва успевала отвечать на приветствия, а Женю Рудневу как обняла, так уже и не выпустила.

Ольга и Женя шли степью, краем аэродрома, обходя воронки, разбитую технику, оттащенную за край аэродрома, обрамленного, как бордюром, увечным железом.

— Когда нам сказали, что ты погибла... — Тут у Жени выступили слезы, и она уткнулась в плечо подруги. Через минуту она уже разглядывала Ольгино платье. — Хорошо, тебе это платье очень хорошо. А в наших тантасах вот в таком виде приходится, — как бы оправдываясь за свои галифе, сапоги и гимнастерку, сказала Женя.

— А какая ты красивая в газете! Смотрю, что за кинозвезда такая, а это Женечка Руднева, штурман энского бомбардировочного полка.

— Ну ты, Оля, скажешь тоже — звезда! Какой я штурман? Учю астронавигацию, а летаю от плетня до оврага. В одном моем «S-47» больше штурманского и навигационного оборудования, чем во всем моем полку. Ты как от прожекторов уходишь? Мы от них просто погибаем. На Керченский десант работали, это ужас. Так тяжело летать.

— Пикирование, скольжение...

— Оленька, родная, это тебе пикирование, ты на трех, на четырех тысячах ходишь, а куда с трехсот, с четырехсот метров пикировать? А ты прямо как из парикмахерской.

— Женя, я тебе честно скажу, я когда стала на больших самолетах летать, только и почувствовала себя человеком. А в нашем положении быть человеком — значит быть

женщиной. Возу с собой бигуди. Рейсы у нас большие, поднимаю машину...

— И прямо в кабине крутишь? Управление второму отдаешь?..

— При мужиках? Ну что ты! Есть же у нас туалетный отсек. Мы уже столько этой войне прокладой отдали.

— А как у тебя с Кайдаловым?

— Он очень хороший.

— Говорим о ерунде всякой, а о главном молчим!

1943-й. Подмоскowie. Усадьба «Валуево»

В старой усадьбе, обнесенной белыми кирпичными стенами, неподалеку от Внуково, был оборудован ночной санаторий, или межполетная база отдыха для летчиков авиации особого назначения.

В небольшом уютном холле несколько летчиков слушали музыку, за роялем сидел молодой генерал — лет тридцати трех, не больше. Играл генерал сосредоточенно, боясь сбиться, видимо, сказывалось отсутствие практики.

Вальс Шопена придавал особый уют этим старым стенам и парку, простирившемуся за заклеенными бумагой крест-накрест окнами холла.

С улицы донеслись приглушенные звуки выстрелов.

Генерал повел головой, но продолжал играть. Когда выстрелы повторились, он опустил руки и сокрушенно произнес:

— Когда говорят пушки, музы молчат, — и закрыл крышку рояля.

...По аллее, осененной пышными кронами вековых лип, генерал шел не торопясь, держа за спиной фуражку.

Выстрелы раздались снова, где-то за оградой внизу.

Найдя пролом в старой ограде, генерал легко сбежал по тропинке.

У подножия довольно крутого откоса по всем правилам был оборудован тир — со столиками для оружия и мишенями на фанерных щитах в нишах.

Появление генерала экипаж Ольги встретил нестройным «Здравия желаем!», после чего прозвучало Ольгино «Добрый день!».

— Продолжайте, продолжайте... Не помещаю? — обратился он к Ольге.

— Это мы, наверное, своей пальбой мешаем, но у нас проверку обещали в эскадрилье устроить.

— Роскошно живете, товарищи летчики!

— Только на земле и пострелять, в воздухе все кому не лень в нас норовят, — сказал бортмеханик Виктор Смирнов.

— И кто же у вас лучше стреляет, командир, наверное? — и обернулся к штурману в звании капитана.

— Командир нашего экипажа Ольга Васильевна Аржанцева, — представил Ольгу штурман.

— Вон оно как! Поскольку мы на отдыхе, то просто Родион Дмитриевич, — представился и генерал, пожимая всем руки. — Ну как, командир, будем стрелять? Даю на семи выстрелах... двадцать очков форы. Я выигрываю, ужинаем вместе! — Генерал достал из кобуры свой «ТТ».

— Соглашаться? — обернулась Ольга к своим. Те мялись. — Экипаж у нас мужской. Фору мы не принимаем, а вызов — да.

— Есть вопросы, где равенство и несправедливо и неразумно. Двадцать очков я все-таки даю.

— А мы не берем, — сказала Ольга и вышла с пистолетом на огневой рубеж.

После каждого выстрела Ольга поднимала в согнутой руке пистолет стволом вверх, переводила дыхание и стреляла снова.

— Посмотрим, посмотрим, — приговаривал генерал, разглядывая принесенную летчиками мишень. — Пятьдесят семь? Поздравляю! А я тут со своей форой! Да, Родион Дмитриевич, придется вам постараться.

Едва выйдя на огневой рубеж, генерал вскинул пистолет и, держа его двумя руками перед собой, выпустил одну за одной все семь пуль.

— Посмотри, друг, может, и я попал, — кивнул он бортмеханику. — А мы не условились, что же будет, если я проиграю?

— Не знаю, мы с экипажем что-нибудь придумаем.

— Вроде как шестьдесят три я насчитал, больше не получается, — с деланным огорчением Виктор протянул мишень генералу.

— Видите, и в разведуправлении чему-то людей учат. Раз я ужин не выиграл, значит, я его проиграл. Верно? — улыбнулся генерал Ольге.

Откуда-то сверху скатился Гоша Данилов, он тоже был в форме военного летчика с погонами майора.

— Оленька... простите... — Гоша откозырял и произнес полагающиеся слова, не сводя глаз с Ольги: — Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу старшему лейтенанту?

— Обращайтесь, конечно, только если у вас для Ольги Васильевны хорошие вести.

— Оленька, Вася погиб, Кайдалов... Я знаю, ты его ждешь... Здесь человек, они вместе летали. Хочешь с ним... он сейчас может уехать.

— Сам-то ты откуда? — как-то мертвенно проговорила Ольга.

— Я в Новопокровскую двигатели для истребителей доставлял.

...Ольга медленно шла по дорожке парка, рядом шел Гоша.

Их догнал радист Быков.

— Ольга Васильевна, вы забыли, — он протянул ей оставленный в тире пистолет.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

Ольга лежала на топчане, подложив руки под голову.

Женский голос:

— Сначала Астахов меня ударил, потом Новиков. Ждали, что я где-нибудь оступлюсь, где-нибудь поломаюсь, что-нибудь случится. А у меня ничего не случилось. Уволить из полка формальных причин нет, а без машины посидела. Так и попала в Архангельск. Там была нашего полка машина «СИ-47», командир то ли действительно заболел, то ли струсил по той трассе летать. Предложили, я полетела, приняла машину. Задание считалось тоже правительственное: вывозила пушнину и ценную рыбу, она, как сейчас говорят, шла на золото, на обмен. Полеты за Полярным кругом — Архангельск, Нарьян-Мар, Усть-Печора. Февраль и март — тяжелейшие месяцы на Севере. Начинаю летать в сумерки, полеты десять — двенадцать часов в сутки, и посадки в основном на лед. Все сливается, где горизонт, где лед, не видно. Садись на газу, земли не чувствуешь, села, а тебя еще и несет. Тормоза не держат. Голый лед. Ведь мы на колесах, никаких лыж. Хорошо, там совхозы, организовали кирки, лопаты, топоры, рубили лед, насечку делали. Летала на большой высоте, без кислородного прибора, медицины никакой. У нас даже давление не меряли. Когда вернулась после этих двух месяцев за Полярным кругом, чувствовала себя очень плохо. Шла на Москву, рейс-то всего два десятка, и провалилась, уснула. Никогда такого не было. А когда на Невском первый раз упала, мне профессор и говорит: «Вы долгое время были без воздуха». Я рассмеялась, летчик — и без воздуха. Измерили давление: семьдесят на пятьдесят. Ничего не сказала, взяла отпуск за свой счет, стала лечиться. Я могла военную пенсию взять, и у меня была бы сто пятьдесят рублей пенсия, но я же не хотела ее брать, потому что была уверена, что буду еще летать, что у меня расцвет сил и знаний в летной работе. Год лечилась, и два, и три, а все не восстанавливаюсь. Вот и получилось, что стала пенсионеркой в тридцать лет. Ко мне приходили на дом и приносили пенсию, как старушке... Пятьдесят рублей.

1943-й. Диспетчерский пункт на КП 10-й дивизии АОН

Генерал от Разведуправления, тот самый Родион Дмитриевич, знакомый Ольги по валуевскому тиму, распекал непосредствен-

ных начальников Аржанцевой, полковника Хабарова и майора Кубаря:

— Или ты, Хабаров, задание недооценил, или не понял, чье это задание!

— Я послал опытного пилота. Два года воюет, только у нас в дивизии полтора года. И в тыл не первый раз идет.

— Я не знаю, куда она ходила, а вот куда ты пойдешь, если она не вернется, я знаю и ты знаешь.

Хабаров и Кубарь молчали, генерал нервно расхаживал в тесном пространстве диспетчерской.

— Чем надо думать, чтобы барышню с кудряшками послать! Послал нормальный экипаж, что-то случилось, все поймут, боевые потери. А если она в плен попадет? Жалко, что я к старту не подъехал, я бы это дело поломал!

Ольга в туалетном отсеке самолета спокойно накручивала бигуди. Теперь она уже не прятала свою «закрутку» под толстый берет, а повязывалась по-домашнему цветной косынкой.

— Подготовьте вторую машину! Если от Аржанцевой будет задержка с докладом...

— Товарищ генерал, вторая машина уже в эту ночь не впишется. Возвращаться над территорией врага в светлое время?..

— И через каждые двести километров доклад, только лишняя демаскировка, — поддержал своего командира Кубарь.

Шифровальщик протянул радиogramму Хабарову.

— «Прошли линию фронта на шести тысячах. Курс — цель. Аржанцева», — прочитал Хабаров.

— Делайте, как считаете нужным, но и отвечать будете... Не нужна вам с ней связь, пожалуйста.

— Передай Аржанцевой, чтобы работала по связи только на прием, промежуточные доклады снимаем, — Хабаров написал своей рукой радиogramму и протянул шифровальщику.

«Дуглас» черной тенью скользил над спящей землей.

Ольга с картой в руках управляла полетом. Земля и небо жили войной.

Где-то в стороне занималось зарево после недавней бомбардировки или вдруг впереди вставали голубые столбы прожекторов, встревоженных звуком приближающегося самолета, приходилось тут же менять курс, облетая опасность.

— Подняться бы, Ольга Васильевна, сигналы не успеем рассмотреть, — держа руки на рукоятках управления посадкой, бубнил механик.

— Высота триста! — отрубилась Ольга.
— Там площадка с носовой платок... Шасси об елки поломаем.

Второй пилот достал ракетницу и зарядил, Ольга кивнула.

— Следить за сигналами!

Все произошло в считанные минуты: внизу мигнули красный и два желтых сигнальных огонька, второй пилот ответил двумя зелеными ракетами вниз, и прямо по курсу цепочкой вспыхнули четыре костра.

— Шасси!.. Закрылки!

Взревев винтами на торможении, содрогаясь на неровностях площадки, самолет покатил по земле.

К самолету бросились вооруженные люди, одетые в пеструю смесь гражданской и военной одежды.

На поляне послышалась польская речь.

Бортмеханик с расстегнутой кобурой открыл бортовой люк, за его спиной стоял бортстрелок с автоматом.

Моторы работали на малом газу.

Двое, мужчина и женщина, одетые словно для прогулки по Маршалковской, коротко обнявшись с провожатými, подбежали к металлическому трапику.

Бортмеханик, стоя внизу, подал женщине руку, и в это время за его спиной появился Логачев. Узнать его было трудно: в ватнике, каскетке, обросший бородой.

— Здравствуй, земляк! Кто командир? Позови командира!

— Це, пан, не можно! — выпалил заготовленную фразу Смирнов.

— Какой я тебе пан? Я — Логачев! Я русский летчик. Ладно! Увидишь Хабарова, Кубаря, передай: Логачев жив, Жорж Медведев тоже жив. Были в плену, бежали, воюем...

Бортмеханик поднялся в самолет и уже затаскивал лесенку внутрь, когда услышал:

— Москве поклонись!

— Счастливо, друг, будет доложено!

...Повернув запорную рукоятку на двери, бортмеханик бегом бросился в пилотскую кабину и, прежде чем положить руки на рукоятки управления двигателем, наклонился к Ольге:

— Здесь Логачев. Спрашивает, кто командир.

Ольга невольно приподнялась в кресле, опущенные тормозные педали заставили самолет вздрогнуть и качнуться.

— Ты сказал?

— Не положено. В лицо я его не знаю.

Ольга откинулась в кресле и резко вдавила тормозные педали.

— На левый — тысяча шестьсот, — командовала Ольга, глядя прямо перед собой.

Механик двинул ручку газа, мотор взвыл, набирая обороты, задрожали стрелки тахометров.

— На правый — тысяча шестьсот, — про-

слушав левый двигатель, скомандовала Ольга.

Слушая второй двигатель, она попыталась разглядеть смутные фигуры на краю поляны.

Прослушав оба мотора, Ольга перевела их в рабочий режим и отпустила тормозные педали.

Машина тронулась и, переваливаясь на неровностях площадки, начала рулежку.

...Логачев смотрел, как черная машина самолета двинулась к пульсирующему огоньку на старте.

— Алекс! Шибко, шибко!.. Сплывамы. Натыхляст! — донеслось из темноты.

Логачев закинул за спину винтовку и побежал на голоса.

...Ольга смотрела на приборы и не видела их, руки и ноги автоматически выполняли рулежку.

На востоке над лесом уже начинала светлеть полоска неба.

Главное в подъеме с короткой полосы — слиться с машиной, почувствовать машину, ее ход и ни секундой раньше, ни секундой позже взять штурвал на себя.

Резким движением головы Ольга стряхнула выступившие слезы и до боли прикусила губу.

Неровный гребень леса на светлой полоске неба размылся, стал нечетким.

С короткого разбега самолет круто поднялся в воздух и лег курсом на восток.

— Возьмите управление, черт возьми! — вытянув самолет над лесом, проговорила Ольга и, отпустив штурвал, откинулась в кресле.

1934-й. Авиашкола им. Баранова. Гауптвахта

В камеру солнце заглядывало лишь на восходе, сквозь зарешеченное оконце, утопленное в земле.

Аржанцева проснулась от лязга ключа в замке.

В дверях, жмурясь от резкого солнца, стоял дневальный.

— Жива?

— Что надо?

— Выходи.

Ольга спала не раздеваясь, сборы заняли одно мгновение.

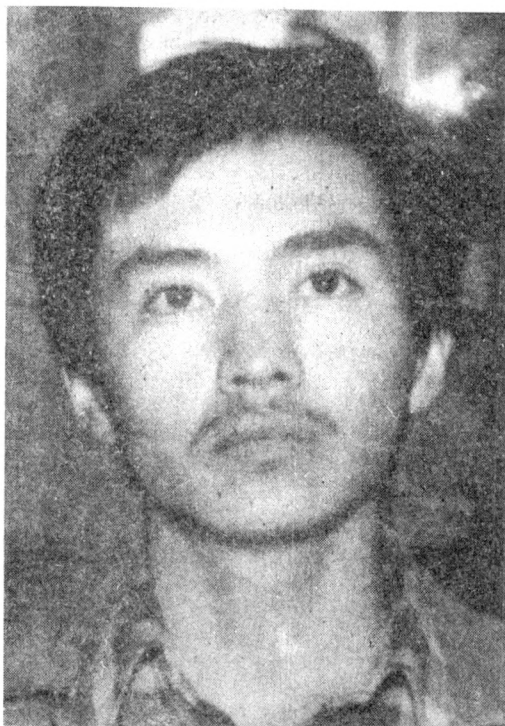
Дневальный протянул ей ремень.

— Ну как? В отдел кадров пойдешь за документами?

— Отведи меня к девочкам, — с улыбкой сказала Ольга.

По утреннему аэродрому к самолетам, похожим на стрекоз, шла курсантская рота. Лихо заломленные береты и ушитые «под Аржанцеву» шинели делали заметной девичью статью. Ольга маршировала вместе со всеми.

1990 г.

**Кожантай
КАРАКОЗОВ**

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

(По рассказам Галима Каракозова)

Это было осенью 1980 года в Алма-Ате. Я вошла в квартиру Женискуль Каракозовой и сразу же увидела в коридоре рисунки, очень изящные, смешные, выполненные обыкновенной шариковой ручкой. «Это рисунки Кожантая», — сказала Женискуль. Кожантаю, младшему ее сыну, было тогда семь лет. Веселый мальчик с огромными черными глазами, с длинными ресницами. Весь вечер Кожантай тогда шалил, пытался взобраться по стенкам на потолок, шутливо боролся с отцом, требовал от матери каких-то невиданных яств — словом, обидный любимец, обласканный всеми, да и сам любящий всех, особенно восхищавшийся старшим братом Галимом, который уже тогда писал рассказы, читал книги на английском, французском и немецком, был чемпионом СССР по прыжкам с трамплина на лыжах, про него даже писали в ленинградской газете — «крылатый мальчик». Галим тогда учился в восьмом классе.

Через несколько лет я снова оказалась в Алма-Ате. К тому времени, я знала, умер отец Кожантая, заболела сама Женискуль, Галим поступил во ВГИК, но был исключен. Как выяснилось потом — по недоразумению. Он пытался поступить в Казахский государственный университет, на факультет журналистики, но безуспешно. Работал грузчиком, плотником, маляром, штукатуром. Написал сценарий «Раритет». На казахском телевидении заинтересовались сценарием, но предложили взять соавтора, который помог бы учесть замечания, поступившие из ЦК КПСС Казахстана. Фильм был снят, но Галим остался недоволен ни окончательным вариантом сценария, ни самим фильмом.

Кожантай, теперь уже задумчивый подросток с настороженным взглядом, тихим голосом, учился в школе, ходил на занятия в археологической кружок, слушал битлов, Высоцкого, много читал, переживал за Галима.

Галим теперь жил отдельно. Летом 1989 года он уехал в Москву: появилась надежда восстановиться во ВГИКе. Он поселился в общежитии у друзей, писал рассказы, сценарии, зарабатывал тем, что рисовал (в основном это были виды Москвы) и продавал рисунки иностранцам.

И вдруг страшная весть из Москвы: Галима не стало. Кожантай не поверил. «Этого не может быть»,— сказал он матери.— Галим жив». Через год по рассказам старшего брата он написал сценарий «Возвращение домой».

Я желаю Кожантаю Каракозову, младшему брату Галима, мужества и удачи.

Р. Хуснутдинова

На этот раз мама пришла в школу. Она прошла в кабинет директрисы и сказала:

— Я хочу знать, за что вы поставили моему сыну двойку.

Сафура Сейдалиевна вся ушла в пятки и стала искать что-то несуществующее в ящиках своего огромного стола. Мама ждала.

— Я прошу вас объяснить,— сказала мама,— он даже рта не успел открыть.

Директриса обрадованно вынырнула из-под своего стола.

— А что я могу поставить,— сказала она,— если он рта не открывает?

— Не играйте словами,— сказала мама,— вы прекрасно знаете, что вы не позволили ему даже дойти до доски, чтобы он начал отвечать.

Директриса вновь ушла в пятки. Только ее макушка дрожала над огромным столом.

— Он бандит,— вдруг воскресла она и выпрямилась в кресле.— Он не ходит в школу. Он не учит уроков.

— Неправда,— сказала мама,— он прекрасно знает урок. Я сама проверяла его. А школу пропускает, когда ездит на соревнования.

Тут Сафура Сейдалиевна вынырнула из-под стола и, пошла к дверям.

— Неправда,— снова сказала мама,— он талантливый и умный человек. Немногие люди достойны уважения. А он один из немногих. За что вы его ненавидите?

Директриса юркнула в коридор. Мама подождала немного и вышла за нею.

— Почему вы поставили ему двойку? — мама догнала директрису в коридоре.— Вы не ответили на мой вопрос.

И тут произошло невероятное. Директриса бросилась бежать от мамы по длинному коридору; добежав до какой-то двери, закричала:

— Караул!.. Убивают!..

Дверь стремительно раскрылась, и выскочил преподаватель. Директриса взвизгнула, ее пятки сверкнули, и она оказалась на шее преподавателя. Он кинулся к маме, схватил ее за руки и мягко сказал:

— Что вы! Что вы!.. Успокойтесь!

— Да о чем вы говорите,— возмутилась мама,— я просто хочу узнать, за что моему сыну поставили двойку!

— Ну разве так можно,— все успокаивал преподаватель. Ноги директрисы болтались на его шее. Мама посмотрела на него, на

свисающие с его шеи ноги, повернулась и ушла.

Черепашка стала такой крошечной, что я еле отыскал ее. Пока я разглядывал черепашку, прибежал Кожаш, перепрыгнул через меня, присел на корточки и уставился на черепашку точку. Воздух вокруг него задрожал и сжался в шепот:

— Что с ней? Это она от голода?

— Не знаю,— сказал я. Я действительно не знал.

— Это она так за ночь похудела? От голода? — все допытывался Кожаш. Флюиды жалости потоками обрушивались на черепашку, но она не росла.

— Да кто ее знает,— сказал я.

Дверь распахнулась и впустила маму. Она тоже присела на корточки и стала разглядывать черепашонка.

— Бог знает что,— сказала мама,— а на физику ты не ходи. Но только на физику. Договорились?

Мамина рука коснулась моей челки и поправила ее. Потоки маминых флюидов прошли над моей головой и освежили ее.

— Хорошо,— сказал я.— Ну пойдем, а то опоздаем на каток.

Мы вышли из автобуса и пошли на каток. Каменные ступеньки подбросили нас к турникету и передали в руки контролеров. Трибуны замерзли от ожидания, зато лед весь уже плавился от такого напора. Он поглотил целую кучу народа, но на нас накинута с прожорливостью Гаргантюа. Я пустился в скоростной бег, и воздушная волна вынесла меня вперед. Кожаш успел ухватиться за лезвие моего правого конька, и визжащий восторг выбросил его далеко вперед.

— Все же надо запретить детям так быстро кататься,— заметила мама.

Лед согласился с нею и вежливо подставил спину под ее коньки. Я сделал четыре круга, когда мама наконец приняла стартовую позу. На шестом круге я крикнул:

— Ты здорово держись! Еще не упала?

— Тише,— сказала мама, не отрывая глаз ото льда,— я еду.

За ее спиной тянулась виляющая полоска льда длиной в полметра. Кожаш топал на самой середине ледовой спины. Она все больше и больше съезживалась под коньками

Галим Каракозов

брата, утрамбовывалась, и пот ручьями струился по ней.

— Лед уже весь вспотел,— сказал Кожаш,— поехали домой.

Мамин голос переливался, сиял, торжествовал. Его медные блики ударили по нашим глазам.

— Я поставила рекорд! Закончила круг на пятнадцать минут раньше, чем в прошлый раз!

Мы поздравили маму, закинули коньки домой и поехали на вокзал.

— Как сказать папе про черепашку? — сокрушалась мама.— Он не перенесет этого.

— А может, перенесет? — робко пискнула часть пространства, занимаемая Кожашем. Из нее вылетели искры надежды и чуть слышно затрещали.

— Ты устроишь пожар,— сказал я,— а это очень опасно в такси.

— Да-да,— согласилась мама,— убавь немного огня, а лучше выключи.

Кожаш выключил свою систему, и в такси сразу стало темно.

Огромные чемоданы едва удерживали папу на ногах и ревниво заворчали, когда он стал нас целовать.

— Ну как вы? Как жили без меня? Что нового? — степенно спрашивал папа.

— Как ты отдохнул? — ловко увернулась от ответов мама.

— А тебя дома сюрприз ждет,— включил свою систему Кожаш.

— Какой сюрприз? — насторожился папа.

— Ах,— сказала мама,— успокойся! Самый банальный сюрреалистический приз!

— Что еще такое? — брови папы вылетели вперед и нависли над мамой.

— Не надо так волноваться,— сказала мама, уворачиваясь от тугих мячиков-вопросов,— сейчас приедешь и увидишь такое ма-аленькое чудо.

Черепашенок открыл дверь, очень элегантно поклонился папиному ботинку и даже, кажется, попытался поцеловать.

— Что за мерзость? Это же антисанитария! — воскликнул ботинок и брезгливо посторонился.

Из Кожаша брызнул водяной душ и облил черепашонка. Душ был пересолен, и черепашенок посторонился, прижавшись к стене.

— Может, оставим в честь твоего приезда? — чуть слышно треснули искры мамы.

Но папа не дал им разгореться:

— Что?

Вопрос был сух, как прерия, и встал перед черепашонком непреодолимой плоскостью. Черепашенок вздохнул, оттолкнулся от стенки и стал спускаться по лестнице, унося с собою самую маленькую частичку света.

Газета в руках мамы спрашивала:

— А вы знаете, почему арабские цифры пишутся именно так, а не иначе?

— А вознаграждение будет? — поинтересовался папа.

— Конечно,— сказала мама,— любой загадавший их секрет приобретет возможность к медитации.

— А-а-а,— протянуло папино кресло и уложило его на тахту.— А-а-а,— сонно протянул папа и уснул.

— Послушай,— сказала мне мама,— я разгадала четыре цифры. Вот погляди.

Мамин стол вытянулся от волнения и зашевелил стопками литературы. Книги встрепнулись и кинулись маме на подмогу.

— Я верю,— сказал я,— ты у нас гений. Только давай я сам разберусь.

Листок с цифрами вспрыгнул в ладонь и стал расти, разбухать и вскоре заполнил всю комнату. Цифры прыгали вокруг меня, скакали, резвились, но постепенно выстроились в довольно стройную колонну. Затем строй вновь разрушился и выстроился уже в номер телефона Вовки. Я снял трубку и сказал:

— Да?

— Что делаешь? — хрипло спросил голос Вовки.— Идешь на трамплин?

— Нет,— сказал я.

— Топай ко мне, послушаем рок.

Я притопал к нему. Магнитофон орал во всю свою двухколонную глотку. Наташка, сестра Вовки, перешивала на модный манер джинсы. И они хотели быть готовы именно сегодня. Торшер в Наташкином углу изо всех сил старался помочь ей. Я надел наушники и сел на пол.

В полумрак комнаты вплыл отец Вовки Семен Викторович. Ему сильно хотелось уютной домашней беседы. Трубы застучали, приветствуя его.

— Ну куда ты в сапожищах-то? — тетя Надя вместе с коридором вцепилась в него. — У-у-у, опять с Михальчем глаза залил? — сказала тетя Надя, снимая с него шапку и расстегивая пальто. — Не часто ли, старый, а? Ну иди раздевайся, картошка скоро будет готова.

— Эт мы с Михальчем после работы... — сказал Семен Викторович. — Весь день на турбине рубашку зашивали. Устали, как черти!

Черти сыпались с Семена Викторовича, совершенно без сил валились на пол и размазывались под его сапожищами во все увеличивающуюся лужу. Тетя Надя шипела на кухне картошкой и ничего не видела. Один из чертей оказался живучим. Он схватил Семена Викторовича за воротник и втолкнул в нашу комнату.

— Здравствуй, Галим! — сказал Семен Викторович. Он уважал меня. — Вовка! Ну что ты, не видишь, что отец пришел? Мне отдыхать надо, а ты опять эти вопли включил!

Черт изловчился и выдернул шнур магнитофона.

— Ну и иди к себе отдыхать, — замолкшие вопли раздражали Вовку, — дай спокойно музыке послушать!

— Какая ж эт музыка? — сказал Семен Викторович. — Э-э, черт, подарили мне этот магнитофон на мою голову!..

Черт кивнул головой и любовно погладил магнитофон.

— Вот и я говорю: поставит вечно ерунду какую-то, — воспрял в углу торшер Наташки и выпрямился, — бум-бум-бум. Визжат, только голова болит. Поставил бы лучше этих... как их... Битлов, что ли? Эти не визжат хоть...

— Что б ты понимала, дура, — сказал Вовка, и вопли снова включились.

— Вовка! — начал кричать Семен Викторович. — Целыми же днями слушаешь! Слушай отца!

Шнур вновь выскочил из розетки и с грохотом ударился об пол.

— О-о-о... — застонал Вовка.

И вопли заменились их криками.

Папа тоже был дома и тоже на парах. — Ты где шляешься? — его вопрос вы-

плеснул такие густые пары, что у меня закружилась голова.

— У друга, — сказал я и на его парах проскользнул к себе в комнату.

Папа постоял, подумал и проскользнул в кухню, где тарелки с шумом принимали душ.

— Совсем разболтался! — сказал он маме. — Сколько раз тебе говорил, он плохо кончит! Ты его вконец распустила! Во всем потакаешь!..

Кожаш шепотом спросил меня:

— А я скучал по тебе?

— Конечно, — сказал я и лег лицом на подушку. Она сжалась от тоски.

— Опять сюрприз? — спросил я, увидев мамино лицо над собой.

— Я пришла к тебе с приветом рассказать, что солнце встало и чем-то там затрепетало, — сказала мама.

— Наверно, лучами, — предположил я.

— Принято, — согласилась мама, — но ты не заметил привета. А он, смотри, настоящей слон.

— Да, — сказал я и стал рассматривать слона, — и кто же на нем?

— Вагон и маленькая тележка, — сказала мама, — дедушка, бабушка, тетя Аида, тетя Гуля. Еще горсточка внуков и даже прабабушка.

— Ну-ну, — сказал я, — и чем вызвано великое переселение родственников?

— Тетя Гуля выходит замуж, — сказала мама.

Дом был от окна до окна запружен народом. Младшее поколение яростно толкалось, швырялось, знакомясь с новой обстановкой. Старшее чинно сидело на диване, креслах, стульях. Комната раздулась, как автобус, от обилия человеческих тел и вспотела от напряжения. Мама внесла самовар, и он тут же стал задыхаться от недостатка воздуха. Я вошел следом за мамой. Щеки мои тянулись за очередными порциями поцелуев, руки хорошо промассировались родственными пожатиями.

— Я в школу опаздываю, — оправдался я, и комната выплюнула меня в коридор.

Пронзительный крик Даулета распахнул дверь и вырвал прабабушку из удобной позы в кресле. Скалка скакнула ей в руку, и прабабушка закричала:

— Кто?

— Жа-а-анка! — вопил Даулет.

— Ах ты, исчадие ада! — задохнулась прабабушка. — Отродье жаппаса!

Я перешагнул порог комнаты и заглянул. Зайчишка выпрыгнул из Жанки и понесся вокруг стола, спасаясь от скалки.

— Ах, ты, исчадие ада, — повторила прабабушка, — порожденная бесстыжим родом

и сеющая бесстыдство!

Градинки пота, звеня, отскакивали от прабабушки и с силой ударялись в стекла «стенки». Все попадания были прямые, и стекла прогнулись и быстро усыпались оспинками ран. Из прабабушки с гулом выхлопнулись последние силы, облачками взвились к потолку и стали таять на глазах. Прабабушка плюхнулась в кресло, уголок ее камзола потянулся к лицу и угодливо стер остатки пота. Даулет подбежал к ней и, заглядывая в глаза, сказал:

— Эже, ты у меня самая красивая! Даже красивее Бабы-Яги!

— Ах, ты, олененок мой! — поцелуй прабабушки подхватили Даулета и втянули на колени. — Какая баба, ты сказал? Кто это?

Сзади прабабушку обхватили руки Жанки и прошелестели:

— Эже, а почему мой род бесстыжий?

— Почему? — заинтересовался и я.

— О айналайың! Не повезло моей младшенькой! — прабабушка величественно вытерла уголки рта и приготовилась повествовать. — Захватил ее проклятый жаппас! Разве род жаппасов знал стыд? Их прама-терью была бесстыдница, и все они — в нее. Это она, стирая, задрала юбку и оголила ноги! Аллах не выдержал и крикнул ей: «Закройся, бесстыжая!» Так она рассердилась и палку в небо кинула. «Не мешай, говорит, я работаю». С тех пор и называется род твоего отца бесстыжим.

— Эже, а почему аллах рассердился? Она же работала, разве он не мог отвернуться?

Наивность Жанки потрясла прабабушку.

— О алла! — вскрикнула она, и скалка послушно легла в ее руку.

Из этой семейной идиллии меня вырвала поездка в Нижний Тагил. Лыжи манили и звали меня на соревнования союзного значения. И я их выиграл. Медаль чемпиона тускло повисла на моей шее. Красный диплом согревал своим пламенем мои руки, не выпускавшие десять дней лыжные палки.

Когда я приехал домой, количество людей в нашей квартире уже не вмещалось. И они кучками расположились на улице, лестничных площадках, лоджии, балконе. Их было так много, что не закрывались двери соседей.

— Господи, — ужаснулся я, — где же мы будем ночевать?!

Руки всех прошлись в похлопывании по моей спине, так что, пока я нашел маму, спина моя согнулась колесом.

Почерневшая мама поднялась навстречу, обняла меня и заплакала. В комнате поднялся плач. Он швырнул меня на стул рядом с мамой. Эшафот мамы стоял в сто-

роне от всех. Какая-то женщина сидела рядом с нею.

— Свадьба какая-то невеселая, — шепнул я маме, — это так полагается?

— Папа умер, — прошептала мама и заплакала.

Я шатался по городу с Нурланом. Зима понемногу отступала. И сегодня был один из тех дней, когда солнце ласково напомнило о своем существовании. Мягкий ветерок играл с нами, смешил, пугал.

— Хватит, брателло, — сказал Нурлан, — топаем домой. К тебе можно?

— Конечно, — сказал я.

Дверь нашей квартиры покорибилась от тревоги.

— Что случилось? — спросил я маму.

Ее бледная тень скользнула в темный коридор и закачалась.

— Кожашку увезли в больницу, — сказала мама.

— Что такое?! — закричал я.

— Сердце остановилось.

Я рванулся к лифту.

— Не ходи, — мамина рука слабо ухвати-лась за мою рубашку. — Он в реанимации. К нему не пускают.

Рубашка треснула и задымилась. Ее лоскуты сворачивались вместе с моей кожей.

— Пусти! — крикнул я.

Рука мамы разжалась, и мы с Нурла-ном понеслись по улице. Фонари отлета-ли от нас в разные стороны и со стуком валились сзади. За нами мчались машины и не могли догнать. Я бежал, и мне было страшно. Неужели мы в чем-то виноваты, что наш маленький, веселый и смешной братишка уходит от нас? Он лежит один в белой пустоте, и лабиринт трубок злобно впивается в его ручонку. А медсестра за-снула, и ее храп может легко вырвать иглу из тоненькой доверчивой венки. А она спит и видит себя заведующей отделением. Сон поглаживает ее, веселит. И ей нет дела до слабого дыхания моего братика. Или сидит, пьет чай, вытянув губы и при-шлепывая. А Кожаш даже не знает, что нужно надавить на кнопку и держать ее до тех пор, пока вся больница не всколых-нется от пронзительного звона его боли.

Мы одним прыжком проскочили ступень-ки больницы. Вся в черном, больница грузно навалилась на нас. И мы нажали кнопку, звон неся и неся по всем этажам, разыскивая заспанную, толстую и потную нянечку. Нянечка громыхнула засовом. Амбразура окошечка высветила ее оте-кший глаз.

— Что нужно? — спросил глаз.

— Я к братишке. Он в реанимации. Как он?

— Иди выспишься, — сказал глаз. — Все спят. Утром придешь и узнаешь.

Дверь хлопнула, но ненадолго. Звонок пригрозил разнести все в щепки.

— Милицию вызову, — пообещал глаз.

Мы присели на ступеньки. Ветер хлестал нас по щекам.

— Я взорву их, если с Кожашкой что-нибудь случится! — крикнул я.

Мы сидели, поклявшись не сойти с места до прихода врача. Деревья в больничном саду приняли оборону. Их ветви выстреливали в нас, и свистели пулями их листья.

Уже и солнце встало. Нянечка, покосившись, вынесла ведро с помоями. Потянулись цепочки медсестер, врачей, а мы все сидели, не двигаясь.

— Вы к кому? — длинные ноги покачивались перед нашими глазами.

— К брату. Он в реанимации, — сказал я.

— А-а-а, — протянули ноги. — Все хорошо. Опасность позади. Но к нему нельзя.

— А что можно передать? — спросил Нурлан.

— Ничего. Переведем в палату, тогда и будете носить.

Тонкие ноги уже уносились в даль коридора. Голос врача ударялся о стены и глух от ударов. Коридор мертвенно светился белизной и отшвыривал от себя солнечные блики. Они падали на пол, и он уже весь похлахал их искрами.

Наш коридор почернел так, что мы с трудом пробрались по нему. Мамы дома не было. Квартира пусто ухала и мрачно гудела. Я нажал кнопку проигрывателя, и Цой выкрикнул:

— Перемен! Хочу перемен!

Холодильник мрачно насупил: его чрево было пусто и сухо, и он был недоволен.

— Перемен! Хочу перемен, — вновь выкрикнул Цой.

Мы тоже хотели перемен.

Дверь затряслась злобно, грозя сорваться с петель. Я открыл ее. Вошел брат отчима Исатай. В грязных туфлях, он прошел по всем комнатам, кухне.

— Где она? — спросил Исатай.

— Кто? — не понял я.

— Ну она. Твоя мать, — досказал он.

— Не знаю. Наверно, на работе. Она в три смены работает.

— А-а-а, — протянул он. — Скажи ей, пусть по-хорошему отдаст квартиру.

— Кому? — снова не понял я.

— Нам, — твердо сказал он.

— Почему? — я был непробиваемо туп.

— Потому что она наша, моего брата. А она убила его. Это все знают. А квартира не ваша. Ты не сын моего брата.

— А Кожаш? — спросил я.

— Он пусть остается, он его сын. А она не сможет его воспитать, сделает его таким же бандитом, как тебя.

Нурлан и я подняли его и выбросили на площадку. Лестничный проем завопил его голосом:

— Она убила моего брата!.. Убийцы!.. Наркоманы!.. Воры!..

Нурлан выглянул и пообещал:

— Не уйдешь — зарежу!

Исатай съежился в комок, и комок выкатился на улицу. Там он распрямылся и закричал:

— Убийца!.. Проститутка!..

— Пошел вон, — сказал я.

Квартира находилась, потемнела, и по стенам потекли длинные грязные ручьи.

— Как он умер? — спросил Нурлан.

— Не знаю. Дома никого не было. Он умер около телефона. Не дотянулся, — сказал я.

— Пить надо было меньше, — сказал Нурлан. — А может, он из-за твоей мамы спился? — предположил он.

— Ты что?! Крыша поехала?! — закричал я. — При чем мама?

— Перемен! Хочу перемен! — в последний раз с тоскою выкрикнул Цой и замолчал.

Вместо него закричал телефон.

— Двигайте ко мне. Только по-рыхлому, — сказала трубка голосом Вовки. — Ко мне брателло из Афгана приехал.

Дверь Вовкиной квартиры не закрывалась. Она устало втягивала в себя бесконечные вереницы родственников, прослышавших о зверствах душманов и цинковых гробах с изуродованными телами. Вовкин брат был пьян. Вовка продрался между потных тел родственников и потных стен квартиры к брату и сказал:

— Санька, пацаны пришли.

Санька пошатнулся, кивнул, пнул ногой стул и вышел.

— Здорово, пацаны, — сказал он.

— Здорово, — сказал Нурлан.

— Привет, — сказал я.

...И мы поехали на дачу. Солнце тут же набросилось на нас и стало пожирать нашу кожу, выплевывая соль на наши же спины.

— Эт сначала трудно, — сказал Санька, чего-то стучит. Тук-тук-тук. Смотрю, все попадали, отстреливаются. Начальник бегаёт, орет чего-то. Ну я автомат взял и рядышком с кем-то прилег. А куда стрелять-то? У того спрашиваю: «Ты куда целишь?» А он меня увидел, рожа дергается: «Пошел вон! — кричит. — Уходи от меня подальше! Обоих накроют, дурень!» Ну я понял, что к чему, в сторонке залег,

веточку себе выбрал и давай по ней стрелять.

— Зачем по дереву-то? — спросил я.

— А куда еще ж? Никого не видно. А тот, что слева был, мне кричит не поймешь что и в сторону пальцем тычет. Я глянул, вижу — старик прыгает по барханам. Чалма такая белая, ну и по кочкам прыг-прыг! Я его на мушку взял, значит, прицелился — бах! — вроде упал.

— Убил? — взвизгнул Вовка.

— Да кто его ж знает? Лежит — не шевелится. Я опять по дереву долбить. Да куда еще ж? Ведь никого нет! Все рядом стреляют, как одержимые. Лишь бы стрелять. Куда — неважно, только пали, пока патроны есть. Наши там минометы развернули, минометы начали шарашить. Слышно: вж-ж-жиу! — и за барханами падают. Оттуда дым столбом, гремит все. Отстреляли, поутихло вроде. Наутро пошли посмотреть, из-за чего весь сыр-бор. А там — представь — люди лежат, женщины, дети, животные разные. Кровь везде... Мужиков мало было: мирные люди. А мы по ним три часа били...

— Как же так? За что детей-то? — удивился Нурлан.

— Так там не поймешь, дети — не дети. Откуда нам знать? Все стреляют, а ты умный, просто так ходить будешь, да? А самое интересное, что мы не в ту сторону стреляли-то! Душманы совсем на другую стороне были. Ну слышно, стреляют. А где они — бог их знает! Пули в землю втыкаются, фонтанчики вокруг тебя, а откуда — неизвестно. В ответ надо же стрелять — вот и стреляли. Комбат увидел это дело, за голову схватился, да уж ничего не поделаешь. Да это еще что... — сказал Санька.

— Ну выпьем? — сказал Вовка.

— Мал еще высакивать вперед, — сказал Санька, но стакан опрокинул.

Он уставился в одну точку. Я оглянулся, но ее не увидел.

— Один раз снайпера выбивали, — сказал он, — засел в дувале, в дырку ружье выставил и не подпускает никого. Метко стрелял, гад. Нас такая злость взяла, ну не могли уже. Четырнадцать пацанов положил! Я с ними только утром... Курили вместе... А тут на твоих глазах падает... Мы все как взбесились... Гранатами забросали, ну и все дела. А он за дувалом сидит, как в танке, и хоть бы хны ему. Потом только, видать, патроны кончились — вышел. В крови весь, в одних штанах, голый почти. Но здоровый мужик был, скажу тебе. Нож вытащил и на нас прет. Мы с автоматами, а он — с ножом. Рехнулся, видать. Сержант как увидел его, всю обойму ему в лицо и выпустил. На лице

точки такие: чик-чик-чик, а сзади полчерепа нет. Разозлились мы тогда... Наливай, брателло!

Стаканы дружно вскочили и вылили в глотку обжигающей жидкости. Мы дружно выдохнули. Облако нашего пара поднялось и вспугнуло воробьев. Они возмущенно за-тарахтели и улетели.

— Странный они народ, — сказал Санька задумчиво, — вот они, например, молятся если, то ничем его не оторвешь, хоть дом запали. Пока до конца не прочтет, ничего его не волнует. Это у них закон. Как-то мы в кишлак заходим — селение это такое, никого нет. Молятся все. На тебя смотрят зло и дальше молятся. Понимают, что все, а все равно сидят. Ну дашь ему закончить, да и шлепнешь. А что делать? Ведь завтра он этот «бум» возьмет и такого натворит, что плакать будешь. Не ты его, так он тебя, и жалеть не надо...

Огонь снова опалил наши глотки. Тишина навалилась на меня, застреляла, взорвалась гранатами. Я залез на дувал и посмотрел вниз. Душманы сидели, как будто не видели меня. Я слез со стены и залег перед дверью. Один душман высунулся. Санька дал предупредительную очередь. Душман юркнул назад.

— Да все есть. Говорю тебе — все! — сказал Санька. — Джинсы-мынсы, магнитофоны — словом, все! И цена рядом с нашими — мизерная. Аппарат японский — пятьсот афгани. Пятьдесят рублей нашими. Наши бензин воруют, керосин. И меняют, продают. Все было схвачено, как надо... Люди свои были, покупали. Прямо берешь канистру — и в кишлак. Свистнешь человеку, он уже знает — бензин привезли. Заходишь — деньги берешь, уходишь.

— А если застрелят? — испугался Вовка.

— Эт нет. В этом отношении они крепкие. Ему самому резону нет убивать. Бензин нужнее. Да если и в дом пригладит — не тронет. В этом отношении — нет. Раз мы зашли, а у него дома брат — душман. Зашли, поели. Все нормально. Брат сидит — пистолет и все дела, но не стреляет. Раз вместе за столом, то вражды нет. А вышел — все, не попадайся. Вне дома мы — враги. Эт строго...

— Эт строго! — подтвердил воробей и вспорхнул.

— Эт строго! — прошептало солнце и погасло.

Наступила ночь, и сразу похолодало. Двадцатилетний старик Санька сидел на земле и плакал.

— Мы мечтали удивить собою весь мир, а вынуждены убивать и умирать в далекой стране. Ради чего? — сказал я, и тоска сплющила меня в лепешку.

— Ты чего,— удивился Вовка,— крыша съехала?

— Нет,— сказал я,— мне бы хотелось стать волоском и затеряться в бровях.

— Дверям закрытым грош цена,— сдавленно пропел Окуджава.

Двери соседей были закрыты надежно. Мы надавили на нашу дверь и проскользнули в щель.

— Папа пришел за мной,— сказала мама. Отчим, весь в черном, стоял в комнате спиной к нам и смотрел в окно.

— Ты? — удивился я.— Здравствуй.

— Одевайся,— сказал отчим маме не оборачиваясь,— идем.

Он вышел. Мама пошла за ним на площадку и тут вспомнила:

— Я не могу. У меня дети.

И тогда отчим повернулся к маме лицом:

— Мне плохо без тебя. Идем.

— Я не могу,— сказала мама,— подожди еще немного.

Отчим повернулся и вышел.

— Мы все сошли с ума,— сказал я и плюхнулся на кровать.

Она истощно завизжала. Ее вопль вытолкнул меня в тоннель.

— Весь мир живет в тоннелях,— сказал я.

— А мы? — озадачилась мама.

— Мы — в самом худшем из них,— сказал я и стал соскребать грязь с внутренней стороны стекла в нашем тоннеле, чтобы разглядеть далекие огни, горевшие не для меня, в тоннеле ШТТ-54.

Но увидел скоромный, начищенный до блеска тоннель. Его драили и скоблили опрятно одетые бабки. Другие такие же бабки вязали теплые носки. Третьи копались в таких же опрятных огородах. Одна из них заметила, что я смотрю на них.

Лицо у нее сделалось такое, словно она увидела жабу. Она отвернулась и, трясясь всем телом, подалась вперед, стала что-то горячо шептать своим подружкам. Те оглянулись на меня и сокрушенно покачали головами. Потом рассказчица, очевидно, истощилась, в бессильной злобе погрозила мне кулаком и с негодованием плюнула в мою сторону.

Мы привезли Кожаша из больницы. Мама посадила его на кровать, она даже не прогнулась.

— Посиди, хорошо? — сказала мама.— Я накрою на стол.

Кожаш и кровать молчали и не шевелились. Я присел на корточки перед ним, взял его ручонку и сквозь нее увидел свою огромную ладонь.

— Малыш, хочешь послушать стихи? — спросил я.

Он кивнул головой с одними огромными черными глазами.

Утро наступает в зелени лесной.

Дятел конопатит

белочке гнездо.

Белка завизжала, дятла

напугала.

Дятел засмутился и —

бегом домой.

Вот сидит он дома, булочку жует,

Чаем запивает, песенку поет.

Как допел он песню,

полетел опять

Всем другим зверьям

радость доставлять.

Кожаш молчал.

— Ну что, нравится? — спросил я. И вопрос застрял в моем горле.

Кожаш молчал.

— Это же твои стихи! Помнишь? — сказал я.

Кожаш все так же молча кивнул головой.

— Посиди один,— сказал я и пошел к маме.

Мама сидела перед дверцей духовки и смотрела, не отрываясь, на пирог через стекло плиты.

— Как он? — спросил я.

— Надо его в санаторий отправлять,— сказала мама. Слезы брызнули и залили духовку.— А где деньги взять?

— Может, чего продать? — спросил я.

— Да я уж все продала. Разве на сто тридцать рублей проживешь? — сказала мама.

Слезы затопили уже полкухни и грозили залить всю квартиру.

— Ладно, не плачь,— сказал я,— а то скоро мы все будем плавать в девочкиных слезках. Чего-нибудь придумаем.

— Не знаю,— сказала мама,— а еще тебе костюм в школу надо и Кожашу форму. Ему ведь в первый класс.

— Чего-нибудь придумаем,— повторил я и вышел.

После яркого солнца в церкви показалось темно. Ощупывая пол ногами, я подошел к алтарю:

— Господи,— сказал я,— помоги моей семье. Сделай так, чтобы мы могли отправить Кожаша в санаторий.

Перед алтарем бегал поп с крестом в руке. Церковь гудела нестройными голосами с пьяницей-запевалой. Дрожали десятикопеечные свечи, и пахло обманом.

— Не убий! — прокричал поп и сунул в лицо потный кулак, из которого торчал крест.

— Целуй, целуй! — зашипела старуха сбоку. Она истово крестилась, и косынка наезжала ей на глаза.

Я судорожно сжал кулаки и ударил губами в середину. Сигареты в кармане сломались, а поп побежал дальше и ткнул крестом в следующего. От засосов крест звенел и сверкал, подставляя верующим свой истертый зад. Я бросил свечку и выбежал. На крыльце сидел нищий и охранял огрызок пирожка от белой собачонки, живущей под краном со святой водой.

— Подайте, Христа ради! — попросил нищий. Собака сперла у него пирожок и понесла своим детям.

— Отдай хлеб, собака! — закричал нищий и побежал за ней. Он был в белых кроссовках.

Кто-то зазвонил в зеленый колокол.

— Бога нет, — сказал я, — если с ним нельзя поговорить без посредников.

— Бог внутри нас! — крикнул поп из церкви.

— Пошел к черту! — сказал я и бросил в церковь лимонку.

Граната пробил в церкви дыру и взорвалась. Алтарь, махая золотыми дверцами, улетел на Никольский рынок. Церковь рухнула в пыль, которая поднялась до небес и задушила верующих.

Затем пыль осела и показала нищего, который лил святую воду в собачий дом. Оттуда выплывали мертвые собачьи дети с недоеденным пирожком во рту. Нищий плюнул в последнего, снял лохмотья и стал смывать нарисованные на теле увечья. Увечья синими полосками стекали на белые кроссовки, и те стали адидасовскими.

Я повернулся и пошел к Нурлану.

Дверь не открывали. За нею кто-то ходил, стараясь не шуметь. В глазке мелькнула тень. Нурлан закрыл его пальцем и длинно позвонил. Дверь сдавленно спросила:

— Кто там?

— Милиция! — рявкнул Нурлан не своим голосом. — Рядовой Иванов! Ломать двери! — Голос снова изменился: — Есть ломаты!

Квартира вымерла. Нурлан подождал и разоблачился:

— Да я это, я! Открывай!

Вовка готов был убить шутника:

— Ты! Скотина!

— Что? Испугались?.. Ну ладно, ый-й-й... спокойно.

— Спокойно... Ты так больше не шути... Хм, милиция... Я чуть отраву в унитаз не выкинул.

— Ну проехали уже... Давай втюхаемся скорей, а то я умру.

Вовка ловкими движениями зажигал газ, разматывал платок со шприцем, промывал,

и упругая струя гулко звенела в раковине. Нурлан звенел ложками, доставая нож, прокалывал его на огне.

— Да чо ты с ним возишься?.. Чистый он, — с досадой ворчал Вовка.

— Береженого бог бережет... Не выношу антисанитарии, — довольный своей обстоятельностью, сказал Нурлан. — Ерден вон тоже поторопился, царствие ему небесное. Да ты садись. Я сам все сделаю.

Вовка, опустившись на стул, голодными глазами наблюдал за Нурланом.

— Галиму деньги нужны, — сказал Нурлан. — Для брата.

— У меня их нет. Но можно в Аспару сгонять.

— Вот и стоняй с ним. Помоги ему, — сказал Нурлан. — Галим сейчас придет.

Звонок неназойливо позвал к двери.

— Я открою, — сказал Нурлан, — убирай все определялово.

Я вошел в комнату.

— Ну как? — спросил я.

— Не нервничай! — сказал Нурлан. — Фортуна заметила. Вон Вовка собирается в Аспару.

— Позабыться, уколиться и упасть на дно колодца, — пропел Вовка.

— Самое время, — сказал я, — пора и мне.

— Поехали! — обрадовался Вовка.

Плацкартный вагон крепко спал. Храпы, стоны сотрясали вагон с такой силой, что тряслись и стучали колеса. Я и Вовка прижались к стеклу.

— Аспара! Покатили, он должен у семафора тормознуть.

Мы достали из-под полки сумки и направились в тамбур. Вовка по дороге смел чьи-то продукты со столика в сумку. Поезд сбавлял ход. Вовка ухватился за поручни и сказал:

— Смотри, на столб не напорись. И сразу — через поле. Лишь бы на местных не нарваться.

Поезд все больше замедлял ход.

— Ну с нами аллах! — сказал Вовка и спрыгнул с поезда.

Я покатился за ним.

...Мы шли между выжженными лощинами.

— Ё-моё! Сколько добра пропало! — Вовка с жалостью обвел взглядом лощину. — Вот дураки! Все равно ведь вырастет!

— Ага. На следующий год, — сказал я, — а мы порожняком сгоняем.

— Да не понтуйся, — сказал Вовка, — не могли же все выжечь.

На вершине бархана он остановился и посмотрел по сторонам.

— Ой-ой!.. Секи — вот она! А-а-а!..

Воя от восторга, мы рванулись к зеленой

полоске на горизонте. Зелень заполнила наши сумки, когда мы подошли к домику.

— Мы тут с Нурлой ночевали в прошлом году,— сказал Вовка,— дом пустой. Пойдем отдохнем, там стол есть. Похаваем.

В доме было пусто. Стола не было.

— Стол ушел в мир столов,— сказал я.

Вовка сел на пол, расстелил платок, достал из сумки бутылку водки, лимонад, целлофановый пакет с хлебом, консервами, яйцами. Я высыпал коноплю на пол и сел рядом с Вовкой.

— Ну за наше здоровье,— сказал Вовка, выпил из горлышка и передал мне.— У-ух!

— За все хорошее! — Я выпил, передернулся.— Бр-р-р! Гадость какая!..

И тут домик задрожал от гула. Вовка перестал жевать.

— Слышь?

— Ну... Вертолеты... А может, танки... Учения идут.

Вовка встал:

— Сиди, я гляну. Не дай бог, вертолеты.

Он вышел из дома. Осторожно, прижимаясь к стене, выглянул из-за угла. Вдали вертолеты сбрасывали зажигательные бомбы. Вовка влетел в дом.

— Тихо!.. Жгут!.. Вот попадалово,— он хрустнул пальцами.

— Не подходи! — крикнул он мне, когда я пошел к окну.— Сядь, чего заметался. Может, не заметили еще.

Земля гудела под ногами.

Пилот командовал:

— Сброс!.. Сброс!..

Огонь, огонь, огонь.

Я заметался по домику:

— Что же делать? Что же делать? Стогим же!

— Тухни, балбес! — кричит на меня Вовка.— Не сожгут, здесь чабаны ночуют иногда.

Горела земля. Все ближе, ближе к дому. Только взрывы и огонь.

— А-а-а! Валить надо, Вовка! Валить! — захлебнулся я от отчаяния.

— Заткнись! — кричит Вовка.— Свяжут и закроют! А так еще есть шанс! Не вой!

— Сам не вой!..— кричу я.— Ты как хочешь, а я пошел!

— Стой, гад! — Вовка хватает меня.— Крыша поехала?.. Сам сдашься и меня туда же?

Грохот вырвал заднюю стенку домика. Пыль захлестнула нас и осела звенящей тишиной. Послышался удаляющийся гул вертолетов.

— Ну вот и все,— сказал Вовка.

Я сидел, схватившись за голову и покачиваясь из стороны в сторону.

— Мама, ты сможешь достать Кожашу путевку? — спросил я.

— Так денег все равно нет. Золотые часы отца Исатай забрал, швырнул только сберкнижку, а на ней всего рубль.

— Вовкина мать может одолжить,— сказал я.— Тетя Надя.

— А как отдавать? — не радовалась мама.

— Ну пенсию же оформят, тогда и отдашь.

— Ты прав, айналайн,— сказала мама, и дома посветлело.

— Спасибо большое Наде. Попрошу Турсуна достать путевку. Может, не откажет. Все-таки для Кожашки.

— А на работе не дадут? — спросил я.

— Исатай и к директору ходил. Тот теперь на меня с ужасом смотрит.

— Господи, когда же это кончится? Мама! — закричал я.— Я убью его... Я хочу стрелять, стрелять, стрелять! Убить всех в этой вонючей стране!.. В ней только волки правы! Волки!

Мама схватила меня в объятия. Ее острые ребра впились в мои и заходили ходуном.

— Прости меня, айналайн, прости меня, солнышко мое. Я дура. Господи, что же я наделала! Я пошутила. Успокойся. Все хорошо. Все любят нас, обязательно помогут. Успокойся, родной, успокойся, золотой мой, солнышко мое!

Я вырвался и убежал. Я бежал, и боль отставала от меня. Я бежал быстрее. Вскоре последние черные капли боли тяжело шлепнулись на асфальт, пробили его. Из земли вырвался фонтан ключевой воды и окатил меня с ног до головы. Смыл всю грязную энергию.

Я вырвался на свободу, был один и чист. И в душе все запело и заликовало. Вокруг меня, сверху и снизу, полетели ослепительно красивые голые люди. Я смеялся вместе с ними и купался в розовой воде, взмывал на крышу небоскреба и с бело-зубыми, длинноволосыми парнями пел легкие, как пух, светлые песни. Длинноногие девушки с золотыми волосами хлопали в ладоши и смеялись от восторга.

Первое сентября началось с урока физики.

— Встань, артист,— сказала Сафура Сейдалиевна.— Ви посмотрите на него, дети, отец у него нет. Отчим скончался. Так кто из него выйдет?

Класс молчал.

— Кто? — переспросила она.— Конечно, бандит,— удовлетворение переполняло ее.— Вот, дети, не надо дружить такой плохой мальчик. Он катается по инерсии,— добавила она физический термин.— Сядь. Тема урока: «Инерсия». И-нер-си-я,— повторила она, довольная, что так удачно связала тему с буднями класса.— Что такое?.. Инерсия,

это когда санка с горка каталась, горка осталась, а санка дальше покаталась. Шо?..

Она повернулась ко мне:

— Ты смеешься? Выйди вон и не приходи! Тебе тюрьму надо сидеть!

Я и не думал смеяться, но вышел из класса. Пустые коридоры неслись на меня острыми поворотами. Вихрь свалил Елену Ивановну под мои ноги. Я споткнулся, упал, описав красивую дугу.

— Что с тобой? — спросила Елена Ивановна.

— Ничего, — сказал я, — инерсия.

— Вон что, — сразу поняла она, — пойдем-ка в учительскую. Там никого нет.

В учительской скучало солнце. Оно разложило свои лучи на папки, столы, стулья, пол и, кажется, дремало. Елена Ивановна осторожно посадила меня на солнечный диван и наполнила стакан солнечными бликами.

Вода хлестала, захлебывала, но понемногу вошла в русло моего горла и потекла спокойно. Диван обнял меня лучистыми лапами, мягко вздохнул и покачал меня... Длинноногая девушка с золотыми волосами подхватила меня, и мы оказались над высокими горами, покрытыми снегом. Я увидел многоярусные деревянные храмы с резными крышами, края которых загибались вверх. Около этих храмов сидели степенные люди в длинных одеждах. Ветер запел музыку удивительно мягкую. Звуки рассыпались в воздухе жемчужинами. Музыка прошла сквозь меня и вымела всю грязь, пыль и боль.

Мама отправила меня к деду в Кызыл-Орду. Дед устроил меня в музей смотрителем, а по вечерам я стал ходить в школу рабочей молодежи. Я был там четыре раза, познакомился с классной, подарил ей букет цветов, и она отпустила меня до следующей четверти.

А я по вечерам знакомился с бытом местных хулиганов.

Дом наш находился в районе кинотеатра имени Алтынсарина, и мы назывались алтынцами. На танцы мы ходили к себе и враждовали с жителями района кинотеатра Амангельды, которых называли аманцами.

Каждый год проводились показательные драки. И в этом году договорились о большой драке. Наши главари встретились на полпути от кинотеатра Амангельды до кинотеатра Алтынсарина. Расстояние было вымерено до последнего миллиметра. Драка должна была состояться седьмого ноября за Сырдарьей.

Мы приготовили бочки с бензином, чтобы поджечь их и скатить на врага. Я сидел в

засаде на пригорке с сорока алтынцами. Самый худой и старший из них, Гера, сказал:

— Сидеть до первого выстрела!

Мне от этих слов ударило в голову, как на футболе.

Драка началась в полдесятого. Уже стало смеркаться, и с Сырдарьи налетели комары. Мы отчаянно курили и хлестали себя по телу, всматриваясь в толпу снизу. Потом кто-то крикнул:

— Поехали!

И началось. Внизу стоял такой вой, какого я не слышал даже в кино про индейцев. В ход пошли цепи, тросики, камни, металлические линейки. Месиво было жуткое. А потом раздался один-ЕДИНСТВЕННЫЙ выстрел. Но какая наступила тишина! Все замерло на секунду, потом пронесся шепот:

— Кого убили?

— Кого убили?

— Кого?

А потом длинный протяжный крик:

— А-а-а, гады!

И драка возобновилась с еще большим ожесточением. Это была настоящая война. Мы уже было ринулись вниз, но аманцы оказались хитрее нас: они приготовили засаду, которая напала на нас сзади. Я махал лопаткой, в кого-то попадал и громко орал от возбуждения. Вокруг палили, орали, плакали, хрипели. Потом меня, наверное, ударили по голове, и я больше ничего не помню.

Я плавал в белом квадратном сосуде. Голова моя сильно увеличилась, и в свободных пространствах черепа ударялись друг о друга вопросы и боль. Они толкались до тех пор, пока не уложились слоеным пирогом. Пирог был тяжелый, сырой и давил на лоб, сползал на глаза, нос, губы, расплюскавал их и сводил судорогой. Только мой верный левый глаз сумел пробуравить этот пирог и высветиться из всего ватного варева.

Какой-то мужик сказал мне:

— На, посмотри на свою рожу, — усмехнулся я и подержал зеркальце надо мной.

Синий распухший мертвец-утопленник, которого на моих глазах выловили еще месяц назад из бурной Сырдарьи, глянул на меня из зеркальца и разрыдался.

Обед принес с собою тетю Аиду, едва вместившуюся в белый халат. С нею влетели фрукты, мясо и прочая снедь.

— Дед сильно разозлился и цинично ругался в твой адрес, — многозначительно сказала она и улыбнулась.

Циничные ругательства деда огромными буквами были выведены на всех принесенных продуктах. Я ознакомился с лексикой деда и передал ее своему соседу с зеркальцем. Он сказал:

— Оч-чень интересно! — удобно рас-
селся на кровати, и вся моя снедь так
громогласно зачавкала в его глотке, что за-
трясы потолок палаты.

— Повремените, — сказал я, — а то больше
ничего не получите от меня.

Сосед обиделся и отвернулся.

Ужин приволок с собою худого и малень-
кого Геру, троих алтынцев и сигареты.

— Тебе повезло, — сказал Гера, — мили-
ция сразу приехала и за десять минут всех
разогнала водой.

— Охо, — подтвердил один из алтынцев, —
а то бы тебя в землю втоптали. Повезло.

— Кто-то сильно молится за тебя, — ска-
зал третий.

Широкая лестничная площадка соби-
рала вечерами всех ходячих после ужина.
Телевизор светился для врачей и медсестер.
Тусклая лампочка площадки светилась для
больных, жаждущих порассуждать о жизни.

— Опять туалет не работает, в жен-
ский ходим, — с возмущением сказал 10-я
палата.

— Да-а, непорядок, — констатируя факт,
подтвердил оторванный от баранки остео-
хондрозом таксист.

Сосед с зеркальцем оказался слесарем-
сантехником, жившим воспоминаниями о
своем сказочном пребывании в легендарной
новой алма-атинской больнице, куда его
устроили зять и дочь.

— А там, — сказал он, — все палаты двух-
и трехместные.

— Ага! — торжествуя воскликнул 10-я
палата. — А ведь ее строили как санато-
рий для ЦК! Эт потом, пото-о-ом только
под больницу отдали, а так тебя туда в жисть
не положили бы!

— Так люди ж пишут, — тоскливо разгля-
дывал коптящий оплевок дешевой сигареты
2-я палата. — Есть же люди — писать
умеют, — и добавил со вздохом: — а я,
может, где букву неправильно поставлю, не
буду ж я письма писать... Им во-о-он
уж понаставили — там, там, везде... Хватит
уж. Я всю жизнь пахал, как ломовик, не
буду ж я письма писать!

— Дело, говорят, до Москвы дошло, —
сказал скрюченный таксист, — вот и отошла
больничка народу.

— Да-а, — протянул сосед-слесарь, — зато
там — сервис! А у нас? — он махнул
рукой в сторону отделения.

В этот момент мимо стеклянных дверей
два веселых санитаров лихо протрясли белого
старика на каталке. На пороге каталка под-
прыгнула, и старик матерно ругнул санитаров.

— Вот пожалте! — обрадовался 10-я па-

лата. — Старик, небось, мается, а они его,
словно бричку с дровами!

Промелькнувшее жизненное подтвержде-
ние его слов раздуло потрескивающие искры
возмущения в его деятельной голове, пре-
вратило их в жаркий костер, который с гулом
и свистом грозил вырваться и испепелить
нерадивых работников медицины.

— Да ладно тебе, — остудил 10-ю палату
таксист, — ты вообще радоваться должен,
что тебя в больницу положили! — Таксист
прожил суровую жизнь. — Я на вещи смотрю
просто, трезво, — сказал он. — Вон в Чим-
кенте, чтобы в обыкновенную больничку по-
пасть, стольничек главврачу поднести надо.
А ты!..

Слова таксиста упали на наши плечи,
как внезапный темный вечер зимой падает
на землю.

— Мы все в болоте, — сказал я, — надоело
искать ответов на вопросы. И мы живем по
одному принципу: засосет — так засосет,
пронесет — пойдем дальше.

— А малец понима-а-ает, — протянул 10-я
палата. И все с удивлением стали разгля-
дывать меня в лупу.

— Псе! Спать! — в проходе выросла фи-
гура тети Кати, медсестры. — Почему курим?
А? Спать!

— Ну что ж, утро вечера мудренее, —
сказал таксист. — Спать так спать.

Тусклая лампочка, извиняясь, моргнула,
зевнула и уснула.

Через три недели я вернулся под кров
деда с бабкой. Дед собрал все слова и крепко
запер их на амбарный замок. Бабка успела
за это время выстроить гильотину и теперь
отсекала слова только ею.

— Домой хочется, — сказал я.

— Нечего делать, — отсекала гильотина ба-
бушки, — там ты вообще в тюрьму по-
падешь. Не поедешь!

И я слонялся слонем по музею. Только
доисторический мотоцикл вяло подпирал му-
зейную стену и от скуки разваливался на
глазах. Я разбирали и собирал его мутно-зеле-
ные детали, смазывал их и закреплял. Мо-
тоцикл то браво встряхивался, то вновь
вяло сваливался под стелу.

Тут позвонил Гера.

— Я нашел точку, — сказал он.

— Какую? — не понял я.

— Кожевенно-обувную, — объяснил Ге-
ра, — гитары дают на ансамбль.

Я вырвал себе ритм-гитару, и мы стали
петь «Беловежскую пушу» и «Соловьиную
рошу». Потом я надел бананы, кроссовки,
темные очки, перчатки без пальцев, засучил
рукава белого пиджака и станцевал им брейк-
данс.

И вся Кзыл-Орда запела. С пяти до семи пели пожилые, в костюмах и галстуках, а потом, до ночи, молодежь танцевала брейк-данс.

Но однажды наша сцена освятилась толстым казаком из райкома комсомола.

— Ваша лавочка аморальна и пуста в своем нутре,— сказал он.— Вы слепо подражаете Западу. А ты,— он повернулся ко мне,— создаешь свой культ личности. Но мы,— закончил он,— не позволим никому! Не потерпим культа личности в своей стране!

Гнев вылетел из его рта и вонзился в меня.

— Кто мы? — спросил я, пытаюсь выбраться из-под груды гнева.

— Комсомол! — Гордость распирала его грудь, лицо, костюм. Туфли покраснели от ощущения своей значимости.

— Я не комсомолец,— сказал я.

— И никогда им не будешь,— отрезал он свой привычный кусок речи.

Новый год все раскрасил в Алма-Ате в белый цвет, навесил гирлянды на шею улиц. Но в Кзыл-Орде время будто остановилось, и Новый год не собирался заглядывать в этот богом забытый уголок земли.

— Я хочу домой,— сказал я деду.

— Надо посмотреть на твое поведение,— дед отпер свой ларец и высчитал из него пять слов.

— Я хочу домой,— моя память помнила только эти слова.

— Никуда не поедешь,— пошутил дед, ошупывая билет в своем кармане.

— Все вы гады! — закричал я, так как не увидел билета в кармане.— Я ненавижу вас!

Я схватил дядькин полушубок и вылетел из квартиры. Я вырвался на свободу, душа ликовала и пела. Ее волны вынесли меня на перрон Алма-Аты и нос к носу столкнули с Вовкой. Мы поехали к нему в его замечательную подпольную квартиру с магнитофоном, цветомузыкой и таким лабиринтом, что никакая милиция не найдет, не то что родители.

В темном зале все танцевали. Мама сидела одна на пустой половине зала и смотрела на темные фигуры.

Черная дверь открылась и впустила черное кожаное пальто с черной широкополой шляпой. Оно подошло к маме и сказало:

— Идем.

Мама молча встала и пошла за ним, села в черный «газик», за рулем которого сидело такое же черное пальто с такой же черной шляпой. «Газик» ехал долго, выехал за город и остановился перед высоким забором. Черные металлические ворота открылись и впустили машину в широкий пустой двор. Отчим вышел из машины и сказал маме:

— Идем.

Они спустились в подвал. Холод сжал маму в своих объятиях.

— Мама! — закричал я.— Мама, подожди! Не уходи! Я иду к тебе!

Я вырвался из катакомб Вовкиного подвала и ринулся домой.

Мама открыла дверь.

— Ты насовсем вернулся или опять уйдешь? — спросила она.

Отчим стоял за ее спиной.

— Мне плохо без тебя,— сказал он маме.

— Я не могу,— сказал мама.— У меня дети.

— Я уже забываю тебя,— сказал отчим, и его память стала распадаться на глазах, с ледяным звоном падала на пол и растеклась лужицей на полу. В ней светилось мамино лицо.

— Нет,— сказал я,— я вернулся насовсем. Лужица на полу зашипела и высохла.

— Да,— сказала мама и впервые за эти годы увидела меня,— ты вернулся насовсем.

1990 г.

**Борис
СААКОВ**

ЦАРЬ-ДЕРВИШ

(сказка без чудес)

Тоскливый крик муэдзина теребил остаток ночи. Гасли звезды, и умиralи огни факелов и светильников. В сумеречном небе обозначились минареты, где-то над куполом мечети блеснул золотой полумесяц.

Чудесный миг, когда одна луна вдруг сменила другую, завораживает юную жену халифа, красавицу Армину, только что проснувшуюся в царских покоях. На груди ее пылал букет свежих тюльпанов, и девичьи губы еще хранили отпечаток сладких ночных мук.

— Аслан... Говорят, ваши шейхи посещают луну? — но ложе рядом с ней пустовало, шорохом отозвались лишь сумерки за окном. Она вытянула спрoсьня руки, оцупью направилась к распахнутому окну. Жемчужный свет луны скользил по задымленному туманном дворцовому саду.

— Армина! — возник вдруг из тумана Аслан. — Тесно здесь, уйдем...

Сильные руки подхватили ее, вынесли за пределы покоев.

Дремавший в саду мюрид при виде халифа забормотал в испуге молитву, второго прошибло ознобом, и он рухнул на колени. Прощающим жестом Аслан успокоил телохранителей, повел Армину сквозь молочную испарину сада.

Слышался плеск ручья, легкая утренняя дымка стелилась над полем тюльпанов.

— Аслан, что это? Цветы загораются...

здесь пожар... — Армина вскрикнула от избытка радости, устремилась в охваченное пламенем поле. Аслан кинулся за ней вдогонку...

Где-то приоткрылось окно, и укутанная в черный изар женщина обронила брезгливо:

— Тесно им во дворце, похотливые твари! У них своя молитва в святой час Азана!

А халиф настиг жену и, ликуя, потонул вместе с ней в тюльпанах.

И чародействует алый цвет, нежит влюбленных, пламя и ласки слились воедино... И жар застилает взоры, скользят тела, горячим отрывистым шепотом обжигают друг друга губы.

— Ты — огонь... И персты у тебя — огонь... — хлопочет в груди у Аслана. И он срывает с себя рубаху и ополаскивает ее в ледяном роднике, и влажным жгутом стягивает бедра любимой...

Но отчего так манит, так гудит в крови гибельный, ревущий пожар? Не гаси волшебное пламя, Аслан! Ах, как сладок огонь, любимый...

И покачивает ветерок укрывшие их тюльпаны.

А проснулись среди бархата и ковров и среди смятых, истерзанных, обессиленных, как они, тюльпанов...

Аслан... Как очутились опять мы в покоях? Уж не крылья ли обрели? Видно,

ангелы проводили небесным путем в родное гнездо...

Не ищи ответа, любимая... Ни простому феллаху, ни мне — наместнику Всевышнего в этом подлунном мире, никому никогда не постичь тайну любви! Одному Господу подвластна она!

Но женщина в черном изаре считает иначе, и смачно плюет она в сторону распахнутых настезь окон:

— Да сразят тебя стрелы пророка, Аслан, вместе со шлюхой твоей, иноверкой! По какому праву возвысил ее над подданными Аллаха?!

Так миновала ночь, а днем, прикрывая ладонью зевоту, халиф рассеянно слушал собравшихся в тронном зале министров.

Удивителен царский трон — из яшмы и бирюзы, из золота и рубина, сверкают и громоздятся в его подлокотниках и над спинкой ажурно выполненные слепки дворцов и минаретов, а вместо ножек — когучие, когтистые лапы зверя из слоновой кости. И немеют от страха министры — красивое, отекавшее самой природой лицо молодого царя будто вписано в знакомые очертания великих храмов Аллаха.

Но тоской изнывает халиф в душной зале, маются перед его воспаленным взором опахала из павлиньих хвостов, маются и словно перелистывают прошлые ночные страницы — за перламутровыми перьями возникает хрустальный всплеск ручья... прекрасные смолистые волосы в струящейся воде... неясное беломраморное отражение...

А диван-истифа — главный казначей халифата нудным голосом зачитывал между тем будущий указ:

— И впредь всем иноверцам — иудеям, христианам, а особо зороастрийцам-огнепоклонникам предписывается ездить только на ишаках, дабы не возвышались они над всадниками Аллаха...

Взоры присутствующих замерли на халифе. Аслан теревил в руке ярко-красный цветок. Вернувшись из забытья, кивнул утвердительно.

— Утверждено! — огласил диван-истифа.

Среди придворных выделялись стоявшие по обе стороны от трона статный везирь и коренастый, с хитро бегающими глазами дядя Аслана — Ашур, с удовольствием воспринявший утверждение указа.

— А если иноверец посмеет оседлать коня, то взимать с него пошлину в размере пяти динаров в пользу царской казны, — заискивающе поглядел на халифа диван-истифа. — А с маджусов-огнепоклонников — десять динаров!

На губах у Аслана вдруг затаилась улыбка — он увидел мелькнувший вдали, за

окном, парус и, резко поднявшись с трона, подошел к окну.

Легкий парусник под царским зеленым флагом бороздил в одиночестве морскую гладь. Халиф прижал к губам тюльпан, прикусил его нежно...

На палубе тайяра среди атласных подушек возлежала напротив музыкантов Армина. Девочка-служанка лет двенадцати забавляла жену халифа искрометным танцем. А гости Армины — жены тех, кто вершил во дворце законы, — не жалели ладоней, отчего ритм мелодии становился еще веселей. Даже ханум Фатима, что так смачно плевала в сторону царской спальни, скинула с лица изар и озорно подпевала.

Приблизившись к Армине, девочка шепнула украдкой:

— Госпожа... извините ради Аллаха... но ваш крестик...

Армина мгновенно прикрыла шею ладонью и, затаив на воротах платья шнурок, боязливо оглядела гостей — кажется, никто не заметил ее оплошности... Прикрыв глаза, она с благодарностью улынулась маленькой танцовщице.

Халиф Аслан резко обернулся к придворным — окаменевшие, важные лица министров рассмешили его.

— А также запретить бродягам и нищим, — не уставая гнусавил диван-истифа и, встретившись вдруг с насмешливым взглядом правителя, осекся в испуге. А халиф ринулся в гущу министров, те расступились, и под их недоуменными взглядами он выбежал на галерею.

В глубине галереи уединился среди астрологических приборов и книг седобородый старец.

Налетевший ураганом Аслан развернул в сторону моря огромное зеркало. Ученый собрал разметавшиеся бумаги, улынулся ребячеству халифа. А тот подмигнул старцу и присвистнул — солнечный луч, бьющий из зеркала, достиг парус...

Армина прикрыла лицо ладонью, засмеялась и помахала рукой в сторону берега...

А счастливый и беззаботный царь уже взбежал по винтовой лестнице на башню, где клекотали в клетках почтовые голуби. Сорвав с груди золотую цепочку, он подвязал ее тюльпан к лапке птицы и отпустил голубку в небо...

Прикрывая нарочитым кашлем раздражающее его веселье, он вернулся в тронную залу и, проходя мимо обомлевшей знати, подчеркнуто строго поглядел на диван-истифа. Тот окостенел — в одной руке калам, в другой чернильница — и не шелухнул, пока халиф не уселся на трон.

— А также запретить бродягам и нищим, особо чужеземцам,— востропнул он наконец,— устраивать ночлежки в пределах столицы.

— Мой повелитель,— склонился к халифу везирь.— Долг везиря предупредить вас — не следует спешить с принятием этих законов. Они могут посеять смуту в народе.

— А вы как считаете, дядя? — обернулся к коренастому вельможе Аслан.

— Чепуха,— поморщился тот.— Это лишь укрепит твою власть, о сын моего незабвенного брата. И берегись инородцев — они, что короеды, точат здоровое дерево, пока плоды его не усохнут.— И, с досадой поглядев на везиря, тихо добавил: — А вот об истинной опасности везирь Джабар умолчал.

Халиф вопросительно вскинул бровь, и в тот же миг обожжен был горячим шепотом:

— Сказывают, будто жена твоя пользуется морскими прогулками не ради укрепления здоровья, а ради тайных, неверных молитв...

— Грязные сплетни! — оборвал Ашура халиф.

А на палубе тайяра девочка оборвала свой танец и под удивленные возгласы бросилась к опустившемуся на канат голубю. Она прижала к щеке птицу, поднесла ее госпоже.

И Армина отстегнула от лапки цепочку с тюльпаном... Боязно мне, Аслан... Неужели счастье может быть беспредельно? И почему слезы приносят радость?

...И вновь повисла над дворцом луна, заглядывает в царские покои, ворожит, раскачивается в дрожащей воде бассейна...

В белоснежных рубахах они скользят под водой, и Армина первой касается луны, игриво выскальзывает из нежных объятий мужа... А вынырнув, оказалась вдруг у его ног... Он отдыхал на краю бассейна рядом с наполненной плодами вазой, и с губ у него свисала янтарная гроздь винограда. Армина потянулась устами к золотистым плодам и нечаянно опрокинула вазу...

И взрывается гладь бассейна, осколки летят от луны... И плывут они уже под водой среди медленно осыпающихся плодов. А за колонной антресоли возникает фигура в черном изаре. Но ханум Фатима сейчас на работе и, как старшая над притаившимися за дверью служанками, повелевает:

— Подготовьте свежие простыни... Не смейте глазеть, бесстыдницы!

А утром девочка-служанка, минуя один за другим дворцовые залы, несла перед собой на вытянутых руках серебряный поднос, на котором лоснилось душистое яблоко.

Мюриды почтительно отворили перед девочкой массивные двери, и стоявшая у окна Армина с восторгом бросилась к служанке, обняла ее и приложила к сердцу покрытое капельками росы яблоко...

Во время прохода маленькой служанки и в саду, где прогуливается сейчас халиф, кто-то торжественно произносит слова летописи:

«Царь Аслан безумно любил свою юную жену Армину и каждое утро, по обычаю рода правителей, отправлял ей только что сорванное с дерева яблоко, и это означало — пока течет под звездами тягучий и золотой мед их любви, халиф и вся подвластная ему страна правоверных с нетерпением ждут, когда под сердцем Армины забьется иной плод и будет объявлен праздник в честь будущего наследника».

Склонившийся над папирусом уже знакомый нам седобородый старец поднял глаза и, увидев рядом с беседкой халифа, отложил в сторону калам, встал и поклонился царю.

— Читал я ваши труды об истории халифата,— с улыбкой произнес Аслан.— Я подивился их мудрости... Вас и только вас, досточтимый Баграт, я вижу блюстителем наших законов и с этого часа назначаю Баграта Манука Верховным кадием всего халифата.

— Не слишком ли высока честь, о повелитель, для простого поэта и ученого? К тому же ведь я не мусульманин... — звучавший только что уверенно и торжественно голос летописца надломился в растерянности.

— Кто сумел воспитать и подарить правителю непревзойденную жену, тот сумеет охранять и наши законы! — твердо сказал Аслан и дружески потрепал ученого по плечу: — Завтра охота, Баграт, развейтесь и вы от трудов тяжких... — И халиф удалился.

...А солнце слизало уже утренние тени, и в знойной дымке за крепостной стеной призрачно мерцали серебристо-бирюзовые минареты.

В глухом закоулке, там, где ютились нищие, появилась ханум Фатима. Откинув с лица изар, Фатима задержала свой острый взгляд на парнях, которые поживались после зябкой, холодной ночи и приплясывали друг перед другом.

— Эй, меченый! — окликнула она статного негра с клеймом на шее.

Пританцовывая, тот подбежал к незнакомке и ослепил ее белозубой улыбкой: — Я у ног ваших, госпожа.

— Благодарю судьбу, беглый раб, что я стою на твоём пути. Вот — для начала возьми динар и следуй за мной.

Поймав монету, бродяга оторопел, помахал рукой с завистью глядевшим на него приятелям и приплясывая отправился вслед за госпожой.

— И держи язык за зубами... — оглянулась Фатима, — тогда и посуда твоей собаки будет из золота.

И они скрылись в соседнем переулке.

...Тем же утром и в тот же час царские воины прочесывали лес и долину.

— Да будет хвала тому, кто соединил в одном Вселенную и все могущество мира! — звучал над долиной голос глашатая. — Э-эй! Пахари, путники, все те, кого утро настигло в угодьях халифа, замрите, час царской охоты настал!

Из леса повыскакивали перепуганные люди. Подгоняемые кнутами, разбежались.

А в долине уже звучал рожок и клубилась пыль под копытами.

Рядом с халифом скакали везир Джабар и угрюмый, с беспокойно бегающими глазами Ашур, которому сразу же не понравился появившийся из-за кустов заспанный человек в лохмотьях. Ашур угрожающе направил своего коня на бродягу и сбил того с ног:

— Замри, червяк! По какому праву оказался ты на пути у халифа?

Увидев мелькнувшую над головой камчу, бродяга испуганно пригнулся, промычал что-то жалкое, бессвязное.

— Покушение на царя замышляете?! Нищими прикидываетесь?! С кем связан разговором, презренный, сознавайся! — Но тут из свиты вырвался на белом коне юноша в шлеме и, выхватив саблю, успел прервать хлесткий удар камчи — клочок жгута, оторванный острием стали, отлетел в сторону.

— Как ты посмел, мальчишка?! — едва не задохнулся от ярости Ашур.

— Может ли глухонемой участвовать в разговоре? — с достоинством ответил юноша.

Услышав перебранку, халиф осадил коня и повернул к метавшемуся между Ашуром и юношей глухонемому.

— Погоди же... Я еще разберусь с тобой! — пригрозил юноше Ашур и вновь занес камчу над бродягой.

Но внезапно появившийся халиф остудил пыл родственника:

— Не причиняйте зла несчастному, дядя. И не забывайте слова суры — подавляющий гнев и прощающий людям угоден Аллаху!

Ашур послушно склонил перед халифом голову, а глухонемой упал на колени.

Юноша невольно одарил правителя восторженным взглядом, и от халифа не ускользнула его гордая, независимая осанка.

Пригоршней монет царь осыпал бродягу.

— Ну а теперь — помирись, — кивнул он Ашuru и юноше и, прищпорив коня, увлек их за собой в сосновую рощу.

А Фатима тем временем вывела к город-

ской бане не перестававшего ухмыляться негра. Протянув ему узелок, прикрикнула:

— Живо в баню и забудь там навеки свою хламиду.

Парень приоткрыл узелок, с недоверием нащупал в нем что-то бархатное, дорогое.

— А что после бани прикажете, ханум? — замялся он.

— Ах ты еще не догадался? — ухмыльнулась Фатима и беззлобно добавила: — Сердцеед, бессовестный! После бани тебя здесь будет ждать на арбе одноглазый. Доверься ему, об остальном узнаешь позже... Смотри же, не упусти свое счастье! — И она швырнула негру еще один золотой.

Отшлепав босыми ногами чечетку, негр поспешил в баню.

— Да... Истину говорят — если чернокожий падает с неба, то и падает он в такт. — Достав амфору, Фатима с брезгливой миной на лице протерла благовониями руки, а затем извлекла из-под изара колокольчик.

На мелодичный перезвон из переулка выехала запряженная мулами арба. Загруженная большим кованым сундуком, она остановилась рядом с Фатимой.

— Запомнил черномазого? — сухо осведомилась Фатима у восседавшего на козлах одноглазого.

— Такую рожу ни с кем не спутаешь, ханум Фатима, — арбакеш приосанился, сниходя до разговора о каком-то оборванце. — Но даже если он задумает ударить от меня через черный ход, будьте уверены, ханум, я его выловлю и запру в сундук...

Фатима достала табакерку, со вкусом втянула ноздрями табак и удалилась.

А вдали бороздил морскую гладь парусник под зеленым флагом.

На палубе веселили царскую жену и ее гостей размалеванные шуты-масхарабозы, карабкались по мачте обезьянка, в клетках ворчали попугаи...

Но особенно уморили Армину два малыша, которые забавно подсекали друг друга подножками. А оказалось — всего лишь один масхарабоз благодаря своей гибкости вытворяет такое.

...В царских покоях скрипнула дверь, и появившаяся Фатима решительно пересекла спальню, приблизилась к клетке с голубем, висевшей над окном. Она торопливо подвязала к лапке голубя золотую цепочку с запиской и выпустила птицу за окно... Втянув в ноздри табак, удовлетворенно чихнула.

А чуть позже в укромном уголке дворцового сада ханум Фатима наставляла девочку-служанку:

— Это послание от твоей госпожи.—

И она протянула девочке небольшой узелок.— Отправляйся берегом моря к черной скале. Там будет ждать тебя человек. Передашь ему... Но смотри, негодница,— что бы ни случилось, держи язык за зубами! Иначе навлечешь беду на свою госпожу.

Девочка послушно кивала:— Слово господня для меня закон.

— Ну отправляйся.

И под оглушительный чих девочка исчезла за деревьями.

А где-то сквозь рошу неслась с улюлюканьем царская охота. Искусно загоняя лань, егеря вынудили ее выскочить на поляну навстречу мчавшемуся со свитой халифу.

Осадив скакуна, халиф азартно вскинул лук со стрелой, но чей-то отчаянный возглас обезоружил его:

— Не губи, о царь времени!

Газель замерла обреченно. Ее невинный взгляд с синим отливом заморозил халифа. Аслан подозрительно покосился на свиту, и взгляд его задержался на юноше в шлеме.

— Я много читал о говорящих газелях, повелитель,— улыбнулся лукаво юноша, к удовольствию которого животное метнулось к лесу и скрылось.

Аслан рассмеялся великодушно, и юноша с восторгом поглядел на него.

— Мой повелитель!— вскрикнул вдруг Ашур и повел рукой в сторону бегущей берегом моря девочки.— Вижу маленькую служанку супруги твоей. Не тебе ли добрая весть?

— Но почему она бежит мимо?— заметил находящийся рядом отец Армины — Баграт.— Может, сбилась с пути?

— Ко мне ее!— весело приказал халиф, и Ашур помчался наперерез малышке.

А тайяр царской жены плыл вдоль берега, и веселье на нем не стихало. Теперь одна из рабынь развлекала Армину индийским танцем. Сбившись вдруг с такта, она воскликнула:

— Голубь, госпожа!

Армина подалась к корме. К тайяру подлетел белоснежный голубь.

Все вокруг оживилось, музыка смолкла, и птица плавно опустилась на руку Армине. Она отвязала от лапки золотую цепочку и, разгладив записку, услышала рядом голос любимого:

— Любовь моя... Разлука разрывает мне сердце... Я прерываю охоту... И жду тебя сейчас же в наших покоях...

Обернувшись к матросам, Армина приказала:

— К берегу!

А маленькая служанка стояла в это время перед царем на коленях, и Ашур стиснул цепкими пальцами ее плечо.

— Вот что я обнаружил под поясом ее шальвар,— Ашур протянул халифу небольшой узелок, извлек из него яблоко.

Заметив на лоснящейся шкурке письма, халиф подозрительно поглядел на Ашура. Тот лишь развел руками:

— Оно, по-моему, из царского сада.

Отвернувшись, халиф стал с опаской разглядывать яблоко.

Девочка не отрывала от царя молящего взгляда. Ее колотило, будто в лихорадке.

— О повелитель!... — пролепетала она, но Ашур одернул ее за волосы.

— Не забывайся, негодница,— ты перед царем времени! Прикуси, пока не поздно, свой длинный язык! — процедил он сквозь зубы.

— «Я снова в твоих покоях, любимая...» — пересохшими губами прочитал халиф запись на яблоке. Лоб у него взмок от напряжения.

— «О Армина! Прерви же прогулку... Пока он на охоте, я расчешу твои дивные волосы...»

В глазах у халифа потемнело...

И вспыхнули, ослепили его тюльпаны.

И, подобно зависшему над скалой водопаду, медленно стала обрушиваться на него волнистая смоль знакомых волос... И чья-то черная рука, опережая его, вонзила в них золотой гребень...

И мираж отступил — стиснув в кулаке яблоко, халиф хмуро поглядел на Баграта.

— Берегись, Баграт,— направил он коня в его сторону,— не дай бог, если подтвердится...

— Чем заслужил твой гнев, повелитель? — не понял Баграт.

Халиф не удостоил его ответа. Отъехав к морю, отыскал взглядом знакомый парус — и в глазах у него мелькнуло сомнение.

Ашур тем временем набросился на девочку:

— Знаешь ли, негодница, что ждет гонца за дурную весть?! К хвосту коня ее!

Двое мюридов потащили малышку к неоседланной лошади...

Знать насторожилась. Юноша в шлеме перевел отчаянный взгляд с девочки на царя, лицо которого, казалось, мгновенно почернело.

А резвый конь в ужасе озирался и пританцовывал — к хвосту его привязывали уже веревку, на которой беспомощно повисла рыдающая девочка.

Не выдержав, юноша в шлеме бросился в ноги правителю:

— Пощади, о царь времени!

Мольба, дважды повторенная за день одним голосом, заставила Аслана вздрогнуть.

— Не твои ли уста, повелитель, призывали сегодня к прощению? — продолжал юноша.

А рука Ашура с камчой безжалостно нависла над лошадей:

— Отворите же перед ней врата ада!

И воины расступились.

Мощным рывком конь оттолкнулся от земли, девчонку с силой подбросило вверх...

Юноша вскочил на своего скакуна и молнией настиг уносившуюся с жертвой лошадь. Взмахом сабли он разрубил веревку, и девочка упала лицом в траву.

Возглас изумления замер на устах вельмож.

Халиф обернулся, увидел склонившегося над маленькой служанкой юношу, с головы которого вдруг соскользнул шлем... Длинные волосы легли на плечи прекрасной незнакомки, и на какую-то минуту люди вокруг удивленного халифа будто погрузились в плотную тягучую воду...

Неправдоподобно медленно, как в сновидении, бежал к нему везирь... И воздев руки к небу, падал на колени...

И тишина разорвалась — крики чаек, удары волн, голоса вернули халифа к происходящему...

— О повелитель! Не осуди мою дочь неумышленную! Ей от роду всего лишь шестнадцать, и без матери она совсем отбилась от рук! — везирь с укором взглянул на девушку, приблизившуюся к нему. — Сухайлы! — прикрикнул он на дочь.

Ашур же с перекошенным от ярости лицом спрыгнул с коня, схватил за волосы маленькую служанку и поволок ее к своему скакуну.

— Оставьте ее, дядя! — сухо приказал халиф и, прищпорив коня, увлек за собой свиту.

Удрученный Ашур отпустил малышку. Везирь кивнул своим телохранителям, и те, оттеснив Ашура и его мюридов, освободили девочку от пут. Малышка тут же скрылась в лесу.

Ашур покосился на везира с дочерью, не обронил ни слова и, вскочив на коня, помчался вслед за халифом.

А в покоях царской жены усердно готовились к внезапному возвращению Аслана — одна из рабынь опрыскивала голубую гладь бассейна амфорным маслом, вторая умащивала благовониями тело госпожи...

За приоткрытой дверью, в спальне прозвонел колокольчик в руках у Фатимы.

В полумраке спальни приподнялась вдруг крышка над сундуком, из которого с опаской выглянул негр.

А у дворцовых ворот уже ржанье и конский храп... Халиф осадил взмыленного скакуна, бледный, взбежал по ступеням мраморной лестницы...

Едва поспевав за правителем, спрыгнул с коня и Ашур.

— Оцепите дворец! — бросил он подоспев-

шим всадникам и поспешил следом за Асланом.

Топот коней заставил Армину набросить на себя прозрачную дымчатую ткань. Покинув залу с бассейном, она скрылась в спальнях покоях...

А перед ворвавшимся во дворец халифом распахивались массивные двери и падали ниц евнухи.

Сжимая рукоятку сабли, Ашур едва поспевал за царем, тот стремительно оставлял за спиной залу за залой... С грохотом пнул он ногой какую-то дверь — завизжали напуганные служанки...

Новый удар сапога, и за порогом, приветствуя царя, прокричал попугай...

А чернокожий вылез спокойно из сундука, только сейчас заметил наконец хозяйку в прозрачном изаре... Армина торопливо поправляла перед зеркалом волосы, когда за спиной у нее появилось вдруг чье-то отражение... Она пригляделась и в ужасе закричала — ухмыляющаяся черная физиономия, ничуть не смутившись, приблизилась к ней...

Расправив свои нарядные шальвары, негр прихватил с подноса лимон и с беспечной миной на лице надкусил его.

Какая-то сила помогла еще царской жене обернуться... Причмокивая, чернокожий подошел к ней танцующей походкой и дотронулся до ее руки.

— Кажется, ты мечтала видеть меня, луноликая? — игриво сказал он и таинственно добавил: — Я у ног твоих.

Армина онемела, а парень достал из-за пояса золотой гребень и неумело опустился перед госпожой на колени.

Тут словно ураганом вышибло двери. Полетела на пол мраморная подставка со светильником... На пороге стоял халиф.

Поначалу он не поверил своим глазам — в святая святых, в царских покоях!.. Стоит перед его женой на коленях обнаженный по пояс негр... О ужас! В одной руке у презренного золотой гребень, в другой почему-то лимон...

Чувствуя, что воздуха не хватает, царь захрипел, разорвал на шее ворот халата.

Растревявшийся негр нелепо улыбнулся ему... Аслан обнажил саблю.

— Милый... — протянула руки навстречу мужу Армина. Слезы душили ее, она шагнула к Аслану, но он грубо оттолкнул ее... И грозно двинулся на испуганно пятывшегося вдоль стены парня.

— О ангел Азраил! — выскочил из-за спины царя Ашур. — Проведи же в преисподнюю нечестивца! — И молнией сверкнула в его руке сабля...

Отлетевшая голова скатилась к ногам Армины, кровью окропив ее ночной изар. Пронзительный крик оборвался на по-

белевших губах девушки, и она рухнула без чувств. Халиф брезгливо обошел распластанный на ковре обезглавленный труп. Вложив в ножны саблю, с упреком обернулся к Ашуру:

— Поторопились вы, дядя... — На отяжелевших ногах, перешагнув через бесчувственную Армину, царь покинул покой.

В дверях он столкнулся с запыхавшимся и только что подоспевшим Багротом. Испепеляющий взгляд Аслана не позволил высказаться отцу Армины.

— А-а-а... Летописец! — на губах у Халифа повисла обида.— Полобуйся на свое воспитание! — и он швырнул под ноги Баграта злополучное яблоко.

— Да разве иноверец способен постичь наши обычаи? — вмешался Ашур.— Разве открывал он хоть раз в жизни святой шариат?

— Казнь на рассвете, дядя! — перебил его Аслан.— Пусть сбросят ее с башни смерти! — и удалился.

Отерев окровавленную саблю, Ашур поднял с ковра яблоко и, покидая покои, небрежно плечом отстранил Баграта.

— Ну-ка, подсчитай, выскочка, сколько часов ты пребывал в должности Верховного кадия? — и он с вызовом захопнул за собой дверь, оставив отца и дочь наедине с убитым.

Недовольно оглядев столпившихся у дверей евнухов, Ашур двинулся вслед за царем.

За колонной вдруг промелькнул черный изар, и Ашур замер. Фатима многозначительно кивнула ему.

— Девчонка сбежала, — с тревогой в голосе прошептал ей Ашур.

Ханум Фатима испуганно вскрикнула. Прикрыв изаром лицо, исчезла.

Проскочив мимо ошеломленного страшной вестью везиря, который брел по дворцу в сопровождении телохранителей, она вдруг запричтала, стала рвать на себе волосы:

— О клянусь священным родником Земзем близ Багдада — госпожа наша чище того самого родника! Лучше бросьте меня под ноги слонам, пусть растопчут, лишь бы глаза мои не видели страданий добродетельницы нашей!

Везирь сочувственно покачал ей вслед головой.

...Накрапывал дождь, когда кто-то шепотом позвал Сухайль, укладывавшую в сундук свой шлем и охотничьи доспехи.

— Госпожа...

Сухайль вздрогнула, увидев на ветке дерева за оградой веранды девочку-служанку. Протянув руки беглянке, она помогла ей вскарабкаться на барьер. Вымокшая до нитки служанка Армины спрыгнула на ковер и прижалась к Сухайль:

— Спасибо вам, госпожа... Если бы не

вы... — Малышку знобило.

Сухайль приласкала гостью:

— Как твое имя, девочка?

Та пожалла плечами:

— Я не помню... Но все почему-то зовут меня Эй.

Укутав девочку в покрывало, Сухайль растирала ее, а девочка рассказывала:

— Ханум Фатима предупредила меня, чтобы я держала язык за зубами, иначе с госпожой моей случится несчастье. И я поверила ей и выполнила ее наказ. А получилось так, что утром мою госпожу казнят... — и девочка заплакала: — Всюду кричат глашатаи... Бедная госпожа...

— Так, значит, ханум передала тебе яблоко? — Сухайль выпрямилась, щеки ее пылали от негодования: — Присядь. Вот, угощайся плодами... Я сейчас, — Сухайль распахнула двери смежной комнаты и оказалась в покоях отца.

Расстеливший на полу коврик и приготовившийся к молитве везирь недовольно обернулся.

— Дело крайней важности привело меня к вам, отец... У меня сейчас служанка Армины... Против халифа заговор!

— О, Аллах! Отведи же безумие от моего очага! — недовольный везирь поднялся с коврика.— Опомнись! И чтобы духа этой девчонки не было в моем доме!

Сухайль сникла: — Но...

— Никаких «но»! Будет так, как должно быть. Даже если и суждено быть наоборот! — строго посмотрел на дочь везирь.

Поклонившись, Сухайль удалилась, а за порогом ее ожидало еще одно огорчение — девочка исчезла... За верандой покачивалась ветка дерева и монотонно дробил дождь.

На узкой улочке, мокрой после дождя, теснился народ, из окон выглядывали любопытные. Толпа вдруг угрожающе зашумела, ошетинилась. В глубине улицы появилась странная процессия, впереди которой с отсутствующим взглядом брел Багрот. Склонив голову, он вел за собой на веревке осла и безмолвно сносил плевки, оскорбления, удары. А на осле, спиной к голове животного, сидела привязанная веревкой к седлу Армина. Лицо ее открыто, волосы распущены, губы стянуты черной повязкой. А за плечами у Армины связанная, как и она, обезьянка, которая корчит гримасы на потеху толпе. Кто-то сорвал с головы Баграта шапку-данийю и, бросив на землю, вытер об нее ноги:

— Вот цена твоему возвышению, коварный иноверец!

— Вот что значит с помощью дочери-потакухи завладеть высочайшим саном!

— Топчите, топчите шапку его, люди! Даже у бабочки жизнь оказалась длинней, чем у его даний!

Сопровождающие процессию воины не мешали толпе — в Армину и ее отца летели яйца, гнилые плоды, мусор... Кто-то окатил их водой из окна. Шумная процессия скрылась в соседнем переулке.

Над обессиленной Арминой глумились уже богатые кварталы.

— Кафыр! Кафыр! Помоями ее! Неверную! — захлебывался от восторга разодетый купец.

Нестройные крики доносились и до дома Ашура. И новоиспеченный Верховный кадий примерял перед зеркалом высокую шапку-данийю — такую же, какую только что за тапывала толпа.

Жена Ашура, заботливая ханум Фатима, обвязывала данийю зеленой лентой и приговаривала:

— Где раньше была справедливость, о Аллах? Законный преемник рода халифов только теперь заслужил наконец сан Верховного кадия! — с горечью произнесла она и добавила ласково: — А вообще, душа моя, держи голову выше... Говори теперь немного и тихо. И меньше смотри по сторонам, а жесты твои должны быть сдержанны, поверь мне...

Ашур преобразился, увидев из окна приближающуюся процессию во главе со своим посрамленным предшественником. Удовлетворенно хмыкнув, он достал из кармана яблоко, аккуратно срезал ножом шкуру с письменами и протянул очищенный плод супруге:

— Угощайся, радость моя.

— Как же упустил ты девочку? — с укором покачала головой Фатима.

— Считаю — она уже между адом и раем, — нежно взглянул на жену Ашур. — Далеко не уйдет...

Озабоченно покачав головой, Фатима надкусила яблоко.

...Миновав дворцовые ворота, Сухайль прошла вдоль стены, обогнула ее и вскоре остановилась перед деревом, ветви которого пестрели разноцветными доскутками.

— Омин! — закончив молитву, поклонился дереву какой-то человек и с благоговением подвязал к ветке кусочек ткани.

Сухайль развернула под чинарой платочек и, опустив на землю хлебный мякиш, обратилась с молитвой к дереву:

— О святое дерево Умм Гайлям! Способна ли любовь на измену? Способно ли великодушие на жестокость?

Зеленые листья, отсвечивая, мягко гасили солнечный свет, и лицо ее озарилось. Но тут нарастая послышался рев толпы... Сухайль торопливо подвязала к ветке платочек, поклонилась дереву и побежала на крики.

Улочка, как щель... Протискиваясь сквозь

ревущую толпу, Сухайль заметила вдруг девочку-служанку. Малышка металась от одной стены дома к другой. Ее оттескивали, но девочка ни на шаг не отставала от разъяренной старухи, тащившей перед собой таз с черной жижей. Когда старуха двинулась на Армину, девочка неожиданно набросилась на нее — таз опрокинулся, и по земле растекалась нефтяная лужа. На девочку посыпались проклятья.

— Эй! — бросилась ей на помощь Сухайль, но малышка затерялась в толпе.

Перепаханная нефтью старуха подскочила к Баграту и размазала по его лицу жижу:

— Запомни напоследок, в какой стране ты живешь, отец шлюхи! Помойся горячей водой, облачишь в саван и жди вслед за дочерью смерти!

— Армина! — оттеснила старуху Сухайль. Обреченная оглянулась. Узнав дочь везиря, кивнула едва заметно и устало прикрыла глаза.

Сухайль приблизилась к ней вплотную и резко одернула узел тесьмы, сжимавшей Армине уста.

— Армина! — вырвалось у Сухайль. — Сердце подсказывает мне...

— Не верь им, Сухайль! Клянусь... — разрыдалась Армина.

Подскочивший мюрид вырвал из рук Сухайль тесьму, грубо оттолкнул ее...

— Не стыдись за меня, отец! — звонко выкрикнула обреченная, но воин уже зажал ей рот и вновь затянул у нее на затылке тесьму.

Баграт вздрогнул, плечи у него напряглись.

— Не богохульствуй, потаскуха! — заропотала толпа. — Все равно суждено тебе измерить высоту черной башни!

— Это будет самый прямой путь в ее жизни!

И протиснувшиеся к Сухайль женщины с ненавистью стали теснить ее.

— Вот еще одна хулительница шарията! — голосила старуха.

Ропот усилился, карающая толпа распалась еще сильнее — в Сухайль полетели камни.

— Забейте ее насмерть, она такая же греховодница! — надрывались в толпе.

— Досточтимый Баграт! — успела крикнуть Сухайль. — Приходите вечером к святому дереву!

Прикрывая ладонями лицо, Сухайль отступила, но тут людское море внезапно разомкнулось, освобождая путь быстро приближающимся на конях воинам.

Всадники рыскали, высматривая кого-то в пестром многолюдье, пока наконец не заметили Сухайль:

— Вот она!

И отряд мгновенно отсек ее от толпы.

Приготовившись к худшему, Сухайль достала кинжал, но в ту же минуту на голову ей набросили мешок, чьи-то сильные руки подхватили ее, кто-то ловко связал бьющуюся в мешке девушку веревкой и взгромоздил поперек седла. Отряд умчался.

...Двое мюридов втащили мешок в богато обставленную залу, опустили его на ковер, и Сухайль была освобождена.

Девушка вскочила на ноги и в гневе бросилась на обидчиков, но внезапно остановилась... увидев за их спинами отца.

Поклонившись везирию, телохранители покинули залу.

— Знай же, дочь моя,— сухо произнес везирь.— Ты только что вернулась с того света... Остуди пыл свой, Сухайль, и не вмешивайся куда не следует!

— Вы как всегда мудры и осторожны, отец! — с досадой отвернулась Сухайль.

— Иначе род Хакал не дал бы халифату четырех везирей за пятьдесят прошедших лет, и тебе нечем было бы гордиться сегодня,— нахмурился везирь.

— Значит, жизнь и честь достойнейших ниже нашей семейной гордости? — возглас негодования замер на устах у Сухайль.

— Дочь моя... — в голосе везирия нарастали металлические нотки.— Наступили, кажется, черные времена... Грешница она, праведница ли... Оставь это Богу, не навлекай на наш дом беды.

— Армина чиста перед царем, отец! — Сухайль моляще взглянула на отца.

— Даже если она трижды чиста перед ним, Сухайль, участь ее решена... Задета честь халифа! — сокрушенно покачал головой везирь. Заметив отчаяние и боль в глазах дочери, он смягчился: — Может, я могу чем-то помочь Баграту?

— Да, отец! — восторженно воскликнула Сухайль.— Устройте ему встречу с халифом... Сегодня же... Это очень важно.

— Попробую,— помедлив, ответил везирь.

...Надвигались сумерки. Снова сыпал дождь, и порывистый ветер набрасывался на могучую крону Умм Гайляма, отчего дерево тяжело и надрывно стонало.

Опираясь о корявый сук, появился Баграт и огляделся.

— Отец просил за вас халифа,— вышла из-за чинары Сухайль.— Царь согласен вас выслушать, пойдемте,— поддерживая обесиленного старца, Сухайль повела его вдоль дворцовой стены.

— Да ниспадет на тебя благодать божья, доченька!

— Если он не помирует Армину,— продолжала Сухайль,— вы обратитесь тогда к нему с просьбой, от которой дрогнут серд-

ца правверных до самой Мекки!

— Что я должен сказать халифу? — замешкался Баграт.

...Они удалялись, девушка что-то горячо доказывала старцу... И стонало, надрывалось и плакало дерево Умм Гайлям.

И вот начальник охраны ввел Баграта в тронный зал, а сам удалился. За тронном что-то скрипнуло, раздался нервный кашель. Баграт растерялся:

— Мой повелитель... — слетело с его побелевших губ.

Нависшие над ним золотые и рубиновые купола и башни пустующего трона вдруг качнулись — из-за трона, затаив на губах улыбку, появился Ашур.

— Слушаю тебя, Баграт,— холодно произнес он.

— Я пришел говорить с халифом... — и, подобно черепахе, Баграт недоверчиво втянул голову в плечи.

Новоявленный кадий смерил его надменным взглядом:

— Твое дело поручено мне, Баграт. Но если ты пришел просить о ее помиловании, то напрасны твои надежды.

Баграт часто задышал, ему не хватало воздуха:

— Нет, нет, не за помилованием явился я...

— Вот и носи свой крест, Баграт,— все что смогу тебе посоветовать. Ступай, время твое истекло,— повернувшись, Ашур собрался уже покинуть залу, но Баграт протянул к нему руки.

— погоди, Ашур... — произнес он вдруг твердо.— Уж коли ты доверен халифом, разреши мне самому казнить Армину!

От неожиданности Ашур ухватился за купол мечети над подлокотником трона:

— О небеса... Не ослышался ли я? Повтори...

— Ты не ослышался, Ашур,— спокойно заявил Баграт.— На мне вина родителя, я хочу искупить свой грех! Я сам казню Армину!

Ашур смерил его недоверчивым взглядом:

— Горе, должно быть, помutilо твой разум, Баграт. Иди одумайся... Даже гиена не способна загрызть свое дитя.

— Отныне я не отец ей. Еще раз прошу — доверьте мне ее казнь,— упрямо повторил Баграт.

— Ну что же... — знакомый хищный блеск вновь засверкал в глазах у Ашура.— Вы, иноверцы, и не на такое способны! Так пусть же поступок твой станет назиданием для потомков... Можешь идти, халиф не будет возражать, утверждаю тебя палачом собственной дочери.

Поклонившись, Баграт покинул тронный зал.

По обычаю халифата казнили на рассвете... Тот рассвет был похож на мучительный сон — били молнии, и одетый в черное Баграт прошел к башне смерти, перед которой уже теснилась толпа. Он остановился в ожидании перед обитой железом дверью. В толпе зароптали, все почему-то говорили шепотом.

Загрохотали барабаны, из городских ворот в сопровождении мюридов появились царские носилки. Крики глашатаев оповестили о приближении правителя:

— Владыка земель правоверных... Солнце лучезарное, озаряющее землю ярче небесного светила... Жизнь, дающая всем нам дыхание...

Аслан мрачно смотрел перед собой. Голову его украшала зеленая чалма с вышитой золотом огнедышащей коброй — покровительницей династии. Широкое ожерелье из драгоценных камней давило на плечи.

Вскидывая руку, впереди шел начальник стражи, за ним воин-нубиец, который отмечал каждый шаг ударом по медному гонгу.

Слуги обмахивали халифа опахалами из страусиных перьев, а склонившийся к носилкам Ашур ласково утешал племянника:

— Не убивайся так, о царь времени! Все они от роду греховны и годятся разве что на одну только ночь.

Идущий чуть поодаль везирь невольно прислушался...

— Сердце мое вот-вот разорвется, дядя, — произнес Аслан.

— Отец твой всегда отличался твердостью духа, — нежно прикрыл ладонью руку племянника Ашур. — И вот мой тебе совет — после казни на третий день сыграй свадьбу, а на четвертый вновь станешь вдовцом. И так повторяй до тех пор, пока не уляжется твоя тоска и не насытятся дикие псы под башней смерти.

Везирь вздрогнул, с тревогой прислушался к лаю собак над оврагом...

— Не было таких обычаев никогда в халифате! — словно в горячке прошептал над Асланом везирь. — Где это видано, чтобы свадьбу от поминок отделяла всего лишь одна луна?

— Народ любит крепкую руку и суровый закон, — покорно склонил голову перед царем Ашур, но, почувствовав на себе ледяной взгляд везира, мгновенно преобразился, лицо его будто окаменело:

— Кровь изменницы не смывает позора. Его может смыть лишь каждодневное устрашение.

Чернокожие нубийцы мягко, с благоговением, будто хрупкий сосуд, опустили носилки на землю.

Толпа восторженно, колени у подданных дрогнули, и тела безмолвно распростерлись перед наместником Аллаха.

По бледному лицу Аслана скользнула тревога, и он сделал рукой знак...

Стоявший на крепостной стене воин махнул Баграту, тот отворил железную дверь, вывел на свет дочь.

Армина закрыла ладонями глаза, опустилась на колени. Застывшую тишину надорвал ее отчаянный стон.

И тут же над ней возникли двое с огромным белым саваном на вытянутых руках. Набросив на девушку покрывало, они повалили ее на землю, торопливо стали пеленать обреченную, а затем с двух сторон обвязали веревками. Легко вскинув ее над головами, подручные ступили со своей ношей к распахнутым дверям.

— Погодите! — остановил их Баграт. — Отдайте ее мне! Я сам провожу ее в последний путь!

— Он просит доверить ему последний путь дочери, — сообщил халифу везирь.

Подручные замерли, взоры толпы устремились к халифу.

Аслан кивнул утвердительно, и хрупкое тело Армины перекочевало на плечи Баграта. Тяжелой поступью он вошел в башню, и дверь за ним прикрылась. Из толпы донесся жалостливый детский плач. Халиф Аслан исподлобья оглядел площадь, где-то промелькнуло лицо маленькой беглянки...

А Баграт уже стоял на самом краю башни. Взгляд его неотрывно следил за царем. Он опустил дочь на ноги и в ожидании замер. Порывистый ветер набрасывался на белую голову старца, длинные волосы спутались на челе...

Халиф прислушался к посвисту ветра, перебиравшего на деревьях листву, и в глазах его затаился страх.

Угрюмая башня с жертвой и палачом, казалось, нависла над ним.

— Не томи, — шепнул Ашур над носилками.

Халиф торопливо огладил обеими руками бороду, кивнул в сторону башни:

— Омин... Аллах... Акбар...

И все увидели, как в воздухе перевернулось тело в саване и глухо рухнуло где-то во рву... Дикие псы устремились в непролазный кустарник.

Толпа восторженно — одних обурывал восторг, других — горе и страх. Сквозь лай безумевших собак прорвался пронзительный крик девочки.

Баграт спокойно встал на колени и трижды перекрестился.

Царя передернуло, на лбу влажным бисером выступила испарина. Откинувшись в глубь носилок, он судорожно задернул занавеску, и в темноте ослепительным пожаром вспыхнуло перед ним алое поле, по которому убежала Армина. Охваченная ужасом,

она оглядывалась, и некто в черном догонял ее.

Смахнув украдкой слезу, халиф вскинул руку:

— Отгоните собак, отдайте покойницу отцу ее, пусть похоронит.

Слуга между тем поднес к носилкам кувшин с медным тазиком, и он омыл руки, дав всем понять — свершилась воля Всевышнего.

И вдруг из-за облака прорвалось солнце, и яркий луч нащупал медную посудину... И халиф зажмурил глаза. Он отстранился испуганно, затравленно покосился на небеса.

— Не знамение ли, Ашур? — пронзило почему-то царя.

Хладнокровно усмехнувшись, Ашур склонился к носилкам и перекрыл собой солнце. И тревога отступила от Аслана, горящий взор успокоился.

— Народ доволен, о царь времени, — поклонился Ашур. — Народ не терпит распутства.

И народ расходился...

Рассвело, и яркое солнце озарило землю.

Сторонясь прохожих и прижимаясь к стенам домов, Баграт тенью скользил по улицам...

Вскоре он отворял калитку своего дома, приветливо здороваясь с проходившей мимо соседкой.

Смерив его надменным взглядом, женщина сплунула ему под ноги.

Едва он вошел во двор, как кто-то сбил его с ног. Какие-то люди дружно набросились на него, заломив за спину руки, и поволокли на середину двора. Дегина с квадратной челюстью угрожающе приблизил к лицу Баграта нож:

— Где укрывается служанка твоей дочери, сознавайся!

— О чем вы говорите?

— Без девчонки мы не уйдем! — и детина с размаху ударил его кулаком в живот. — Доподлинно известно — ты приютил ее ночью!

— Оставьте меня, — плюнул кровью Баграт. — Не знаю я никаких девчонок... А вот вас признал сразу — вы люди Ашура. Я видел вас во дворце...

Пудовый кулак оборвал речь Баграта: — Твои глаза погубят тебя... палац! Пока не поздно — во имя священного халифата — где прячется маленькая негодница?

— На раздумье — одна минута! — вмешался другой соглядатай и сорвал со стены на веранде зеркало. — Иначе мир для тебя сейчас превратится в сплошную ночь!

И люди Ашура повалили Баграта на землю, а в это время за калиткой появилась девочка с кувшином на плече.

Со двора доносились вопли, ругань, стоны... Случайный прохожий подозрительно покосился на девочку, но она прикинулась играющей в камешки. Как только он удалился, девочка осторожно приоткрыла калитку и до крови прикусила себе губу...

Один из верзил держал Баграта за голову, второй впился цепкими пальцами в веки несчастного, а третий нацелился уже вспыхнувшим под солнцем зеркалом в обезумевшие глаза...

И раскололось небо, и бессильный крик повис над кварталом.

И крик повторился, но уже во дворце... От кошмарного сна проснулся халиф Аслан.

— Где я? На пастбище? — отовсюду доносился нарастающий гомон овец.

Отбросив одеяло, весь взмокший, Аслан уставился на возникшего вдруг Ашура.

— Дядя... — надломленным голосом произнес Аслан. — Я держу на ладони весь поднебесный халифат... Вы называете меня наместником Аллаха... Но со вчерашнего дня, — он стукнул себя кулаком в грудь, — вот здесь... это... не подчиняется больше мне... жжет! Все горит во мне, дядя!

— О владыка! Ты приблизил меня к своему доверию, и ради драгоценнейшей жизни, дающей всем нам дыхание, я осмелился выписать через всемогущего мага и лекаря Айр Закара трех знаменитых тибетских врачей... — Ашур вскинул над головой колокольчик, и в комнату вошли одетые в белое китайцы. — Тот, что справа, назначен врачом великодержавного желудка, — представил кланяющихся китайцев Ашур. — Рядом с ним — врач твоего сердца... А этот будет следить за драгоценнейшей печенью...

— Что за бараний гвалт вокруг? — испытующе поглядел на Ашура халиф. — Или мой дворец превращен уже в пастбище?

Ашур поклонился: — Со всех концов халифата люди гонят быков и овец в подарок тебе к новой свадьбе.

— Неужели минуло три дня? — Аслана охватило беспокойство. — Нет, нет! Я отменяю женитьбу. Не хочу обманывать подданных! Они-то пришли на свадьбу, им невдомек, что одна лишь луна отдалит ее от поминок...

— Ты прав — не стоит обманывать подданных. — Ласково согласился Ашур. — Я выйду и объявлю всю правду, пусть знают люди — грядущая свадьба и казнь не прихоть, а спасение царской чести, такова воля Всевышнего! — он попятился к выходу и скрылся за дверью.

Халиф беспомощно поглядел на китайцев: — Помогите уснуть мне... забыться...

Вытянув руки, китайцы принялись успокаивать его заклинаниями — три белые тени склонились над изголодавшимся царского ложа.

Затем принесли тазы с дымящейся водой, установили их по обе стороны от халифа и стали сыпать в воду какое-то зелье...

Голубыми, зелеными, фиолетовыми спиралями к потолку устремились пары. Аслан доверчиво поглядел на взмокших от усердия китайцев.

— Замутите мой разум,— попросил он.— Не могу пережить ее смерть.

— Старайтесь не двигаться, повелитель,— успокоил его лекарь.— Ее дух витает над вами.

Он подчинился. Перед его горящим взором проплыл вдруг над головой трон и качнулся. Пары иссякли, и трон оказался всего лишь качелями — мимо пронеслась с визгом чернокожая рабыня. Аслан расхохотался.

— Спокойнее, спокойнее, повелитель... — бережно уложили его голову на подушки китайцы. Дыхание его выровнялось, и глубокий сон охватил царя.

И в голубых спиралях возник вдруг образ Сухайль. Девушка спала, грудь ее мерно вздымалась, чувственный рот был полуоткрыт.

— Армина,— вздрогнул Аслан.

Девушка открыла глаза: — Я — Сухайль.

— Почему ты здесь? — ощутил он на сердце гнетущую тоску.— Ты ищешь смерти? Но девушка не ответила и исчезла в дымке.

И снова возник Ашур, и халиф застонал сквозь сон:

— Что значит имя ее, дядя?

— Сухайль — значит звезда Конопус,— вкрадливо прошептал он.— Ты помнишь охоту? Помнишь, как дрогнуло твое сердце при виде дочери Джабара? Сладкая ночь ждет тебя с ней...

— Сухайль... — все еще находясь между сном и явью, прошептал Аслан.— Я должен тебя казнить...

Могучие удары грома сотрясали в ответ стены дворца. И знакомый голос произнес над кладбищем: «Три дня и три ночи бушевала гроза. Такого не помнили здесь со времен Гарун ар Рашида...»

Ослепленный Баграта подошел к могильному холмику. Над ним шумел тополь, под которым тщетно пытался укрыться горемыка... Но тут раздался скрип въехавших на кладбище повозок, и летописец спрятал за пояс уже ненужный калам, прислушался. Над мазаром звучал властный голос Ашура:

— Пока земля податливая и сырая, готовьте сразу тридцать могил!

Разобрав кетмени, дехкане направились в глубь кладбища.

— Что они затевают, нечестивцы? — обратил незрячий взор к небу Баграта.

— Представляю, что скажут в народе,— ясно прозвучал над могилами голос Ашура.

— Рано ли, поздно, а он свихнется,— торжествующе прошептала Фатима.— И тогда прикажи погрузить его трон на верблюда, пусть увезут его за пределы страны... Трон всегда опора царя, и ты вышиби сиденье из-под его задницы, Ашур...

Ашур страстно сжал в ладони рукоятку кинжала.

Теснятся на дорогах повозки, взоры женщин обращены к небу...

«...И бежит по городу молва, от дома к дому, от человека к человеку, и тысячи рук в тот день взметнулись к небу...» — опираясь о посох, слепец уносил с кладбища слова летописи.

И бойкая, как всегда, и порывистая Сухайль проскакала на белом коне мимо кладбища. За ней промчался небольшой отряд отцовских мюридов.

Осадив на перекрестке коня, Сухайль направила по одному всаднику в каждом направлении и с оставшимися воинами продолжила путь.

«Как уберечься от злодейского приговора? По всем кварталам столицы мчались гонцы,— ссутулившаяся фигура Баграта скрылась за пеленой дождя.— И поселился страх в сердцах мусульман, и стали люди укрывать девушек. А многие бежали с дочерьми за пределы города...»

Где-то наголо обрили юную красавицу...

Другая полоснула кинжалом свой лик и, обезображенная, отбросила в сторону нож, зарыдала...

А еще двух сестер-близнецов усадили в повозку, бросили рядом с ними наспех собранную одежду и со слезами на глазах проводили до Великой караванной дороги...

Прислушивается слепой летописец к людскому горю, то здесь, то там останавливается его посох.

«И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки... И дочь везира Сухайль тогда сказала отцу: «Заклинаю тебя Аллахом, выдай меня за царя — либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их...»

Отголоски далекого грома, последние затухающие зарницы прошедшей над городом грозы...

...Отпив из пиалки чай, Баграта сказал сидевшему напротив него везиру Джабару: —

— Дурная весть приближается к вашему дому, почтенный Джабар.

Рука везира, потянувшаяся к вазе с шербетом, замерла. Поднявшись из-за дастархана, Джабар нервно прошелся по веранде своего дворца. Услышав шаги в покоях у дочери,

он распахнул двери и оказался перед Сухайль, которая, сняв с головы шлем, причесывала волосы.

— Зачем ты поселила его у нас? — шагнул в комнату, он прикрыл за собой дверь: — На нем печать царской немилости, ты понимаешь? А завтра дойдет до халифа, что я его приютил и скрываю! Вот деньги, сними для него жильце...

— Отец... — побледнев, сказала Сухайль. — Не об этом несчастном хочу с тобой говорить... Заклинаю тебя Аллахом! Выдай меня за царя — либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их...

Джабар в ужасе отступил от дочери, а за окнами зазвенели весело бубенцы, и громкие, торжествующие приветствия доносились до дворца везира. Джабар поспешил на веранду и, бросив раздраженный взгляд на укrywшегося за портьерой Баграта, увидел вдруг вытянувшуюся за воротами процессию.

Десять чернокожих рабов надрывались под тяжестью пяти сундуков, за ними шли десять евнухов, и каждый держал перед собой серебряный поднос с драгоценностями... Замыкала процессию стройная рабыня, которая вела за уздечку арабского скакуна.

— Именем халифа и его повелением! Вызовите хозяина дома, досточтимого везира Джабара!

— Я перед тобой, Ашур, — вышел за ворота встревоженный везирь.

— Халиф Аслан решил осчастливить твой дом, — громогласно объявил Ашур. — Наместник Аллаха пожелал стать твоим зятем и просит в жены дочь твою Сухайль...

Неподвластная ему сила качнула везира, он кивнул своей охране — воины распахнули ворота, и процессия двинулась во дворец.

— Поздравляю тебя, Джабар! — спешил с коня Ашур. — Принимай царские дары!

Присоединившаяся к мужу Фатима буркнула, словно чревоуещатель:

— Вон она, пташка, прячется на веранде... Договаривайся с ним поскорее, и надо спешить во дворец... Аслана нельзя оставлять одного.

А Сухайль невозмутимо наблюдала сверху за царскими посланниками. Лишь растерянный вид отца огорчил девушку. Рот у везира перекосило, руки дрожали.

— Я счастлив, — кивнул он покорно Ашuru. — Выбор халифа — для нас великая честь...

Царь между тем пробудился, ни о чем не подозревая...

Рядом с ложем дымились еще не остывшие тазы, в комнате никого не было.

Затравленно озираясь, Аслан заглянул в

залу — мимо пронеслась на качелях чернокожая рабыня. Он с опаской прикрыл дверь, но заметивший его евнух бросился и распахнул перед ним обе створки.

— Что ты задумал, шайтан? — отступив, забормотал халиф.

Посреди залы хороводили вокруг клетки с попугаем опьявшие жиром пьяные евнухи. Поочередно каждый из них прикладывался к кувшину с вином. И никто даже не поглядел в его сторону. Зато все они почтительно замерли при появлении женщины в черном изаре. Фатима торжественно провела через залу осла с подвязанным к хвосту колокольчиком... Аслан нырнул за ближнюю портьеру, но и там поджидала напасть — за портьерой тискал служанку казначей.

Где-то в саду пронзительно закричала птица. Аслан прошептал в полумраке слова молитвы и огладил бороду.

Сдвинув брови, он появился затем на галерее. Яркое солнце ослепило, ударило по глазам. Мимо пробежал павлин с грязным после дождя хвостом. Царь в сердцах огрел его пинком. Сзади послышались шаги, кто-то приглушенно покашливал за колонной.

— Слушаю вас, дядя, — Аслан даже не оглянулся.

— Хранитель святынь пророка! — метнулся к нему Ашур с протянутым свитком. — Величайший указ ждет твоей печати. Указ указов! — он назидательно вздернул вверх палец.

— Погодите с указами, дядя! Что происходит у меня во дворце?! — в упор, не моргая, уставился на него халиф.

— Во дворце веселье, светлейший... Люди живут в предвкушении новой свадьбы.

Халиф ласково провел ладонью по щеке родственника, и тут вдруг борода Ашура оказалась у него в кулаке. Он жестко потрепал ее:

— Дядя... У меня большое желаниекупить сотню чернокожих евнухов, назвать их всех Ашурами и подарить своим рабам...

— Меня еще никто не обижал так, — сжав кулаки, Ашур попытался унять дрожь и через силу улыбнулся.

— А вы ведь рады случившемуся, дядя! — прорвало Аслана. — И страстно желаете, чтобы и везири Джабара постигло несчастье, не так ли?

— Сухайль сама пожелала стать твоей женой.

— Когда-нибудь, дядя, я велю отрезать вам не только язык, но и то, чем вы радуете по ночам свою Фатиму, — с угрюмой ненавистью пригляделся к Ашuru халиф.

— Я, пожалуй, пойду, — и посрамленный Ашур засеменил рядом со своей вздувшейся, словно бочка, тенью.

— Вернитесь, дядя! — властный голос ца-

ря приплюснул бочку.— Ну-ка, что там у вас за величайший указ?

— Правом Верховного кадия я подготовил закон о народном суде...

— Не успел я вас назначить, а вы уже решили государство переустроить? — оборвал его царь.— Докладывайте ваш указ!

— Я предлагаю, — заикаясь, начал Ашур, — я предлагаю доверить народу смертную казнь над злодеями.

— Эх, дядя! — в отчаянии зажмурился Аслан.— И зачем я вручил вам великолепную шапку-данийю? Вы не в силах ведь отличить народ от толпы, а суд от самосуда! — Царь разочарованно махнул рукой и побрел по галерее, бросив на ходу: — Да... К вечеру чтобы нашли девочку-служанку! Хочу ее сам допросить!

— Воля правителя, — похолодел Ашур.

Сцепив пальцы рук, Аслан подошел к покоям казненной жены, робко дотронулся до дверной ручки. Воровато оглядываясь, протиснулся в спальню и вскрикнул, наткнувшись на что-то влажное. Его прошибло ознобом — белоснежная рубаха даш-даш свисала с веревки. Одевание хранило еще ее формы, и Аслан дрожащими пальцами потянулся к рубахе, пронзительно почувствовал вдруг под тканью трепет упругого тела.

В глубине покоев раздался всплеск воды. Он резко обернулся, с опаской направился к бассейну, по поверхности которого таинственно разбегались круги... И ему показалось — в воде промелькнуло ее лицо.

— Армина! — подался он вперед, но никого, кроме себя, не увидел в бассейне. Кругов словно и не было. Застывшая голубая гладь обескураживала до сумасшествия.

Он присел на суфу, в зеркале напротив опять возникла она... И как в то роковое утро, уста ее были стянуты черной тесьмой.

— Тебя ведь нет, я знаю! — закричал он в отчаянии, и она исчезла. Взгляд его остановился на распахнутом сундуке, на ржавых, так и не отмытых пятнах крови. Он бросился к сундуку, вскинул его над головой и обрушил на зеркало. Посыпались стекла, оглушительный звон, кажется, отрезвил его. И за разломами и трещинами повисшего на стене осколка он снова разглядел Армину.

— Почему ты молчишь? — прерывисто дышал он, устало прислонившись к колонне.

Армина беспомощно показала рукой на тесьму. Он шагнул к ней, желая сорвать ненавистную повязку, но вместо любимой увидел в зеркальной паутине китайца, из-за плеча которого выглядывали сгрудившиеся в дверях телохранители.

— О владыка арабов! — поклонился ледярь.— Мы поспешили на шум...

Не оборачиваясь, Аслан подозрительно пригляделся к китайцу:

— Говорят, ты даже дряхлого мерина об-

ращаешь в коня? А царя чем врачевать собираешься?

Китаец загадочно улыбнулся:

— Я излечу твои миражи, светлейший. Но сначала немного развейся — вспомни, как изгонял тоску твой знаменитый предок Гарун ар Рашид. И да хранит Аллах твои тайны! — китаец попятился и вместе с остальными скрылся за дверью.

Оставшись один, Аслан догадливо усмехнулся. Он взял со столика нож и, не раздумывая, подрезал вдруг волосы на голове. Затем решительно укоротил бороду.

— Я приду к тебе на могилу, — заглянул он в корявый осколок, но образа ее уже не нашел, и его охватила тревога.

Он прикоснулся к остаткам зеркала и поранил руку. Не замечая пореза, остановился перед окном.

Внизу буйствовал весенней листвой сад, но и праздник красок не мог растопить печали в его душе... Он распахнул окно.

В застывшей тишине прогремела въехавшая во дворец арба, груженная хламом и медными тазами. На тазах вдруг дьявольским желтым огнем запылало солнце, и во взгляде халифа вспыхнула искра безумия.

Одноглазый арбакеш остановил мулов рядом с кухней, побросал на землю тазы и ловко подхватил корзину с овощными отходами, которую вынесла ему из дверей кухни де-белая служанка.

— Молодец, что тазы привез, — кухарка обласкала взглядом одноглазого.— А у меня шурпа подогрелась, — весело добавила она.— Может, зайдешь?

— Ай, Махгуба, спасибо! — кряхтел арбакеш, водружая на кучу пестрого хлама увесистую корзину.

— Где ты подобрал столько тряпья, Карим? — съязвила кухарка.

Утерев взмокший лоб, одноглазый захлебнулся от смеха:

— Не спрашивай лучше, Махгуба... Чего доброго, живот надорву.

— Я тоже хочу посмеяться! — игриво уперлась кулаками в крутые бедра кухарка.

— Только что в город въехали на конях какие-то маджусы-огнепоклонники, — давась от смеха, рассказывал Карим.— Ну и нарвались прямо на царскую стражу — ах вы, проклятые иноверцы, указа халифа не читаете? Ну-ка, слазьте с коней! Отдубасили нечистых, раздели их донага и плетью — вон из города! Ну а я смотрю — одежда кругом разбросана... Не пропадать ведь добру... — Приобняв кухарку и тиская ее ненасытно, одноглазый скрылся с ней в дверях кухни.

А на губах у халифа затаилась лукавая улыбка...

Поскрипывая, арба скоро покинула пределы дворца.

Могучий негр-воин, отворяя ворота, приветливо кивнул арбакешу.

— Ай да Бешеный Петух! — не удержался от восторженного возгласа одноглазый. — Меткое прозвище заслужил ты среди воинов! Ну и расколол ты под орех чертовых маджусов! Спасибо — и мне кое-что перепало! Гляди, сколько добра!

— Так будет с каждым, кто не чтит указов халифа, — мрачно пробубнил ему вслед негр. — На конях вздумали ездить, нечистые!

...И вот арба остановилась на пустыре. Расстегивая на бегу халат, арбакеш поспешил в кусты.

А в арбе вдруг что-то шевельнулось, из вороха хлама показалась сначала рука, затем появились окрашенные хной, нелепо остриженные волосы. Чихнув, Аслан выглянул из своего тайника... Заметив чалму кряхтевшего в кустах арбакеша, халиф торопливо выкарабкался из тряпок и соскользнул с арбы.

В рваном, измыганном халате, подпоясанный странным поясом о трех концах, Аслан нахлобучил на голову подвернувшуюся под руку огромных размеров чалму и поспешил к дороге...

Солнце потускнело, облако желтой пыли заштриховало горизонт. Над кладбищем кружила черная птица, и огромная арка при входе показалась Аслану зловещей дверью в небо. Он вздрогнул при виде человеческого черепа, валявшегося в песке. В глазнице черепа мелькнула ящерица.

— Есть здесь кто в обители мертвых? — с опаской шагнул он под арку.

В ответ заскулил лишь ветер, шлифуя могоильные камни. Змейка пыли жестко лизнула его по лицу. Сделав еще с десяток шагов, он заметил в конце мазара, у родника, небольшой костер с подвешенным над ним закопченным кумганом. Над костром склонился человек.

Аслан приблизился к сидевшему на коленях незнакомцу, но тот был всецело поглощен молитвой.

— Ответь мне, человек, — откашлялся Аслан. — Где здесь могила казненной жены халифа?

Встав на ноги, человек обернулся к нему... Халиф отступил: — Баграт!

Ветер усилился, словно стая шакалов завывала среди надгробий... Из костра посыпались искры.

— Что случилось с твоими глазами? — приблизился к Баграту Аслан и повел ладонью перед лицом несчастного: — Почему ты отворачиваешься?

— Слепой взгляд не встречается со зрячим, — спокойно ответил Баграт.

— Кто сотворил над тобой такое зло? — потупил свой взор халиф.

— Твоим именем лишили меня солнца. Халиф оторопел, надулся оскорбленно.

А вокруг стонали стволы, гнуло ветром дерева и трава прижималась к земле.

— Убей, но дочь моя невиновна! Чем мне ответить на жестокость, как доказать тебе? — Баграт протянул к костру руку, ладонь его обагрилась пламенем. Отшельник не дрогнул. — Близкие тебе люди возвели на нас клевету — и девочку с яблоком подослали, и негра во дворец заманили...

Аслан зажмурился, резко отодвинул его ладонь от огня. Старец стиснул под мышкой обожженные пальцы.

— Лукавишь, Баграт! — глаза у халифа сузились недоверчиво. — Иначе не казнил бы ее собственноручно!

Баграт перекрестился, дав тем самым понять, что ответ он держит лишь перед Богом. Усилился ветер, и песчаные шлейфы призраками носились по кладбищу. И день обернулся сумерками. Мазар, будто под луной, стал серебряным.

— Где могила ее? — сбивчиво прошептал Аслан и захлебнулся кашлем — искры от костра заставили его прикрыть ладонью глаза. А когда он протер воспаленные веки, то уже не увидел слепца, тот бесследно исчез.

— Отвори же мне двери тайны, Баграт!!! Мощный вал урагана переломил рядом дерево, слетевшая с головы чалма заколесила по кладбищу. Он бросился догонять ее, споткнулся и упал на надгробье. И тут что-то больно хлестнуло его по лицу, над ним промелькнул саван.

— Сгинь, нечистая! — голос у царя сорвался, лицо побелело.

И дрогнула земля, безмолвные надгробья высветились молнией. Где-то за кладбищем жалобно промычал буйвол.

— Армина! — душили Аслана слезы. Он ползал между надгробий, всматриваясь в письмена под крестами: — Вот ведь уголок иноверцев... Не здесь ли ты нашла свой последний приют?

А гроза не стихала, изломанные пики молний вонзались в землю, высвечивая утробы свежеврытых могил. Вокруг заскользили странные, будто сотканые из тумана фигуры... Превозмогая страх, Аслан двинулся им навстречу.

— Лишь одна луна отделит от свадьбы поминки, — услышал он под завывание ветра девичий шепот. — И все мы тут обреченные...

Каждая из красавиц была достойна пера Хафиза. Царь через силу улыбнулся:

— Наваждение... Наваждение... Вас ведь нет! Проклятые пары действуют на меня до сих пор!

Но тут от хоровода отделилась долговязая и устрашающе нависла над ним. Пустые глазницы ее вспыхнули угольками.

— Разлучительница... Смерть! — кольнуло

под сердцем у Аслана, и крик его оборвался на обескровленных губах.— Эй, Баграт! Где ты? — скользая по мокрой земле, он побежал к погасшему костру, над которым, громохвая, сиротливо раскачивался медный кумган.

Он спотыкался и падал, а тропинка перед ним терялась, но он находил ее снова... И пот и дождь заливали ему лицо, шею, грудь. И вдруг перед ним возник тополь, а за тополем стояла Армина.

— Ты ищешь мою могилу, Аслан?

— Армина? — остолбенел халиф.

Они молчали, боясь взглянуть друг на друга. И хоть уста ее были стянуты черной повязкой, но ветер отчетливо донес знакомый до боли шепот:

— Я по-прежнему люблю тебя... Люблю, — и она вдруг засмеялась.

Словно в беспамятстве, он пошел к ней навстречу, но она ускользнула от протянутых рук и скрылась за тополем.

— Люблю... Люблю... — шептался с листвою ветер.

— Прости, Армина, — упав на колени, презрев стыд и грязь Аслан обогнул дерево, но руки его наткнулись на шершавый ствол. И снова над ним навис нарастающий звон колокольчиков. Он затравленно улыбнулся, поднял вверх влажные глаза, но вместо долговязой фигуры по воздуху яростно носилась его чалма. И буйство стихии передалось вдруг ему.— О если догадка моя верна, Ашур! — А над мазаром рвались ветры и на разные лады свистели в дырявых, разбитых веками надгробьях.— Берегись же! Ты испытаешь такую кару, что мир содрогнется!

И он бежал напролом, перепрыгивая через могилы, и мокрые ветви хлестали его по лицу... Увидев валяющуюся под аркой чалму, поднял ее и, озираясь, стал вдруг свидетелем еще одного чудесного превращения — туман отступил, ослабли ветры и мирно шуршал в листве дождь. И затаившись, безмолвно лежал в низине мазар... Аслан торопливо покинул кладбище.

Сгушались сумерки, на дворцовой стене вспыхнули факелы, начиналась перекличка стражи.

В зыбком свете огней халиф приблизился к мерцавшему на воротах медному шипу, похожему на щит воина, поднял камень и властно постучал им по воротам.

Звякнул засов, из отворившегося окошка со светильником в руках выглянул чернокожий воин:

— Не заблудился ли, бродяга?

— Отворяй, я устал, — сорвавшимся голосом произнес Аслан.— Свети поярче — раз-

глядишь, быть может, халифа, — усмехнулся он.

— Сумасшедший, — и, плюнув ему в лицо, воин захлопнул окошко. За воротами ругались.

Бешенство охватило Аслана. Утерев рукавом щеку, он заколотил камнем по щиту: — Открывай, мерзавец! Не сносить тебе головы до рассвета!

Лениво почесывая шею, из окошка выглянул начальник стражи:

— Ну-ка, разберись с ним, Бешеный Петух. Сдается мне, что он иноверец... Чалма маджуса... и пояс огнепоклонника, — пригляделся он к Аслану.— Хрипит с перепоя, пьяница!

— Да вам по шагам положено отличать халифа, бездельники! — вскипел Аслан.— Эй, дядя! Ашур! Выходите! Все равно я доберусь до истины, даже если мне придется допросить шайтана!

Тут тяжелые ворота медленно отворились. И только халиф ступил во дворец, как сильные руки схватили его за халат и отшвырнули назад.

Стукнувшись головой о створ ворот, халиф застонал — фигуры воинов размыло, расплавились перед взором медные шипы. Когда же очертания стали четкими и вернулись, над ним возник могучего сложения нубиец с большим золотым кольцом в ноздрях и с факелом в руке.

— Поднимайся, презренный парс... иноверец паршивый! — услышал Аслан его грозный бас.— Бешеный Петух перед тобой!

— Остерегись, черномазый... предупреждаю тебя, — опираясь спиной о створ ворот и покачиваясь, халиф встал на ноги.

— Погоди же, ты у меня попляшешь сейчас на огне, идолопоклонник! — скривил брезгливую гримасу воин и нахлобучил на глаза халифа его чалму.

Воины на башне рахохотались.

— Несите хворост и солому! — подсказал им Бешеный Петух.— И огонек не забудьте!

Стянув с головы чалму, халиф взревел и набросился на обидчика — сокрушительный удар выбил из ноздрей нубийца кольцо. Звякнув, оно упало под ноги...

Утерев ладонью окровавленное лицо, Бешеный Петух угрожающе качнул кудрявой головой, словно пытаясь стряхнуть с себя потрясение. Подняв с земли чалму, он вдруг резко швырнул ее в лицо халифу и в тот же миг ринулся в атаку...

Могучий кулак его рассек над головой Аслана воздух — халиф чудом вывернулся. Не отрывая от нубийца глаз, зловеще произнес:

— Нет, кажется, ты не дождешься рассвета, черномазый. Сейчас же прикажу вздернуть тебя на радость окрестным воронам...

Но тут со стены кто-то метко швыр-

нул в него сапог, и на лбу у халифа обозначилась кровавая ссадина.

— Изменники... — озирался он, но внезапный удар в лицо, а второй — в живот оборвали его речь: халиф повис на руках у нубийца.

— Брось его к своим ногам, Бешеный Петух! Унизь его! Сбей спесь с проклятого иноверца! — подбадривали отовсюду мюриды, а некоторые охажками уже тащили солому, сбрасывая ее вокруг халифа.

— Где мой факел? — выпалил нубиец и подбегал к воротам.

Чувствуя, как слабеют руки, халиф отполз в сторону. Кто-то снова нахлобучил ему на голову чалму и отвесил затрещину.

— Эй... да это же я... я... халиф... — в голове его проскользнула растерянность. Он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась — лицо исказилось от боли. Кровь заполнила разбитый рот, он сплонул. Силясь что-то сказать еще, он набрал полную грудь воздуха, но беспомощно выдохнул его...

А за воротами уже полыхнул в руке у Бешеного Петуха факел. Склонив свою большую, как у быка, голову, нубиец двинулся в темноту.

Аслан собрал весь остаток сил и попятился в кусты. Вскочив на ноги, побежал... И снова больно хлестали по лицу ветви деревьев, а где-то за спиной свистели, улюлюкали и метались воины с факелами.

Почувствовав наконец себя в безопасности, он присел на корточки, перевел дыхание, огляделся... Вокруг перешептывались деревья, и за густым сумраком он едва различил высокую стену... Бездонная глубина окружающей его ночи и завывание псов за оврагом надорвали сердце безнадежной тоской. Аслан попробовал подняться на ноги, но вся эта жуткая мгла качнулась и рухнула с ним в бездну...

Очнувшись халиф от чьих-то мягких шагов, приоткрыл глаза и не сразу догадался, где находится. Серебряным кружком из-за деревьев поднималось неяркое солнце. Аслан огляделся и увидел себя под увешанной пестрыми лоскутками чинарой. Из-за ствола показалось знакомое детское личико.

Девочка держала в руке кувшин. Присев, сочувственно оглядела разбитое, с посиневшими веками, с запекшейся на губах кровью лицо незнакомца. Она смочила водой листья чинары, приложила их к вискам и переносице Аслана.

Становилось душно, кашель терзал халифу горло, и захотелось пить. Девочка предупредительно протянула ему кувшин... Царь жадно прильнул к горлышку, вода струилась под подбородку, по груди.

— Тебя ждет награда, дитя мое, — устало произнес халиф, — ради Аллаха, любой ценой приведи сюда везиру... помоги халифу...

Приглядевшись к невообразимой физиономии с ссадинами, с распухшим носом, девочка отступила в испуге.

Перед взором ее возникла на миг башня и летящее тело в саване...

Узнав правителя, она выронила из рук кувшин и бросилась бежать.

— Куда ты? — и слабая струнка надежды оборвалась в душе у царя.

Девочка наскочила на ствол дерева, поранила ногу и не оглядываясь поползла через сухие колючки.

Прихрамывая, халиф подошел к журчавшей неподалеку речке, умылся и обнаружил вдруг, что речка исчезает под могучей стеной во дворе.

Он присвистнул, сбросил с себя халат и чалму и, оставшись в шальварах, осторожно ступил босыми ногами в студеную воду. Перед стеной он вдохнул полной грудью воздух и скрылся в воде.

Выпуская изо рта пузыри, проворно заскользил по золотистому дну в поисках прохода... Скоро руки его почувствовали в каменной кладке брешь, он оттолкнулся ногами о дно и оказался под стеной. Вода вокруг сразу же потемнела, стала зеленоватомутной. Тут он больно ударился головой о металлическую решетку и в отчаянии заметался вдоль нежданной преграды. Стальные прутья оказались намертво закреплены в кладке. Пытаясь повернуть вспять, Аслан вдруг зацепился за крюк, и шальвары его треснули пополам. Он беспомощно стал биться ногами о стальную преграду и оказался в ловушке... Уже захлебываясь и теряя сознание, догадался, что лучше все же расстаться с шальварами. Развязав на животе узелок веревки, выскользнул наконец из плена... Воздух перед глазами плыл и покачивался. Обессиленный, он повалился на берег в набдеренной повязке...

Все в той же огромной, нелепой чалме, в дырявом халате и в стоптанных ичигах, но уже без шальвар, он карабкался по стволу Умм Гайляма. Глаза травил соленый пот, он шурился и, неуклюже балансируя, ступил наконец на корявую ветвь, с которой приготовился прыгнуть на дворцовую стену...

Внизу, за стеной, обозначился вдруг женский силуэт за листьями сада — на голове у служанки вспыхивал под солнцем медный поднос с плодами...

Халиф затаился, решив переждать, пока служанка минует эту часть сада, но внизу у речки неожиданно зазвучал здоровый молодецкий смех. Служанка опустила на землю поднос и поспешила к воинам, купавшим в речке царского скакуна. С двух сторон ее бесцеремонно ущипнули, и она со смехом отвесила одному из мюридов легкую пощечину.

А халиф увидел вдруг Бешеного Петуха — нубиец подвел к воде вороного коня, но заметив рванувшуюся из реки и стыдливо прикрывающуюся платьем черную рабыню, весело бросился за ней вдогонку. Чуть поодаль под тенистой чинарой начальник стражи склонился в поцелуе над млеющей кухаркой.

Игривый серебристый смех, доносящийся из разных уголков сада, вернул Аслана к реальности. Озадаченный, почесал он затылок, и взгляд его заскользил дальше вдоль русла реки, петлявшей по этому тихому уголку дворцового сада. Молодые прачки, лениво полоскавшие царское белье, приковали к себе его внимание.

Становилось жарко и душно. Одна из прачек скинула с себя одежды и окунулась в kloкочущую воду. Потянувшись в истоме, она подставила под чистые, хрустальные струи белое тело, подошла к оставленному Бешеным Петухом черному, как смоль, жеребцу и весело шлепнула его по могучему крупу — конь встрепенулся, обдав ее веером брызг.

Не выдержала жары и подруга — тоже бросилась в легкие струи, но тут же посторонилась, заметив вдруг у коня пригнувшиеся неспокойные уши. Она с опаской оглянулась...

И Аслан поймал на себе ее пристальный изучающий взгляд. Приветливо кивнув прачке, заметил небрежно: — Позови везиря, лунолика!

На его голос оглянулась и дебелая толстуха — стыдливо прикрыв мокрым бельем обнаженные плечи, завопила: — Как ты посмел оседлать святое дерево Умм Гайлям, маджус бесстыжий? Глядите, на нем пояс с тремя концами! Бейте иноверца!

— Он подглядывал за нами! — завизжали из разных уголков сада служанки.

Бешеный Петух выпустил из могучих объятий негритянку. Оглянувшись, с удивлением обнаружил на дереве знакомого оборванца.

— О презренный огнепоклонник! — не было предела его гневу. — Вдобавок ко всему ты успел надругаться и над святым Умм Гайлямом!

Один из мюридов вложил в тетиву лука стрелу, и в тот же миг стрела вонзилась в ствол над нелепой чалмой Аслана.

— Не стрелять! — закричал начальник стражи. — Ты же дерево ранил, болван!

Град камней полетел в сторону бродяги. Особенно усердствовали женщины: — Пора! Пора уже изгнать иноверцев из священной столицы.

Брошенная кухаркой коряга больно полоснула халифа по лицу.

— Шлюхи! — застонал он от обиды. Пытаясь отыскать ногой опору, халиф оступился и повис, зацепившись в последний

момент за ветвь. — О бессердечные...

— Шлюхами были и мать твою, и обе бабки, и все четыре прабабки твои, огнепоклонник! — и камнепад усилился.

— Сейчас! Сейчас мы его добьем! — целясь в халифа увесистым арбузом, захохотал Бешеный Петух. Метнув арбуз, он подпрыгнул от восторга — треснув на голове у халифа, арбуз раскололся, и розовая жижа с семечками потекла по волосам и по лицу правителя.

Не удержавшись, халиф полетел вниз, сокрушая ветки, которые, к счастью, и смягчили его приземление.

На башне при полном оружии появился воин.

Кряхтя и постанывая, халиф отполз в сторону, поднял на воина негодующий взгляд:

— Позови везиря... — теряя силы, выдохнул он.

Дергаясь от смеха, воин водил рукой, подсказывая прачкам его местонахождение. Камни пылью взрывали вокруг халифа землю, глаза у царя слезились, а гвалт за стеной по-прежнему стоял невообразимый.

— Эй, Бешеный! Выпускай гончих псов! Пусть разорвут оборванца! — услышал халиф чей-то зычный голос.

Обдирая живот, ладони, колени, халиф ползком прокрался до густого кустарника. Растер по щекам слезы — они смешались с потом, лицо стало до противного липким. Откуда-то издали доносился уже далекий лай собак. Пригнувшись, халиф побежал напролом через кустарник и скрылся в овраге...

Так минул и этот день, и могучими челюстями сомкнулись городские ворота, лягнули замки и засовы, и глашатаи объявили о восходе луны. Их факелы осветили Аслана, и он отпрянул в сторону.

Смеркалось, когда, измотанный и голодный, оказался он в квартале среди таких же оборванцев, как сам. Глиняные полуразрушенные заборы, кое-как укрытые камышовыми настилами, расплзлись хаотично во все стороны, образуя лабиринт. Мрачный, с удушающим запахом лабиринт сулил все же приют и тепло. И халиф осторожно ступил в полумрак его утробы. Наткнувшись на чьи-то ноги, он зажал двумя пальцами ноздри и двинулся мимо спящих вповалку людей... Бродяги, нищие, прокаженные — весь этот в пропыленном тряпье люд не оставлял сомнения в том, что попал он в какое-то глухое и гиблое место. Перешагнув через чье-то тело, он остановился в растерянности, не зная, куда ступить дальше, — под ногами у него храпела женщина. Глаза у женщины вдруг приоткрылись,

и на щербатой, давно немойтой физиономии обозначилась добродушная улыбка:

— Ложись рядом, брат. Согреемся...

Брезгливо скривив рот, халиф шарахнулся от нее, но кто-то одернул его за полу халата... Моляще протянутые к нему руки напомнили вдруг охоту и спасенного им когда-то от гнева Ашура глухонемого. На шею у нищего вздулись жилы, он охал, мычал что-то бессвязное. При мысли, что глухонемой мог признать его, сделалось жутко, и он протиснулся дальше, в глубь ночлежки. Тут он радостно вскрикнул. Пустующая у стены мешковина не уступала сейчас царскому ложу! И он с наслаждением вытянул на ней ноги. Едва прикрыл глаза, как чей-то дрожащий шепот заставил его вздрогнуть:

— А может, вы снитесь мне, о царь времени?

Аслан обернулся — сбежавшая от него утром девочка, не шелохнувшись, сидела напротив. Он ласково потрепал ее по головке.

— Сколько несправедливости в этом мире, — вдруг прослезилась малышка. — Ханум Фатима сказала — отнеси яблоко и держи язык за зубами, иначе навлечешь беду на свою госпожу! И я молчала, а госпожа все равно погибла...

— Что? Что ты сказала?! — халифа подбросило от неожиданности. — Так это жена Ашура послала тебя с яблоком? Не таись, девочка! — он ухватил ее обеими руками за плечи. — Расскажи все по порядку... Будет тебе и царская, и небесная награда!

— О светлейший! Это я — Джабар, отвори-те! — припав ухом к двери, произнес везирь.

Стоявший рядом телохранитель шепнул:

— Он там, господин, там... Со вчерашнего дня так и не вышел.

Везирь обрушил на дверь кулак.

— Стучали уже, господин. Не отзывается, — и воин с печалью добавил: — Да поправит Аллах дела наши!

Везирь кивнул ему, телохранитель подпер могучим плечом дверь, и она застонала. Он навалился сильнее — дверь с треском распахнулась.

Джабар снял с мраморной подставки светильник, жестом приказал телохранителю оставаться на месте, а сам шагнул в покои...

Что-то звякнуло у него под ногами. Джабар поднял с пола серебряный пояс и осветил спальню... Возглас удивления замер на его устах при виде разбросанного по ковру царского одеяния.

— О небо! — качнулось в разбитом зеркале испуганное лицо Джабара, и страх его усилился, когда он заметил на столике ключья волос, нож и пятна крови. Перед распахнутым окном таинственно мерцал на подоконнике царский перстень.

За дверьми послышалась вдруг возня, чей-то слабый возглас и громкая ругань Ашура. Везирь отпрянул от окна.

В покои стремительно ворвался в окружении мюридов Ашур. Он подозрительно оглядел везира.

— Халиф похищен, — обронил везирь, наблюдая за грозно приближающимся Ашуром. Рука невольной опустилась на рукоятку кинжала, и Джабар отступил. Но Ашур оказался проворнее и ловко выдернул из-за пояса Джабара оружие.

— Похищен? — с расстановкой переспросил он. — Ты, кажется, смеешься надо мной? — Ашур ткнул пальцем в грудь везира: — Это твоих рук дело!

— Зря стараешься, — хладнокровно сказал везирь. — Но как бы то ни было, учти, о его исчезновении пока не должна знать ни одна душа. Трон не может оставаться без правителя.

— Ах ты еще учишь меня, лицемер! — лицо у Ашура исказилось от негодования. — Не ты ли его устранил, чтобы отвести угрозу от дочери?

— Дочь моя ни при чем, Ашур. Халиф отменил свадьбу, — с независимым видом Джабар скрестил на груди руки. — А вот твоя Фатима посеяла в его душе смуту. Это она отправила с девочкой ложное послание...

От неожиданности Ашур оторопел, попятился, и взору Джабара открылась смежная комната, где с кинжалом в спине лежал его телохранитель.

— Ты пожалеешь, Ашур! — дрогнувшим голосом процедил везирь и рванулся к столику, на котором мерцало лезвие, но чьи-то сильные руки обхватили его из-за спины.

— В зиндон изменника! В темницу! — приказал Ашур.

И пока сопротивлявшегося Джабара выволакивали из покоев, Ашур задержался у распахнутого окна...

Ярко светили звезды, охрана с факелами совершала обход дворца... И ночное небо вдруг полоснула звезда и, падая, разбилась о подоконник — сияние только что замеченного им царского перстня заворожило Ашура, и алмазный осколок упавшей звезды погас в его алчно зажатой ладони...

Ашур склонился над крепко спавшей Фатимой:

— Беда подстерегла нас, Фатима... Просыпайся, — сдавленно произнес он. Фатима открыла глаза. — Девочка проболталась везирию, — Ашур утер платком взмокший лоб. — Я немедленно казню его! Вместе с дочерью! — решительно добавил он.

— Ты в своем уме? — достав из-под по-

душки табакерку, Фатима присела на ложе. — Аслан еще царь, не забывай!

— В том-то и дело, что он исчез, — понизил голос Ашур и нервно прошелся по комнате. — Говорят, прошлой ночью какой-то оборванец рвался во дворец и называл себя халифом. И утром повторилось то же...

— Прodelки в его духе, — невозмутимо склонилась над табакеркой супруга.

— Нас не пощадят, Фатима! — в ужасе воскликнул Ашур. — Я слышал, как китайцы предлагали ему новую казнь! А ты знаешь, что это такое? Набитую жуками шапку они обвяжут вокруг головы, Фатима! А жуки перегрызут череп, представляешь?! Вопьются в мозг!

— Он среди бродяг — я уверена, — Фатима собралась уже чихнуть, но раздумала и продолжала спокойно. — Неужто ты забыл, чему я тебя учила? Пока правителя нет во дворце, лиши его трона, пусть увезут и закопают в пустыне. И нет больше правителя! А теперь вспомни его недавний указ о бродягах! Десятка два доверенных людей, и они прихлопнут его в какой-нибудь ночлежке, как муху! — Тут острый табачный запах зашекотал наконец ей ноздри — замурившись, Фатима грозно чихнула.

Густой храп стоял над ночлежкой. Не спали лишь девочка и халиф, растревоженные далекими криками глашатаев: — В городе объявился самозванец! Он выдает себя за халифа! Тысяча динаров тому, кто обнаружит самозванца!

— Я знаю, что надо делать, повелитель! — вырвалось у девочки. — Наступил день Джумы, — шепнула она ему на ухо. — А в этот день госпожа Сухайль приходит на рассвете к святому дереву.

— Сам Аллах послал мне тебя! — халиф поднялся с мешковины и отряхнулся. — Веди меня к дочери везира.

— Вам нельзя, повелитель, — забеспокоилась девочка. — Вас могут узнать. Лучше я сама приведу сюда везира с отрядом.

— Аллах тебе в помощь! — напутствовал Аслан скрывающуюся в лабиринте девочку и, тяжко вздохнув, опустил на мешковину, устало прикрыл глаза...

А к ночлежке съезжались странные повозки с установленными на них железными клетками. Десятка два людей с черными повязками на лицах бесшумно оцепили пристанище бродяг. Первым ступил в лабиринт доверенный евнух Ашура.

— Эй вы, дармоеды! — осветил он факелом спящих. — Скоты беспробудные! — И плоть загуляла по головам несчастных.

— Именем и повелением халифа Аслана! — услышав свое имя, Аслан открыл глаза и поднялся на ноги.

— Будь он проклят — халиф Аслан! — проворчал рядом с ним какой-то прокаженный.

А плач и стоны все нарастали, растормошив уже весь бродяжий улей.

В тесных проходах сталкивались и метались перепуганные обитатели лабиринта. Многие не понимали спросонья — явь это или жуткий сон?

— В халифате не хватает рабочего люда! — кричал евнух. — А вы тут вшей плодите! В каменоломни всех!

В глазах у Аслана вспыхнуло негодование. Приподняв над головой камышовый настил, он заглянул через дувал в соседний отсек и увидел ашуровского евнуха, наставляющего человека в черном капюшоне:

— Запомни, на нем одежда маджуса и нос у него с горбинкой, а глаза голубые...

Халиф поспешно разорвал над головой хилый камышовый настил и выкарабкался на крышу.

— И чтобы мышь не ускользнула отсюда! — донесся до слуха царя голос евнуха.

А бродяг уже сгоняли к повозкам, нещадно били и заталкивали в клетки.

Халиф осмотрелся и понял — ступить с крыши некуда, повсюду расставлены вооруженные люди с факелами.

Снизу, из-за какой-то прорехи, донеслось знакомое жалобное мычание. Сквозь дыру халиф увидел, как били палкой по голым пяткам глухонемого.

— Он глухонемой и не нужен нам — в сторону его! — распорядился ашуровский евнух. — А этого старикашку проверьте на всякий случай, — кивнул он на рухнувшего перед ним на колени старца и затерялся в лабиринте.

Человек в черной повязке вцепился грязными пальцами в лицо старика, проверяя глаза и зубы.

— Да я не годен для каменоломни! — взмолился старик.

— Ты для кладбища годен, попрошайка! Ну-ка, отвечай, кто здесь появлялся из новеньких?

— Откуда мне знать?

— Ах ты у нас спрашиваешь? — и старика повалили наземь. — Что ж... мы ответим тебе! — Его мучители стали проделывать над ним дьявольские упражнения — они ходили по нему ногами, на крепость проверяли ударами кулаков его плоть, пока старик наконец не разрыдался: — С вечера у нас появился молодой мужчина... Он встретил здесь девочку... И она почему-то называла его «повелитель»...

Халиф отполз от дыры и затаился на самом краю настила. Сверху хорошо было видно, как мучители старика окружили ашуровского евнуха и наперебой сообщили ему свежую новость. Аслан понял — медлить

нельзя. Улучив момент, он выбил ногой из рук стоявшего внизу соглядатая факел и прыгнул ему на голову. Тот рухнул всем телом в лужу и, пуская пузыри, остался лежать там неподвижно.

Погасший в луже факел дал возможность Аслану проскользнуть в темноте под ближайшую арбу. Уцепившись обеими руками за ось, он подтянулся и влез под днище арбы, где был сложен запас овса для мулов. Здесь, среди пыльных мешочков, он и затаился.

А пришедший в себя соглядатой набросился на незадачливого бродягу в такой же огромной чалме, как у Аслана. Обжигая спину несчастного камчой, соглядатой затолкал его в клетку над затаившимся под днищем халифом.

— Ты мне ответишь за это! — сопел «пострадавший». — Первый, кого придавит в каменоломне плитой, будешь ты! — пообещал он.

А между тем люди Ашура опоясали цепями глиняные заборы. Закрепив концы цепей на повозках, арбакеши стали нещадно хлестать мулов. Животные напряглись — хилые дувалы, подобно скорлупе, хрустнули и развалились. А когда пыль рассеялась, зычные крики огласили округу, и караван двинулся вдоль крепостной стены.

Перед взором Аслана поплыла освещенная бликами огня мокрая земля. Рядом заскрежетало огромное колесо, а в лужах отражаясь мелькали усталые, озлобленные физиономии восседавших на клетках соглядатаев. Разомкнулись, пропуская повозки, городские ворота. А за городом стояла жуткая ночная мгла...

И степь ожила, наполнилась скрипом колес, перезвоном колокольчиков, проклятьями и стонами людей.

Аслан ухватился обеими руками за поперечное крепление, ноги его соскользнули вниз, их поволокло по земле. Какое-то время он удерживался под арбой благодаря усилию одних лишь рук, а затем резко отпустил поперечницу и свалился на дорогу. Арба прогрохотала над ним, и Аслан ловко перекрутился несколько раз всем телом, уходя с колеи от надвигающейся следом повозки... Кувыркаясь, цепляясь отчаянно за траву, он скатился затем под откос. Здесь уже было спокойно, и снизу он различил силуэты удаляющихся повозок. Замыкая караван, проскакал всадник с факелом, и все вокруг погрузилось во тьму. Постанывая от ушибов, Аслан огладил ладонями осунувшееся лицо, не забыв при этом поблагодарить Бога.

...А когда тьмоту размыло рассветом, рядом с дворцом обозначился силуэт дерева Умм Гайлям, у которого опустилась на колени Сухайль.

Волны прохладного ветра перебирали на девичьих плечах длинные золотистые волосы. Сухайль приготовилась уже к молитве, как детский голос шепотом окликнул ее из-за куста:

— Госпожа...

Обернувшись, Сухайль узнала девочку.

— Это ты, Эй? — обрадовалась она.

— Нельзя терять время, госпожа, — тихо сказала девочка. — Я должна сообщить вам очень важную весть...

Наспех подвязав к ветке тесьму, Сухайль поклонилась небесам, взяла девочку за руку и скрылась с ней за деревьями.

Украдкой они пробрались вдоль дворцовой стены, но предрассветную тишину распорол вдруг железный лягз и ржанье коней. Заговорщицы притаились за выступом стены — из распахнувшихся ворот выехала повозка с железной клеткой, которую резко тянул за собой молодой верблюд. Походную тюрьму сопровождали всадники на конях. В облаке пыли процессия пронеслась мимо выступа, и Сухайль заметила вдруг за решеткой связанного отца. Глаза у девушки сузились в гнев...

И полная решимости, она вновь на белом скакуне и в доспехах. Тишину еще не проснувшегося города терзает цокот копыт... Обхватив обеими руками ее стан, за спиной у Сухайль покачивалась в седле девочка.

В квартале бродяг Сухайль осадила коня. — Здесь? — обернулась она к девочке.

Приоткрыв изар, та в недоумении оглядела разбросанные повсюду камышовые настилы и дымящиеся развалины глиняных дувалов.

— Послушай, добрый человек! — Сухайль заметила склонившегося над мусорной кучей старика. — Куда подевались несчастные?

Старик поднял на нее выцветшие глаза: — Двадцать лет я здесь прожил, о доблестный юноша! Двадцать лет... А теперь вот новый указ халифа и беда нам, нищим.

Сухайль сочувственно покачала головой и, бросив горемыке динар, повторила вопрос: — Куда увезли их?

— В каменоломню, — трясущимися руками старик подобрал монету.

И Сухайль прищипорила коня...

Тревожный рассвет где-то уже позади, на исходе, и утренние тени от скал и деревьев вытянулись по земле. Солнце оторвалось от горизонта, и полыхнула в предгорье река, словно вместо воды потекла по ней медь.

Караван из повозок вошел в скалистую местность и у каменоломен остановился. Невольники прервали работу, с интересом обернулись к вновь прибывшим. Вздывая пыль, к каравану приближались всадники.

Ашур, сопровождаемый телохранителем и китайцем, прыгнул у крайней повозки с коня и тотчас же приступил к осмотру клеток. Настречу уже бежал его доверенный евнух, но, поглощенный поиском, Ашур не ответил ему на приветствие. С каждым шагом разочарование на его лице увеличивалось.

— Отпустите нас, господин... Мы не будем больше гневить вас своей нищетой и покинем город! — И все они, беззубые, изможденные, немые, поживались под пристальным взглядом Ашура.

У последней клетки Ашура охватила тревога. Он резко обернулся к перепуганному евнуху, рванул толстяка за ворот халата и пнул его неожиданно животом в живот: — Ты упустил его, презренный скопец!

— О господин мой! — захныкал евнух. — Или я не предан тебе? Или не старался быть твоими когтями и клыками?

Прислушиваясь к их разговору, в клетках притихли в предчувствии новой беды...

Затаились в скалах и Сухайль с девочкой, наблюдая за Ашуром...

Швырнув на землю евуха, Ашур отвел в сторону китайца и сам вдруг сделался жалким и беспомощным:

— Тебе я вверяю свою судьбу, Ли! Ты ученик великого мага Айр Закара! Надо мной тучи, Ли... Заклинаю, придумай что-нибудь! Найди его! Вам подвластна тайна исчезнувших.

Китаец многозначительно улыбнулся, преданно склонил перед Ашуром голову.

Им подвели лошадей, и Ашур с подчеркнутой предупредительностью придержал стремя под ногой у Ли.

Еще клубилась пыль под копытами их коней, а Сухайль и девочка уже догадались, что облава в ночлежке не удалась.

— Он его не нашел, — вскочила на коня Сухайль. — Нельзя терять время...

— Дорога любого путника, госпожа, ведет к караван-сарая, — подсказала девочка.

И белый конь помчал всадниц вниз со скал к беспредельной равнине.

Где-то на лужайке под деревом похрапывали разморенные вином охотники — те самые охотники, которых выгнали когда-то из леса царские егеря.

Привязанные к дереву лошади пофыркивали и косили глазами в сторону притаившегося за кустом халифа.

Чуть поодаль тлел костер, а на паласе валялись опустошенные бурдюки из-под вина, остатки обильной трапезы. Зажаренная баранья ляжка аппетитно лоснилась на серебряном блюде.

Халиф, напряженно вытянув шею, проглотил слюну. До серебряного лягана оставалось уже не больше трех локтей, как

вдруг откуда ни возьмись выскочил ободраный рыжий пес и, вцепившись клыками в баранину, потащил ее к ущелью.

Застонав от обиды, халиф швырнул вслед собаке камень и погнался за ней. Он подхватил с земли корягу, настиг пса и замахнулся. Рыжий бросил добычу и, поджав хвост, отбежал в сторону. А халиф набросился на пропылившееся мясо, с жадностью впился в него зубами и поспешил расстаться с рыжим. Но пес, виляя хвостом, поскакал вслед и заскулил... Халиф с опаской оглянулся — нет ли свидетелей его очередного позора? Собака же его не смутила — почувствовав в ней собрата по голоду, он поделился трапезой.

А вскоре их догнал глухонемой из ночлежки...

Аслан поперхнулся. Глаза у изголодавшегося бегали, как ртуть, шея вертелась, словно на шарнире, и Аслан не выдержал, протянул ему остаток ляжки. Не отрывая взгляда от благодетеля, тот хрипел над невиданным лакомством, давился в восторге, мычал...

Так они и шли по дороге — царь, глухонемой и собака.

И дымилась пропитанные дождями травы... Дрожал под нещадным солнцем раскаленный воздух. Бедный пес волочил перед собой, словно тряпку, вывалившийся наружу язык. Утирая рукавом жирные губы, халиф полностью доверился попутчикам — им-то лучше известно, как поскорее добраться до прохлады и до пристанища. Но тут явился перед ним странный мираж. Мираж ли? Над барханом запылали под солнцем знакомые башни, возникли вдруг бирюзовые минареты... От неожиданности халиф побледнел и оперся рукой о плечо глухонемого. Тот покорно остановился, все еще поглощенный обглядыванием кости.

И башни, и стены дворца внезапно вздрогнули, город медленно стал подниматься к небу... И сквозь знойную дымку Аслан явственно увидел столицу своего царства, которая покачивалась почему-то на горбу у верблюда... Но не мог увидеть он за барханом Фатиму... Плутовка щелкнула пальцами, и какие-то люди набросили на город огромный саван... И верблюд исчез со своей ношей, словно тонкий ледок под лучами солнца...

— Мираж... — слетело с потрескавшихся губ халифа.

Мираж ли? Так навсегда уходил от него фамильный трон его древнего рода.

Позванивая колокольчиком, вытянулся в ущелье караван. Впереди на породистом скакуне восседал человек в плаще из красного атласа, а на голове его изумрудами и сапфирами мерцал мосульский

турбан. Рядом, сонно покачиваясь в седле, ехал на муле карлик.

— День добрый, учитель Айр Закар! — разнеслось по ущелью, и глава каравана, сощурив свои демонические глаза, увидел приближающегося на коне лекаря-китайца.

Осадив коня, китаец поклонился:

— Верховный кадий Ашур прослышал о приближении вашего каравана, учитель, и отправил меня засвидетельствовать почтение великому табибу...

— Твой Ашур, — ворчливо перебил китайца Айр Закар, — до сих пор не уплатил мне пайсу за моих учеников, в том числе и за тебя, Ли. Видно, по алчности он превзойдет даже гиену.

— Здесь тысяча динаров, почтенный Айр Закар, — отстегнув от седла два увесистых мешочка, китаец подъехал вплотную к табибу, протянул их ему. — Кадий Ашур велел передать вам также, что это всего лишь задаток...

Не дотронувшись до мешочка, Айр Закар небрежно кивнул карлику: — Возьми их, малыш...

Тот подстегнул мула, ловко поймал на ходу брошенные китайцем мешочки.

— А теперь, малыш, — добавил Айр Закар, — привяжи их снова к седлу его лошади... Запомни, Ли, — мое правило — не путать кость с мясом, мерина с конем, родник с лужей, а задаток с долгом... Или все, или ничего, так и передай Аштуру.

Пока спешившийся карлик сопел под седлом у китайца, Ли виновато развел руками:

— Простите, учитель... Я — человек подневольный...

Взгляд у Айр Закара смягчился:

— Не тяни, Ли. По твоим глазам вижу — во дворце сейчас не до лекарей. Что угодно от меня кровожадной гиене, которой ты служишь?

— Беда во дворце, учитель, — и, сделав табибу знак, китаец отъехал вместе с ним в сторону. — Халиф исчез, — испуганно прошептал он.

Айр Закар повеселел: — Не иначе сам Ашур и подстроил.

Прислушиваясь к их разговору, карлик достал из-под седла мула полый бычий рог с высверленной на острие дырочкой, приложил его к уху.

— Беда, признаться, не столько в том, что он исчез, — шепотом продолжал китаец. — Беда в том, что он может вернуться.

По ущелью прокатился хохот.

— Никогда еще с утра так не веселили меня, — глаза у Айр Закара хищно и весело заблестели.

— Учитель... Кадий Ашур рассчитывает на вашу помощь... Всем известно — чары Айр Закара творят чудеса...

— Ладно... возвращайся к своему Аштуру,

Ли... Как только мне станет что-либо известно, я сообщу ему сам...

— Кадий Ашур будет надеяться, учитель, — воодушевился китаец и, прищипывая коня, умчался.

— За кого они нас принимают, хозяин? — вывел колдуна из задумчивости басовитый голос карлика.

— Ты прав, малыш, — хмыкнул Айр Закар. — Что сказать о человеке, который не может уплатить за лепешку, а требует, чтобы ему зажарили барана?

Карлик в ответ захохотал, подпрыгивая в седле, и лукаво заглянул в глаза хозяину:

— Тот, кто сумел поднять осла на минарет, пусть сам и спускает его вниз. А вы и без них обойдетесь, не так ли, всемогущий?

— Ты, кажется, научился читать мои мысли, малыш, — одобрительно поглядел на карлика Айр Закар и резко вдруг преобразился — леденящий душу взгляд его коснулся горизонта... Зловеще полыхнули зрачки.

А перед караван-сараем многолюдье и кипят страсти.

— Повторяю! — горланил атлет, встав над лежащей под большим плоским камнем девушкой. — Потрясите свои кошельки! Нигде и никогда не увидите вы гурию-пахлавана!

Какой-то купец швырнул к ногам детины пригоршню монет, они смешались с поблескивающей в пыли серебристой и медной россыпью.

— Семь дирхемов — семь ударов! — заказал толстосум.

Под одобрительные возгласы толпы атлет нанес по камню семь сокрушительных ударов молотом — камень сотрясался, и девушка под ним вздрагивала... Толпа содрогалась от восторга, а атлет призывал зевак раскошелиться: — Этой румийке девятнадцать лет от роду! Они сгибает пополам железо толщиной в три пальца и может свалить наземь любого быка!

Страстные крики донеслись и до халифа, который, завидев караван-сарай, поспешил покинуть своих попутчиков.

Девушку между тем освободили от камня, и, вскинув вверх руки, она победно прошлась перед ликующей толпой. Тут в круг протиснулся какой-то богатый одетый толстяк и, критически оглядев румийку, с вызовом бросил атлету: — Ты, кажется, хвастал, что она свалит с ног быка? — Он небрежно сгреб ногой в кучу валявшиеся в пыли монеты. Вывалив из-за пояса своего халата столько же денег, купец сложил из них рядом такую же кучу:

— Иду с вами на спор, странствующие пахваланы! Эй, слуги! Пригоните сюда

моего Заура! Но учти...— шутиливо погрозил он пальцем дитине.— Если румийка не справится с Зауром, тебе придется умыться бычьей мочой, как это делают иноверцы-огнепоклонники! И ты на наших глазах превратишься в маджуса!

Пахлавана при этих словах передернуло, а по толпе прокатился хохот.

— Согласен,— атлет отбросил в сторону молот. Подумав, добавил:— Но я оставляю за собой право на выкуп. Если моя гурия проиграет, я найму первого же встречного маджуса, и он спокойно умоется вместо меня. У них это принято.

— Принимаю, принимаю,— замахал от радости обеими руками купец и, предчувствуя от предстоящей игры потеху, со смехом обратился к толпе:— Где он найдет сейчас маджуса? Халиф прогнал их всех из страны!

А в круг между тем ввели огромного черного быка. Купец ожег его сзади ударом камчи— великан встрепенулся.

Хитро подмигнув кому-то в толпе, хозяин Заура обернулся к пахлану:— Но ты должен заранее назвать добровольца.

— Да хотя бы вон тот,— пахлаван ткнул пальцем в сторону подошедшего к караван-сарая халифа.

— О небо! Да это ведь истинный маджус!— загалдели взбудораженные ротозеи при виде человека в нелепой черной чалме, в черном халате, едва прикрывавшем голые ноги, и, главное, подвязанного ритуальным поясом с тремя концами.

Погруженный в свои думы, халиф онемел, когда дюжие парни навалились на него и поволокли к кругу.

— Ловко же ты расставил мне сети, Ашур...— хрипел, упираясь, Аслан, решив, что угодил в засаду.

— Молись за победу Заура, огнепоклонник! Не упорствуй!

— Тебе не привыкать умыться бычьей мочой, нам известны ваши грязные обычаи!

А он часто и прерывисто дышал и, не понимая, чего от него добиваются, стал сопротивляться еще сильнее...

Каруселью кружились перекошенные от смеха физиономии... В глазах зарябило, треснул по швам его халат, и холодный клинок зловеще уперся ему в живот.

— Ну что ты дрожишь, будто на живодерню тебя волокут? Моли своего идола, язычник, чтоб гурия победила! И никто тебя не тронет тогда!

Резким ударом головы халиф разбил болтуну лицо, а ногой с размаху заставил кого-то присесть на корточках. В ответ посыпался на него град ударов... Ноги у Аслана ослабли— сползая наземь, он беспомощно приобнял своих мучителей, потухшим взглядом наблюдая за серебряным звездопа-

дом монет. Уже лежа в пыли, под навалившимися на него верзилами, халиф увидел огромного быка, а напротив него красивую девушку, которая приняла воинственную позу и двинулась на великана...

Солнечные лучи заиграли на ее упругой, загорелой спине.

Бык предостерегающе всадил в землю копыто, и поднявшаяся пыль ослепила на миг халифа... Над головой его стоял дикий гвалт, и когда он открыл глаза, бык ринулся на девушку, и та чудом увернулась.

Напуганная толпа разом подалась назад. Лишь Аслан да скрутившие ему руки верзилы остались у черты круга.

Бык снова рванулся на девушку и рассек воздух смертельными клиньями. Отскочив, румийка нечаянно наступила сандалией на руку халифу.

— Прости, человек...— прозвучал над ним ее задушевный голос, и девушка бросилась в ответную атаку. Но руки ее соскользнули с могучих рогов. Ротозеи неистовствовали... Те, которые были пониже ростом и оказались в последних рядах, подпрыгивали, словно маятники, за головами счастливиков.

А бык опять нацелился на противницу и нервно выдалбливал ногой лунку...

Пыль застилала халифу глаза, скрипела на зубах... Проклиная верзил, он отплевывался.

А взгляд у животного налился яростью, и ротозеи охрипли, подбадривая быка.

Девушка напряглась и, петляя слева и справа от быка, вцепилась наконец в могучий рог.

Крики внезапно оборвались, все вокруг замерло— у многих от восторга чуть не повыскакивали глаза из орбит.

— Не подведи, Заур!— вскинул камчу купец.

Его Заур резко вдруг попытался стряхнуть гурию, но хватка девушки не уступила бы по крепости дамасской стали— она медленно пригибала голову животного к земле.

От волнения у халифа застучало в висках.— Спаси от позора, сестра,— прошептал он.

И девушка нанесла кулаком удар по переносице быка. Тот покачнулся, а его хозяин застонал и утер платком лоб.

Пахлаван окинул обескураженного купца высокомерным взглядом и направился к серебристо-медной пирамидке.

А толпа подалась вперед, через халифа переступали, чей-то башмак уперся ему в лицо...

Дожимая под свист и улюлюканье упирающееся животное, гурия напряглась из последних сил... И бык не выдержал ее на-

тиска и с хрипом повалился наземь.

Почувствовав свободу, Аслан приподнялся, но встать ему так и не удалось — ноги не подчинялись ему, и он снова рухнул наземь.

Никто, впрочем, не замечал уже презренного маджуса... Все внимание было обращено на быка — под градом насмешек его сквали цепями и, привязав к арбе и подстегивая мулов, поволокли в пыли к караван-сараяу:

— Ступай помочись, Заур! Пусть твой хозяин сам и умоется!

— Да разве это бык? Даже козел не позволил бы одолеть себя женщине!

Но толпа вдруг умолкла и с удивлением расступилась. К валявшемуся в пыли маджусу направлялась девушка. На ее усталом, обветренном лице скользнула улыбка, и она остановилась над Асланом, протянула ему узелок:

— Переоденься, зороастриец, и забрось подалее свой пояс... — Заметив, что бедолага не в силах подняться с земли, девушка приобняла его под мышками и, как перышко, вскинула на ноги.

Прижав к груди узелок и спасаясь от неслыханного позора, он кинулся за ворота.

Грохочет водопад... Аслан зашвырнул на дерево опостылевшую чалму. А несчастный пояс в реку — густь яростная, кипящая стихия раздерет его об острые камни!

И вошел в серебристое облако из мельчайших брызг...

А после купания он решил отдохнуть в тенистой роще, подложив под голову узелок и оставаясь пока в набедренной повязке. Но уснуть помешал чей-то говор. Он приоткрыл глаза — по колючкам неслышно ступали двое мужчин с топорами и женщина.

Аслан подхватил узелок, проворно скрылся в дупле огромного кряжистого дерева.

— Вот она! — прозвучал совсем рядом хриплый женский голос. — Давно я облюбовала тебя, красавица! — ласковые слова сопровождались оглушительным, лающим чиханием.

— Фатима... — догадался Аслан. Он развязал узелок, торопливо стал облачаться в новые одежды.

— Ашраф и Шариф! Вы самые верные слуги Ашура, — торжественно заявила своим спутникам Фатима. — Иначе не доверила бы я вам наши заветные помыслы...

— Ханум! Мы будем немы, как рыбы, — поклонился ей один из мужчин.

— Умение хранить тайну — качество правверных, — заверил ее и второй. — И вы мудро решили, ханум, — настоящий трон дела-

ется из чинары. Нет дерева благороднее и сильнее платана!

— А вот у франков короли предпочитают иметь трон из дуба или ореха, — проявил свои познания напарник.

— Не знаю, что там у франков, а наш китаец-астролог вычислил: дерево Ашура — чинара, — улыбнулась самодовольно Фатима и бросила каждому по кошельку. — Держите задаток и приступайте.

Проводив ее долгим поклоном, ашуровские сатрапы взялись за топоры.

— А мне почему-то страшно, Шариф... — признался один из них.

И тут затаившийся Аслан узнал, что на самом деле его уже нет.

— Да забудь ты о рогносце! Устранили его, а с того света не возвращаются. Не трясись! Успокойся!

— Не о том я, Шариф... Из-за чинары мне страшно. Неужели не видишь, как похожа она на наш Умм Гайлям. А вдруг и она святая?

— Святая — не святая... — отмахнулся Шариф. — У нас приказ, и нечего обсуждать! — И он всадил острие топора в чинару. — Ну вот... А ты волновался — не такая, как все, мучиться будет... Чтобы там ни сочиняли в народе, Ашраф, а все одно — дерево! Оно не понимает и не чувствует. — И топор вторично вонзился в ствол.

Глаза у халифа вспыхнули неожиданно озорными искорками, и он протяжно застонал в полумраке дупла. У ошарашенного Шарифа с головы слетела чалма. — Ты что-нибудь слышал?

Напарник побледнел. — Она сейчас плакала...

Халиф зажал ладонью уста и подавился смехом.

— Не может быть, чтобы и дерево страдало. — Шариф собрался с духом, сплюнул на ладони, потер их друг о друга и еще раз со всего маха всадил острие в ствол.

Халиф тут же повторил свой трюк. Более совестливый Ашраф погладил ладонью дерево. — Прости нас, — припал он ухом к стволу. И словно от ожога, отскочил: — Чинара рыдает, клянусь!

— Но может ли быть такое? — попятился от платана и Шариф. — Зверю больно — понятно... Змее — тоже. Даже червяку... Но чтоб дереву...

А халиф снова сотряс утробу чинары воплем.

— Ну что — убедился? — отбросил топор Ашраф. — И разве не учил нас пророк падить все живое?

И стражники бросились прочь — лишь замелькали их верблюжьих ичиги.

Аслан рассмеялся невесело и тяжело вдруг застонал.

И вспомнилась ему площадь перед казнью Армины, и одинокий, жалостливый плач девочки...

Покачиваясь, как с похмелья, брел он затем по дороге, не замечая бегущих навстречу людей с камнями и палками.

Возбужденная стая ворон парила над толпой.

— Эй, правоверный! Почему идешь против народа? — ухватил его кто-то за руку и потянул за собой.

— Отстань! — огрызнулся халиф.

— Ага! Из-за таких вот и нет порядка в стране! — окружили Аслана воинственно настроенные старцы. — Или ты не слышал о последнем указе халифа?

— Не знаю и знать не хочу никаких указов! — вырвал руку Аслан.

— Да что с ним говорить? Ну-ка держи камень и пошли!

И толпа смяла его и увлекла за собой. И вот он стоит в первых рядах разъяренного сброда, и двое обреченных, прикрывая руками головы, моляще глядят на него.

В его неуверенной, слабеющей руке дрожит раскаленный камень.

— За что их казните? — прошибло Аслана ужасом.

— Тот вон — убийца, — терпеливо пояснил ему старец. — А этот — иудей. Он назвался магрибцем, обманул доверчивых муэдзинов и хотел поступить на учебу в кутабу.

— Опомнитесь! — отступил Аслан, но толпа подпирала, теснила его. — Разве пророк учил убивать за то, что человек стремится к знаниям? — пытался переубедить он стражей закона.

— Он иноверец! — загалдела толпа.

Голубоглазый юноша, на котором сомкнулись сейчас ненавидящие взгляды, упал на колени.

— Пошадите! Я хотел учиться, и не было иного выхода у меня.

— Твоя нога осквернила храм нашей науки, нечистый!

Юноша попытался возразить: — Но я хотел познать мир, чтобы принести пользу вам...

— Как? Ты до сих пор еще не в объятиях сатаны? — и огромная коряга полоснула парня по спине. Кто-то подтащил его за волосы к Аслану и бросил к его ногам: — Эй, заступник! Ну что ты застыл?! Где твоя честь?! — толкали отовсюду халифа. — Тебе назначено право первого удара! Настал день джихада! Война неверным!

Но падает под ноги раскаленный булыжник. Кто-то смачно плюнул ему в лицо.

— Бей иудея! — слышит он рядом старческий крик, и чей-то камень разбивает

несчастному голову. Кровь окропила Аслану лицо... Словно тонущий, он отчаянно заработал руками, пытаясь выкарабкаться из бушующего людского моря. Отовсюду сыпались пинки и подзатыльники.

Истерзанный, он выбежал на дорогу и воздел к небу руки:

— О Всевышний! Прости... Снова на мне невинная кровь. Моим именем вершат они самосуд... Что же я натворил? — Он схватил себя за голову и в бессилии прислонился к огромному камню. — Я обращаю свой взор в сторону Мекки! — рухнув на колени, закричал он. — Ответь мне, Господь, — почему на одной чаше весов и злодей-убийца, и человек, стремившийся к знаниям? И кому же угодно — убивают одного, а тысячами расходятся по домам уже в обличье убийц?

...Вот и пришлось ему снова податься в караван-сарай... Над двором, где недавно кипели страсти, сонно носились полуденные шмели. Посреди истоптанной арены безмятежно умывался котенок. До слуха Аслана донеслись звуки рубаба и чья-то заунывная песня...

Сразу с порога он попал в нижний ярус огромной заполненной народом залы. Поначалу подумалось, будто здесь забавляются танцами, — люди дергались, тряслись, но, приглядевшись, увидел вокруг себя одних калек — у кого-то тело покрыто струпами, кто-то заикался, а у того — бельмо на глазу... Дастарханы со скромной снедью — чай да лепешки — не могли уместить большую часть этой серой, безликой публики, и калеки подпирали барьер верхнего яруса, где на зависть сброду пировало десятка два купцов. Серебро пригоршнями сыпалось к ногам скользившей между ними танцовщицы.

Аслан поднялся по лесенке на верхний ярус, и в лицо пахнуло жаром — на выложенной из кирпичей во всему ярусу дорожке потрескивали горячие угли, а двое слуг, поддерживая огонь, обмахивали жаровню пышными кипарисовыми ветками.

Отделившись от купцов, к Аслану устремился хозяин караван-сарая и, грубо подталкивая его в спину, заставил спуститься вниз.

— Обнагтели уже эти огнепоклонники! Думаешь, не узнал тебя, маджус проклятый? Сколько бы ты ни переодевался, а свою гнилую суть не укроешь! — негодовал хозяин и, обращаясь уже к публике, добавил: — Не могут спокойно мимо огня пройти! Ради его молитвы стараемся тут!

Какой-то сердобольный протянул халифу пиалку чая. Отпив глоток, Аслан заметил, что все здесь чего-то ждут.

— Сейчас он появится... сейчас... сейчас... — шептались вокруг калеки, и лица у

многих раздумянулись от раскаленной жаровни.

А за резной дверью, поправляя на голове тюрбан с ослепительными сапфирами и изумрудами, готовился к выходу Айр Закар. Карлик подобострастно поглядывал на него снизу.

И тут все обитатели нижнего яруса дружно заголосили и, отталкивая друг друга, устроили перед барьером жестокую давку. Музыка оборвалась, танцовщица покинула залу.

— Айр Закар! Айр Закар! — запричитали все разом, вскрикивая при этом, как от ожогов.

Аслан невольно подался вперед... В глубине верхнего яруса возникла зловеющая фигура в черном плаще. Сбросив кауши, Айр Закар остался босым и, сильно прихрамывая на левую ногу, оперся рукой о выбитую до синевы голову карлика. Тот привычно и покорно поплелся сбоку от жаровни, заменяя хозяину костыль.

Колдун приостановился перед жаровней, обвел публику пронзительным взглядом и бесстрашно ступил босыми ногами на раскаленные угли... Возглас изумления потряс караван-сарай, но ни один мускул не дрогнул на лице у Айр Закара. Он спокойно шествовал по жаровне. «Костыль» не отставал ни на шаг, пружинил, обливаясь потом, под мощной рукой укротителя огня.

Зрелище захватило и халифа — он неотрывно следил за чародеем — тяжелая челюсть, хищный нос, умный, пронзительный взгляд не оставляли сомнений в магической силе хромого.

— Да продлит Аллах твои дни, исцелитель несчастных! — навзрыд заголосили в толпе. Расщедрившиеся калеки швыряли через весь зал медные фельсы.

Хозяин заведения поднял руку: — Медь можете оставить при себе! Айр Закар признает желтый цвет только за динаром!

И сразу же с чувством превосходства над остальными поднялся тучный купец с шеей толще собственной головы — его зобу мог бы позавидовать самый матерый индюк. Толстяк протянул Айр Закару кувшин и пригоршню золотых: — Усто, я принес змею из самшитовой рощи, как ты и повелел.

Просунув руку в горлышко посуды, табиб вырвал из него извивающуюся змею, молниеносным взмахом ножа распорол ее по всей длине, бросил на жаровню.

— Считай до ста, а потом извлечешь гадину из огня и растолчешь в ступе. Выпьешь месиво, пока горячее. А к утру навсегда расстанешься с зобом.

Толпа взревела. Напор был настолько мощным, что халифа помимо его воли

выбросило на верхний ярус...

А табиб дробил уже в ступе черепаший панцырь и вразумлял трясущегося перед ним очередного толстосума:

— Две унции порошка от панцыря высушенной под солнцем черепахи смешивай по утрам с молоком. — И, передав ступу чернокожему слуге для продолжения работы, нехотя принял из рук толстосума кошелек.

— Между прочим, почтенный Айр Закар не только великий врачеватель! Ему также являются и пророческие сны! — с гордостью пояснил собравшимся хозяин караван-сарая. — Тысячи правоверных покупали у него сновидения! А одно из них досталось когда-то и мне! Перед Аллахом свидетельствую — все повторилось наяву, поверьте, мусульмане! И я владею вот этими стенами и имею достаток, как и было предсказано в сновидении могучего Айр Закара!

— О мудрейший! — бросился тут же навстречу табибу Аслан.

Хозяин караван-сарая вскрикнул от негодования и выхватил из-за пояса камчу, но разящий взгляд колдуна выбил кнут из занесенной над Асланом руки. Айр Закар почтительно повернулся к халифу:

— Можешь довериться мне, человек. Говори.

— Хочу купить у тебя сон, провидец! — выпалил Аслан, и гомон утих, стало слышно, как гудит и бьется в окне о натянутый бычий пузырь шмель.

— А знаешь ли ты, как небезопасно смертному заглядывать в свое будущее? — с интересом пригляделся к халифу Айр Закар, и глаза у него полыхнули желтыми огоньками.

— Мне ничего другого не остается, — в отчаянии признался халиф. — Моим будущим уже овладел шайтан, и он вытворяет надо мной злые шутки... Я иду к дому, но почему-то все время отдаляюсь от него.

— Человек идет дальше всего тогда, когда не знает, куда он идет, — поднял вверх указательный палец табиб, и Аслан смутился под пристальными, любопытными взорами.

— Так сократи же мой путь... Продай мне сон, — доверительно прошептал Аслан.

— Это дорогой товар! — с издевкой объявил вдруг карлик.

— Я куплю в долг, — понизил голос Аслан. — Расплачусь щедро, поверь.

— В долг тебе никто и дирхема не доверит, оборванец! — грубо оттолкнул Аслана какой-то купец. — Не отнимай у нас драгоценное время! — прикрыв лицо бурнусом, купец протянул Айр Закару горсть серебра. — Учитель! Я исполнил твою волю и положил под язык бумажку с заклинанием...

Но у меня почему-то перекосило лицо.

Отшвырнув его деньги, Айр Закар сорвал с головы недовольного бурнус: — Ты потерял мое заклинание, плут! И грешной рукой вместо меня повторил тайные письмена! — пинком ноги табиб отбросил купца на пол: — Поэтому и перекосило твою рожу!

— Прости, учитель! Это так... Каюсы! — разрыдался тот. — Верни мне прежний мой облик!

— Зачем я трачу здоровье, жизнь? Чтобы такие вот позорили мое имя? — страстная речь сокрушила прежде всего карлика — кашляя и обливаясь потом, тот кое-как прокостылял под впившейся в его лысину пятерней.

— Думаете, ваши жалкие подачки окупают мне верблюдов, слуг и лекарства? — негодовал табиб. — Вдоль и поперек измерили мои караваны Аравию, тридцать отборнейших скакунов остались на съедение грифам в пустыне, и сам я изранил на кручах ноги: а ради чего? Ради вашего же благополучия! — он остановился перед Асланом и, внимательно приглядевшись к его избитому лицу, вытащил из-за пояса амфору. Смочив платок, заботливо приложил к ссадинам влажную ткань.

— Я продам тебе сон, страдающий. — Айр Закар обласкал взглядом халифа. — В долг, разумеется... — подчеркнул он и приказал слугам: — Проведите господина в мою худжру.

Пока слуги уводили с помоста Аслана, карлик игриво потянул Айр Закара за рукав.

— По руке хозяина чувствую — сейчас состоится самое крупное дело в его жизни.

И правда, с появлением халифа Айр Закар потерял всякий интерес к толпе. Жестом руки он дал всем понять, что сеанс окончен.

— Рано стучишь в барабан, малыш, — удаляясь, продолжил он беседу с карликом: — Не забывай, на нашем пути — Ашур.

— За голову халифа Ашур не пожалеет казны, — приплюснутая под тяжестью физиономия озарилась улыбкой.

— Пожалеет, малыш, пожалеет... — хладнокровно обронил Айр Закар.

— Значит, жадность погубит его, — басовито захихикал карлик. — А вы поможете неудачнику вернуться на трон, и ваш выкуп от этого не уменьшится.

— Я горжусь тобой, малыш, — табиб заботливо протер платочком скользкую лысину. — Ни одна душа так не понимает меня, как ты...

А халиф, уже облаченный в белоснежную рубаху, блаженствовал на свежей постели...

Коврами устелена приютившая его

худжра. У изголовья суфы — серебряные курильницы, источающие легкий голубоватосизый дымок. Глаза у халифа затуманились, стали дремотными, полусторонними... Лицо побелело, как мел, пьянящее облачко окутало вуалью... Он с благоговением прислушался к таинственному шепоту юноши, что размахивал над его головой опахалом: — Постарайтесь уснуть, господин. Вещий сон уже витает над вами...

Скрипнула дверь. Заглянувший в худжру Айр Закар остался доволен.

— Приступайте к вещему сну, — распорядился он и вскинул над головой колокольчик.

И тут же пополз вверх ковер, замедливший стену, и открылся уголок уютного сада с павлинами и попугаями. Дворик был солнечно весел, отовсюду свисали цветы, доносилось журчание ручейка...

Слуги бережно перенесли суфу в сад, и ковер опустился.

Кто-то потронулся до лица халифа страусиным пером — он приоткрыл глаза... К нему приближалась сказочной красоты девушка, вся в перьях, которые едва прикрывали ее обнаженное тело. Большие пушистые крылья за плечами вздрагивали при каждом ее шаге. Присев на суфу, она коснулась кончиком крыла его губ.

— Где я? — возглас удивления замер на устах у халифа.

— Ты видишь меня во сне, — и его рука очутилась в трепетных нежных ладонях. Девушка преданно заглянула ему в глаза: — Я гурия, странник. В царство сновидений пришла весть о твоём приближении, — она ласково погладила его по волосам.

И тут из разных уголков сада стали появляться крылатые гурии. Они окружили суфу, и халиф утонул в сладостных прикосновениях.

— Я щедро расплачусь! Но что же, что же со мной случится? — сгорая от нетерпения, простонал халиф.

— Врата будущего распахиваются перед тобой, — обволакивал его шепот.

— Не томите же, прекрасные пери! — поглаживал им крылья халиф.

— А проснешься ты в конюшне каравансарая, — сказала первая гурия. — И как выйдешь со двора, увидишь корзины, в каких персы перевозят рабов... Ты отбрось все страхи и спрячься в одну из корзин.

— И караван тронется, и через два фарсаха подойдет к большому городу, — продолжила вторая.

— И как только ты выберешься из корзины, тебя признают царем. И все вокруг возликуют!

— О-о... — Халиф невольно чмокнул ее в щеку. — Так ведь оно и есть — на два фар-

саха всего удалился я от столицы...

И с торчащей из бороды соломой он приснулся под вечер в углу двора, рядом со стойлом для лошадей. Протерев глаза, огляделся...

Посвистывая, бегали по двору слуги, навьючивали верблюдов и лошадей — караван собирался в путь.

— Тебе — печень тигра! — громыхал где-то в помещении голос табиба.

— Где я найду тигра?

— Твоя забота!

Отряхнув рубаху, Аслан поднялся, с удивлением оглядел конюшню и вышел во двор. Увидев рядом с отдохавшими верблюдами огромные корзины, пробормотал:

— Воистину велика твоя сила, Айр Закар!

И он поспешно уселся в одну из корзин и опустил над собой крышку.

А в райском саду хозяин караван-сарая с благодарностью принял из рук Айр Закара увесистую горсть золотых монет.

— Приезжайте еще, усто... Ваш бывший раб Исмаил каждодневно молит Аллаха о встрече с вами.

Слуги тем временем сворачивали ковры, а «гурии» укрылись за деревьями и с усталыми лицами отстегивали со своих плеч крылья — ни следа ангельских вздохов и улыбок...

— О сколько, оказывается, еще дураков бредят о царской короне! — сплонула в сердцах главная «пери».

...И вот покачивается Аслан в корзине, отсчитывает, коротая время, верблюжьих шаги:

— Пять тысяч двести... Пять тысяч двести один... двести два...

...Караван пересекает предгорье.

— Прежде всего проучу Ашура, — пробормотал сквозь зевоту Аслан. — Пять тысяч двести семь... двести восемь...

А к обезлюдевшему караван-сараяу подъехали на коне Сухайль и девочка. Сухайль спешила, помогла прыгнуть на землю малышке.

Мимо, обхватив обеими руками одежду Аслана, прошла старуха.

— Госпожа! — вырвалось у девочки. — Это ведь его башмаки! Я их сразу признала!

Старуха остановилась у костра и, швырнув в огонь всю охапку, брезгливо отрянула руки. Перед ней вдруг возникла Сухайль.

— Что случилось с тем, чью одежду ты подожгла сейчас? — схватила она за руку старуху.

— Я ни в чем не виновата, юноша! — в испуге та прикрыла лицо свободной рукой.

— Отвечай же! — Сухайль дотронулась до рукоятки кинжала.

— Он жив... — прошамкала плаксиво старуха, — пожалей меня, отрок, я ни при чем... Его увез в своем караване Айр Закар...

— Айр Закар? — ужаснулась Сухайль. — Что он задумал, чернокнижник коварный? — девушка угрожающе приблизилась к старухе.

— Айр Закар торопился к морю погрузиться на корабль, — дрожащей рукой старуха повела вдаль.

Сухайль бросилась к коню, усадила перед собой девочку, и они тронулись в путь.

...И мчится белый конь с всадницами по равнине, мчится вдоль берега моря, мчится через ущелья, пока не появляется впереди караван Айр Закара. Сухайль и девочка спешили, увели в укрытие коня, а сами, таясь за камнями, короткими перебежками двинулись за караваном... Но в глазах у преследовательниц растерянность, они переглядываются — что предпринять?

Мягко ступает по песчаному ковру верблюжья нога... Покой и благодущие в караване Айр Закара.

Игривый перезвон колокольчиков, сонное поскрипывание повозок... В головной повозке с полуоткрытой беседкой дремали на атласных подушках гурии. Сбоку от гурий на двугорбом верблюде восседал в паланкине сам колдун, доверив аметистовым четкам свои непростые мысли. Под паланкином покачивалась на боку у верблюда открытая корзина, откуда показалась голова карлика.

— Хозяин... А я подслушал, какую награду сулил вам халиф под кайфом...

— Не верь ему, — отмахнулся Аайр Закар. — Как и все цари, халиф привык расплачиваться на словах.

— Он обещал лучших скакунов и рабынь, каких не сыскать от Багдада до Мисра! — с восторгом сообщил карлик.

— Я достал его со дна помойки, — покривился табиб, — а он сулит мне то, что я выигрываю за ночь, играя в кости... Нужны мне его шлюхи и лошади! — и, отплевываясь от назойливых перьев, порхавших вокруг его верблюда, Айр Закар сердито прикрикнул на гурий: — Эй, ангелочки! Поберегите крылья, они вам еще пригодятся!

— Хозяин, — снова прозвучал из корзины скрипучий голос карлика. — А хорошее вино, как известно, растет в цене, если умело выдерживается.

— Ты прав, малыш, — раздул свои хищные ноздри Айр Закар. — Вот почему сначала мы уйдем в страны, что за рекой Джейхун, и оттуда — привет Ашуру. А не примет мои условия, выколю его имя у себя на пятаках и каждодневно начну попирать его!

Табиб бросил мимолетный взгляд на обочину дороги, где с протянутыми руками побирались две нищенки. Его телохранители угощали бродяжек водой и лепешкой.

Одежда на девочке и Сухайль изодрана, лица и руки в ссадинах и в грязи...

— Нас ограбили разбойники, — всхлипывала девочка. — Ради Аллаха, примите нас в караван...

— Господин Ахад! — окликнул один из стражников главу каравана. Тот развернул коня и подъехал к стражникам.

Протянув к нему руки, Сухайль что-то невнятно промычала.

— Что с ней? — полюбопытствовал караван-баши.

— Это моя старшая сестра, господин. Она глухонемая, — ответила девочка. — Нам страшно... Мы будем служить вам, не прогоняйте...

Караван-баши кивнул стражникам: — На кормите их, мы нуждаемся в прислуге.

А в одной из проплывших мимо корзин мелькнул халиф. И Сухайль заметила его — на бледном лице царя бликовали от прутьев тени...

И грезился Аслану его дворец, который почему-то никак не появлялся.

— О кудесник! Где же обещанный дворец? Караван уже трижды измерил по два фарсаха!

...А в царских покоях полумрак и тишина и тускло мерцает единственный светильник.

На ложе под балдахином спиной друг к другу молча лежали Ашур и Фатима. Сон не брал их, и страх затаился в глазах у обоих.

— А знаешь, алмаз мой ненаглядный, — повернулся к жене Ашур. — Эта спальня освещена духом страсти! И скажу тебе по секрету... — Он подавился смешком. — Халиф улетел отсюда на крыльях.

— Лично я не чувствую всего этого! — хмыкнула не без упрека Фатима.

Супруг осторожно обнял ее, но рука его словно одеревенела. Неуклюжая ласка оскорбила Фатиму, она отстранила руку мужа. Ашур уныло уставился в потолок.

— Все сверлит и сверлит в башке, и ни о чем другом не могу думать, — будто оправдываясь, покосился он на жену. — Девчонку так и не нашли... Дочь везиря сбежала... Никаких известий от Айр Закара... А сам Аслан? Не кажется ли тебе, ненаглядная, что он где-то здесь и наблюдает за нами? — вскочив с постели, Ашур сорвал со стены сюзане и подбежал к сундуку. С опаской заглянув в него, прикрыл назойливое воспоминание тканью.

— Вот и будешь трястись, пока не объ-

вишь себя халифом! — прикрикнула на мужа Фатима.

— Тише! — истерично взвизгнул Ашур.

— Ты такой же природный государь, как и Аслан! — еще сильнее обозлилась Фатима. — А в народе уже гуляет молва об исчезнувшем троне... Поговаривают даже, будто Аслан покончил с собой... И самое время надеть тебе корону! Выйди к народу и понеси перед собой раскрытый Коран! Осыпь золотом бедных, объяви об отмене злодейских указов! Чем сильнее подданные возненавидят его, тем крепче полюбят тебя!

С досады Фатима задула светильник, и спальня погрузилась во мрак.

А те, при упоминании о которых так терзалась душонка Ашура, оказались по воле судьбы все рядом...

Караван Айр Закара расположился на привале в живописном предгорье.

Блаженствовали в прохладе листвы колдун и карлик. Вокруг них расположились музыканты, и мелодичный тюркский мугам ласкал слух.

Айр Закар прицелкнул над головой пальцами, и по ковру, забавно подергивая головкой, поплыла в танце девочка.

Даже слуги, устанавливавшие за спиной у хозяина прозрачную палатку — паша-хану, не удержались от восторженных возгласов... Перед Айр Закаром остановилась в поклоне Сухайль и, промычав что-то невнятное, опустила к ногам колдуна таз с водой. Чернокожая рабыня поднесла полотенце.

Не отрывая от танцовщицы взгляда, карлик привычно разул хозяина, и Айр Закар с наслаждением опустил в воду ноги.

Присев на колени, Сухайль взбила мыльную пену, старательно принялась обмывать колдуну ноги. Вдруг донеслись крики, ругань, и к Айр Закару подбежал растерянный караван-баши.

— Господин! Тот мужчина в корзине взбесился — ругает вас и требует отпустить его!

— Успокой его плетью и привяжи еще крепче, — бесстрастно сказал Айр Закар и ободрил сбившуюся внезапно с такта девочку: — Смелее, смелее, дитя мое!

И караван-баши поспешил к ходившей ходоном корзине, откуда доносилось:

— Где обещанный дворец? Где мой трон?

Только что выпущенные из таких же корзины рабыни обступили со смехом пленника.

— Лживыми снами торгуешь ты, колченогий! — сдавленные рыдания теснили Аслану грудь. — Никому не дано предсказывать судьбы! В промысел Бога вторгаешься, нечистый!

Подбежавший вместе со слугами караван-баши выхватил плетень. Смех оборвался, и слуги набросились на корзину, откинули крышку и каждый норовил камнем или пал-

кой ударить халифа. Съежившись, халиф глухо вскрикивал.

— Не бейте! Не бейте дядю! — прервала вдруг танец девочка и заплакала.

Айр Закар ласково улыбнулся ей: — Не убивайся так, дитя мое. Дяде приснился дурной сон, нужно вышибить из него нечистую силу.

Карлик расхохотался: — Даже спасибо не скажет за свежую рубаху!

— Вы только послушайте, как он ругает меня! — притворно возмутился Айр Закар. — А за что, спросите? За то, что не привез его, бродягу, во дворец и не сделал царем... — Тут брови у табиба сдвинулись, и он подозрительно пригляделся к девочке: — А кем приходится тебе дядя?

Девочку охватило беспокойство. Утирая слезы, она напряжено уставилась на Сухайль. Та не подняла головы и с невозмутимым видом продолжала полоскать волосатые ноги.

— Никто он мне... Просто бедный человек... — нашлась наконец девочка. — А пророк завещал помогать бедным...

— Что ж... И у нас ведь не камень вместо сердца, — развел руками Айр Закар. — Пойди останови их, малыш, — повернулся он к карлику. — И передай от меня дяде — я пропишу ему ванны с фиалковым маслом, дабы придать влажность его усохшему мозгу.

И пока карлик вприпрыжку бежал сообщить важный рецепт, Айр Закар жестом руки отпустил музыкантов. Поклонившись, они разбрелись по лагерю. Лишь турок-певец задержался рядом с девочкой, погладил ее по волосам и опустил ей за пазуху серебряные дирхемы.

Сухайль приподняла из таза усохшую ногу колдуна и принялась растирать пятку анатолийской пемзой. Айр Закар вдруг дернулся, вскрикнул, опрокинул свободной ногой таз с водой и, повалившись на спину, истерически захохотал... Решив, что доставила Айр Закару удовольствие, Сухайль схватила другую его ногу и с еще большим усердием стала растирать вторую ступню.

Бисерный смех перешел, между тем, в дикие вопли и в хрип — табиб задыхался и бился уже в судорогах.

Возвратившийся карлик при виде изнемогающего от хохота покровителя, с проклятьями оттолкнув Сухайль, заметался над поверженным хозяином.

— Что ты наделала, дура глухонемая? Где порошок гум-гум! Порошок гум-гум! — и, копаясь в ковровом хурджуме, сам же извлек из него шкатулку.

Жалобно промычав, Сухайль схватила девочку за руку и отбежала от паша-ханы в сторону. А карлик, ссыпав горсточку

порошка на ладонь, с усердием стал вдвухать его в ноздри бесчувственного табиба.

Наконец глаза у Айр Закара приоткрылись, карлик вздохнул с облегчением и угрожающе повернулся к нерадивой служанке.

— Ладно... Оставь ее... — ослабшим голосом выдавил Айр Закар. — Она по незнанию, — лукаво подмигнув карлику, добавил: — Помыть ее, так она еще ничего... Жаль, правда, глушенная и без языка.

Ночью подул ветер и начался сильный дождь. Догорали костры, вокруг которых бодрствовала стража... Где-то вслед за далекими перекатами грома ухал филин, беспокойно фыркали кони...

Легкой тенью промелькнул мимо коней силуэт девочки.

Пригнувшись, она подкралась к корзине, где молча и тяжело вздыхал халиф.

— Повелитель... — шепнула девочка. — Возьмите это. — В щель между прутьями корзины она просунула нож. — Завтра Сухайль подаст вам знак, чтобы бежать... вот вам еще динар.

Выслушав ее, халиф растерянно улыбнулся.

— Спасибо, — дрогнувшим голосом произнес он.

Утром небо заволокло туманом, и перед караваном распахнулись ворота большого портового города. Там за воротами шумели улицы, доносился скрип телег, зычные, радостные голоса...

В городе царило оживление, сновали одетые по-праздничному люди, повсюду продавались плоды, над головами зевак творили чудеса канатоходцы.

Затаившись в корзине, Аслан все чаще стал замечать в толпе людей в масках с его, аслановой, злодейской гримасой.

— Хвала новому халифу Аштуру! — оглушила его толпа. — Ашур отменил злодейский указ Аслана! Да продлит Аллах царство Аштура!

Жестом руки Айр Закар остановил из своего паланкина караван... Здесь, среди площади, состязались пахлаваны, самый могучий из которых освобождал из объятий питона девушку... Играл горящими булавами жонглер... Шутливо выдохнул изо рта пламя прямо в паланкин Айр Закара фокусник, на что Айр Закар ответил ему сразу тремя огненными змеями...

А халиф наблюдал сквозь щель из корзины, как посреди площади подождли чучело, в котором он опять опознал самого себя.

Где-то совсем близко промелькнуло лицо Сухайль.

— Пора, повелитель, — раздался из-под корзины ее шепот.

Халиф, вонзив нож в днище корзины, то-попливо стал распарывать прутья.

Сухайль же присоединилась к девочке и, затаив дыхание, следили они за раскачивающейся корзиной...

Раздался треск, днище из ивовых прутьев лопнуло, и халиф вывалился под ноги верблюда.

Первым заметил его карлик. Он вскрикнул и от обиды запрыгал в своей походной кошелке.

Халиф ринулся в толпу, сбив ненароком огнедышащего мага.

— Хватайте, хватайте его! — пришел наконец в себя карлик. — Беда, хозяин! Беда! — захлебывался он, находясь на грани обморока.

Из паланкина показался роскошный мосульский тюрбан.

— Ну что вы остолбенели, ротозей? — кулаком пригрозил своим стражникам Айр Закар. — Вы уже должны наступать ему на пятки!

А халиф ворвался в какую-то лавку, положил перед торговцем динар:

— Кафтан... или халат... — задыхался он. — Или хотя бы шальвары! Что-нибудь... — заметив на прилавке знакомую маску, он воровато прихватил ее.

Подозрительно оглядев странного посетителя, явившегося почему-то в ночной рубаше, торговец недоверчиво улыбнулся. Бросив взгляд на маску в руке у халифа, пристыженный, удивившись портретному сходству.

— Нас часто путают, — смутился халиф. — Скорее же... Не задерживай...

Вздымая пыль, мимо лавки пронеслись уже стражники Айр Закара...

Натянув на лицо маску, переодевшийся халиф степенно вышел из лавки.

Но кто-то потянул его за рукав. Он оглянулся и снова увидел перед собой кривую усмешку лавочника.

Пронизывающий, не сулящий пощадки взгляд заставил Аслана поежиться. Приготовившись к худшему, он напрягся.

— А зачем тебе еще такое же лицо, почтенный? — ухмыльнулся торговец. — К тому же ты не рассчитался за маску.

Аслан молча стянул с лица свой позорный портрет, приставил его к физиономии торговца, с презрением пригляделся к хищному облику... Мощный удар расквасил вдребезги ненавистную маску, а торговца отбросил в глубь лавки.

И карнавал со снующими повсюду уродливыми двойниками закружил Аслана...

— Злодей сбежал из дворца! — плясали какие-то парни. — Он утопился! — вскидывали руки к небу женщины. — Он сбросил сам себя в пропасть на съедение шакалам! — ликовали старики.

Аслан протиснулся на соседнюю улицу, 5 «Киносценарий» № 2

но и там толпы людей изрыгали о нем убийственные слова. Он попытался укрыться под сенью шатра, где гипногизировала мужчин своим извивающимся станом танцовщица, но и сюда ворвались в уродливых масках безумцы...

Задыхаясь от смрада, Аслан нырнул в какой-то переулок, миновал еще один и появился на небольшой тихой площади, где перед мавзолеем святого исповедовались правоверные.

Вдали гудел праздник, а здесь раздавались негромкие проникновенные слова молитв. Все еще озираясь, Аслан смешался с единоверцами, и они увлекли его к мавзолею.

— О справедливый Али, помоги. — По всему пути к гробнице стояли на коленях паломники. И он последовал примеру остальных: — О святой Али! Снимешь ли с меня грех? Я каюсь, тысячу раз каюсь, что казнил ее...

Страстная исповедь заинтересовала находившихся рядом двух молодых людей. Переглянувшись, они вплотную подобрались к нему, вспахивая рыхлую землю коленями.

— Презренные убийцы, но трижды презрен ты те, кто убивает любимых! — в глазах у халифа появились слезы. — Рассуди же, святой Али! Прими мое покаяние...

Вдруг один из парней вскочил на ноги и, грубо схватив Аслана за ворот халата, вырвал из-за пояса у него нож.

— Кровопийца! — закричал он над повергнутым. — Грязный душегуб, убивший мою двоюродную сестру! Я давно разыскиваю тебя, изверг!

— Как? Разве мать у Армины была мусульманка? — забормотал ошеломленный халиф.

— Да, была! Была! Ты многого не знаешь, злодей!

— Убийца! — приговаривал второй. — Я могу подтвердить!

Братец не раздумывал долго — он уже занес над Асланом нож, но люди вокруг зароптали и окружили парней:

— Остуди горячую кровь, мусульманин! Какая польза тебе от того, что убьешь человека?

Кто-то бросил к ногам мстителей горсть монет.

— Прими за сестру виру, отпусти несчастного! — причитали они, и когда перед мстителем образовалась внушительная куча денег, он успокоился наконец и, спрятав кинжал, отшвырнул от себя Аслана.

И Аслан уединился на берегу, наблюдая за медленно падающим в море солнцем.

— Так вот ты где, почтенный? — остановился у него кто-то за спиной. — А мы тебя ищем по всему городу. Держи свою долю! Ты ее честно заработал! — звякнув, к ногам Аслана упал туго набитый кошелек.

Подняв взгляд, он с удивлением увидел перед собой молодых людей, что так жаждали у мавзолея его крови. Но сейчас они прилежливо улыбаются.

— Прости, что напугали тебя, незнакомец, — одобрительно хлопнул по плечу халифа «мститель».

— Но сам знаешь, не просто добываются деньги на этом свете. А за грехи свои не переживай — не было у меня никакой двоюродной сестры! Но благодаря твоей исповеди мы собрали виру — тысячу динаров!

— О небо... Осквернители веры! — Аслан медленно поднялся с земли и угрожающе двинулся на плутов. — Подонки!

Одного он свалил с ног ударом головы в подбородок, второго заставил скрючиться, остановив ему дыхание пинком колена в живот.

Швырнув в них кошелем, удалился...

Легкий бриз колышет над гаванью кронь палым, приспущены паруса рыбацких и купеческих барок.

Вечер. В пестрой разноязычной толпе бредет наугад вдоль пристани отвергнутый халиф.

Поблизости показались глашатаи, и громовые голоса вспороли над берегом тишину: — Люди города, слушайте! Под флагом пророка в гавань зашел тайяр досточтимого везира Джабара!

Халиф встрепенулся от неожиданности, поспешил за глашатаями, внимая каждому слову.

— Везир ищет того, кто носит имя льва и в месяц нисан покинул родную обитель и не вернулся! — загадочная речь глашатая оказалась понятна одному лишь Аслану. Мигот отыскал его взгляд тайяр под зеленым флагом...

И вскоре он взбегал по настилу на палубу. Спиной к нему у мачты замер в раздумье везир. Аслан вздохнул с облегчением и не спеша, желая оттянуть радостную долгожданную минуту, двинулся навстречу своему спасителю. Лоб от волнения у него покрылся испариной.

Джабар резко обернулся к нему.

— О исчадие ада! — со стоном вырвалось у Аслана.

Наглый хохот прокатился над палубой, из-за мачты выглянул карлик в маске.

— Ты связан с Ашуром! Заговорщик! — ринулся на Айр Закара Аслан.

Но путь ему перекрыли вернувшиеся на корабль глашатаи — кто-то подставил ногу, Аслан грохнулся на снасти и очутился в стальных тисках у дюжих парней.

— О солнце лучезарное, озаряющее землю ярче небесного светила, — издевательски склонил голову перед вырывающимся хали-

фом Айр Закар. — О жизнь, дающая нам дыхание... — И отобрав у карлика маску, он прицепил ее к пустующей корзине. — Пожа-луйте на свое прежнее место, владыка...

Мучаясь от оскорбления, Аслан пытался дотянуться до колдуна, и ненароком кулак его зацепил карлика, отчего маг временно оказался без костыля... Однако натиск озверевшей команды сломил сопротивление Аслана — связанного, его втиснули кое-как в корзину, причем вниз головой.

— Разверните башкой вверх, мозги должны быть ясные, — великодушно произнес Айр Закар. — И оставьте меня с ним наедине...

Перебирая четки, он подошел к корзине и дружелюбно заглянул пленнику в глаза:

— «И халиф Аслан после долгих странствий вернулся на трон...» — подражая пафосу летописца, стал декламировать колдун. — «И в народе прозвали его царем-дервишем, и люди бесконечно верили своему царю... ведь он познал на себе их нелегкую долю...» — Тут Айр Закару надоело фиглярничать, и хищный лик его грозно навис над корзиной. — Тебе этого хочется, да? Быть любимым хочется, не так ли? Но историю не обманешь, солнце ты лучезарное! И никогда не назовут тебя царем-дервишем! Ты не способен быть дервишем, странствующим монахом. Все твои помыслы об одном — вернуть власть и по-прежнему унижать людей, наслаждаться сытой жизнью и мелкими страстишками!

— Короче, — перебил его Аслан. — Что тебе нужно от меня, чернокожничек?

— Поклянись мне сейчас на Коране, — сухо продолжал колдун. — После того как великий таиб Айр Закар вернет тебе корону, ты отдашь ему на вечное правление Хоросан.

— Для чего тебе Хоросан? — рассмеялся халиф. — Для сытой жизни, вседозволенности, мелких страстишек... — не договорив, он плюнул в лицо чернокожничку.

Прикрыв глаза, колдун спокойно утер рукавом лицо.

— Ну что ж... Придется устроить тебе свидание с Ашуром. В трюм его!

Не подозревая, что происходит над их головами, Сухайль и девочка драили в трюме полы. Вдруг распахнулся люк, послышались проклятья, и вниз по ступеням, опрокинув ведро, прогрохотала корзина... Обе отскочили к стене, и люк над ними захлопнулся.

А рядом, за деревянной решеткой, разделявшей трюм надвое, спали рабыни. Одна из них вскинула спросонья голову, прислушалась к прозвучавшему в трюме

мужскому стону и, обругав Сухайль: — Глухая распутница! — снова уснула.

Узнав голос халифа, первой прильнула к прутьям девочки:

— Повелитель.

— Тише, — предупредила ее Сухайль и распахнула крышку. Ловко, одним рывком она ослабила на халифе веревку...

И вот наступила глубокая ночь, и над мачтами повисла луна... С палубы доносились храп и тяжелая поступь прогуливающихся по таййару стражников...

С опаской поглядывая на безмятежно спавших за решеткой рабынь, Сухайль прошептала: — Вам придется снова влезть в корзину, повелитель.

Халиф подчинился.

— Крышку я повяжу слабо, так, чтобы вы могли выбить ее... А утром на базар понесут семь рабынь, и я подложу им вашу корзину, а эту метку, — она кивнула на валяющуюся у ее ног маску, — подвяжу к какой-нибудь из оставшихся...

— Да хранит тебя Аллах, добрая ты душа, — с благодарностью кивнул ей Аслан. — Но я не успокоюсь, пока вы не покинете этот проклятый корабль. Обещайте мне.

— Будет по-вашему, повелитель...

— А я за день скопила еще четыре дирхема... Они пригодятся вам, о царь времени...

Растроганный Аслан попробовал возразить девочке, но она насильно протиснула в карман его халата монеты.

В разгаре утренний базар... Людской гвалт на берегу перекрывает шум прибоя... Айр Закар откинул крышку у одной из семи корзин и выразительно обрисовал рукой округлый женский силуэт:

— Прикройте глаза и смотрите не сразу, иначе ослепнете!

Покачиваясь, из корзины появилась смуглянка. Айр Закар выпустил из-под руки карлика, тот ловко скинул с рабыни халат. В толпе восхищенно присвистнули.

Вперед выступил рыжебородый детина: — Называй цену!

— Заплатишь за нее золотом столько, сколько в ней веса. Остальные корзины отдаю к ней впридачу, — весело объявил Айр Закар. Смуглянка с вызовом оглядела рыжебородого.

— Твой взгляд, красавица, вонзается в меня, словно меч, — надменно причмокнул рыжебородый и дотронулся рукояткой кинжала до подбородка рабыни: — Ну-ка умойте ее! — кивнул он окружившим его молодчикам.

Подали таз с водой, и сопротивляющейся смуглянке силой ополоснули лицо, по которому сразу потекла краска. Толпа зароптала, а рыжебородый резким движени-

ем руки сорвал с головы рабыни парик. Девушка вскрикнула.

— Как видишь, никто здесь не ослеп, — угрожающе двинулся он на Айр Закара. — Наоборот — мы прозрели! Вот почему ты прячешь товар свой в корзинах! Смотри же, колченогий... Как бы тебе не пришлось обзаводиться карликом и под правую ногу!

— Но пока этого не случилось, — помрачнел Айр Закар, — у тебя есть возможность испытать ее силу! — В стремительном повороте колдун нанес ногой сокрушительный удар в грудь обидчику, и тот повалился наземь. Отряхнув голову, потрясенный покупатель пронзительно свистнул.

И два десятка здоровенных парней, находившихся в толпе, выхватили клинки и легко отогнали от корзин людей Айр Закара. А в колдуна уперлись со всех сторон наконечники копий.

— Ты мог бы кое-что иметь за своих плешивых рабынь, а теперь... — отряхнувшись, поднялся с земли рыжебородый. — Вот, надень на своего лысого карлика, — и он швырнул в лицо Айр Закару парик.

Дружно подхватив корзины с рабынями, разбойники покинули базар. Замыкавший бандитскую процессию юнец вернулся и, с вызовом поглядев на оцепеневшего Айр Закара, отобрал вдруг у продавца-индуса клетку со змеей и припустил наутек...

И вот шхуна под черными парусами бороздит морскую гладь. Пираты разместились вокруг винной бочки в тени паруса, стараясь не замечать жалобных стонов, доносившихся из корзин:

— О небо! Пошли нам дождь... Глоточек воды... Пить...

Пекло солнце, и все сильнее горячило разбойничью кровь молодое вино...

А на Айр Закара свалилась еще одна напасть.

— О хранитель тайн и сновидений! — выбежал навстречу ему по трапу один из слуг. — Подменили корзину с маской, — перешел он на шепот. — Малоумный, требовавший у вас корону, исчез... А эти благодарные сучки, — ткнул он в сторону дравящих палубу девочки и Сухайль, — час назад пытались бежать...

— Вот как? — глаза у Айр Закара полыхнули дьявольской желтизной. — Видно, висеть им обеим на мачте... А пока пусть домоют палубу... — И гнев обуял колдуна: — Поднять паруса! О ангелы Закир и Мунир! Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу, рыжий — уже покойник! Приготовьтесь же учинить разбойникам допрос у врат ада! Это говорю вам я — великий Айр Закар! Застучал мой барабан и засвистела моя флейта, и не будет от меня пощады. вра-

гам! Насмолите же стрелы, мои верные сарбозы, и приготовьте кремни! Гореть им в огне на этом и на том свете!

И тайяр Айр Закара устремился на тугих пиратах за разбойниками.

Преданные колдуну воины установили на носу судна огромный деревянный чан, куда вся команда дружно сливала из кувшинов черную жидкость.

Карлик покрикивал на Сухайль и девочку — им тоже пришлось вместе с остальными таскать смолу. А лучники тем временем обматывали паклей наконечники стрел, заговаливая грозное оружие...

А под черными парусами веселье в разгаре...

— Питье без музыки причиняет лишь головную боль! — пританцовывая на заплетающихся ногах, разгулялся виночерпий. Кто-то взял в руки саз. Мелодичные звуки потекли над палубой.

— Сам я тоже питаю страсть к музыке, — мечтательно произнес рыжебородый. — Музыка уводит нас блуждать в страну грез... — Икнув, он добавил: — Ну-ка покажите что-нибудь из сегодняшнего улова.

Пираты сбили крышки с двух крайних корзин, и появившиеся из них рабыни повалились, обессилевшие, на сложенный под мачтами парус.

— Э-э-э... — разочарованно протянул молодой разбойник. — Вот как дурачит порядочных людей хромой мошенник!

— Принесите им зеркало, пусть хоть причешутся, — пренебрежительно махнул рукой рыжебородый. — Давай сюда ту, которую мы похитили в Алеппо!

Из трюма вывели стройную девушку с короткой черной чадрой на лице.

— Покажи-ка, на что ты способна, красотка! Танцуй! — подбадривали ее пираты.

Но девушка не шелохнулась.

— Зря мы что ли старались в Алеппо? — кто-то из разбойников решил заглянуть под чадру, но девушка ударила его по руке.

— Дайте воды... Пить... — прозвучало из под чадры.

— Налей-ка ей, да щедро! — рассмеялся рыжебородый.

Девушке поднесли кубок с вином. Так и не приоткрыв чадры, она залпом утолила жажду.

На палубу вынесли внушительных размеров вогнутое зеркало, больше похожее на астрологический прибор. Его со смехом установили перед лежащими под мачтами девушками и стали над ними потешаться — изможденные рабыни отразились приплюснутыми-толстыми.

— Воды... Пожалуйста... — попросила одна из них.

— Приведи лучше себя в порядок! — последовал ответ.

— Напайте их, атаман, — обратилась к рыжебородому девушка в чадре.

— Твое дело — развлекать нас! — и рыжебородый хлопнул себя по бедру, приглашая ее к танцу: — Не тхни время! Танцуй!

Девушка с досадой швырнула под ноги рыжебородому халат, осталась в золотистых шальварах.

Восхищенные пираты расступились.

— Сними и чадру! — подскочил к ней однорукый.

— Нет! — с вызовом ответила девушка.

— Она не показывает своего лица и не называет имени, — вступился за похищенную старый пират. — И это ее право.

— Ладно. Пусть танцует в чадре! — разрешил рыжебородый. — Так даже интереснее.

К звукам саза, чеканя ритм, присоединилась дойра... Вскинув вверх руки, девушка вошла в круг.

Гибко покачиваясь, она заскользила перед захмелевшими разбойниками.

— Твой танец крепче вина, красотка! — упал перед ней на колени виночерпий.

Заметив юношу, у ног которого находилась клетка с коброй, она плавно приблизилась к нему и, распахнув вдруг на клетке крышку, схватила змею за голову. Играя извивающейся лентой, набросила ее на плечи... Змея заскользила по ее телу, и разбойники от восторга взревели... Испуганная стая чаек метнулась от корабля.

Даже дозорный спустился с мачты и, разинув рот, пожирал взглядом танцовщицу.

— Сжальтесь над нами... Пить, — стонали в корзинах, пока девушка огибала их в танце.

— Неужели жалко воды, атаман? — обернулась танцовщица.

— Не указывай мне, рабыня! — обезумел от хмеля рыжебородый.

Девушка остановилась.

— Не смей называть меня рабыней!

— Танцуй! — побагровел атаман.

— Не буду! Можешь убить меня!

— Убить? — рыжебородый угрожающе двинулся на нее. — По-твоему, мы головорезы? — и сорвав чадру, он наотмашь хлестнул ею девушку по лицу. На губах у нее появилась кровь...

Как же она изменилась — Армина! За считанные недели посеребрилась жгучая смоль волос... И отмечено ранней морщинкой чистое юное чело... Но по-прежнему лучисты и глубоки ее глаза, лишь прибавилась в них печаль... И Армина швырнула в обидчика кобру...

От неожиданности рыжебородый грохнулся на палубу. Смолкла музыка... Кто-то расхохотался навзрыд.

Кобра, извиваясь, приближалась к рыжебородому. Приподняв голову, она замерла не-

подалеку... Перед остекленевшим взором атамана скользнуло раздвоенное жало...

— Армина! — разорвал вдруг тишину чей-то отчаянный голос.

Девушка обернулась... Из дальней корзины медленно, будто в сновидении, появилась Аслан...

И распахнулось между ними алое поле тюльпанов. Стремительно и долго бежит по нему Аслан...

Подхватив валявшийся на палубе халат, он остановился наконец перед Арминой и, прикрыв халатом ее наготу, нежно прижал к себе.

— На том я или на этом свете, Армина?

— Сухайль спасла меня, Аслан,— печально улыбнулась она.

А там, где только что полыхали тюльпаны, двое дюжих пиратов, крихтя и ругаясь, раскачивали бочку с остатками вина... Волна хмельной влаги в мгновение смысла змею за борт.

Тяжело поднявшись на ноги, рыжебородый, покачиваясь, направился к Аслану и Армине.

— Убери свои грязные лапы от моей рабыни! — с силой оттолкнул он халифа от девушки.— Ах ты тварь... смерти моей захотела? — дыхнул он в лицо Армине винным перегаром.— За борт ее!

— Трус! — с вызовом выпалила Армина.

— К акулам! — побагровел атаман.

— Не гневите Аллаха! — взмолился халиф.— Убейте лучше меня!

— Одумайся, атаман,— склонился к рыжебородому старый пират.— Стоит ли бросать в океан столько золота? На рынке ей не будет равных...

Старик хотел что-то добавить, но почему-то вдруг захрипел и беспомощно стал заваливаться на спину — из груди его торчала пронзившая навывлет дымящаяся стрела... И он замертво рухнул к ногам рыжебородого.

Пираты увидели вдруг быстро наступающий их таййар, над палубой которого воинственно возвышался Айр Закар. И страшный, огненный град осыпал пиратскую шхуну, и вода вокруг корабля закипела. Дымились уже доски. Над морем повис женский визг.

Вспыхнули сложенные на корме канаты... Началась паника... Осоловевшие от вина пираты вооружились луками, но их пьяные стрелы беспомощно рассеялись по морю. Какой-то отчаянный смельчак попробовал атаковать таййар с мачты, но зелье сыграло с ним злую шутку — потеряв равновесие, горе-воин рухнул в пучину.

Напуганные девушки сгрудились, между тем, за каютой, а рыжебородый неволил их сверху рыбацьею сетью: — Лежите тут без звука!

Армину вырвали из объятий Аслана и бросили на снасти...

Наклонившись, Аслан поднял отскочивший к его ногам нож. Спрятав его и переступая через тела сраженных, он подошел к зеркалу...

— Поднять все паруса! — в миг протрезвел атаман и в отчаянии поглядел на отстреливающихся наобум собратьев, у которых главной мишенью оказалось море.

Недалеко от Аслана что-то вдруг ослепительно полыхнуло... Он оглянулся на зеркало и тотчас же поволок его к корме... Расталкивая пьяниц, пытавшихся погасить очаги пожара халатами, он взгромоздил зеркало на борт...

А с приблизившегося таййара расстреливали в упор, и рыжебородый лишился уже лучшей половины своей команды... Аслан развернул зеркало и, поймав солнечный отблеск, направил его на таййар...

— Жги нечестивцам глаза! Режь им канаты! — стали подбадривать его пираты.

И на корабле у Айр Закара что-то вдруг задымилось.

— Тушите же! — камчой стал хлестать слуг Айр Закар.

Те гурьбой носились по палубе, нечаянно кто-то сбил с ног карлика...

Аслан пригляделся, и солнечный луч нащупал на палубе таййара чан с горячей черной жижей. Вмиг ослепленные сарбозы отпрянули в сторону... Чан вспыхнул, и огненный столб вознесся над палубой, беспощадно сжигая корабль...

Пылали мачты, паруса. Огонь сбивали одеждой, передавали друг другу ведра с водой, плакали, молились...

Рядом с Айр Закаром упал сначала спаленный канат, затем беспомощно повис над его головой парус.

Охваченные огнем, один за другим с криками прыгали в воду слуги...

Металась на палубе в поисках девочки и Сухайль. Заметив наконец малышку, стонущую под тяжестью огромного хума, Сухайль бросилась ей на помощь и, раздирая в кровь руки, вытащила ее... Объятые со всех сторон пламенем, они схватились за руки и вместе выпрыгнули за борт.

Один лишь Айр Закар оставался невозмутим. Он хладнокровно наблюдал за гибелью своего корабля.

— Ну что ж, малыш, настал и наш черед... — таиб протянул руку карлику, и в это мгновение палуба под ними затрещала. В фейерверке искр таййар задрал к небу корму и устремился в объятия пучины.

— Что же я натворил? — опомнился вдруг халиф и опустил к ногам зеркало.— А если Сухайль и девочка не удрали еще с корабля? — В висках у него стучало, и он

не расслышал даже ликующего рева устремившихся к нему пиратов...

— Не видел ли кто из вас девочку и молодую женщину на тайяре? — от страха его зазнобило.

— А как же! Они уже в гостях у акул! — со всех сторон хлопывали его пираты. Один лишь атаман держался подчеркнуто отчужденно и делал вид, будто изучает устройство зеркала.

— Как же я не подумал о них? — понуро отойдя в сторону, сокрушался Аслан. — Нет мне прощения... Видно, проклята судьбой, и суждено умереть мне злодеем...

Поблизости, задыхаясь и кашляя, выкарабкались из сетей рабыни. Мимо Аслана пронесли чей-то труп... Отыскав взглядом Армину, он сделал ей тайный знак и неожиданно исчез в трюме. А рыжебородый уселся на ступенях лестницы и, обхватив руками голову, с горечью смотрел на мертвых.

Появившись из трюма, Аслан медленно прошел мимо Армины и, задержавшись, шепнул:

— В трюме, где они тебя держат, я спрятал нож... Что бы со мной ни случилось, подпили ночью решетку... Во время стоянки попробуй бежать...

— Нет мне без тебя жизни, Аслан! — бросилась к нему Армина.

Он крепко обнял ее. У рыжебородого, словно от зубной боли, перекосило физиономию. Вскинув руку, он угрожающе произнес:

— Хромой нас прервал на самом интересном месте, не так ли? — и он перевел свой взгляд на Аслана. — Продолжим наш разговор... Вижу, ты не из робких, и поступок этой подлой твари, — погрозил он Армине, — готов был, кажется, принять на себя?

— За все отвечаю я, — твердо ответил Аслан.

— Хотя ты и дерзишь, но я не стану проливать твою кровь, — глаза у атамана медленно наливались яростью. — Мы люди благородные и ценим твою помощь... И судьбу твою мы доверим Всевышнему. Приготовьте для него бочку!

Пираты подхватили халифа, поволокли его к корме.

— Одумайтесь! — кинулась за Асланом Армина, но рыжебородый схватил ее за руку.

Команда зароптала. Вперед выступил белокурый парень:

— Да ведь он спас сейчас нас, атаман! Мы бы с тобой уже на дне морском рыб кормили!

Отпустив девушку, рыжебородый потянулся к валявшемуся у его ног копыю. Прикинувшись, будто поднял оружие из любопытства, он вдруг резко метнул копьё в зачинщика бунта.

Пронзенный навывлет, белокурый упал за-мертво.

— Вот ты и будешь кормить рыб. — И, переступив через труп, рыжебородый направился к бочке. С угрюмым видом команда двинулась за ним следом.

— Прощай, Армина, — обернулся к жене Аслан.

Его подхватили с обеих сторон, но резким движением плеч он стряхнул с себя разбойников и не торопясь залез в бочку без посторонней помощи.

А рванувшуюся к нему Армину задержали и оттащили назад.

И небо над Асланом погасло. Раскачав бочку, пираты выбросили ее за борт.

Но не один Аслан оказался в объятиях моря...

Уцепившись за обломок мачты, Сухайль протянула руку барахтающейся рядом девочке и подтянула ее к себе.

Тяжело дыша, они вскарабкались на бревно. Поблизости вдруг кто-то зафыркал, и они увидели цепляющихся друг за друга карлика и табиба... Оба бессмысленно молотили по воде руками, пока табиб машинально не оперся о лысую голову... Это помогло ему продержаться на воде ровно столько, сколько потребовалось, чтобы ухватиться за канат и подтянуться к мачте... «Костыль» же, пустив пузыри, навсегда исчез в океане.

С жаром, словно возлюбленную, обнял Айр Закар мачту. Отдышавшись, заметил вдруг служанок.

— Ах, вот вы где... — сощурился он, но злость в нем, должно быть, иссякла. — Теперь у меня за душой ни гроша... кроме вас, крошки, — признался Айр Закар.

Наутро, когда забрезжил рассвет, океан разбушевался, свирепый и бурный.

Стонали на берегу деревья, а над гребнями разъяренных волн взлетела бочка... У самого берега лобастые валуны задержали посудину. Затрещав, бочка уперлась в камни, и хрустнули доски...

А на берегу, за деревьями, промелькнула чья-то тень.

Аслан поднажал плечом, и яркий свет хлынул в брешь. Он просунул в нее руку, ухватился за камень. Переждал спад волны, подтянулся и, слава Богу, выкарабкался из заточения. Его мутило, покачиваясь, он миновал своды береговых гротов и, увидев перед собой лес, скрылся в его чаще...

Пели птицы, журчала неподалеку вода... И Аслан вдруг увидел сидевшего рядом с речкой человека, вся одежда которого состояла из пальмовых листьев, а лицо было скрыто шляпой из лопухов.

Человек тихо плакал.

— Что с вами, почтенный? — остановился Аслан.

— О добрый человек! Силы с каждым днем оставляют меня, и я не могу даже перейти этот ручей, — скрипучим старческим голосом произнес незнакомец.

— Я вам помогу, почтенный, — и халиф притсел перед старцем на корточках.

Тот проворно оседлал его, и Аслан легко пересек вместе с седоком речку.

— Вот мы и на другом берегу, почтенный, — пригнулся Аслан.

Но цепкие жилистые ноги больно сдавили ему грудь и, ухватив халифа за горло, старец стиснул его до удушья.

— Эй... Эй, почтенный, что за шутки? — захрипел Аслан, и тут над его головой раздался знакомый демонический хохот:

— Не родился еще человек, который перехитрил бы Айр Закара!

Халиф подпрыгнул, пытаясь сбросить наглого седока, но его беспомощная суетливость лишь позабавила Айр Закара.

Обессилев, халиф рухнул на четвереньки.

— Вот теперь ты обрел свой истинный облик, царь времени, — стал халифом всех ишаков! Хых! Хых! — понукая Аслана, издевался Айр Закар.

Плечи халифа затряслись от беззвучных рыданий, отчего табиб стал весело подпрыгивать, как на дребезжащей по бульжнику арбе.

— Хых! Хых! — Айр Закар подхватил с земли хворостину, начал тыкать ею в шею халифа. — А-а-а... Ты еще и упрям? Ничего, ничего... сейчас ты повезешь меня... — И зрчки у Айр Закара полыхнули магическим огнем: — Ты осел... ты хороший, сильный, послушный осел... — нараспев стал повторять табиб, обведя несколько раз ладонью вокруг головы Аслана, — твой отец был осел, и твой дед был ослом... А теперь вставай и неси меня... Хых! Хых!

Глаза у Аслана затуманились поволокой, он покорно поднялся и, закричав под грузным седоком, побежал трусцой.

На песчаном берегу за густой паутиной корней прижались друг к другу и спали Сухайль и девочка. Вывороченное дерево, под которым они приютились, убаюкивало тихим, успокаивающим похрустыванием.

Первой проснулась девочка. Опасливо, словно затаившийся в норке зверек, она выглянула из укрытия.

Рядом ревели море. Волны усилились, били жестче... Неподалеку, пытаясь оторваться от застрявшего среди камней обломка мачты, громко трещал на ветру кусок обгоревшего паруса.

— Хых! Хых! — донеслось со стороны леса.

— Ой! — вскрикнув, зажала себе губы

девочка и в испуге забилась в глубь норы.

Сухайль открыла глаза, увидела перед собой онемевшую девочку и осторожно, на животе, выползла из норы. Возглас удивления замер у нее на устах — на опушке леса верхом на халифе появился Айр Закар.

— Такое даже в страшном сне не увидится, — медленно прошептала Сухайль. Переглянувшись, они понимающе кивнули друг другу.

А халиф все метался под седоком, взбираясь вверх по скалистым гrotам.

— Что ты задумал, кровопийца?! — подпрыгивал он, все еще пытаясь сбросить Айр Закара. Увесистый удар по голове снова вернул его в покорное состояние.

— Хых! Хых! — торжествовал Айр Закар, и тут вдруг халиф почувствовал, как ноги у колдуна конвульсивно задергались... Над скалами прокатился истерический хохот, перешедший неожиданно в хрип...

Откуда было знать несчастному, что подкравшиеся сзади Сухайль и девочка нежно щекочут пальцами босые пятки табиба?

Задыхаясь, Айр Закар беспомощно дергался на плечах у халифа и, чтобы не разомкнуть ноги, царапал обеими руками собственное горло, будто пытался избавиться от удушья, сдавленно и жалобно стонал... Дикие возгласы над головой у обомлевшего халифа усиливались, а девочка и Сухайль все нежнее и нежнее обрабатывали грязные пятки.

— Порошок гум-гум... О духи воздуха! — бился уже в истерике колдун. — Дайте, дайте мне порошок гум-гум... — и с застывшей гримасой смеха на лице Айр Закар почувствовал, что теряет сознание.

Увидев перед собой острый выступ, нависший над тропой, Аслан собрал остаток сил и засеменил под выступ. Он сдвинул колдуну ноги, ускорил бег — нависший камень стал неотвратимо приближаться... Девочка и Сухайль невольно отстали... Глухой удар прозвучал над халифом.

— Ой-я... — оборвался предсмертный вопль.

Аслан осторожно выполз из-под камня... Внизу, будто в котле, кипело море, и набежавшая волна поглотила безжизненное тело колдуна. Подняв голову, халиф увидел на камне кровавое пятно... И тут он вдруг обнаружил над собой улыбающуюся Сухайль и девочку.

— Милые... Вы живы? — хватило у него сил только на эти слова, и скалы перед ним качнулись, и мир полетел в бездну...

Над голубой стихией ярко светило солнце. Покачивался на воде связанный канатами, сооруженный из обломков мачт и досок плот под обгоревшим парусом.

Под мачтой дремала девочка, а халиф слушал рассказ Сухайль.

—...И тогда я решила,— продолжила она,— пусть казнит Армину сам отец...

Под лучами солнца море искрилось, уводя мысли халифа в недавнее прошлое...

...Голову его украшала зеленая чалма с вышитой золотом огнедышащей коброй — покровительницей династии. Широкое ожерелье из драгоценных камней давило на плечи. Аслан мрачно смотрел перед собой из царских носилок.

...Одетый в черное Баграг не спеша провел за руку свою дочь к башне.

Армина закрыла ладонями глаза, опустилась на колени. И тут же над ней возникли двое с белым саваном на вытянутых руках. Набросив на обреченную покрывало, они повалили ее на землю и торопливо запеленали.

Тяжело ступая в темноте по винтовой лестнице, Баграг остановился у проема, из которого выглянула Сухайль. Вдвоем они быстро освободили от савана Армину и, схватив приговоренную за руку, Сухайль затасила ее в проем. Тут же из темной ниши Баграг принял от них обернутую в саван куклу.

На площадке он бережно опустил на барьер «жертву» и отыскал взглядом царя.

Аслан огладил ладонями бороду и произнес:

— Омин... Аллах... Акбар...

И кукла полетела вниз...

...Взошла луна, и вспыхнула на воде серебристая дорожка, на которой покачивался плот. Сухайль и девочка спали, а халиф задумчиво смотрел на бликующую под лунной водой. Серебристая дорожка провела его рассеянный взгляд к скалистой расщелине, где обозначились знакомые контуры пиратского корабля.

— Армина... — имя ее прозвучало, как вздох.

Схватив доску, халиф стал грести к берегу...

На тускло освещенной корме пиратской шхуны сидели друг против друга двое молодых разбойников, один из которых рассказывал другому леденящую душу историю:

— Собственными глазами видел, клянусь! Сначала отодвинулась надгробная плита... Потом вдруг вижу — из-под земли — костлявая рука с длинными когтями...

Слушателя прошибло ознобом — вытаращив глаза, он поежился...

А из-за борта появилась мокрая голова. Аслан бесшумно влез на палубу, оглянувшись, увидел валяющуюся на снастях алебарду. Он поднял ее и направился к корме, оставляя за собой мокрый след.

Увлеченные беседой пираты не сразу заметили приближающуюся фигуру в белой рубахе даш-даш. Халиф остановился за спи-

ной у рассказчика и признал обоих пиратов, которые совсем недавно заталкивали его в бочку...

Приоткрыв рот, один из разбойников залепетал что-то бессвязное, показывая рукой на «привидение». Второй с опаской обернулся.

— Посланник Азраила... Посланник Азраила... Пощади нас... Мы не хотели тебя убивать,— залихорадило обоих. Халиф даже не шелохнулся, когда молодчики сорвались с места и ринулись к трюму...

Захлопнулся люк, звякнули засовы.

Халиф остановился над люком, надежно запер его и снаружи...

Подхватив светильник, поспешил вниз, к каютам...

— Армина! Армина! — одну за другой распахивал он двери безлюдных кают. Наткнувшись на пустые корзины, закричал от отчаяния:

— Куда вы их подевали, бандиты?!

Но корабль безмолствовал, будто вымер...

Обнаружив кувшины с горючей жидкостью, он прихватил один из них, смочил заготовку факела и, запалив его от светильника, снова оказался над трюмом, где только что скрылись пираты.

— Слышите меня? — склонился он к люку. — Или вы скажете правду, или я сплыву вместе с вами корабль! Где девушка, которая была похищена в Алеппо?

Внизу послышалась возня, однако пираты не отозвались.

Из горлышка кувшина потекла в щель черная жидкость.

— Горючего здесь достаточно, вы меня поняли? — застучал ногой по люку халиф и приблизил пылающий факел к щели.

— Э-эй! Убери подальше огонь! Мы готовы говорить с тобой! — донеслось из-под люка.

— Так где же она! — рассвирепел халиф.

— Твоя возлюбленная час назад одурачила нашего атамана и сбегала, — стоя в нелепой позе на лестнице, прокричал в щель пират.

— Лжешь! Куда же подевались остальные?

— Остальных он продал вчера на базаре, а твою берег для наместника Басры, — поспешил ответить второй разбойник.

— Ну что ж... — снова опустил факел халиф. — Вы мне так ничего и не рассказали. Прощайте.

— Ты способен на все, мы знаем! Но погоди, погоди! — завопили пираты. И, перебивая друг друга, стали рассказывать: — Она далеко не уйдет, не волнуйся... Здесь на десятки фарсахов — пустыня и некуда податься... Одно лишь единственное селение маджусов...

— Где рыжая борода? — прервал болтовню Аслан. — Почему корабль причалил сюда?

— Потому что у здешних маджусов за-

нятный обычай,— оттолкнув приятеля, протиснулся к щелке более разговорчивый.— В эту ночь они молят идолов о плодородии и первую борозду доверяют своим женщинам, ибо женщины — суть плодородия... И ни один мужчина у них не приближается этой ночью к полям! Теперь ты понял, почему здесь корабль и куда ушел атаман?

— Шакалы! — швырнул за борт горящий факел халиф и, вспрыгнув на перила, бросился в воду...

...Тлеет за облаками луна, скупо освещая путь выбившейся из сил Армины. Теряя тропу, она плутает в потемках, спотыкается, падает...

Приближающийся волчий вой заставляет ее остановиться... Она поворачивает назад, беспомощно мечется в зарослях... Бежит по заваленной валунами равнине...

...Вынырнув из воды, халиф устремился на берег, где поджидали его у плота Сухайль и девочка.

— Сухайль! — протянул он к девушке руки.— Не знаю, суждено ли еще раз спасти Армину? А пока луна не укрылась за горами, попробуй достичь селения маджусов — видишь, тот огонек? Подними всех мужчин, скажи им — по полям рыщут разбойники, чтобы умыкнуть их женщин. А я отправлюсь к тем далеким кострам... Может, встречу Армину.

Сухайль молча кивнула и вместе с девочкой скрылась в ночи.

...Волчий вой загнал между тем Армину к скалам. Она карабкалась все выше и выше, и взору ее открылась вдруг освещенная кострами равнина с маленькими фигурками буйволов и людей... Искра надежды блеснула в глазах у девушки и, преодолевая страх, она поспешила к кострам...

А навстречу Аслану двигалась на ослике женщина, укутанная в белое покрывало.

— Послушай, сестра,— бросился к ней халиф.— Разбойники задумали похитить ваших женщин. Надо предупредить всех и скрыться...

Незнакомка приподняла покрывало, и огулительная затрещина отбросила халифа с тропы.

Рыжебородый подъехал ближе, с изумлением пригляделся к Аслану, который провел ладонью по окровавленному рту.

А за спиной у рыжебородого появились еще двое.

— Думал ли ты когда, о Массуд вислоухий, что простые смертные твари, которых мы с тобой отправляем к акулам, вновь появятся на нашем пути?

Опознав Аслана, пираты были ошарашены не меньше атамана:— Все мы когда-нибудь

войдем в ту самую дверь, но неужели есть и выход оттуда?

Они навалились на халифа, опутали его жгутами. Затем набросили на него сеть.

Потрескивал от костров бархат июльской ночи, в отблесках пламени возник вдруг загадочный ритуальный танец зороастриек.

И зазвучала флейта... Девушки скинули с себя одежды, подошли к быкам, покрытым драгоценными покрывалами. Могучие шеи окольцованы венками из мирты и роз, позванивают на беспокойных рогах колокольчики.

За камнями, в канавах, в кронах деревьев затаились разбойники.

— Эй, атаман,— подтолкнул рыжего локтем вислоухий Массуд.— Погляди вон туда... Далеко не ушла голубка.

Армина приблизилась к полю. Одержимые огнем и молитвой зороастрийки даже не оглянулись.

— Почтенная...— коснулась она плеча какой-то старухи.— Могу ли я остаться у вас?

Даже не глянув на Армину, та утвердительно кивнула ей и, поглощенная молитвой, протянула руку к огню... Танцовщица вдруг махнула рукой — из-за костров к ней стали приближаться девушки с серебряными подносами, наполненными зерном... Не прерывая танца, та, которая олицетворяла богиню плодородия, подошла вместе с девушками к уже вонзившимся в землю плугам. Они положили у ног быков подносы, их платяя соскользнули под пахотные стальные ножи. Девушки ухватились за рукоятки плугов... Ожидавшие их подруги взяли за ремни на буйволиных мордах... Животные напряглись, и в отблесках костров под звон колокольчиков родилась первая борозда...

Следом за пахотницами двинулась оставшая община, подбирая на ходу лоскутки изрезанных ножами платьев. Огненными лентами затрепетали лоскутки в волосах у женщин.

От горячего дыхания поравнявшихся с ней быков повеяло домашним теплом. Нагая девушка оторвалась от плуга, недоверчиво поглядела на незнакомку.

И тут рыжебородый вложил в рот пальцы — над полем повис разбойничий свист. И над головами огнепоклонниц взметнулись рыбацьи сети. Обезумевшие быки сбрасывали с себя венки и покрывала. Раскачав плуг, рыжебородый и вислоухий забросили его в костер — небо опалилось искрами, и атаман увидел спрятавшуюся за деревом Армину. Схватив сеть, он скрылся в темноте и быстро подкрался к дереву. Ловко накинув на Армину сеть, поволок ее к меже, куда разбойники оттащивали плененных таким же

способом девушек... Веселый разбойничий гвалт смешался здесь с плачем и стонами.

— О бывшая волшебница ласк и наслаждений! — остановился над опустившейся перед ним на колени старушкой рыжебородый. — Мы не какие-нибудь убийцы! Мы устроим вашим дочерям лучшую судьбу, продадим их богатым и достойным людям. — Легко приподняв старуху, он усадил ее на ветку приземистого дерева. — Сиди и не шелохнись, пока след наш не простынет! — Да сделает Господь здоровым твое тело и душистым дыхание! Пощадь дочерей наших... — лепетала с дерева старуха.

Сузив свои совиные глаза, рыжебородый крикнул: — Уходим!

И связанных сетями девушек потянули во мглу.

Далекие удары волн и крики чаек... Рассвет настиг пиратскую команду с ее добычей в глубококом извилистом ущелье.

— Стой, рыжая борода! — прозвучал вдруг откуда-то с неба могучий голос.

Рыжебородый втянул голову в плечи, затравленный взор его заскользил по скалам.

— По какому праву творишь ты зло на нашей земле? — огненно-багровое небо, разгорающееся на глазах, ослепило бандитов.

Пленницы сбились в кучу... Воспользовавшись замешательством, Аслан подался к Армине, но рыжебородый тут же оттолкнул его от девушки и недоверчиво покосился на солнце.

— Отвечай же! — разорвал томительную тишину голос с неба.

— Я не творю зло! — выпалил рыжебородый в страхе. — Я вершу справедливость по указу твоего наместника на земле — гнать презренных маджусов из пределов халифата!

Услышав эти слова, Аслан вздрогнул, в смнении посмотрел на Армину.

Зашуршала посыпавшаяся сверху галька, из-за скалы появилась Сухайль. Медленно она стала спускаться к разбойникам... Озираясь, бандиты увидели, как отовсюду из-за камней возникли вооруженные маджусы... Поблескивали под солнцем наконечники нацеленных на пиратов стрел.

Разбойники расступились перед Сухайль. — Ты врешь, рыжий шайтан, — бросила она атаману и, хватив кинжал, разорвала на руках у халифа веревки. — Прежде чем творить несправедливость, взгляни на себя — чем занимаешься ты в этой жизни? Глумишься над слабыми? Торгуешь тем, что не принадлежит тебе? Ежечасно попираешь Коран?

Она подошла к Армине и освободила ее.

Глаза атамана налились яростью. Выхва-

тив нож, он метнул его в спину девушки... Сухайль вскрикнула и повисла на руках у Армины с кинжалом в спине.

Бросившись к ним, халиф обхватил обеими руками голову Сухайль, склонился над умирающей: — Звезда наша... Сухайль!

— Смерть тебе, рыжая борода! — прозвучал с вершины скалы все тот же грозный голос, и могучего телосложения маджус вскинул саблю.

Сухайль с нежностью взглянула на Аслана и Армину. Сияясь улыбнуться, попыталась сказать им что-то и покинула их навсегда.

— Оставьте его мне! — предупредил маджусов халиф. Бережно опустив у ног Армины безжизненное тело Сухайль, он избавил от сетей остальных пленниц и двинулся на атамана, сжимая в руке окровавленный кинжал.

Пираты отступили, пленницы тут же бросились в глубь ущелья под защиту мужей и братьев.

Протянув рыжебородому кинжал, вертлявый разбойник встал между сходящимися противниками и вскинул руку.

— Договоримся так, — прозвучал в теснине его тонкий голосок. — Коли победит атаман, вы отпускаете нас на волю!

— Прочь с дороги! — ударом ноги отбросил вертлявого со своего пути халиф и схлестнулся с рыжебородым...

Ловко уклоняясь от наскоков пирата, халиф отступал... Рыжебородый умело загнал его в расщелину.

Пираты воспрянули духом.

— Не забудьте о нашем договоре, почтенные! — обращаясь к зороастрийцам, взвизгнул вертлявый.

Но халиф вынырнул из-под разящей руки и, оказавшись за спиной у рыжебородого, едва не поверг его наземь...

Отбив бурный натиск, рыжебородый снова начал теснить халифа...

Присевшая над Сухайль Армина с печалью в глазах наблюдала за поединком...

Загнав Аслана на большой плоский камень, рыжебородый ступил на него сам и с торжествующим хохотом сделал несколько обманных движений, а потом резкими выпадами попытался сбросить халифа с камня... И на сей раз сноровка выручила Аслана, он увернулся и вцепился свободной рукой противнику в запястье. Побагровев, они упали, медленно сползли с камня и покатались по пыльной земле... Зороастрийцы тем временем взяли пиратов в кольцо. А рыжебородый давил уже сверху на хрипевшего под его тушей халифа...

И тут прозвучал над ущельем звонкий голос Армины:

— Не оставляй меня, Аслан!

Взревев, халиф сбросил с себя разбойника

и молниеносным ударом клинка разлучил его с этим миром.

...Взметнулись над бывшей пиратской шхуной белые паруса.

Удаляется холмик с надгробным камнем — с отплывающего корабля печально глядят на могилку Сухайль Аслан, Армина и девочка.

...Все селение маджусов вышло на берег проводить их. Прощально машут руками спасенные девушки...

— Да... мир совсем не таков, каким я его себе представлял,— произнес Аслан, когда берег был уже далеко.

Зороастрийцы, сопровождавшие их на родину, умело управляя парусами, направили корабль в открытое море...

И звучит за кадром голос летописца:

«Да... мир совсем не таков, каким я его себе представлял,— сказал Аслан...— Но будет ли мне прощение?»

И как тогда, на мазаре, долго они молчали, боясь взглянуть друг на друга.

«И ответила ему Армина — чего тогда стоит любовь в этом мире? Разве не ношу я под сердцем твоего сына?»

И Армина протянула Аслану прекрасное спелое яблоко.

А поведал вам эту историю слепой Баграат, который в отсутствие халифа Аслана засвидетельствовал в своих летописях смерть везира Джабара и много других злодейств и бесчинств Ашура...

Могуч и всемогущ Господь, и для всех на земле он один, и жаждет только правды...»

Бушуют над землей ветры, бурные и свирепые. И, окаймленное зловещим нимбом, поднимается из-за моря солнце.

Аслан всматривается вдаль и видит очертания знакомых до боли минаретов. И вздрагивают дворцовые башни — город медленно восстает к охваченному бурей небу, и печаль охватывает Аслана: — Мираж...

Мираж ли?

Подгоняемый бедуином верблюд уносит трон-город через пески, через горы, через сады навстречу вспыхнувшему на небосклоне полумесяцу...

«Куда держишь путь, Аслан? Вернешься ли на престол? Или уединишься в тихой обители с любимой? Будешь ли мстить Ашуру? Или воздашь молитвы спасительнице своей Сухайль...»

И как мать склоняется над ребенком — над лютней склонилась Армина:

И есть для счастья все,
нам ночь приносит в дар.
Тебя, меня, вино и золотой

динар.

Спешите же счастье взять —

минует сладкий час,

И сказка лишь одна останется

от нас...

Слепой Баграат сидит в китебхоне рядом с отроком, который старательно выводит каламом на папирусе:

ОМИН

И закрывается книга восточных преданий.

1987—1989 гг.

Альфред
ХИЧКОК

КОРОТКАЯ НОЧЬ

Лондон. Артиллери-роуд. 6 час. 45 мин.
Сырой осенний лондонский вечер. Здания тюрьмы Вормвуд Скрабс и больницы Хаммерсмит, между которыми пролегает Артиллери-роуд, узкая глухая улочка, где прохожие появляются только по делу.

За фасадами этих зданий проходит крупная магистраль — Дю-Кейн-роуд.

Камера через окно автомобиля показывает сидящего в нем на переднем сиденье Бреннана с букетом хризантем в руке. Ему едва за тридцать, он слегка полноват и на вид — типичный ирландец. Он прислушивается к голосу, звучащему непонятно откуда. Сначала кажется, что голос раздается из автомобильного приемника; но нет, Бреннан склоняет ухо к своему букету.

Камера скользит по цветам, потом перемещает наш взгляд к тюремной стене, сложенной из грубого красного кирпича, поднимается к самому ее верху. По мере того как движется камера, голос звучит все яснее.

Миновав стену, камера спускается по ее внутренней стороне, и мы попадаем на тюремный двор, прямо к тому месту, откуда исходит голос невидимого человека.

Мужской голос (уже совсем явственно и настойчиво): ...Я здесь... здесь я... скорей же... вы слышите? Я сказал, я здесь.

Тюремный двор. Ночь.

Гэвин Бранд стоит, прижавшись спиной к

стене, уткнувшись ртом в рацию. Ему тридцать девять лет, он высок и худощав, даже в тюремной одежде выглядит сильным, властным, аристократического вида мужчиной. Он на пороге очень рискованного предприятия.

Бранд: Вы меня слышите?.. Я здесь, черт подери, здесь. Шевелитесь же!

Артиллери-роуд.

Бреннан по-прежнему сидит в машине с букетом в руке.

Бреннан (успокаивающим тоном): Я на месте. Не волнуйтесь... все будет в порядке... Сохраняйте спокойствие.

Он начинает выбираться из машины; вдруг глаза его округляются от удивления. Он умолкает и смотрит куда-то вперед. На дороге появляется автомобиль, останавливающийся на другой стороне улицы возле больницы. На переднем сиденье молодая пара. Фары гаснут, молодые люди обнимаются.

Бреннан (в букет): Черт...

Бранд (за кадром): Что такое? Что там у вас?

Бреннан: Этот чертов переулочек — место свиданий.

Тюремный двор.

Бранд прижимается к грубой кирпичной стене.

Бранд: Что? Что вы такое говорите? Давай, старина, пошевеливайся.

Бреннан (за кадром): Потерпи секунду.

Артиллери-роуд.

Бреннан слепит фарами своего автомобиля парочку в машине напротив. Они, не разжимая страстного объятия, бросают взгляды на неожиданную помеху. Бреннан мрачно, но с упорным любопытством смотрит на них. Любовники в смущении отшатываются друг от друга. Женщина отводит глаза, ее спутник включает мотор и, проезжая мимо, с презрением смотрит на Бреннана. Бреннан с букетом в руках выходит из машины и, торопливо обойдя ее, открывает багажник.

Тюремный двор.

Бранд (с растущим нетерпением в голосе): Господи Боже мой, ну чего ты там копаешься, они же сейчас вернутся из киношки.

Артиллери-роуд.

Бреннан достает из багажника веревочную лестницу.

Бранд (за кадром): Черт тебя подери, чем ты только занимаешься. Лопнет же все дело. Они вот-вот вернутся.

Пока Бреннан вытягивает лестницу, багажник заливают яркий свет. Он роняет лестницу, оборачивается и видит приближающийся старомодный «моррис». Закрыв багажник, он наклоняется к цветам, в то же время стараясь заглушить доносящийся оттуда голос Бранда. «Моррис» останавливается рядом с Бреннаном. В нем сидит пожилая пара. Женщина обращается к Бреннану.

Пожилая дама: Извините, молодой человек, мы ищем больницу.

Пожилой господин: Больницу Хаммерсмит. Это на Дю-Кейн...

Бреннан: Да... Да. Вот она. Прямо и налево. Вход для посетителей слева.

Пожилой господин (поворачиваясь к жене): Что он сказал?

Пожилая дама (громко): Он сказал, что вход для посетителей слева.

Тюремный двор.

Бранд: В чем дело? Что там такое? Отвечай же, черт тебя подери. Что происходит?

Артиллери-роуд.

Пожилой господин: А где нам оставить машину?

Пожилая дама: Мой муж спрашивает...

Бреннан: На улице. Прямо на улице. Вот тут. Выйдете и повернете налево. Поторопитесь, а то опоздаете. У них строго с посещением.

Пожилая дама (кивая на букет в руках Бреннана): Хризантемы?

Бреннан: Да. Так торопитесь же.

Пожилая дама (поднимая свои цветы, которые держит в руке): У меня тоже. Это для нашей невестки. У нее печенка разболелась.

Бреннан: Очень мило. Торопитесь все же.

Пожилая дама: Спасибо вам. (Громко, обращаясь к мужу.) Налево. А машину оставим тут.

«Моррис» медленно отъезжает. Бреннан открывает багажник.

Бранд (за кадром; с полуслова, в голосе его звенят слезы): ...возвращаются. Куда ты делся, мать твою? Вон уже один из них появился. Програчил ты это дело, парень. Ирландская задница. Не выбраться мне отсюда. Нет. Не выбраться.

Бреннан: Мы на месте. Здесь мы.

Он швыряет букет на мостовую и ищет место, откуда половчее закинуть лестницу. Взбирается на капот автомашины. Хризантемы валяются на дороге, оттуда доносятся стенания Бранда.

Бранд (за кадром): Чертова задница. Ирландская вонючка. Зарезал. Ты во всем виноват. На твоей совести.

Бреннан сворачивает лестницу кольцом и высоко забрасывает ее.

Тюремный двор.

Лестница спускается со стены.

Бранд (видит лестницу): Господи.

Он хватается за нее и торопливо, даже как-то яростно начинает подниматься по ней.

Артиллери-роуд.

Бреннан стоит, прислушиваясь к тому, что делается за стеной.

Бреннан (теперь его черед нервничать): Ну где ты там?

В конце улицы, с той стороны, где больница, возникает какое-то оживление, загорают-ся огни.

Бреннан: Мать честная. (Кричит.) Это в больнице. Пересменка. Давай, ворочай задницей.

Над стеной показывается лицо Бранда. Он на секунду задерживается, чтобы убедиться, что перед ним действительно Бреннан.

Бреннан: Теряем время. Там пересменка.

Бранд перебрасывает тело через стену. Смотрит, что там делается на дороге.

Больница.

Персонал выходит и направляется к стоянке машин.

Бранд в спешке спускается и вдруг, срываясь с лестницы, падает наземь. Лоб его в крови. Бреннан подтаскивает его к машине. А оживление возле больницы не прекращается.

Бранд (бормоча, как в бреду): Я туда не

вернусь. Лучше уж пристрелили меня... Не вернусь я туда.

Бреннан: Заткнись. Никто тебя не собирается пристреливать, все путем.

Бреннан заталкивает его на переднее сиденье, захлопывает дверцу и садится на место водителя. Машина срывается с места. Веревочная лестница и хризантемы валяются на дороге.

Бреннан (доставая с заднего сиденья плащ): Вот тебе одежка. Надевай. Ключ в левом кармане.

Бранд (у него еще кружится голова после падения): Рука, кажется, сломана.

Бреннан: Да ты бы оделся наконец.

Раздается вой сирены, от которого оба они замирают.

Бранд (хныча): Это все из-за тебя. Ухлопал столько времени зря. Дубина. Грязная...

Машину заливают яркий свет, вой сирены становится оглушительным — их обгоняет карета «скорой помощи» с надписью «Больница Хаммерсмит». Мужчины с облегчением переводят дух.

Бреннан: Так что оденься и заткнись.

Машина выезжает с Артиллери-роуд, поворачивает налево и огибает здание больницы, затем выныривает на Оксфорд-стрит и вдруг останавливается на перекрестке возле серых однообразных домов.

Бранд: Зачем ты тут стал?

Бреннан: Тебе выходить.

Бранд (с испугом): Слишком уж близко от тюрьмы.

Бреннан: Номер пятнадцать. Ключ в кармане.

Бранд выбирается из машины и, миновав перекресток, подходит к дому номер пятнадцать; автомобиль быстро уезжает.

Бранд осторожно входит в дом. В большой комнате кушетка, несколько стульев и стол. В квартире есть также маленькая кухонька и ванная. Обстановка довольно жалкая.

Бранд снимает плащ, бросает его на стул, потом скидывает тюремную одежду. Осматривает квартиру. Открывает двери, заглядывает в кухню и ванную, выглядывает из окна, квартира на третьем этаже. Убедившись, что он один, перебирает вещи, лежащие на кушетке: гражданскую одежду, валюту — разных стран, паспорт, карты, сигареты. Опять идет в ванную и встает перед зеркалом у раковины. Смачивает полотенце и вытирает кровь с лица. Он действует только правой рукой, левую прижимая к телу. Возвращается в комнату; голова продолжает кружиться и, чтобы не упасть, он держится за мебель. Потом падает в затертое кресло и теряет сознание.

Утром.

Бранд в гражданской одежде, рука неумело завязана. Вместе с Бреннаном они просматривают утренние газеты, в которых помещено сообщение о побеге.

Бреннан (читает заголовки): Вот послушай-ка: «Предатель Бранд совершает побег из тюрьмы Скрабс. Гэвин Бранд, офицер контрразведки, занимавшийся шпионской деятельностью в пользу русских...»

Бранд: Я сам умею читать.

Бреннан: Взгляни-ка на свою фотографию. Иди посмотри.

Бранд: Плевал я на газеты. Пишут всякую чушь.

Бреннан: А как их мои цветочки заинтриговали. «Ключ — таинственные хризантемы». Они меня, видать, за ботаника сочили.

Бранд: Меня больше заботит то, как я выберусь из Англии. Какая глупость — поселить меня рядом с тюрьмой.

Бреннан (не отрываясь от газеты): Тут вот пишут, что ты схлопотал сорок два года, потому что у тебя на счету сорок два убийства.

Бранд: Дураки.

Бреннан: Я тебя вытащил из тюрьмы, я тебе и из Англии помогу выбраться.

Раздается стук в дверь. Бранд вскакивает. Бреннан жестом успокаивает его.

Бреннан (через дверь): Да?

Мужской голос: Это мы.

Бреннан смотрит в глазок и видит молодую пару, это Йан и Розмари, а с ними средних лет мужчина — доктор в черном, с саквояжем.

Бреннан: Это насчет твоей руки.

Он открывает дверь, посетители входят. Молодые люди кивают Бреннану и остаются у порога.

Бреннан: Здравствуйте, доктор.

Доктор, не ответив, садится к столу. Бранд присаживается рядом.

Бранд: Кажется, запястье сломал.

Доктор все так же молча ощупывает кости, проверяя, нет ли перелома. Йан и Розмари стоят в стороне, тихонько переговариваясь между собой. Он нежно держит ее за руку. Они явно взволнованы присутствием Бранда.

Доктор, закатав рукава, расстилает на столе газету с фотографиями Бранда и красноречивыми заголовками. Приготовив массу для гипсовой повязки, он быстрым резким движением вправляет кость. Это очень болезненно.

Бранд: Черт! Потише, старина!

Доктор без звука начинает накладывать повязку. Брызги гипса и воды заляпывают лицо Бранда на газетной полосе. Закончив работу, доктор встает, закрывает саквояж и собирается уходить. Так и не сказав ни слова, он идет к двери и покидает жилище Бранда.

Бранд: Странный тип.

Бреннан: Наш парень. А это Йан и Розмари. Это они помогли тебя сюда доставить.

Йан: Здравствуйте, сэр.

Розмари робко улыбается. Ей лет двадцать пять. Выглядит скромницей. Бранд кивает обоим.

Бреннан: У нас есть фургончик, Йан его поведет. Можешь сейчас ехать?

Бранд: Давай его сюда.

Йан (Бреннану): Я один не справлюсь.

Бреннан: Порядок. Розмари пока останется. А мы пойдем пригоним машину.

Бреннан и Йан уходят. Бранд и Розмари остаются одни.

Розмари (слегка кокетничая): Мне очень приятно побыть с вами хоть немного наедине.

Бранд (меряя ее глазами): Да?

Розмари: Может, вы расскажете о том, что вы делали в Восточном Берлине...

Бранд, не отвечая, смотрит на нее.

Розмари: Я смотрю, вы такой же молчун, как этот доктор. Он ведь из ИРА*. «Наш парень». Я чай приготовлю; ладно? Здесь наверняка должен быть чай.

Розмари наливает воду в чайник. Он стоит сзади. Она затылком чувствует его взгляд, и это заставляет ее испытывать какое-то неудобство.

Розмари (нервно): Мы с Йаном поведем машину. Они там устроили для вас постель. Боюсь, особого комфорта не будет. Это вроде ящика. Ну в тесноте, да не в обиде. А мы с Йаном будем изображать счастливую молодую пару в отпуске.

Чайник свистит. Розмари заваривает чай.

Розмари: Ну вот. А теперь вы расскажете про Берлин.

Бранд: Розмарин — это для памятьливости.

Розмари: Да. Правильно. Розмарин — это для памятьливости.

Он привлекает ее к себе и целует. Она не возвращает поцелуй, но и не отталкивает его.

Розмари: Пожалуйста... Не надо... Они сейчас вернуться.

Бранд: Они нарочно оставили тебя со мной.

Розмари: Нет-нет. Просто Йану помощь нужна. Фургон в гараже. Мы держим его подалее от любопытных. Дверь можно открыть только вдвоем. Двое мужчин нужно. Вы знаете, как я вас уважаю. Мы все уважаем.

Бранд: Знаешь, как долго я был в тюрьме.

Розмари: Вот скоро с женой встретитесь. Они уже все устроили. Как она будет счастлива!

Он провел рукой по ее груди.

Розмари (по-настоящему пугаясь): Не надо. Не надо, пожалуйста. Они же сейчас придут.

Бранд: У нас полно времени. Все улажено... Какая нежная... Уже пять лет я ничего такого не видел.

Розмари: Не надо... Перестаньте... Я закричу... Правда, закричу. Пожалуйста... Не делайте этого.

Здоровой рукой он стискивает ей щеки, так что она не может сказать ни слова. Но она не умолкает, и голос ее звучит все более панически.

Бранд: Хватит болтать.

Она нацупывает у себя за спиной чашку с чаем и швыряет ему в лицо. Он отскакивает; это только усиливает его решимость.

Бранд: Глупая телка. Будет по-моему.

Он бьет ее по лицу. Она кричит, он ударяет еще и уже не может остановиться. Она, тяжело выдохнув, вцепляется ногтями ему в лицо; на щеках у него выступает кровь.

Розмари: Помогите!.. Хватит!.. Помогите!

Бранд: Сука. Сука тупая. Заткнись.

Он закрывает ей рот здоровой рукой. Она кусает его руку, вонзая зубы в плоть. Он кричит от боли и сжимает пальцы вокруг ее горла, стискивая их все крепче. Она задыхается.

Бранд: Сука... сука... Что, не нравится? А? Ну говори!

Руки ее беспомощно висают, и она обмякает. Бранд смотрит ей в глаза, прикладывает ладонь к ее сердцу и убеждается, что она мертва.

Бранд: Мать честная... Черт бы тебя побрал.

С гневом и отчаянием он бьет ее по лицу, но она мертва. Он отпускает руки, тело шлепается на пол, он быстро идет в гостиную. Надевает плащ, торопливо сгребает деньги, паспорт и карты. На пороге еще раз оглядывает комнату — и вот он уже идет по улице вдоль домов, подходит к знакомому нам перекрестку и исчезает за углом. С другой стороны улицы к дому номер пятнадцать подъезжает фургон, из него выходят Бреннан и Йан.

Бреннан негромко стучит в дверь. Ответа нет.

Бреннан: Это мы. Эй там — это мы.

Они обмениваются тревожными взглядами и Бреннан открывает дверь своим ключом.

Йан: Розмари?

Он проходит в кухню. За кадром слышится крик. Бреннан спешит туда же. На полу труп Розмари, юбка ее задралась, на лице выражение ужаса. Йан стоит возле нее на коленях.

Бреннан: Боже мой...

Он выбегает из кухни и мечется по квартире, потом осторожно выглядывает из двери на улицу и видит патрульную полицейскую машину, подъезжающую к фургону. Он остается в доме и закрывает за собой дверь. Йан, бледный, с клацающими зубами, стоит в дверях кухни. Они смотрят друг на друга.

Йан: Она мертва.

Бреннан: Значит, всего сорок три.

* Ирландская республиканская армия.

Нью-Йорк. Теннисный корт.

На площадке игроки: привлекательная женщина, кончающая свой второй десяток, и Джо Бейли, мужчина лет тридцати пяти, симпатичный, полный энергии и не собирающийся уступать своей партнерше несмотря на всю ее привлекательность.

Джо: Быстрее... черт побери... вот так!

Мариан: Ух, Джо... Господи, не могу больше... Ах!

Джо старается изо всех сил; он в хорошей форме и предпочитает пожертвовать удовольствием ради победы.

Мариан: Хватит, Джо. Если уж ты со мной так выкладываешься...

Джо: Да я даже очки не считал!

Мариан: Ха-ха! Ну ладно, душ тут раздельный, но выпить мы можем вместе.

Джо (улыбаясь): Это еще приятнее, чем отбить твою атаку.

Пожилой рассыльный в униформе подходит к Джо с запиской. Джо просматривает ее, и настроение его мгновенно меняется. Он с досадой ударяет по мячу.

Нью-Йорк. 52-я улица. День.

Шумная оживленная улица, заполненная пешеходами. Джо пробирается сквозь толпу. Он в велюровом пиджаке, без галстука. Под мышкой у него газета. Он пытается войти в здание Клуба-21, но метр останавливает его, указывая жестом на отсутствие галстука. Через секунду появляется бой, предлагающий ему галстук. Теперь Джо провозжат через анфиладу пустых залов и подводят к одиноко сидящему за столиком мужчине. Это Пол Зелфанд; седеющие волосы и очки в роговой оправе придают ему профессорский вид. Подходит официант. Джо заказывает виски и, когда официант уходит, раскладывает на столе свою газету. Передовица посвящена побегу Бранда.

Джо: Не удивлюсь, если это ваших рук дело. Может быть, он присоединится к нам за обедом?

Зелфанд: Он нам не нужен. Парень пять лет отмотал. Все, что он знал, давно устарело.

Джо: А на кой черт вы меня тогда сюда выдернули?

Зелфанд: Если ему помог КГБ, Бранд уже в Москве. Но вряд ли это так, и потому я думаю, что он попытается проникнуть сюда. Я подумал, что вам может быть интересно узнать его планы.

Джо: То есть вы собираетесь его прикончить, или как это у вас теперь называется? Ну так сами его и ищите.

Зелфанд: Он не представляет для Штатов серьезной угрозы, так что нам плевать на это дело. Для Британской контрразведки тоже. Остается Скотланд Ярд, эти ребята уже

при деле. *(Медленно, с особым значением.)* Человек, который убил вашего брата, уйдет, не расплатившись. *(Кладет на стол две фотографии.)* Это жена Бранда. Его сыновья. Он с ума по ним сходит. Все эти годы он переписывался только с ними.

Джо (саркастически): А про моего братца ни словечка?

Зелфанд: Джо, вы не единственный, кто понес утрату. Я знаю каждого из этих сорока двух. Каждого.

Джо: Ну, стало быть, вам Бранда и ловить. Карты в руки.

Зелфанд: Пойми, обстоятельства сейчас не те, что были тогда, когда твой брат был с нами. И я иду на риск, обращаясь к тебе. Говорю с тобой, как мужчина с женщиной. Бранд нам обоим причинил неизмеримое зло. Я знаю, как наказать его. Но сам не могу. Его семейство неделю назад было в Лондоне. Сейчас — бог весть. Но Бранд будет их искать.

Джо: Для вас дельце слишком рискованное, так что на крючок мне придется нажимать. Хотите вернуть доброе старое время, когда вы клали людей направо и налево — и все чужими руками. Но мой братец ввел вас в заблуждение. Я совсем другой Бейли. И вообще, чего вы ко мне привязались? У остальных сорока одного тоже, вероятно, были родственники.

Зелфанд: Да брось ты юлить. Знаешь ведь, что возмешься за дело.

Джо: Откуда такая уверенность?

Зелфанд: Я был на похоронах твоего брата. Видел твое лицо.

Джо еще раз смотрит на фотографии, швыряет их на стол и уходит.

Улица перед входом в клуб.

Перед входом стоит ливрейный швейцар. Подъезжает роскошный лимузин. Швейцар подбегает открыть дверцу; из машины выходят хорошо одетые мужчина и женщина. Они идут в клуб, а в этот момент им навстречу выходит Зелфанд. Рядом на тротуаре стоит Джо. Зелфанд улыбается.

Джо: Нечего scandalиться. Я делаю это не ради вас и не ради вашего дурацкого возмездия. Просто ради самого себя...

Зелфанд: У вас есть оружие?

Джо: Я человек штатский.

Зелфанд: Уладим. *(Протягивая ему конверт.)* Цены в Европе непомерные.

Джо: Нет уж. *(Отводя руку с конвертом.)* Пусть вы будете мне обязаны, а я вам — нет.

Зелфанд (улыбаясь): Понятно.

А в это время возле тротуара останавливается лимузин, и шофер открывает заднюю дверцу своей пассажирке, как видно, состоятельной женщине. И тут слышится свист пули, пущенной из крупнокалиберного ружья,

ударяющей шофера в затылок. Беднягу прижимает к полуоткрытой им дверце, шоферская фуражка слетает с головы, залитое кровью обезображенное лицо мелькает в кадре. А камера, показав пораженные лица Джо и Зелфанда, панорамирует к зданию напротив клуба, за стеклянными дверями которого исчезает автомат с глушителем.

Джо: Черт побери! Вот так в историю меня втянули!

Зелфанд: Эта пуля предназначалась мне, не тебе. Старые счеты. Не задерживайся.

Зелфанд возвращается в клуб. Джо поспешно исчезает в толпе.

Лондонский аэропорт Хитроу. Таможенный пункт. Ночь.

Группа констеблей в форме и одетых в гражданское сыщинок окружила начальника, дающего им какие-то наставления. Они по-прежнему расходятся, а в глубине холла появляется Джо с чемоданом в руке, затем подходит к газетному киоску. Взгляд его падает на «Ивнинг стандарт». На первой странице сообщение о побеге Бранда и ходе поисков. Киоскерша читает газету и не обращает внимания на Джо.

Джо: Нет ли у вас хорошего путеводителя по Лондону?

Киоскерша (протягивая путеводитель и газету): Два фунта.

Джо (расплачиваясь): А я-то думал, тут у вас, в Англии, все вежливые.

Киоскерша: Тут у нас, в Англии, все бабстуют.

Гайд-парк. Утро.

Джо в одиночестве бродит, заглядывая в путеводитель. Справляется о чем-то у няни, катящей коляску с младенцем. Она указывает куда-то вперед, и Джо неуверенно движется в этом направлении. Вдруг резко поворачивает и идет в другую сторону.

Мальчишки собираются начать игру в футбол. Они стоят, выстроившись в два ряда лицом друг к другу. Одна команда в желтых футболках, другая в алых. В алой команде недостает двух игроков. Тренер убеждает их, что в таком составе играть бессмысленно. Подходит Джо, спрашивает у тренера, как пройти на улицу Графский двор. Мальчишки смеются — алая команда называется «Графские соколы».

Улица Графский двор.

Джо стоит в толпе туристов. Он в замешательстве, как будто не знает, что делать дальше. В окне напротив он замечает блеснувшие стеклышки бинокля. Сразу же затем из дома выходит женщина-полицейский в синей форме (сержант Летуэйлер) и что-то

говорит стоящему тут же констеблю, который кивает и направляется в сторону Джо.

Констебль: Будьте добры пройти со мной, сэр.

Он проводит Джо по лестнице в ту самую комнату, где недавно останавливался Бранд. Там сидят двое — сержант Летуэйлер и инспектор Уодли из Скотланд Ярда.

Уодли (протягивая руку): Доброе утро. Инспектор Уодли.

Джо (пожимая руку): Бейли. Джозеф М. Бейли. А в чем, собственно...

Уодли: Сержант Летуэйлер.

Джо не удастывает ее взглядом. Он выжидательно смотрит на Уодли.

Уодли: Присаживайтесь.

Джо: Лучше постою.

Уодли: Не надоело еще? Сколько он уже простоял, сержант?

Летуэйлер: Один час пять минут, сэр.

Джо: А что, нельзя и постоять?

Уодли: Вы у нас по делу или на отдыхе?

Джо достает из чемодана визитную карточку.

Уодли: Проектирование усадеб. Страхование. Значит, по делу? Пожалуйста паспорт.

Джо протягивает паспорт. Уодли заглядывает в него, протягивает вместе с визитной карточкой Летуэйлер, которая выходит в холл к телефону. Дверь остается полуоткрытой, и ее фигура видна из комнаты.

Уодли: Судя по паспорту, вы не часто для делового человека бываете у нас.

Джо: Я только что получил новый паспорт, инспектор. У нас так заведено — паспорт меняют каждые пять лет. Старый был весь иштемпелеван. А вы что — демонстрируете бдительность Скотланд Ярда?

Уодли: Проявляем элементарное любопытство — не разыскиваете ли вы случайно Гэвина Бранда.

Джо: Чтобы всучить ему страховой полис? Боюсь, для нас это была бы крайне невыгодная сделка.

Уодли: Может быть, вы все же расскажете нам, что вас привело сюда, мистер Бейли?

Джо (пытаясь расслышать то, что Летуэйлер говорит по телефону): Господи, инспектор, да тут одних журналистов тьма-тьмуца, не говоря уж о простых людях.

Возвращается сержант Летуэйлер. Через оставшуюся открытой дверь видна прихожая и вешалка, на которой висит женская одежда и две алые футболки, точно такие, какие Бейли видел на ребятах в Гайд-парке. Холодная дрожь пробегает у него по спине. Пожилая женщина собирает их в корзину для стирки (это миссис Дженкинс). Уодли возвращает Джо паспорт и, извинившись, отпускает его.

Уодли: Четвертый страховой агент за день. Сколько же их расплодилось на нашу голову.

Выйдя на площадку, Джо секунду колеблется, и вдруг, перепрыгивая через две ступеньки, бросается вверх по лестнице и останавливается у двери с надписью «Дженкинс». Дверь приоткрывается с величайшей осторожностью — за ней миссис Дженкинс.

Миссис Дженкинс: Кто вас сюда звал?

Джо (с трудом пробравшись в комнату, он пытается разобрать адрес, написанный на посылочной коробке, в которую уложены алые футболки, небрежно обернутые в зеленую с белым бумагу): Извините за вторжение.

Миссис Дженкинс подходит к столу и берет в руки коробку. Джо хватается ее за руку и читает адрес: «Михельсон. До востребования. Главпочтамт, Хельсинки, Финляндия». Джо выбегает на площадку, где стоят Уодли и Летуэйлер.

Миссис Дженкинс: А, вы и полицию сюда притащили! Убирайтесь отсюда все!

Уодли: Миссис Дженкинс, если мистер Бейли причинил вам неудобство, вы имеете полное право...

Миссис Дженкинс: Нечего мне с полицией ящкаться. Я ничего такого не сделала.

Бейли, перемахивая через несколько ступенек сразу, выбегает на улицу и смешивается с толпой.

Уодли: Сержант, его надо держать на мушке.

Хельсинки. Почтамт.

Джо стоит у ящиков с корреспонденцией до востребования. Он настороже, но в нем уже чувствуется усталость от постоянного напряжения. Возле ящиков снует народ, но никого, похожего на миссис Бранд, нет. Часы на стене показывают 12.50. Еще немного подождя, он достает из кармана фотографию миссис Бранд и ее детей и рассматривает ее. На часах уже 2.30. Он начинает нервничать. Вдруг в звучащей вокруг финской речи всплывает имя «Михельсон», и, обернувшись на него, Джо видит получающую бело-зеленый сверток пожилую женщину (Хильду), явно не миссис Бранд. Это мужеподобная финка с короткими седыми волосами. Она сует бандероль — уже изрядно помятую — под мышку, оглядывается и исчезает из виду. Джо быстро выходит из здания почтамта и следует за Хильдой. После захода на рынок она садится в автобус, который привозит ее за город, потом переправляется на пароме — все это время Джо не выпускает ее и сверток из виду, — забирается в моторную лодку, в которой томится раздраженная долгим ожиданием другая финка (Ольга), такого же возраста, но покрепче на вид. Джо нанимает моторку и отправляется вслед за женщиной через залив. На повороте он теряет цель.

Савонлинна. Отель. Холл.

В холл входит Джо и направляется к администратору.

Джо: Мне нужна комната, желательнее с видом на залив.

Портье: Пожалуйста. Ваше имя?

Джо: Бейли. Джозеф Бейли.

Портье: Ах, мистер Бейли! Вы бронировали номер?

Джо: Нет. А что, есть проблемы?

Портье: Нет-нет, я, верно, ошибся. Дело в том, что мы получили пакет на ваше имя. Я пришлю его в номер. Распишитесь, пожалуйста.

Джо: Благодарю. Вот еще что: нет ли у вас напрокат бинокля?

Портье: Разумеется, есть. Хотите птичек понаблюдать?

Джо: Смотря каких птичек.

Комната в отеле.

Джо стоит у окна с биноклем в руках. На постели открытый чемодан. Отойдя от окна, он садится на кровать, вынимает фото миссис Бранд и внимательно изучает его, пытаясь представить себе женщину в жизни. Раздается стук в дверь. Он кладет фотографию в карман и открывает дверь. Бой протягивает ему сверток. Разорвав бумагу, Джо видит изысканную еду, как будто предназначенную для роскошного пикника. А под ней главное — разобранный на части пистолет с оптическим прицелом и коробка с патронами. Бросив еще один взгляд на фотографию, Джо собирает пистолет.

Залив.

Джо сидит в лодке посреди залива, смотрит в бинокль на острова. Пистолет у него в кармане. Время от времени он проверяет его наличие. С пристани за ним наблюдает полный мужчина, франтоватый и потрепанный одновременно. Это сержант Линнанкоски из полиции Савонлинна.

Джо удаётся разглядеть лодку с двумя ребятами на борту, которая быстро исчезает из виду. Похоже, что они в чем-то красном. Джо берет направление, в котором ушла их лодка. Линнанкоски видит только Джо, ребята остаются вне поля его зрения. Но теперь не видно уже и Джо. Он возвращается в поселок.

Джо поднимает бинокль и тщательно обследует горизонт. Слышится шум моторки — это в лодке Ольги появляются Рой и Нил Бранд, восьми и десяти лет, в алых футболках. Они приветливо машут Джо, а он машет им в ответ. И следует за ними. Он подает знак SOS — дескать, кончилось горючее. Нил швыряет ему канат, и на буксире они тащат его лодку к острову. У пирса видны сауна и

деревянный дом, из трубы идет дым. За деревьями плохо различимы другие постройки — большой дом, хижина сторожа и сарай. Держа руку в кармане, Джо подымается по тропе, останавливается у сауны и открывает дверь. Пусто. Он идет к большому дому — и чувствует чей-то взгляд, устремленный на него из окна. Он заглядывает внутрь. Это спальня; на кровати аккуратно сложена мужская одежда. Открывается дверь, и Джо встречается глазами с той, что смотрела на него из окна. Это Карла Бранд, женщина, ради которой он проехал полсвета. Теперь он в нерешительности. Она внешне доброжелательна, но осторожна. Руку, которая только что ощупывала рукоятку пистолета, он протягивает ей для пожатия.

Джо: Хелло. У меня тут проблема с лодкой.

Карла: А также проблема с поисками двери.

Джо: Я любовался вашим домом. Приятная неожиданность. Я думал, тут живет какой-нибудь рыбак или рыбацка, в общем, не знаю кто...

Карла: Вас удивляет, что я не рыбацка?

Джо: Меня удивляет, что вы так красивы.

Карла: Поэтому вы на меня и пялились?

Джо: Нет, нет. Извините, я сам не знаю, что несю.

Карла (пытаясь переменить тему): Если мальчики не исправят вашу лодку, они проведут вас на паром. Мне не хотелось бы показаться негостеприимной, но сейчас не самое подходящее время для приемов. И не смотрите на меня так. Я чувствую себя неловко. Как будто я... раздетая.

Джо: Извините. Просто тут кругом одни финны. А вы нет.

Карла (улыбаясь): Я вижу, вы изо всех сил стараетесь быть светским человеком. Наверное, в другие времена вам это удастся гораздо лучше.

Джо делает несколько шагов по комнате, подходит к окну и пытается разглядеть одежду, лежащую на кровати. Он поворачивается к Карле, чтобы что-то сказать, но тут в грудь ему ударяет стрела с резиновым наконечником. Джо чертовски пугается — хотя это всего лишь игрушка. Они выходят на крыльцо — к дому приближаются Нил с канистрой для бензина и Рой с игрушечным луком и стрелами.

Рой: Я нечаянно...

Карла (разгневанно): Я не потерплю такого поведения. Если ты не умеешь играть...

Джо: Ничего страшного! *(Смеется.)*

Карла: Кажется, вы можете теперь отправляться.

Джо: Я так сдружился с вашими ребятами, что мне казалось, будто я и с вами давно знаком. И так увлекся извинениями, что забыл представиться. Меня зовут Джо Бейли.

Карла: А я Карла Лангстед. Это мои ин-

дейцы. Маленький — Рой, а еще меньше — Нил.

Джо: Отличные моряки. Спасибо за помощь *(протягивает им стрелу)*, жить буду. *(Обращаясь к Карле.)* Миссис Лангстед, простите, но я не прошу себе, если не выясню: а где мистер Лангстед?

Карла: Мы с мужем развелись несколько лет назад. Не хотелось бы обсуждать этот вопрос... мальчишки... вы понимаете...

Джо: В таком случае вы позволите пригласить вас на обед. Всех. Я остановился в отеле, названия которого мне не выговорить. Но он единственный в Савонлинна. А после обеда...

Карла: Ах нет, мистер Бейли, у меня здесь много сложностей. Нет, боюсь, мы не сможем.

Рой и Нил: Ну мама, ну пожалуйста, пожалуйста...

Карла (улыбаясь и беспомощно пожимая плечами): Подите проверьте лодку. *(Обращаясь к Джо.)* А теперь до свидания.

Мальчики вместе с Джо направляются к берегу. Из окна за ними наблюдает Ольга. У сарая колет дрова какой-то мужчина, брошивший внимательный взгляд на Джо, проходившего мимо.

Рой: А знаете, как этот остров называется? Беличий. Но мы его по-другому зовем: остров Опасностей.

Джо: А можно на этот остров выбраться с какого-нибудь другого места?

Нил: Да таких мест полно! Мы, например, любим с той стороны подплывать, там никто не увидит.

Джо (небрежно): А к вам сюда кто-нибудь еще приезжает?

Рой: Пока нет, но мы ждем...

Нил: Нам же не велели говорить!

Джо (улыбаясь, залезает в лодку и включает мотор): До завтра, ребята! Спасибо за помощь!

Карла стоит на тропинке чуть в стороне от дома, с моря ее не видно, зато ей видно все. Посмотрев, как удаляется Джо, она поворачивается и идет к дому. Она погружена в свои мысли. Карла входит в кухню. Ольга и Хильда ждут ее. Вид у них крайне серьезный. Ольга зажигает сигарету и начинает вышагивать перед Карлой, сидящей в кресле.

Карла: Сразу хочу сказать, что я пыталась отказаться, но дети очень просили. У меня не хватило духу отказаться.

Ольга: Они еще просили свои любименькие красные рубашки. Я была против, но вы опять сказали «да». Может, теперь им

вздумается дом поджечь? Не дать ли им спички?

Карла: Ну что в этом плохого? Проведем один день в Савонлинна. Он одинокий человек, очень симпатичный.

Ольга: Неплохо было бы, если бы ваш муж в безопасности добрался до острова, забрал жену и детей и благополучно переправился через границу. Вы ведь, кажется, только за этим сюда и явились.

Карла: Меня уговорили явиться.

Ольга: Но не за тем, чтобы связываться со всякими подозрительными типами, если деткам заблугорассудилось.

Хильда: Вы с ним кокетничали.

Карла: А что — прикажете мне камнями бросаться? Мужчины всегда со мной заигрывают, и мне это нравится, если хотите знать. И он был так взволнован. Да что вы в этом понимаете?

Ольга: Что ни говорите, а вы вели себя как девочка.

Карла: Батюшки, да вы ревнуете!

Ольга: Не ревнуем, но требуем осторожности.

Карла: Нельзя требовать от двух мальчуганов, чтобы они сидели взаперти или плавали кругами вокруг острова час за часом, день за днем.

Ольга: Им простительно. Они дети. А вы взрослый человек. И знаете цену вашему супругу.

Карла: Только не надо мне читать политических моралей. Терпеть этого не могу.

Ольга: Это не нотации. Но мне не хотелось бы вам напоминать, что благополучие ваших детей...

Карла: Ладно, не надо напоминать. *(Внезапно встает, проводит рукой по волосам.)* Чего вы от меня хотите?

Ольга: Напишите ему записку, что не можете приехать. Придумайте какой-нибудь предлог. Хильда отвезет в отель.

Карла: Но дети... Фу, как ужасно.

Ольга: Может, я облегчу ваши страдания. Хильда, скажи ей.

Хильда: Он следил за мной вчера от самого Хельсинки — и на автобусе, и на пароме.

Ольга: И бензин он сам спустил из бака.

Хильда: И в окошко заглядывал.

Ольга: Миссис Бранд, даже такая наивная женщина, как вы, не может поверить, что все это случайные совпадения. И если он здесь еще хоть раз появится, я обойдусь с ним так, как полагается.

Карла молчит. Потом подходит к столу, выдвигает ящик, достает листок бумаги и ручку и начинает писать. Ольга и Хильда не спускают с нее глаз.

Отель. Сауна.

Просторная современная сауна. Джо сидит

на полке, закутавшись в простыню и пытаюсь насладиться процедурой. У него возникли трудности в общении с банщиком, который говорит только по-фински. Открывается дверь, и входит сержант Линнанкоски, которому поручено наблюдение за Джо. Он тоже задрапирован в простыню.

Линнанкоски (на правильном английском): Может быть, я смогу быть вам полезным?

Джо: О, да.

Линнанкоски: Он хочет потерять вам спину. Это очень приятно.

Джо: Скажите ему, что мне и так хорошо. Как-нибудь в другой раз.

Линнанкоски (по-фински): На сегодня хватит.

Банщик (по-фински, с возмущением): Ну что за дела! Ох уж эти американцы!

Джо: Что он сказал?

Линнанкоски: Что вы такой клиент, о котором можно мечтать. И что Америка не относится к числу его любимых стран.

Джо: Вы замечательный дипломат.

Линнанкоски (протягивая руку): Розыскной сержант Линнанкоски из полицейского управления Савонлинна.

Джо (пожимая протянутую руку): А я Джо Бейли. Вы всегда приходите сюда в это время?

Линнанкоски: Нам, финнам, не требуется особая причина, чтобы зайти в сауну. Я и сюда хожу, и другие посещаю. Это у нас лучшая. Все на электричестве. А старые бани с газовыми трубами небезопасны. Мне здесь страшно нравится.

Джо: К тому же здесь представилась возможность нам с вами познакомиться. И так, что же вам нужно, сержант?

Линнанкоски: Вы здесь отдыхаете?

Джо: Абсолютно верно.

Линнанкоски: Мы, финны, не любим никаких волнений. Поэтому в нашем враждующем мире держим нейтралитет. И мне хочется думать, что здесь, в Савонлинна, благодаря моим стараниям туристы из других стран не только сами находятся в полной безопасности, но и не причиняют вреда никому другому.

Джо: Счастлив убедиться, сержант, что такой беззаветно преданный закону и порядку человек находится рядом со мной.

Линнанкоски: Слава Богу, что мой начальник нас с вами сейчас не слышит, мистер Бейли. Он не любит, когда я занимаюсь делами во внеслужебное время. Но пока вы пребываете в наших краях...

Джо: Вы будете держать меня под наблюдением, так?

Линнанкоски: И с энтузиазмом, если не сказать больше. А теперь давайте-ка я позову банщика. Вот увидите, вам понравится. Сауна создана для удовольствия. И раз уж вы при-

ехали сюда отдыхать... (*Баннику, в дверь.*) Возьмите-ка в работу мистера Бейли. Он готов. (*По-английски.*) До встречи, мистер Бейли, ежели таковая случится.

Джо: Я, кажется, могу в этом поклясться.

Комната в отеле.

Джо в одиночестве сидит на кровати. Смотрит на фотографию Карлы. И уже довольно долго.

На следующее утро — на озере.

Джо в лодке, которую он взял напрокат, направляется к острову. Он подплывает с той стороны, о которой говорили мальчики. Высаживается, втаскивает лодку на сушу и прячет ее. Засовывает руку в карман, проверяя, на месте ли пистолет. В другой руке у него ивовая плетеная корзинка с едой и фирменным знаком Клуба-21. Он входит в рощицу и идет по направлению к дому. Он настороженно озирается вокруг и, услышав невдалеке шум, приостанавливается. Это шум мотора удаляющейся от острова лодки.

Голос Карлы (громко): Только недалеко! В открытое море не выходить!

Джо, все так же периодически нащупывая в кармане пистолет, продолжает свой путь. Он приближается к дому с тыла и смотрит, нет ли где следов Бранда. В про свете между деревьями он замечает Карлу и устремляется к ней. Она чувствует его присутствие, и в ней появляется напряженность.

Джо: Привет.

Карла: Вы разве не получили мою записку?

Джо: Получил. Я решил, что если вы не хотите прийти на обед, обед придет к вам.

Карла (сухо): Я уже пообедала, спасибо.

Джо: Но не так.

Он открывает корзинку — в ней финские деликатесы — бутерброды, пирожные и тому подобное.

Джо: Мне это прислали из Клуба двадцать один.

Карла (пытаясь улыбнуться): Можете от править все назад. Я отказалась обедать с вами, потому что не хочу вас видеть.

Джо: Я не верю вам. Угощайтесь... Это из-за вашего мужа?

Карла: Если хотите знать, моя экономка убеждена, что вам не следует доверять. Она говорит, вы следили за Хильдой от самого Хельсинки.

Джо: Карла, я тот, за кого себя выдаю. Вот моя карточка. Я занимаюсь страхованием. И не преследую экономок.

Карла: Прекрасно. Рада, что это так. А теперь прошу вас уйти.

Она собирается уйти сама, но он берет ее за руку.

Джо: Не уходите.

Карла: Оставьте меня в покое.

Джо: Не оставляю.

Он крепко целует ее в губы. Она резко вырывается.

Карла: Кто дал вам право так вести себя!

Джо: Не знаю, как там насчет любви, но меня ужасно тянет к вам, Карла, и я ни за что не поверю, что вы не чувствуете того же, что и я.

Карла: Я вам не верю.

Джо: Доверьтесь своим чувствам.

Карла: Доморощенный психолог. Чушь какая...

Джо: Ш-ш-ш...

Он целует ее опять. Еще сильнее. Она смущена, но почти против собственной воли отвечает ему...

Карла: Уходите. Мне нельзя с вами здесь оставаться.

Джо (с нежностью): Карла, успокойтесь... Я ваш друг.

Карла (не принимая его нежности): Это чудовищная ошибка. Я не хочу ни с кем целоваться. Оставьте меня и моих детей в покое.

Джо: Я тебе не верю.

Карла: Мне безразлично, верите или нет. Я вас насквозь вижу. Вы мне смешны... и я хочу, чтобы вы поскорее убрались отсюда. И я не хочу за вас отвечать. Не трогайте меня. Уходите отсюда. Забирайте ваши дурацкие харчи и уходите. Я знаю, кто вы такой. Вас ведь убить могут! Впрочем, вы того заслуживаете. Слышите? Вы того заслуживаете! (*В слезах.*) Оставьте же меня! Господи, все летит к черту!

Джо: О чем ты? Что летит к черту?

Карла: Вы ведь на англичан работаете, так?

Джо: Я же показал свою визитную карточку.

Карла: Значит, вы журналист.

Джо: Почему ты не веришь, что нравишься мне? Ты изумительная женщина, и дети у тебя чудные. А как, ты думаешь, люди находят друг друга? Может, это доморощенная психология, но это правда.

Он опять начинает целовать ее, но она останавливает его.

Карла: Ты целуешься лучше, чем врешь. Ты знаешь, кто я и кто мой муж. Так что брось притворяться. Это даже оскорбительно. Целуешь меня, думаешь, я растаю и все тебе выложу. Но я не собираюсь заниматься с тобой любовью. Я даже разговаривать с тобой не собираюсь.

Джо: Конечно, я знаю, кто ты. Твои фотографии во всех газетах, по всему свету. Что ж, из-за этого я не должен считать тебя привлекательной?

Карла (устало, сквозь слезы): Послушай... кто бы ты ни был. Мне сейчас чертовски тяжело. Может, ты и знаешь, кто я такая, но вот чего ты наверняка не знаешь, так это

того, как воспитывать двух сорванцов, когда их отец... (едва выговаривая) когда его нет.

Джо: Но я хочу, чтобы тебе было лучше, а не хуже.

Карла: Черт тебя побери! Не верю тебе ни капельки. Ты знаешь, что мне нужно. Только от тебя я ничего не приму. От тебя — ничего. Так что отправляйся домой и помести эту историю в какой-нибудь журналчик.

Джо (твердо — тем более что на сей раз он говорит чистую правду): Я не репортер.

Карла: Да кем бы ты ни был.

Джо: Я не верю, что ты его любишь. Не верю я в это.

Он опять обнимает ее и целует. Она отвечает, жадно цепляясь за его плечо. А на полянке стоят Рой и Нил и наблюдают эту картину.

Нил: Эй, мам, а он ничего, да?

Карла отскакивает.

Джо: Я думал, вы рыбу удите.

Рой: Было дело. (Поднимая связку рыбок.)
Глядите!

Карла сгребает детей в объятия и прижимает к себе.

Рой: Вы с ним целовались?

Карла: Пошли домой. (Обращаясь к Джо.) Уходите. Если я вам действительно не безразлична и чего бы вы там не задумывали, если в вас есть хоть капля человечности, уходите.

Она поворачивается и уходит вместе с детьми. Джо смотрит им вслед. Оставшись один, он останавливается взглядом на своей корзинке и зло поддает ее ногой.

Погруженный в свои мысли, глубоко опечаленный, Джо покидает остров, не подозревая, что за ним наблюдают.

Ольга, стоя на берегу, внимательно провожает его глазами.

Комната в отеле.

Джо сидит на кровати, изучая пистолет. Он разбирает его на части, а затем вновь собирает. Подходит к окну, смотрит на дома внизу и озеро за ними. Вдруг он видит, как к патрульному, стоящему у полицейского участка, подходит Карла с мрачным лицом, а с нею Рой и Нил. Он указывает на участок, и Карла с мальчиками заходит туда.

Джо бросается к кровати, приподнимает край матраца и сует туда пистолет. Надевает пиджак и выходит из комнаты.

Полицейский участок.

Рой и Нил сидят на скамейке в коридоре против поста дежурного. Они терпеливо — насколько могут — ждут.

Рой (сержанту): А можно, я ваши наручники брату надену?

Сержант (строго): Нет.

Рой: А на вас?

Камера панорамирует коридор, и мы видим дверь, на которой написано: «Розыскной сержант Линнанкоски». Верхняя часть двери сделана из матового стекла, так что можно видеть силуэты тех, кто за ней находится. Слышны оттуда и голоса. Карла разговаривает с Линнанкоски. В комнате находится и его помощник. Линнанкоски держит в руке визитную карточку Джо. Он изучает ее, переворачивает, ощупывает пальцами поверхность.

Карла: Он все время преследует моих детей. Просто портит нам весь отдых. Понимаете...

Линнанкоски: И вы хотите, чтобы я избавил ваших детей от этого американца, этого мистера Бейли?

Карла: Нет, но чтобы вы по крайней мере проверили, тот ли он, за кого себя выдает.

Линнанкоски: Очень изысканная карточка. Гравированная. У нас в Савонлинна такие не встречаются. Он вам сказал о себе правду.

Карла: Вы уже знаете?

Линнанкоски: И даже могу добавить некоторые детали. Ему тридцать восемь лет. Он разведен — со своей первой и единственной женой. Пять лет назад. Он действительно занимается страхованием, в списках разыскиваемых полицией не значится. Так что, я полагаю, ваши дети в полной безопасности. Самое большее, что им грозит, — покупка страховых полисов, которые они не смогут оплатить.

Карла: Но откуда вам это известно?

Линнанкоски: Миссис Лангстед, Финляндия — страна нейтральная. Мы считаем весьма удобным для себя носить маску равнодушия, граничащего с тупостью. Но за ней скрывается наше беспредельное любопытство.

Карла: Но вы же не можете разбираться с каждым туристом?

Линнанкоски: Мы действуем выборочно.

Карла (с улыбкой поднимаясь с места): Благодарю вас, сержант.

Линнанкоски: Приятно было познакомиться.

Джо выхаживает перед участком, обеспокоенный тем, что происходит внутри. Патрульный наблюдает за ним.

Кабинет Линнанкоски.

Линнанкоски (помощнику): Прекрасно. Теперь он будет следить за ней, пока она не выведет его к своему муженьку.

Помощник: Значит, и нам взять ее под наблюдение?

Линнанкоски: Нет. Иначе Бранд никогда не всплывет. Подождем, пока он сам не попадет в наши сети.

Карла и мальчики выходят из здания участка. Она улыбается. Увидев выражение ее лица, Джо вздыхает с облегчением. Он подходит к ней.

Джо: Если я в третий раз приглашу вас на обед, вы будете вынуждены согласиться.

Карла: От вас никуда не скроешься.

Джо: Городок маловат. (*Обращаясь к мальчикам.*) Привет, ребята! Рыбачили?

Рой: Мы в тюрьме были.

Карла: Не вполне так. Я пришла сюда, чтобы проверить насчет вас. Убедиться, что вы мне сказали правду.

Джо: Ну и циничная же вы женщина, Карла. Мне даже кажется, что вы предпочли бы, чтобы я вас обманул.

Карла: Это в каком-то смысле было бы проще. Я просто вычеркнула бы вас из своей жизни. Раз — и все.

Джо: Ребята, а вы не хотели бы вернуться домой одни на пароме?

Рой и Нил (с восторгом): Да-а!

Карла: Ни в коем случае, это невозможно.

Джо: А вас я потом провожу домой. Я хорошо изучил залив и озеро. (*Протягивая мальчикам деньги.*) Это вам на паром. Можете купить мороженого или чего захотите.

Рой: Можно, мам?

Карла: Что за сумасшедшая идея! Ну ладно, идите.

Весь этот разговор наблюдают из окна Линнанкоски и его помощники. Они видят, как мальчики убегают, а Карла и Джо направляются своим путем.

Линнанкоски: Замечательно. Будем надеяться, они станут друзьями.

Джо и Карла идут, болтая, по улице. Они оба слегка смущены. Карла в большей степени. Джо берет ее за руку. Она отдергивает ее.

Карла: Потерпи немного, я не люблю лишней нежности.

Джо: Не хочу терпеть. И так уж натерпелся.

Карла (смеется): Ты все время смешишь меня. Как это тебе удается? Никогда я столько не смеялась.

Они сворачивают в переулок.

Карла (опять начиная нервничать): Куда мы идем?

Джо: Бог с тобой, Карла, мы просто гуляем. А потом зайдем пообедаем. Или ты хочешь и это утрясти с полицией? Или с этими Ганзель и Гретель у себя на острове?

Карла: А ты откуда об этом знаешь?

Джо: Я дважды посетил твой островок, и каждый раз эта парочка не спускала с меня глаз.

Он опять берет ее руку и нежно сжимает.

Карла: Прекрати. Мне больно. Уж очень бурно ты себя ведешь. Или смешишь меня, или делаешь больно. Все время крайности. Отпусти руку.

Джо: Ну чего ты боишься? Это тебе не идет. Меня тянет к тебе, Карла, и тебе это известно. Я просто голову теряю.

Карла: Все так сложно... так сложно.

Джо: Да все просто! Не бойся своих чувств.

Карла: Мне страшно.

Джо: Это страсть. Ты полна страстью и сама ее боишься. Я счастлив.

Карла: Нет, нет, нет.

Джо: Почему нет? Неудобно? Это всегда неудобно, Карла.

Они уже вышли из города в поле. Высокая трава колеблется ветром.

Джо: Потрогай ее, Карла.

Карла: Не хочу.

Джо: Помнишь, мы такое же чувствовали у тебя на острове. В роще.

Карла (дрожа): Нет, совсем нет.

Джо: Да. Посмотри на себя. Ты вся дрожишь. Это оно.

Карла: Ну что ты меня в угол загоняешь? Чего ты хочешь? Ты же знаешь, кто я. Ты знаешь, я ничего не могу тебе дать.

Джо останавливается и привлекает Карлу к себе.

Джо: Это ты, ты преследуешь меня. Ты нарочно пришла в полицию, чтобы найти меня. Это ты. Ты меня преследуешь.

Карла: Неправда. Ты меня запутываешь.

Джо: Потому что ты сама этого хочешь.

Карла: Да не хочу я ничего!

Они обнимаются и целуются, стоя под деревом, забыв обо всем на свете. За кадром слышатся велосипедные звонки — к ним приближаются десятки велосипедистов, они смеются, проезжая мимо.

Ресторан в саду. День.

Романтичное место; столики стоят каждый под отдельным деревом.

Пожилый официант с подносом в руках подходит к уединенному столику, за которым рядышком сидят Джо и Карла. На столе остатки обеда. Они выглядят счастливыми, довольными оттого, что сидят вдвоем.

Джо: Ты знаешь, что мы займемся любовью, знаешь, правда?

Карла: Нет, не знаю.

Джо: Опять робость напала?

Карла: Нет, просто...

Джо: Обязательно займемся. Я знаю.

Карла: Но не здесь же.

Джо: Ладно уж. Но прежде, чем явится твой бывший муж.

Карла: Бывший?

Джо: Мне что, исчезнуть, когда он здесь объявится?

Карла: Джо, не надо...

Джо: Сколько нам осталось? До его появления, я имею в виду?

Карла: Не знаю. Мне грустно об этом говорить.

Джо: Не верю, что ты любишь его. Просто не верю.

Карла: Не спрашивай о нем больше. Когда ты заводишь о нем речь, мне делается страшно.

Джо: Я его ненавижу.

Карла: Перестань. Когда ты так говоришь, я не верю тебе.

Джо: Зря. Я его ненавижу. И это самая правдивая вещь из того, что я тебе говорил. Я ненавижу его, потому что ты от него зависишь. И еще из-за того, что он сделал.

Карла: Мне наплевать, что он сделал. Мои чувства к нему не связаны с прошлым. Меня тревожит будущее.

Джо: Я хочу тебе кое-что рассказать о себе. Мой брат был агентом контрразведки. Он погиб. В двадцать семь лет. Это ужасно. Когда он взялся за эту работу, я пытался его отговорить. Не такой уж он был патриот. Его привлекал риск. Он должен был получить степень магистра. И все променял на это вот.

Карла: Да. Да. Я не верю, что Гэвин занимался этими делами по тем причинам, которые обычно приводят. Деньги или политика. Ну разве отчасти. Но главное — из-за риска, из-за чувства власти. Глупо.

Джо: Да, шпионаж ни для кого не кончается хорошо. Результаты его всегда неопределенны и абстрактны. А потери всегда конкретны и осозаемы.

Карла: Да, у нас этих потерь хоть отбавляй.

Джо: А ты знала, кто он такой, когда выходила за него замуж?

Карла: Он представился сотрудником Министерства иностранных дел. Это звучало. По-моему, все началось, когда мы приехали в Берлин. Но точно я ничего не знаю.

Джо: Ты ведь не любишь его, правда?

Карла: Любовь? Это мне незнакомо. Я его жена. У нас дети. Я хочу, чтобы у них был отец.

Джо: Везде и всегда?

Карла: Не заставляй меня говорить об этом. Я не хочу вешивать в это детей. Никогда. На меня оказывают давление. Очень

сильное. Я решила следовать за мужем. Попытаюсь хотя бы. И больше я ничего тебе сказать не могу. И так уже слишком разоткровенничалась.

Джо: Я не хочу причинять тебе боль, Карла, но я должен все знать.

Карла (улыбается; хочет переменить тему): Мне больше нравится, когда ты говоришь о любви.

Он целует ее. Крепко.

Джо: Наш узел можно разрубить только так...

Он запускает руку ей под юбку, властным и резким движением. Она отшатывается и нечаянно опрокидывает чашку с кофе.

Карла: Прекрати! Смотри, что ты...

Она что-то увидела — и лицо ее оцепенело. У стола стоит Ольга. Она ставит на место опрокинутую чашку.

Ольга: Беспорядок чините.

Карла: Откуда ты взялась?

Ольга: Скажите лучше, как вы тут оказались?

Джо: Почему вы разговариваете с ней, как с ребенком? Мы здесь, потому что нам так хочется.

Ольга садится за стол рядом с ними.

Ольга: Я не буду говорить с вами, как с ребенком, если вы будете разумно себя вести. Как обед, понравился?

Карла: Очень вкусный.

Ольга: Ну вот он и съеден. (Обращаясь к Джо.) Мистер Бейли, надеюсь, вы нас извините.

Ольга встает. Карла следует ее примеру.

Джо (Карле): Нам еще не время идти.

Карла: Нет, мне пора. До свидания.

Джо поднимается; Ольга уводит Карлу.

Джо (кричит ей вслед): Я еще увижу тебя?

Слышатся звонки велосипедов. Они становятся все громче. Карла что-то отвечает Джо, но слова ее тонут в звоне. Мимо проезжают все те же велосипедисты.

Пристань.

Ольга стоит возле трапа, ведущего на паром, разговаривая с тремя мужчинами, которых зрители еще не видели: двое русских и финн. Что они говорят, не слышно, но, закончив беседу, они все смотрят на свои часы и кивают головами. Ольга поворачивается и уходит в сторону, садясь на скамейку, где уже сидит Карла.

Карла: Я знаю, что ты хочешь сказать.

Ольга: Вряд ли.

Карла: Я ходила в полицию. Спрашивала про мистера Бейли. Специально приезжала. Он точно...

Ольга: Полиция здесь годится только на то, чтобы регулировать дорожное движение да продавать билеты. К вашему сведению, мистер Бейли связан с американской агентурой.

Карла: Да. Но это его брат. Он мне все рассказал. 'Он тот, за кого себя выдает.

Ольга: Дурочка вы что ли? Ваш дружок явился сюда, чтобы убить вашего мужа. Неужто не понятно! У вас что — шоры на глазах?

Карла: Я вам не верю.

Ольга: Карла, не будьте наивной. Я пыталась стать вам другом (*кладет руку на запястье Карлы*), почувствовала к вам искреннюю привязанность.

Карла с неприязнью смотрит на руку Ольги.

Карла: Мне ничего от вас не нужно.

Ольга (убирая руку, холодно): Если с вашим мужем что-нибудь случится, я не смогу убедить мое начальство, что вы не орудовали заодно с американцем.

Карла (испуганно): Мой муж здесь? Уже?

Ольга: Он прибывает сегодня вечером. Поезд отходит из Хельсинки завтра в полдень.

Паром приближается к пристани. Издали видна моторная лодка Хильды, ожидающая Карлу и Ольгу.

Отель. Комната Джо. Ночь.

Ключ поворачивается в дверном замке, и входит Джо. Он включает свет и подходит к кровати. Приподнимает край матраца, заглядывает под него. Пистолет и патроны исчезли. Джо в ярости.

Джо: Линнанкоски! Сукин сын!

Остров. Дом Карлы. Ночь.

Она молча сидит в гостиной, безучастно наблюдая за тем, как Хильда пакует вещи — ее и детей.

Хильда (не отрываясь от своего занятия): Ну и грязнули же они! (*Показывая Карле рубашку.*) Теперь уж не успеем выстирать. Придется вам этим там заняться.

Карла, погруженная в свои мысли, не отвечает.

Хильда (все тем же жалующимся тоном): Они чересчур возбуждены. Думала, никогда не уснут. Они ведь даже незнакомы со своим отцом, правда?

Карла, по-прежнему не обращая внимания на Хильду, прислушивается к какому-то шуму за домом и подходит к окну посмотреть. Слышен слабый шум моторной лодки, приближающейся к острову. Она всматривается в горизонт, но разглядеть ничего не удается. За окном только черная вода и шум мотора.

Карла: Сейчас он будет здесь.

Хильда: Да, это наверняка он. Ну ладно, я тут пока оставляю эти чемоданы. Утром мы придем. Как же я рада, что вы наконец увидите с вашим мужем. Приятной вам ночи.

Хильда уходит. Карла остается одна, глядя вдаль, прислушиваясь к шуму приближающейся лодки, по-прежнему безразличная, ушедшая в себя.

А на другом конце острова Джо в ярком лунном свете прячет свою лодку в прибрежных скалах. Он уже готов отправиться в сторону дома, но на секунду задерживается, прислушиваясь к едва доносящемуся сюда звуку моторной лодки.

На берегу появляется Карла; ее силуэт четко вырисовывается в лунном свете.

Карла: Я знала, что ты придешь. Он сейчас будет здесь.

Джо (обнимая ее): Я знаю.

Карла: Они говорят, ты за ним охотишься.

Джо: За тобой. Я пришел за тобой.

Карла: Но ведь и за ним? Чтобы убить?

Джо: Если захочешь, я уйду сейчас же. Ты этого хочешь?

Карла (с нежностью; эти слова даются ей нелегко): Нет, не хочу.

Джо: Если бы он был мертв, ты стала бы моей.

Карла: Да, да.

Джо: Значит, мы оба нажмем крючок. Вместе.

Карла обнимает его. С другого конца острова слышится шум лодочного мотора. Карла, целуя Джо, напряженно прислушивается к нему.

В доме.

Упакованные чемоданы стоят там, где их оставила Хильда. Джо стоит, дожидаясь, пока Карла, подойдя к окну, опускает шторы, чтобы не видеть приближающейся лодки и приглушить шум мотора. Потом Карла поворачивается к Джо, он идет ей навстречу. Они одни, ее муж, весь мир где-то далеко от них. Карла расстегивает блузку. Она вся — страсть, никакой робости не осталось в ней. Джо, пораженный ее прелестью, медленно начинает расстегивать рубашку. Оба они не делают шагов друг к другу, но не в силах оторвать глаз один от другого. Джо первым устремляется к ней.

Карла (шепотом): Погоди... Я хочу наслаждаться твоим взглядом.

Они долго смотрят друг на друга. Лицо Карлы светится. Он смотрит на нее жадным ищущим взглядом. В ее глазах готовность. Они обнимаются и мягко падают на пол, слившись в долгом поцелуе.

В лунном свете на горизонте показывается моторная лодка. Гэвин Бранд сидит на носу, глаза его нетерпеливо обшаривают берег. За рулем сидит мужчина, который колот дрова на дворе у Карлы. Бранд потирает раненую руку. Гипс еще не снят, он изрядно замусолен. Бранд выглядит усталым, но удача наполняет его новой энергией. На берегу его ждут

Ольга и Хильда. «Дровосек» занимается лодкой, а Бранд подходит к женщинам. Ольга собирается произнести приветственную речь, но Бранд смотрит по сторонам, ища жену и детей.

Ольга: Добро пожаловать, мистер Бранд.

Бранд (с полным пренебрежением к приветствию): Где они?

Ольга: Идемте сюда. У меня для вас новости.

Все трое направляются по тропинке к дому. По дороге Ольга оповещает Бранда о том, что происходит на острове. Выражение лица Бранда меняется от довольного к угрюмому.

А Джо и Карла все еще в объятиях друг друга, в легкой истоме. Они слышат, как приближается Бранд.

Карла: Он идет. Уходи. Скорей!

Джо: Нет. Я пришел, чтобы встретиться с ним.

Карла: Так вот зачем ты пришел. К нему. А не ко мне.

Джо: К вам обоим. И теперь мне нужен он.

Карла (резко): Его, конечно, предупредили. И у него оружие.

Джо озирается в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить оружием. На полке в игрушках торчит охотничий нож. Он встает, чтобы достать его, но вдруг останавливается.

Джо: Дай мне его. Я хочу, чтобы ты сама дала мне этот нож.

Карла: Я не могу. Лучше уходи. Он уже близко.

Джо: Дай сюда нож.

Карла берет нож. Она прекрасно понимает, что значит — передать его Джо. Ей страшно, но, преодолевая себя, она протягивает ему нож. Он берет его, быстро целует ее и уходит.

Бранд вместе с Ольгой и Хильдой на пороге дома.

Бранд: Я сам.

Ольга: Но мы могли бы...

Бранд: Сам.

Ольга и Хильда остаются, Бранд входит в дом.

Карла торопливо одевается, на блузке остались незастегнутыми несколько пуговиц. Появляется ее муж.

Карла: Привет, Гэвин.

Бранд не отвечает, он осматривает комнату, стоя в дверях. И наконец произносит.

Бранд: Где мальчики?

Карла: Спят. Как дела, Гэвин?

Бранд (грубо): Как у бывшего арестанта.

Карла: Да, я хочу сказать...

Бранд: Тут воняет, как в бардаке.

Он поворачивается и уходит. Карла смотрит ему вслед, ее трясет.

Бранд выходит с пистолетом в руке, явно

ища Джо. Он осматривает постройки во дворе, рощицу, но в кругом только тьма. Бранд резко поворачивает и направляется прочь от дома к воде. Из темноты выступает Джо с ножом в руке. Он довольно далеко от Бранда, но внимательно следит за ним. То и дело он проводит ладонью по лезвию, пробуя его остроту. Ему требуется все его мужество, чтобы решиться на убийство. Бранд продолжает путь, не подозревая о слежке. И когда он внезапно замечает Джо, без колебаний стреляет в него. Там, где был Джо, никого больше не видно. Бранд спешит туда, внимательно оглядываясь по сторонам. Бранд обшаривает глазами берег, заросший камышом, видит две привязанные лодки. Пусто. Вдруг он замечает, что верхушки камыша шевелятся. Не раздумывая, он хватается за револьвер и стреляет. Заросли опять шевельнулись. Бранд кладет револьвер на сухую землю и ступает на заболоченный берег, где растет камыш. Бранд появляется в гуще зарослей, потом с раздражением возвращается на сушу. Забирается в лодку. Сидит и ждет. Лицо его мрачно. Он твердо решил дождаться конца: либо убедиться в том, что Джо мертв, либо найти и убить его. Оружие у него на колене.

Ольга и Хильда стоят у окошка в стожке рядом с домом Карлы. Они стоически выжидают. Ольга смотрит через плечо на часы. Они бьют.

Мальчики спят в своих постелях. Кажется, они единственные на острове, кто соблюдает спокойствие. Карла стоит в дверях, глядя на сыновей. Она испугана и задумчива.

А Бранд все ждет в лодке. С первыми лучами солнца он вылезает и направляется по тропинке к дому. В это время Карла выходит из дома и идет к берегу. Они встречаются на поддороге и останавливаются на значительном расстоянии друг от друга. Начав разговор, Бранд подходит все ближе и ближе к Карле.

Карла: Гэвин... я...

Бранд (холодно): Одежда какая-нибудь для меня найдется? Сухая.

Карла (утвердительно кивая): Ты всю ночь там провел?

Бранд: Да.

Карла: Прости. Я не хотела.

Ей неприятно, что Бранд подходит все ближе.

Бранд: Да, не о такой встрече я мечтал.

Карла: Я все еще нужна тебе? Ты хочешь взять меня с собой?

Бранд: Разумеется. Мальчики спят?

Карла: Надо было их разбудить?

Бранд: Да (искренне, от сердца), мне очень

хотелось бы этого.

Карла (поняв его чувства): Хорошо. Только они могут... видишь ли, они не привыкли к тебе, Гэвин. Могут не узнать. Ты поосторожней с ними.

Бранд: Хорошо, я попробую не испугать собственных детей.

Карла: Мне нужно поговорить с тобой, Гэвин. Объяснить кое-что.

Бранд: Прекрасно. С удовольствием послушаю.

Он обнимает ее здоровой рукой, она съеживается, и он, почувствовав это, убирает руку.

Бранд: Иди к лодке. Я сейчас приду туда.

Он идет в дом и встречает там Ольгу, занимающуюся чемоданами.

Ольга: Мы почти готовы. А где миссис Бранд?

Бранд: В лодке.

Ольга: Что мне прикажете делать?

Бранд: Что хотите. Мне больше нет до нее дела.

Хильда дремлет в кресле. Она просыпается, когда к ней обращается Бранд.

Бранд: Мне нужна сухая одежда и дети.

Хильда: А, мистер Бранд. Кофе не желаете?

Бранд: Одежду и детей.

Хильда (указывая на спальню): Там можно переодеться. Дети в летнем домике.

В спальне одежда, все так же сложенная, лежит на кровати. Бранд смотрит на нее и начинает снимать с себя мокрое.

Ольга вместе с Карлой идут с берега к дому. О чем они говорят, не слышно. Потом слова становятся различными.

Ольга: У вас пересадка в Ваиниккала. Последняя станция перед границей. А дальше вы поедете в Ленинград, оттуда, наверное, самолетом в Москву.

Они проходят мимо бани, дверь ее открывается, и Ольга вталкивает Карлу внутрь, а сама возвращается назад на берег. Дверь бани открывается опять, и оттуда появляется «дровосек».

Бранд, переодетый, стоит в дверях спальни и смотрит на спящих в огромной двуспальной кровати Роя и Нила.

Нил (не открывая глаз): А я не сплю.

Бранд (улыбаясь): Доброе утро.

Рой: А я сплю. *(Притворяется, что хранит.)*

Бранд: Нам пора ехать.

Нил: А что у тебя с рукой?

Бранд: Сломал.

Нил: Тебе больно?

Бранд: Нет. Не очень.

Рой: А как ты ее сломал?

Нил (потихоньку брату): Ш-ш-ш, ты же знаешь.

Рой: Нет, не знаю. Как?

Бранд: Я все расскажу, только потом. Я

ужасно рад вас обоих видеть. Вам это известно?

Мальчики молчат.

Бранд: Я еще не привык к роли отца. Но скоро привыкну.

Нил: Это нетрудно. Будь отцом, вот и все.

Бранд: Договорились. А теперь пошли, ребята. Подъем, одевание — в темпе!

Мальчики выбираются из кровати.

Бранд, Рой и Нил шагают к берегу. Чуть позади — Хильда с багажом детей.

Бранд: У нас сегодня будет необычный день. Мы поедем сперва на лодке, потом на поезде, а потом полетим на самолете. Какое?

Нил: О'кей.

Они минуют баню, но оттуда не доносится ни звука.

Рой: А где мама?

Бранд: Она попозже придет.

Ольга ожидает Бранда в лодке. Она связала обе лодки вместе. Женщина встает, чтобы помочь мальчикам забраться в лодку. Они колеблются.

Рой: Это что за лодки?

Бранд: Мои. Вам нравятся?

Рой: В порядке.

Нил (заметив канат): А нашу маленькую лодку мы с собой возьмем?

Бранд: Да.

Нил: А как же мама?

Бранд: За ней придет специальная лодка. Рой и Нил обдумывают сказанное. Они все еще стоят на берегу и не обращают внимания на протянутую к ним руку Ольги.

Нил: А можно мы поедем в нашей лодке?

Ольга: Нет, нет, куда давайте.

Бранд: Да пусть садятся, где хотят.

Мальчишки забираются в маленькую лодку.

Обе лодки отплывают. Бранд, Ольга и Хильда в первой лодке, мальчики в маленькой. Они выглядят огорченными и обеспокоенными. Обе лодки выходят в открытые воды.

Джо выбирается на берег из зарослей камыша, он весь в грязи, вода потоками стекает с него. Он смотрит на озеро и видит, как исчезают за поворотом лодки, направляющиеся на большую землю. Они уже так далеко, что Джо не может разглядеть пассажиров.

Джо (напряженно глядя в воду): Черт побери!

Он поворачивается и бежит к дому, минуя баню. Осторожно входит в дом, проверяет все комнаты. Смотрит на пустую спальню, замечает мокрую одежду Бранда, сваленную кучей на полу.

Джо: Карла! Карла!

На задворках бани «дровосек» прилаживает две трубы, идущие со двора в баню. На трубах написано по-немецки: газ и вода.

Джо выходит из дома и бежит к берегу.

Он пробегает мимо бани — из-под двери вырываются клубы дыма, но он не замечает этого, занятый своими поисками. «Дровосек» с гаечным ключом в руке следит за Джо. Джо наконец чует неладное и оборачивается. Клубы дыма становятся гуще. Джо бросается к двери бани. Он спешит, но осторожности не теряет. Проходя мимо дровяного сарая, подбирает валяющийся там топор. Добравшись до двери, Джо не входит внутрь, а обойдя угол, крушит топором оконную раму и бьет по голове притаившегося «дровосека». Тот падает наземь. Джо с топором в руке возвращается к двери и пытается открыть ее, но у него не получается. Дым делается все гуще. Джо топором рубит дверь в щепы, из щелей вырываются густые клубы черного дыма. Изнутри появляется Карла с посиневшим лицом и глазами, почти вылезавшими из орбит, она буквально падает на Джо, и оба валятся на землю.

Джо: Карла, Карла...

Он трясет ее и шлепает по щекам.

Джо: Карла, ради Бога, Карла.

Она закашлялась и стала жадно ловить ртом воздух.

Карла (пересиливая кашель): Я... не могу... мои дети... где мои дети?

Джо: С тобой все в порядке?

Карла: Нет, мне ужасно плохо. Где они?

Джо: Ш-ш-ш, успокойся. Сначала с тобой разберемся.

Карла (на грани истерики): Нет, нет. Дети! Он детей забрал! Я их теперь никогда не увижу!

Джо: Мы их найдем. Обязательно найдем.

Джо и Карла садятся в лодку Джо. Карла немного успокоилась.

Карла: Он их увезет. И я никогда их не увижу.

Джо: Мы найдем их. С ними все в порядке. Он же им ничего не сделает. Если потопиться, мы их вернем.

Карла (плача): Я их больше не увижу. Я знаю, что не увижу.

Джо заводит мотор.

Они плывут по озеру, минуют пристань, где останавливается паром, выходят в открытые воды, взяв курс на Савонлинна. Карла очень испугана. Зубы у нее стучат. Джо обвиняет ее одной рукой, стараясь успокоить. Но бесполезно.

И вот они на берегу. Джо говорит по телефону-автомату. Он энергично жестикулирует, добиваясь, видимо, чтобы его как следует поняли. Карла рядом, она полна нетерпения. Джо не переделся после своих ноч-

ных приключений, одежда его грязная и мокрая, прохожие с удивлением оглядываются при виде него. Он наконец кладет трубку и поворачивается к Карле.

Джо: Он дома.

Они садятся в такси и едут по улицам городка.

Джо (таксисту): А вы найдете это?

Водитель: Да. Да. (Глядя на пассажиров в зеркальце заднего вида.) Но это далеко. У вас денег хватит?

Джо шарит в кармане и извлекает из него несколько финских купюр. Они промокли. Он бросает деньги на переднее сиденье.

Джо: Пожалуйста.

Водитель смотрит на мокрые деньги, но ничего не говорит.

Джо и Карла стоят у входа в дом Линнанкоски, пытаются убедить миссис Линнанкоски пропустить их к мужу. Она — образцовая финская домохозяйка, дом ее блестит чистотой, и она представить себе не может, что туда зайдет эта подозрительная парочка.

Миссис Линнанкоски: Я уверена, что у моего мужа не может быть ничего общего с вами.

Джо: Скажите ему, что пришел мистер Бейли. Это страшно важно.

Карла: У меня детей украли. Вы понимаете, что это значит?

Миссис Линнанкоски: Да, да. Конечно. Подождите тут.

Она закрывает дверь у них перед носом и идет в дом. Поднимается на второй этаж, что-то бормоча себе под нос и отнюдь не спеша. Приоткрывает дверь ванной комнаты. Линнанкоски отмокает в огромной ванне. Он, расслабившись, читает полицейские отчеты. Миссис Линнанкоски останавливается на пороге.

Миссис Линнанкоски: Там к тебе каких-то двое пришли. С одного вода течет ручьями, а другая плачет, что у нее детей похитили.

Линнанкоски: Некий мистер Бейли?

Миссис Линнанкоски: Точно.

Линнанкоски: Передай, что сейчас спущусь. Женщина ворча удаляется, закрыв за собой дверь. Линнанкоски кладет на столик отчеты, вздыхает и вытаскивает затычку. Миссис Линнанкоски спускается по лестнице, подходит к входной двери, открывает ее — Джо и Карла все еще там. Только еще более взволнованные.

Карла (сердито): Где он?

Миссис Линнанкоски: Сейчас спустится. Надо предупредить о посещении заранее. Входите.

Джо: Очень любезно с вашей стороны. Они входят в холл, хозяйка удаляется в гостиную.

Джо: Нельзя ли нам присесть где-нибудь?

Миссис Линнанкоски: Нет.

Джо снимает пиджак и отжимает рукава; вода стекает прямо на пол.

Линнанкоски тщательно вытирается полотенцем. Он не старается нарочно потянуть время, но туалет его — очень тщательная процедура: он пудрится, расчесывает волосы, потом приступает к одеванию.

Джо и Карла начинают терять терпение.

Карла: Сделай же что-нибудь, Джо. Они уже на поезд садятся.

Джо подходит к лестнице и кричит.

Джо: Линнанкоски, черт вас подери, поторопитесь же наконец!

Линнанкоски: Спешу, спешу.

Карла: Он забрал детей.

Линнанкоски (Джо): Вы промокли до нитки.

Джо: Ничего, высохну. Поезд сейчас отойдет.

Джо хватается Линнанкоски, и они втроем выходят.

Миссис Линнанкоски смотрит на все это из гостиной. Они садятся в машину Линнанкоски, он сам ведет ее, очень быстро.

Линнанкоски: Мы воспользуемся возможностью догнать их в Ваиниккала. Там стоянка поезда целый час. Дизель меняют.

Джо: А где эта Ваиниккала?

Линнанкоски: Семь миль не доезжая границы.

Он увеличивает скорость.

Машина выезжает за город и движется вдоль железнодорожных рельсов.

Поезд едет в лесистой местности. На маленькой станции висит указатель «Ваиниккала». Из депо появляется мастер, выходит на платформу и наблюдает за приближающимся поездом.

Первым из вагонов выходят проводники, за ними — пассажиры, кто-то из них идет в здание вокзала, кто-то обнимается с встречающими. Бранд, осторожно оглядываясь по сторонам, спускается по ступенькам вагона. С ним Рой и Нил, а позади двое из тех троих, с кем Ольга разговаривала на пристани.

Железнодорожный рабочий расцепляет вагоны и дает знак мастеру, а тот — инженеру. Финская секция состава медленно отделяется.

Машина Линнанкоски летит на предельной скорости — но вдруг глаза всех троих сидящих в ней округляются: впереди машины на узкой дороге появляется медленно плетущаяся телега, запряженная лошастью. На ней сидит старик. А навстречу едет машина, причем тоже на большой скорости. Линнанкоски чудом успевает обогнать телегу и проскочить мимо мчащегося навстречу автомобиля — и все это на бешеной скорости. Встречный отчаянно сигналил. Старик на те-

леге, кажется, и не заметил, как его обехали. Джо, смертельно бледный, открывает рот, чтобы выругаться, но ловит в зеркальце отражение лица Линнанкоски с закушенной губой и устремленным вперед взглядом. Он молча смотрит на Карлу — ее глаза зажмурены от ужаса.

На станции приступили к сцеплению дизеля с вагонами. Мальчики бегут в конец платформы, чтобы посмотреть, как это делается. Состав готов к отправлению. Дежурный объявляет: «Прошу вернуться в вагоны». Бранд, мальчики и сопровождающие их садятся в поезд. Раздается оглушительный свист, колеса начинают вертеться. Поезд, набирает скорость, отправляется. В этот момент на станции появляется машина Линнанкоски. Они втроем выпрыгивают из машины и видят хвост удаляющегося состава.

Линнанкоски: Черт...

Карла ударяется в слезы. Джо обнимает ее. Слева от них стоит грузовой локомотив. Увидев его, Линнанкоски бежит в депо. Он разговаривает с мастером; слов не слышно, но видно, как он предъявляет мастеру свой знак и указывает рукой в сторону локомотива. Мастер, по-видимому, возражает, убеждая его в совершенной невозможности выполнения этого дерзкого плана.

Джо пытается успокоить Карлу, поглаживая ее рукой по спине.

Линнанкоски, кажется, все-таки удалось переубедить мастера — они оба бегут к локомотиву. Джо, увидев это, хватается Карлу за руку и бежит в их сторону.

Мастер разговаривает с инженером, важным медлительным финном, который никак не может понять, что же случилось и чего от него хотят. Наконец Линнанкоски подхватывает инженера под руку, и они оба поднимаются на локомотив. Джо и Карла следуют за ними. Мастер забегает вперед и переводит стрелку так, чтобы локомотив стал на ту же колею, по которой пошел поезд.

Когда поезд и локомотив разделяют несколько метров, Джо готовится выпрыгнуть и догнать поезд. Инженер говорит что-то Линнанкоски по-фински.

Линнанкоски: Он говорит, что задняя дверь заперта на ключ. Боковая должна быть открыта.

Джо кивает, спрыгивает на полном ходу и бежит вдоль полотна к поезду. Ему удается вскочить на подножку, он хватается за поручни, влезает на площадку и открывает отмычкой заднюю дверь. По коридору вдоль купе проходят два проводника, проверяя билеты у пассажиров. Они приближаются к Джо. Он юркнул в ближайшее купе — там все места заняты. Он быстро пробегает, заглядывая в другие купе, пока не попадет туда, где сидят Бранд, Рой и Нил. Они бесконечно удивлены.

Нил: Привет!

Бранд вскакивает на ноги.

Джо (обращаясь к мальчикам): Быстро бегите в конец вагона!

Мальчики от волнения не могут понять, что нужно делать. Бранд и Джо некоторое время внимательно смотрят друг на друга. Оба они еще не знают, как им поступить. Бранд вынимает из кармана пистолет. Он готов убить Джо.

Нил: А где мама?

Это возвращает Бранда к реальности, он не хочет стрелять в присутствии детей. Воспользовавшись задержкой, Джо бьет его по большой руке. Бранд вскрикивает от боли.

Джо: Бегите в конец вагона. Там ваша мама. Давайте.

Мальчики все не решаются бежать. Они смотрят на отца и пистолет в его руке.

Бранд: Никуда не ходите. Мама придет. Это нехороший человек. И он умрет.

Джо: Крикните ей. Она услышит. Давайте же.

Рой начинает кричать. Нил присоединяется к нему.

Рой и Нил: Мама, мама... Где ты!

Джо: Туда бегите, в конец вагона. Вы ее увидите.

Мальчики наконец покидают купе.

Бранд (яростно кричит): Нет!

Бранд бьет Джо в пах. Мальчики успевают это увидеть, и теперь они кричат от ужаса. Оставшись наедине с Брандом, Джо бросается на него, и они борются за пистолет. Бранд хватается оружие, приставляет к виску Джо.

Бранд: А теперь говори, кто ты такой. Ну!

Джо ногой выбивает пистолет из руки Бранда, при этом грохочет выстрел, и пуля попадает в потолок.

Пассажиры высовываются из своих купе, проводники спешат на шум. Рой и Нил бегут в конец вагона, выбегают на площадку и останавливаются у двери. Локомотив совсем рядом. Карла протягивает руки к детям.

Карла: Рой!.. Нил!..

Рой собирается прыгнуть на локомотив.

Карла: Нет, нет, не делай этого!

Но Рой все же совершает отчаянный прыжок, и Линнанкоски успевает подхватить его, втаскивая на локомотив. Теперь и Нил следует его примеру, но без предупреждения, и Линнанкоски с большим трудом помогает ему. В этот момент поезд останавливается — и локомотив тоже. Карла обнимает сыновей. Они улыбаются.

Толпа пассажиров и проводники заполняют купе Бранда. Джо сидит, направив пистолет на своего противника. Они оба испытывают страх.

Джо: Долгонько же я до тебя добрался.

Бранд (на лбу его выступил пот; он едва

может говорить): Чего же ты хочешь — мою жену или моей смерти? Того и другого вместе не получишь.

Прежде чем Джо успевает ответить, сквозь толпу протискивается проводник.

Проводник: Что тут происходит?

Джо: Я хочу сдать этого...

Проводник (крайне удивленный): Вы американец?

Джо: Да, и я...

Бранд: Он государственный преступник.

Проводник: Да плевать мне на эти дела! У меня не значится никаких американцев, и оружие мне тут тоже ни к чему.

Бранд: Вы знаете, кто я?

Проводник: Знаю, знаю — английский шпион. Из-за вас вся эта чехарда. *(Обращаясь к Джо.)* Вы уж, пожалуйста, не стреляйте тут больше.

Джо: Не беспокойтесь.

Проводник: И оружие отложите. Мы, знаете ли, не в Нью-Йорке.

Джо: Я уйду.

Джо пробирается сквозь толпу, идет в конец вагона. За ним следуют проводники и Бранд со своими сопровождающими.

Карла, мальчики и Линнанкоски с напряжением следят сквозь открытую дверь за тем, что происходит в вагоне.

Джо спрыгивает на полотно и подходит к локомотиву.

Сопровождающий подает Бранду револьвер. Тот направляет его на Джо. И тут видит сыновей. Понимает, что ему придется убить его на глазах своих детей. И в этот момент сопровождающий выбивает оружие у него из рук со словами: «Пускай уходит».

Джо вскарабкивается на локомотив.

Проводник поезда делает знак к отправлению.

Поезд медленно трогается.

Бранд стоит на площадке последнего вагона, глядя на локомотив, на свою семью.

Джо, Карла, мальчики и Линнанкоски смотрят вслед удаляющемуся поезду.

Поезд становится все меньше и меньше и наконец почти исчезает на горизонте.

Джо обнимает Карлу, которая привлекает к себе ребятам.

Нил: Мам?

Карла: Что, дорогой?

Нил: А можно еще разок прыгнуть?

Джо хохочет. Он крепче обнимает Карлу и мальчиков — а поезд уже и совсем пропал из виду.

1980 г.

Альфред Хичкок. Короткая ночь.— В кн.: Д. Фримен. Последние дни Альфреда Хичкока. Лондон: Павлион. Майкл Джозеф, 1985.

Перевод Нины Цыркун

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Теория

Ирина Стовбыра

ПО КОМ МОЛЧИТ КОЛОКОЛ

В условиях угрожающего кризиса отечественной культуры, разьединенной, оторванной от истоков, лишившейся своей целостности, одним из самых отрадных, хотя и противоречивых процессов последних лет явилось обращение, или возвращение, к вековым ценностям, выраженным в заповедях христианской веры, запечатленных в той моральной и культурной традиции, носительницей и хранительницей которой оставалась в нашей стране Православная Церковь.

Для общественного мнения сегодня становится все более очевидным, что одной из первопричин нравственного упадка и культурного обнищания стал многосложный в своих последствиях разрыв между материальными и духовными интересами человека, тот отказ от небесного в пользу земного, о котором теперь со всей прямотой говорят писатели, предстатели философской мысли, деятели культуры, а не только служители Церкви. Ныне становятся необходимыми переоценка и переосмысление всего хода развития нашей художественной культуры за истекшие семь десятилетий.

Это в полной мере относится и к историческим блужданиям отечественного кино, прошедшего путь от воинственно-атеистических, откровенно богохульных агиток первых послереволюционных лет до ряда современных документальных фильмов, в которых ощутима попытка воцерковления киноискусства. Столь по-разному представленный во многих кинопроизведениях образ храма осмысливался каждый раз в связи с определенной концепцией мира, с определенным пониманием места и назначения человека.

Взаимосвязь представлений о храме и о человеке закономерна. «Человек — это микрокосм, а храм — это своего рода человек», — писал в «Заметках о русском» Д. С. Лихачев. И далее: «Не случайно поэтому основные части храма названы по подобию человека: окна — это очи человека

(корень “окна” — око), купол — глава, поставлена эта глава храма на шее, основание храма — его подошва. А выступы в городских стенах — перси. Защитные от дождя выступы над окнами-очами — бровки. Двери домов и крепостей — их уста. Тот же ликоподобный и человекоподобный облик имеет и мир. Солнце на миниатюрах изображается с ликом-лицом. Звезды в целом составляют лик — единое лицо и целый хор: небо венчает “лик звездный”. Лик и множествен и един одновременно: это и неповторимый облик человеческого лица и вся их совокупность — лик монашеский, лик святых, лик поющих в церкви, лик и отдельных изображений и всей совокупности изображенного на стенах церкви мозаикой и фресками, икон и самих предстоящих перед ними».

«Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в Вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят, а этот храм — вы» (1-е Кор. ап. Павла, 3; 16—17).

Рассмотрение этой темы в контексте развития отечественного кинематографа само по себе вскрывает массу серьезных и острых противоречий. В самом деле, кинематограф как порождение материальной культуры, переживавшей свое развитие и становление в эпоху массовых хаотических движений с их тенденцией к разъединению, проявлял свою закономерную тоску по преодолению материального в пользу хотя бы абстрактно-духовного, свидетельством которой была внутренняя напряженная борьба, переживавшаяся, к примеру, такими резко различными по отношению к искусству художниками, как Эйзенштейн и Тарковский.

Это первое и решительное противоречие усугубилось характером материала, подвергавшегося кинематографической обработке, так как на его специфику существенно повлияли бурные общественные и социальные катаклизмы начала века, вылившиеся в социалистическую революцию с ее программой «загнать человечество в счастье». Главным героем новаторского кинематографа первого революционного десятилетия являлась масса, пребывающая в своем нерасчлененном состоянии, лишенная если не индивидуальных, то личностных черт, а потому теоретические выкладки, с этим связанные, сводились к вопросу о типах, но не о характерах. Впрочем, пришедший на смену массе «образ живого человека» (или «образ

характер»), хотя и диктовался известным стремлением к личностной конкретности и самоценности, все же сплошь и рядом оказывался во многом полым. А пустоты его непременно заполнялись идеологическими схемами, сформировавшимися к началу 30-х годов и распространявшимися не только на сферу искусства.

Общечеловеческий пафос, которым были отмечены наиболее значительные произведения киноискусства 20-х годов, определялся безусловной устремленностью к воображаемому идеальному будущему, перед лицом которого опыт минувших веков с его устоями представлялся в лучшем случае «предысторией». Эта позиция все более жестко укоренялась в 30-е годы, когда человеческая мораль явно отступила под натиском морали классовой, а потом и государственной.

Судьба духовных традиций оказалась в лучшем случае проблематичной.

Попытка Эйзенштейна хотя бы отметить такое положение в фильме «Бежин луг» (1936), в котором автор включал социальные конфликты в более широкую сферу «мифологического» времени, незамедлительно повлекла за собой соответствующие выводы. Однако, судя по сохранившимся срезкам первого варианта фильма, можно предположить, что между пафосом «разрушения» и пафосом «обновления» режиссер в принципе ставил знак равенства. Надо думать, основополагающими для Эйзенштейна являлись кадры, в которых проводятся параллели, идущие, видимо, с двух разнополюсных точек: с одной стороны, удивительной гордыни, которой руководствовался человек, пренебрегая Божеством и вновь многократно распиная его; с другой стороны, вульгарно понятая христианская концепция обожения человека, ставшего возможным через Боговоплощение. Кадры, о которых идет речь, — появление лиц молодой крестьянки и седобородого старика в пустых окладах, из которых только что изъяли лики Пресвятой Богородицы и Спасителя.

Каково же было на самом деле — выражаясь в терминах самого Эйзенштейна — авторское «отношение к изображаемому»? Точный ответ вряд ли возможен, поскольку эпизод этот в завершеном (звукорителном) виде не сохранился (как и материалы других эпизодов). Эстетическое приятие некой неизбежности? Запоздалый опыт воссоздания в новом качестве «левых» утлий 20-х годов с их пафосом низведения небес на землю? Или эксперимент художника, имевший целью трактовать происходившее в 30-е годы храмоборчество в полноте его внутренних и внешних мотивов? Так или иначе, в остатках эпизода «раз-

грома церкви» нет каких-либо признаков эмоционального звучания реквиема, а скорее напротив.

Подобно тому как в «Бежином луге» храму суждено было стать «очагом культуры» — сельским клубом, в фильме «Путевка в жизнь» (1931) режиссера Н. Экка он был преобразован в «очаг перевоспитания». В христианском сознании с евангельских времен традиционна параллель между понятиями храма и дома («Мой дом домом молитвы наречется»). К такому тождеству невольно пришли авторы этого фильма. Его персонажами — беспризорниками оно воспринималось буквально, поскольку для них церковь Вознесения на самом деле — дом. Но идеальное христианское понимание дома заместилось гипертрофированным вариантом псевдодома — колонии. Не зная прошлого, ее обитатели начали свою сознательную жизнь ради эфемерного будущего. Сегодня, по прошествии времени, такие констатации, подчас до конца авторами не осознанные, воспринимаются одновременно и как свидетельство и как обвинение целой эпохе, лишавшей человека исторической и культурной памяти.

«Единство Церкви следует необходимо из единства Божияго, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений. Дается же благодать и непокорным, не пользующимся ею (зарывающим талант), но они не в Церкви. Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в теле живом», — писал когда-то А. С. Хомяков.

Период 20—30-х годов в отечественном кинематографе — это история непокорных благодати. В какой степени можем мы осуждать их с дистанции нашего исторического опыта? Их, переживавших разрыв со своим прошлым, опрокинутых в бездну? «Так как Церковь земная и видимая не есть полнота и свершение всей Церкви, которым Господь назначил явиться при конечном суде всего творения, то она творит и ведает только в своих пределах, не судя остальному человечеству (по словам ап. Павла к Коринфянам) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тех, которые от нея сами отлучаются». По мысли Хомякова, земная Церковь «судит только себе, по благодати Духа и по свободе, дарованной ей через Христа, призывая и все остальное человечество к единству и к усыновлению Божию во Христе: но над неслышащими ея призыва не произносит приговора, зная повеление своего Спасителя и Главы: "не судить чужому рабу"».

«Иисус же говорил: Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лука, 23, 24).

Историкам отечественного кино еще предстоит изучить этапы воплощения антирелигиозной идеологии в экранных образах 20-х годов, находившей самое очевидное и самое вульгарное выражение в антицерковных фильмах агитационного толка — будь то «Комбриг Иванов» или «Крест и маузер».

Есть несомненная логика в том, что образ храма обрел отчетливую отрицательную значимость в кинематографе конца 20-х — начала 30-х годов, когда реализация атеистической, антирелигиозной идеологии на деле перешла в практику повсеместного разрушения церковных зданий.

Разрушение храма в кино — разрушение физическое или «моральное» — было призвано символизировать разрушение религии и традиционной веры. Но то же самое происходило и в реальной жизни. Не в силах изничтожить веру, ее противники решили покончить прежде всего с тем, в чем они видели ее материальное олицетворение, — с Церковью. Храм для них был лишь зданием, разрушив которое, можно покончить с «пережитками прошлого». Вот как это представлялось одному из новаторов советского кино той эпохи Дзиге Вертову. Воспользуемся изложением киноведа Н. Абрамова, приведенным в его исследовании 1962 года (текст заслуживает того, чтобы привести его полностью):

«Фильм ("Симфония Донбасса", 1930. — И. С.) состоял из нескольких больших эпизодов. Первой возникла тема церкви. Церковь с колокольным звоном, двуглавыми орлами, женским плачем. Кинематографический язык Вертова в этом эпизоде очень выразителен. Под плавно разносящийся колокольный звон **богомолка** (выделено мною. — И. С.) бьет поклоны, и сама камера, раскачиваясь, снимает церковь и площадь перед ней, как бы показывая окружающий мир глазами бьющего поклоны. Раскачивается собор, и в том же ритме раскачивается огромный колокол. На площади появляется **пьяный** (выделено мною. — И. С.), и камера следует за его заплетающимися ногами, пошатываясь и повторяя неверный ритм его походки. С каждым ударом колокола меняются планы: колокольня, площадь, богомольцы, пьяные. Этот ритм монтажа подчиняет зрителя, вызывает ощущение чего-то бессмысленного, тупого, темного. И в этот оживший мир входит комсомольский марш. И мир религии взрывается. Взлетают на воздух короны и кресты. Снятые обратной съемкой на купол взлетают красный флаг и звезда. Церковь превращается в клуб заводской молодежи».

Надо полагать, киноведческий текст не оставляет никаких сомнений в точности передачи авторского замысла режиссера. По-прежнему также то, что тридцатилетняя дистанция, разделяющая фильм и его оценку, несколько не изменила отношение к изображенному факту: ни тени сожаления, ни тени сомнения.

Когда Господь Иисус Христос входил в Иерусалим на ослике — воплощении смирения, народ приветствовал Его восклицаниями: «Осанна сыну Давидову! Благословен Грядый во имя Господне! Осанна в вышних!» (Матф., 21, 9). Кто же потом кричал: «Да будет распят!»? Это были те же люди, по слабости человеческой смутившиеся духом и отрекшиеся от Учителя, не разделившего их земного упования и не ставшего земным Царем Иудейским. Кто виноват в уничтожении святынь в эру тотального материального упования? Кто безбожничал в невиданных масштабах? Те, кто родился для кощунства только, или пошатнувшиеся в вере люди, заблудившиеся в поисках немедленного благоденствия?

Было что предложить классику советского кино Дзиге Вертову взамен разрушенного храма Божия. Сейчас эти доменные печи, их огонь и смрадный дым вызывают слишком однозначную ассоциацию с адским пламенем. Трудно разделить упоение геенной огненной, но, очевидно, в свое время ее экранный вариант вызывал эмоцию, которая стала вторым названием картины, — «Энтузиазм».

Удивительно, насколько пугал Божий храм — «земное небо» — строителей новой жизни, видевших заветную цель социализма в возведении доми, рытье шахт и тоннелей метро. Земное и подземное, но уж никак не пренебесное должно было, по злому замыслу и своеволию, стать не скажу «идеалом», но «образцом» и «примером».

Энтузиазм храмоборчества должен был пресечься и иссякнуть немедля после того, как началась Отечественная война — время великих испытаний, великой расплаты и великого, пусть даже пошедшего спустя немного лет на убыль, духовного подъема. Воссоединение народа перед лицом гибельной угрозы обусловило и несомненный возврат к традициям, и пробуждение религиозных чувств в людях, и обретение Православной Церковью новых опор в системе реальной общественной жизни, и — вскоре — небольшой поворот государственной политики в отношениях с Церковью (1943). Святая вера предков, сохранявшаяся подспудно, стала одним из источников, питавших духовную жизнь народа в противостоянии смерти. Не оказалась окончательно забытой и традиция русского во-

инства, идеал которого — добровольный мученик, «на поле брани за веру и Отечество живот свой положивший», не в ненависти к врагу черпающий силы, а в любви к святой земле своей, которую нельзя отдать на поругание («Не давайте святыни псам...»).

Показателен опыт первого большого игрового фильма, целиком созданного в условиях войны, — картины Ивана Пырьева «Секретарь райкома» (1942). Сочетавший в себе, казалось бы, несоединимое — следы довоенных идеологов с откровенной лубочностью и с мотивами американского вестерна, фильм этот был пронизан неподдельной гордостью патриотического чувства, вновь обретшего свою «родословную». Знамения этого чувства — не только георгиевские солдатские кресты на груди ветерана-мужика, вставшего в ряды партизан. Это и вновь появившийся на экране образ храма. И если один из проходных эпизодов картины — перестрелка в пустом церковном интерьере — сам по себе не имеет сколь-нибудь значимого символического смысла, зато отчетливо символическим явился финал сюжета: партизаны, изгнавшие оккупантов из храма, поднявшись на звонницу колокольни, оглашают округу набатом, собирающим народ...

В годы войны Сергей Эйзенштейн завершил сценарий и приступил к постановке фильма «Иван Грозный». В нем намечалась определенная переакцентировка в осмыслении христианских реалий по сравнению с замыслом «Бежина луга». Но реалии эти использованы более как декор в композиционном и эстетическом убранстве картины. Христианская символика нередко опутана наслоениями общекультурными, часто ей противоположными.

Образ храма в картине возникает неизменно в его внутреннем пространстве, основным прообразом которого стал интерьер Успенского собора Кремля. Храм избран как место действия в качестве опоры в развитии драматургии, место, где происходящие в фильме события раскрывают свой главный смысл.

Стоит заметить, что пространство собора в «Иване Грозном» ни разу не становится местом богослужебного, литургического действия, представленного, так сказать, в чистой форме. Храм в «Иване Грозном» скорее предполагается как место, осененное благодатью, но представляется как место обнаружения, обнажения борений и конфликтов, не приводимых к разрешению и примирению: таков сюжет фильма, такова его концепция. (По замечанию Л. К. Козлова, собор в «Иване Грозном» выступает в конечном счете как место суда высшей инстанции, как место встре-

чи государственной идеи с идеей нравственной. В пространство храма постоянно вторгаются земные страсти и интересы, взыскующие верховной санкции, благословения, но — чем дальше, тем более явно — не обретающие такового.

Вторая половина 60-х годов стала знаменательным временем, когда в произведениях киноискусства отчетливо выразилась устремленность отечественной культуры к поиску и возвращению основополагающих духовных ценностей человеческой жизни. Изменение экранных представлений о храме, несомненно, обусловлено меняющейся концепцией человека, поисками иного к нему подхода. В этом направлении существует как минимум два пути: облечения материала в религиозную форму (адекватный, но идеальный и трудноосуществимый путь) или же компромисса с секулярной формой, что и происходит в нашем кино постоянно. Учитывая специфическую ситуацию ограниченной свободы и отсутствия традиции применения религиозной формы в отечественном кино, для последнего и такая форма обращения к образу храма при условии углубленного и внутренне осознанного авторского отношения уже вела к счастливым обретениям.

Конечно, возможности секулярной формы ограничены. Прекрасное понимание этого дал Владимир Соловьев в речи «Три силы» для Общества любителей русской словесности. Он видел цель и смысл в том числе искусства не в обособлении элементов и создании новых культурных форм, а в оживлении, одухотворении мертвых в своей вражде элементов «высшим примирительным началом», призывая дать им **общее безусловное содержание** и «тем освободить их от необходимости исключительного самоутверждения и взаимного отрицания». Из сказанного ясно, что Соловьев предвидел наступление модерна с его тенденцией к разъединению, к внешней сочетаемости разнородных элементов. Кино возникло и пережило первый этап своего становления в период расцвета модернистского искусства и по самой своей природе открыло целую область «разъединений и воссоединений» (укажем хотя бы на поэтику монтажа).

Безусловное содержание, по Соловьеву, не заключено в самом человеке. «Оно должно быть вне его как частного, относительного существа. Но не может оно быть и во внешнем мире, ибо этот мир представляет только низшие ступени того развития, на вершине которого находится сам человек, и если он не может найти безусловных начал в самом себе, то в низшей породе еще менее; и тот, кто кроме этой видимой действительности себя и

внешнего мира не признает никакой другой, должен отказаться от всякого идеального содержания жизни, от всякого истинного знания и творчества».

Следовательно, высшая действительность идеального мира не может быть найдена лишь в «обиходной поверхностной действительности», заключенной в точном воспроизведении форм жизни.

Необходимо подчеркнуть, что именно там, где авторы стремятся постичь характер человеческий во всех его сложностях и противоречиях, приблизиться к постижению души человека, органичным становится и появление храма, который заключает в себе духовную доминанту главных героев.

В качестве одного из примеров такого подхода рассмотрим «Калину красную» Василия Шукшина (1973). Тема храма, которая опосредованно заявлена уже в прологе фильма написанной монахом на Святой горе Афон песней «Вечерний звон» в исполнении заключенных, будет еще не раз возникать в основополагающих эпизодах картины. Песня «Вечерний звон», звучащая в устах ее бритоголовых исполнителей, среди которых и главный герой Егор Прокудин, сама по себе пронизанная тоской, привносит в фильм мотив сострадания. Здесь же берет истоки и покаянная интонация, определяющая весь образный строй «Калины красной». Выйдя из тюрьмы и вновь глотнув воздуха свободы, Егор Прокудин не теряет надежды на духовное возрождение. Стоя у милых его сердцу берез, о которых так много писала критика, и услышав вороний грай, он говорит: «Нет уж, вы пока надо мной не каркайте». И в следующем кадре камера панорамирует на реку, обращая зрительское внимание на затопленную церковь. Этот российский пейзаж воспринимается как проекция на внутреннее состояние героя, храм души которого тоже словно под погребением. Подспудное, возможно, до конца им не осознаваемое стремление к вере и возникающая надежда (одна из главных христианских добродетелей) на спасение — глубинный нравственный смысл мытарств, выпавших на долю Егора. Возвращение блудного сына в материнский дом, покинутый им много лет назад, вновь возникает на более конкретном и эмоционально обостренном уровне, когда обыгрывается идея вины, которую трудно искупить только годами физической несвободы. Этой старой женщине, живущей в окружении икон в одиноком доме, так и не откроется радость встречи с сыном, о судьбе которого она уже давно ничего не знает, потому что он все же не решится открыть свое лицо. Кончина Егора — не только месть «выпавшему из гнезда» уголовного мира. Он не

уклоняется от занесенного над ним ножа, а наоборот, идет навстречу погубителям, ясно осознавая, что за ту жизнь, которую он прожил, полагается плата и искупление.

Несмотря на то что в этом фильме речь идет не о поисках веры в ее религиозном смысле, все-таки автор, желая того или нет, приближается к христианскому пониманию жизненных основ. «Калину красную» можно, таким образом, назвать в ряду примеров подхода к христианской проблематике человека извне — из сферы секулярного сознания. Такой подход дает иногда отчетливую возможность пробиться росткам христианского сознания.

Это вполне правомерно в отношении творчества Андрея Тарковского. Фильм «Андрей Рублев» (1968) во многом свидетельствует о том, что религиозный материал рассмотрен режиссером с точки зрения мирянина, отчего сама тема приобрела налет светскости. Здесь мы имеем дело с таким пониманием христианства, которое характеризует Тарковского как дитя интеллигентной среды своего времени. Христианские реалии фильма о великом иконописце и новоканонизированном святом выполняют подчиненную функцию источника образности, обслуживая очень индивидуальную трактовку со стороны автора, не побоявшегося произвола в обращении как с историческим временем, так и с историческим лицом. Экуменические тенденции, наблюдающиеся у Тарковского, идут во многом от его первоначального отношения к христианству прежде всего как к культуре, а не как к религии. Но надо отдать должное тому мучительному процессу поиска веры внутри себя, который претерпел художник и который все-таки вывел его к ясности «Ностальгии».

Пролог фильма «Андрей Рублев» — полет мужика на самодельном шаре — начинается кадрами, изображающими церковь Покрова на Нерли. Оборванный суевающийся мужик нелепо контрастен умиротворенной красоте храма; но возникает между ними тождество в короткий момент его захватывающего дух полета над одинокими полями, и вспоминается его фраза: «Спеть бы...»

Увертюра с летящим и разбивающимся мужиком — микрообраз всей картины, переплетение всех мотивов: светлой радости и катастрофы, художественного акта и жертвы. Падение не только возмездие, это и прообраз земного поклона. Один должен принести себя в жертву — к этому Андрей Тарковский возвращается во всех своих фильмах. Временной промежуток его первой и последней картины — между второй и третьей мировыми войнами; вторая обращена в прошлое, третья — страшная возможность будущего. В «Ивановом дет-

стве» заклан ребенок, в «Жертвоприношении» отец жертвует всем ради сына. Между ними — татарское нашествие в «Андрее Рублеве», отголосок которого есть и в «Зеркале».

Отголосок этот — письмо Пушкина к Чаадаеву, читаемое маленьким Игнатом, письмо, содержащее фразу, подытожившую размышления великого поэта о монгольском иге: «Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие... так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех».

Тема жертвенности и «мученичества — семени христиан» (Тертуллиан), кровавого и бескровного, вносящего в мир гармонию, связывает воедино фильмы Тарковского. Его лучшие герои чувствуют себя ответственными перед миром и пытаются искупить грехи ближних, сознавая себя виновными в происходящем вокруг.

Смысловый центр фильма «Андрей Рублев» — Голгофа, так же как и центральное и исключительное событие человеческой истории — Искупительная Жертва. По свидетельствам апокрифов, Иисус был распят в страшную жару. У Тарковского путь на крестные муки совершается среди заснеженных русских пейзажей, и русские деревенские бабы оплакивают Христа. Возникает ощущение соотнесенности и сопричастности каждого из нас с земной жизнью Господа и Его страданиями. То, что происходило две тысячи лет назад, совершалось и за нас.

У Тарковского мир спасают слабые. Сталкер — «нищий духом», из тех, о ком сказано: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую; снимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Лука, 6, 29). Он терпит поражение: его усилия никому не нужны, его спутники ни во что не верят. Человек столь греховен, что не имеет права материализовать свое заветное желание: кто знает, включая его самого, на что направлены его заветные помыслы? Но субъективно Сталкер — победитель; важно его душевное усилие, противопоставленное циничному прагматизму мира.

Одна из устойчивых тем режиссера — Страшный Суд. Из ветхозаветных предвидений — цитата Екклезиаста, которую произносит закадровый голос в «Андрее Рублеве»: «Веселись, юноша, во дни юности твоей... только знай, что за это Бог приведет тебя на суд». Феофан Грек угрожающе восклицает: «Все, как свечи, гореть будем!» У монаха же Андрея Рублева душа не лежит писать Страшный Суд в соборе, дабы людей не распугивать, ибо любовь, а не гнев является сущностью Бога.

Мотив Страшного Суда возникает в «Сталкере» и в «Солярисе». Но это пока суд, который человек, находясь в нечеловеческих условиях, вынужден устраивать над самим собой. Это нравственный рентген, от которого еще можно самоустраниться, как это сделал Сарториус и как не переступили порога Комнаты, где исполняются сокровенные желания, Профессор и Писатель. У Дикобраза, которому Комната дала мешок денег вместо загубленного брата, и у Гибаряна, не выдержавшего своего материализованного Океаном прошлого, суд над собой закончился самосудом над своей плотью.

Крис Кельвин не отвергает прошлое и пытается искупить его. Цена искупления вины — душевные мучения и возрожденная любовь: «А может быть, мы здесь только для того, чтобы впервые ощутить людей как повод для любви, а?»

Писатель в «Сталкере» и Сарториус в «Солярисе» — двойники по степени нигилизма духа, точнее — две разные ипостаси этого нигилизма. По ту сторону добра и зла оказывается Сарториус. Для познающего и анатомирующего Сарториуса «все дозволено» в интересах открытия «фактической» истины, и этот человек не ведает, что поставил себя вне морали. Это неколкий опошлившийся, сниженный вариант Фауста «безгеройного времени». В общей ситуации «Соляриса» проигрывается на свой лад один момент беседы Ивана с чертом в «Братьях Карамазовых». На вопрос Ивана: «А какие муки у вас на том свете?..» черт отвечает: «Ах, и не спрашивай: прежде было и так и сяк, а ныне все больше нравственные пошли: "угрызения совести" и весь этот вздор. Это тоже от вас завелось, от "смягчения ваших нравов". Ну и кто же выиграл, выиграли одни бессовестные, потому что ж ему за угрызения совести, когда и совести-то нет вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которых еще оставалась совесть и честь».

Из картины в картину Тарковского путешествуют молчаливники, затворники, аутсайдеры. Они одиноки и непонятны окружающим, нередко подозреваемы в безумии, но никогда их усилия не оборачиваются тщетой. Субъективно они уравновешивают мир, блуждающий в поисках выхода из многочисленных тупиков.

Ситуация православной Европы XIV века — споры вокруг исихазма, которыми были охвачены Византия и Древняя Русь. Григорий Палама, архиепископ Солунский, обобщил ранние учения об исихии (в пер. с греч.— молчаливничестве), принадлежавшие Макарию Египетскому, Иоанну Лествичнику, Григорию Синаиту. Это мистикобогословская концепция пути человека к

Богу, богопознания и единения с ним путем очищения, восхождения на высоты духа, сосредоточения сознания на самом себе. Исихазм стремится к обретению максимального внутреннего равновесия, тишины и умиротворенности; он общается с Богом путем непрерывной молитвы Иисусовой («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»). Практическое осуществление исихазма состоит в аскетическом образе жизни, молчаливности. Его цель — достижение такой стадии просветления, при котором можно узреть «мысленное солнце правды», «мысленный рай». «Соединение с Богом, — утверждает Палама, — невозможно, если мы не станем выше нас самих, оставив все, что относится к миру чувственному, и возвысившись над мыслями, умозаключениями и всяким знанием и даже над самим разумом, всецело находясь под действием умного чувства... и достигнув неведения, которое выше ведения, или, что то же, выше всякого вида философии».

Распространение идей исихазма на Руси совпало с эпохой необыкновенного духовного подъема и, следовательно, отвечало внутренним потребностям человека. Исихазм на Руси находил прежде всего практическое воплощение. Его идейным вдохновителем был Преподобный Сергей Радонежский, во времена которого монашеский подвиг исихии был широко распространен. В «Андрее Рублеве» понятие исихазма претерпело чрезмерную трансформацию. Инок Андрей умолк не из смирения, а из скорби и ожесточенности сердца, утратив вместе с особым мистическим взором, стяжающим иную реальность, способность писать иконы. Рублев накладывает на себя добровольную епитимию, говоря: «Мне нечего больше сказать людям». Это — прежде всего протест против зла и насилия, но также и ощущение собственной вины. Он, монах-иконописец, убил насильника. Но он убил в его лице не только злодея, но и человека, притом русского. Как известно, режиссер не задавался целью создать исторический фильм или житие истинного Рублева, а скорее выразил эссенцию своеобразной артистической души, пребывающей в некоем злом, бедственном мире, и также путь обретения конечной гармонии. В результате образ монашествующих явился жертвой произвольной трактовки.

Андрей Рублев разомкнет уста, когда на его глазах свершится рукотворное чудо: милостью свыше, по наитию отрок отольет медный колокол. Интересен своей метафоричностью один монтажный ход в новелле «Колокол»: долго и напряженно ожидаемый первый удар колокола приходится

на крупный план Андрея Рублева, встретившегося от этого звука. В варианте «Страсти по Андрею» вместо этого плана взят кадр сияющей красавицы в белых одеждах, который сам по себе хорош, но менее точен по контексту, поэтому не случайно он заменен. Благовествующий колокол, «победную песню поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», возвещает о полноте дарованной духовной радости. Колокол отливается в огне очищения. И как новый колокол, снискала перерождение душа Андрея. Он обретает дар речи человека и художника.

Стихия огня — устойчивый образ Тарковского. Последняя проповедь Доменико в «Ностальгии» венчается самосожжением, совершаемым под звуки оды «К радости» Бетховена. Героиня «Зеркала» вспоминает Неопалимую Купину, в образе которой явился пророку Моисею Ангел Господень — свет прозрения. Разрушающий огонь возмездия — горящий иконостас, пожар дома; и огонь созидающий, за которым — обновление.

Отдельно проходит тема благодати: потоки вод, изливаемых на экране. Они восходят к своему первообразу — спасительным водам Иорданским, освященным Крещением в них Иисуса Христа, в которых потоплены грехи мира. Картина «Андрей Рублев» предваряется и завершается плодоносящим ливнем, создающим ощущение отверзтой небесной тверди. Крис Кельвин, возвращаясь на Землю, застаёт своего отца в доме, с потолка которого идет дождь. Дождем оплодотворяется человеческий поиск: в размытой водами земле находит Бориска «нужную» глину.

Тарковский пытается разрушить стесненность пространства и материи: многократно предстающий мистический образ зеркала — это метафора выхода во внематериальную среду, инобытие. Внутренность дома — земного пристанища человека — камера нередко снимает так, словно это Вселенная; пространство головокружительно размывается. Божий храм — это земное небо, «царственное убежище мира» (преп. Максим Исповедник). Здесь происходит встреча неба и земли, Горнего и дольнего миров. В «Ностальгии» пространство храма и дома идентифицируются: герой сидит на полу старого храма, внутри которого тихо падает снег на русскую избу, — отечество, куда не будет возвращения.

Следует отдельно отметить «храмовую» тему, характерную и очень органичную для эстетики грузинского кино 60—80-х годов с присущим ему в целом пристальным взглядыванием в человека, бережным отношением к проблеме вековых культурных и национальных традиций.

В фильме Георгия Шенгелая «Пиросма-ни» (1971) храм напрямую не введен в сюжетное действие, но само произведение пронизано христианским светом. Поэтому знаменательным и осмысленным представляется выбор идентичных первого и последнего кадров, в основу которых легла живописная картина, а именно умиротворенный пейзаж с маленькой сельской церквушкой. Звуко-зрительный образ начальных кадров фильма — воспоминание о входе Господнем в Иерусалим. Сидящий к нам спиной человек читает у евангелиста Матфея об этом событии, с которого непосредственно начинается путь Иисуса Христа на Голгофу. Внемлющая ему больная женщина лежит на одре. У его изголовья — растение, похожее на пальму, чьи свисающие листья отсылают нас к тому великому дню, когда ликующие люди с пальмовыми ветвями торжественно приветствовали Иисуса, въезжающего в Град Господень. Если зачин фильма говорит о приготовлении к страданию, то его финал — это венец и смысл Боговоплощения, «праздников праздник, торжество из торжеств» — Светлое Христово Воскресение. Под колокольный звон лобызают друг друга православные тифлисцы, а умиряющего в одиноком тесном подвале Нико верный друг призывает разделить всеобщую радость победы над смертью и адовыми узами.

Для трилогии Тенгиза Абуладзе «Мольба» (1968), «Древо желаний» (1977) и «Покаяние» (1986) образ храма является сквозным.

В «Древе желаний» храм осмысливается и как неотъемлемая часть сельского грузинского пейзажа, и как историческая и духовная ценность, и как место, где происходит действие в моменты или поворотные для персонажей (венчание), или их душевных переживаний. Фуфала мысленно венчается здесь со своим умершим возлюбленным, Шиолой, а мать Гедии молит Господа уберечь ее сына.

По основной интонации, связывающей разнсюжетные части «Мольбы», этот фильм близок к утверждению одной из важнейших заповедей Нагорной проповеди: «любите врагов своих». Картина в поэтических визуальных образах, пришедших со страниц Важа Пшавела, решает сложную дилемму общечеловеческого и родового. Главные персонажи в своей отдельности противостоят массе, общине. Они пытаются утвердить свой идеал поведения, за что терпят остракизм со стороны представителей рода; для последних неизбежно традиционное представление горцев о кровной мести, принцип «око за око, зуб за зуб», делающий христиан похожими на язычников; для других, как хевсур Алуда и кистин

Джохола, — милосердие по отношению к кровному врагу, который в одном случае — доблестный герой, а в другом — твой гость. Появляющееся в некоторых кадрах изображение храма, горящих свечей устанавливает вертикаль как доминанту в образном развитии сюжета, подчиняет себе тему смерти, выводя ее на христианский уровень осмысления.

В финале «Покаяния» возникает метафизический храм, дорогу к которому предстоит обрести. Фраза, завершающая фильм: «Зачем та дорога, которая не ведет в храм», по крайней мере, дает ощутить степень переосмысления духовных ориентиров, к которому пришло-таки отечественное кино.

Мы познали на горьком опыте десятилетий, что значит и чего стоит примат идеологизированного состояния, в котором пропаганда заняла место, предназначавшееся для проповеди; печальны и неизмеримы последствия таких исторических коллизий. Но поскольку Церковь не есть дело праздного ума человеческого, от рук человеческих ей не суждено было погибнуть. Кинематограф — искусство, едва ли не наиболее чуткое и к веяниям истории, и к перипетиям конъюнктуры. Он в огромной степени ориентирован на массовое сознание. Но и сам во многом его формирует. Массовое же сознание — под воздействием политико-идеологических доктрин — слишком долгое время пребывало загнанным в угол, где не было места сакральному.

Судя по всему, ныне положение меняется.

Документальное и научно-популярное кино нескольких последних лет в большей степени, чем игровое, засвидетельствовало нам снятие запретов, наложенных на религиозную тему, но ему только предстоит, насколько это возможно, принять участие в возвращении человека к литургическому соборному сознанию, поросшему травой забвения из-за прерывания традиции, без которой обошлись не одно и не два поколения людей. Пока что идеологическое раскрепощение рождает, как правило, популяризацию прискорбно мало известного ныне материала или в лучшем случае вариант его экранного осмысления. Может быть, необходимо время, чтобы обрести утраченное, что позволит на каком-то этапе перейти от экскурсионного подхода к созерцательному.

Изменение представлений о храме в отечественном кинематографе в сущности не идет вразрез с общими тенденциями развития этого вида искусства у нас. Наконец стало ясно, что отрицание основ духовной жизни приводит, как писал Владимир

Соловьев еще в 1877 году, «к исключительному утверждению **безбожного человека**, то есть человека, взятого в его кажущейся поверхностной отделности и в этом ложном положении признаваемого вместе и как единственное богатство и как ничтожный атом — как божество для себя, субъективно, и как ничтожный атом объективно, по отношению к внешнему миру, которого он есть отдельная частица в бесконечном пространстве и переходящее явление в бесконечном времени». Как долго мы возвращались к такому пониманию положения вещей!

Что же касается кинематографа, то, думается, здесь еще предстоит на основе восстановления разрушенных связей преодолеть тягу к музейному преобразованию храма и вернуть ему образ Вселенной, что — как результат — может приблизить этот вид искусства к постижению Первообраза.

В дополнение к этому коснемся еще одного вопроса, на который в практике мирового кино имеются лишь отдельные, исключительные ответы, а в теории — более или менее убедительные гипотезы. Вопрос следующий: возможно ли средствами кинематографической выразительности достигнуть той глубины созерцания, которая дает человеку проникнуть за пределы материальных, физических видимостей и прийти к внутреннему лицезрению первообразов, традиционно воплощаемых и передаваемых истинной религиозным искусством? Это вопрос не только духовной ориентации людей, создающих фильмы, но и вопрос определенных стиливых, экспрессивных возможностей, отчасти намеченных в творческой практике киноискусства, но каждый раз противостоящих мирской природе кино как зрелищного феномена и «сверхфизическому» характеру его как дитя технизированной цивилизации, плода «технизации духа».

Н. А. Бердяев весьма серьезно оценивал способность кинематографа объединять людей, но еще более серьезно он размышлял о качестве этого объединения. Природа кинематографической соборности (выражаясь условно!) и имманентные качества кинематографического изображения неуклонно выявляли первородное «проклятие отягощения материей», полагающее жесткие пределы попыткам одухотворить изнутри строй, смысл и форму экранного зрелища.

Зигфрид Кракауэр — один из самых последовательных материалистических теоретиков кино — без обиняков утверждал мирскую сущность кинематографа как феномена культуры, возникшего и распространившегося «на руинах древних верова-

ний», дарующего массовой публике некую магию фрагментов материальной действительности, именно к этому сводя истинную, с его точки зрения, природу киноискусства. Здесь следует обратить внимание на подзаголовок его знаменитого теоретического труда: «Реабилитация физической реальности». Этот общепринятый перевод поневоле неточен; в оригинале значится — «The Redemption of Physical Reality». Парадокс состоит в том, что слово «Redemption» — термин теологический, соответствующий русскому «спасение» или «искупление». В таком определении природы кино нет иронии, это точное обозначение основного внутреннего парадокса, усмотренного в самом предмете: в секулярном феномене культуры, «обожествляющем» по своему эффекту, но безбожном по сути своего содержания.

Смысл христианства немыслим без понимания Божественной литургии. Все происходящее во храме за литургией сосредоточено на воспроизведении или воспоминании земной жизни Спасителя, Его смерти на кресте и Воскресения. В своей статье «Храмовое действо, как синтез искусств» о. Павел Флоренский назвал церковное искусство высшим синтезом разнородных художественных деятельностей. Изъятие из целого его составляющих чревато разрушением гармонии. Существует, например, тенденция рассматривать икону как пример станковой живописи. Однако такое модернистское определение таит в себе в конечном счете глубочайшее заблуждение, ибо икона всегда мыслилась и мыслится внутри храма, она органически присуща его пространству и непосредственно включена в храмовое действо. Если серьезно развивать этот принцип, то использование христианских символических мотивов и аллюзий не должно, по-видимому, идти вразрез с идеей такого единства.

Один из назревших вопросов заключается в том, может ли кинематограф, обращаясь к христианству изнутри, строить свою стилистику таким образом, чтобы подчинить все звуко-зрительные компоненты принципу внутреннего единства, которое мы наблюдаем в религиозном искусстве.

В первоисточке христианской культуры — идея Боговоплощения, при котором «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца» (Иоан., 1, 14). Нам дана истина о жизни и мире — Священное Писание и Священное Предание, воплощение Бога Слова.

Христианская культура — многовековой опыт осмысления того, что уже сказано. А сказано все, начиная уже с первой строки Книги Бытия, которой начинается Биб-

лия: «В начале сотворил Бог небо и землю». В ней уже заключен догмат о Святой Троице, Единосушной и Неделимой: «сотворил Бог». Начало как временная величина было сотворено вместе с небом и землею. Далее догмат Троичности раскрывается: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою».

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1, 1—6).

Всякий образ невозможно понять вне породившей его среды, тем более образ Церковный — вне Церкви, вне основы ее бытия. Такой основой для православия является исповедание Святой Троицы, имеющее решающее значение для жизни Церкви, ее канонического строя, характера богословского мышления, духовной жизни, которая есть по образу Святой Троицы.

Средоточием православного богословия в исповедании Святой Троицы является Личность как обладательница полной божественной природы. В общении личности человеческой с Личностью Божественной — через образ и есть для православного богословия начало «видения лицом к лицу». Только личный образ есть путь к своему первообразу, к Личности Бога, ставшего человеком, или к личности человека, обожженного благодатью Духа Святого.

Может ли кинематограф в своем нынешнем состоянии приблизиться к выражению божественного? Не ведя речи о «религиозных фильмах», в основе которых лежат конкретные религиозные сюжеты, американский кинематографист и исследователь Пол Шрейдер считает, например, что для выражения божественного в кино выработался особый «трансцендентальный стиль», который используется художниками различных культурных ориентаций. По мнению автора, этот стиль нельзя назвать собственно трансцендентальным или религиозным, «скорее он репрезентирует способ приближения к трансцендентному». Появление этого стиля «является результатом двух универсальных обстоятельств: стремления выразить трансцендентное в искусстве и природы фильма как средства этого выражения». Примечательно также и то, что в своей работе, посвященной «трансцендентальному стилю», Шрейдер останавливается на творчестве Одзу, Брессона и Дрейера — художников, которые, обладая обостренным чувством материальных фактур кинематографа, в то же время пытаются преодолеть эту материальность в рамках общей формы фильма, ставшей со-

держательно важным элементом. Поэтому «трансцендентальный стиль» как форма трансцендентального искусства, предметом которого, по справедливому замечанию автора статьи, является «невывыказываемое» или «невидимое», и сам обретает качества «невывыраимости» и «невидимости».

Шрейдер указывает на антиномию, которую приходится решать в этой связи критике, столкнувшейся с трансцендентальным искусством, а именно «вербализовать невыражаемое». Трансцендентальное выражение «пытается приблизить человека к невыразимому, невидимому и непознаваемому настолько, насколько это позволяют слова, образы или идеи. Как и художник, критик видит тщетность этой задачи, видит, как самые красноречивые пассажи могут привести разве что к молчанию».

Здесь для примера можно сослаться на фильм Робера Брессона «Дневник сельского священника», поразивший критиков и кинематографистов последовательным сочетанием скупых, намеренно обедненных в чувственном отношении, «аскетизированных» элементов выразительности, синтез которых приводит к особому воздействию заключительного кадра — длинного, растянутого во времени статического плана, представляющего черный крест на белом фоне.

Андре Базен, сразу отметивший, что фильм «Дневник сельского священника» вызывает «к самым возвышенным формам духовного восприятия», подчеркивал особенности режиссерского решения сюжета книги (романа Ж. Бернаноса): последовательное упрощение выразительных компонентов и сокращение их количества, нарастающую значимость словесного ряда, отказ от индивидуально-психологической разработки актерских образов и т. д., — все то, что приводит к необычному для кинозрелища сочетаниям телесности и духовности. «Подобно Дрейеру Брессон уделяет особое внимание самым плоским чертам человеческого лица, которое в той мере, в которой оно не пытается что-либо изобразить, представляет собой наивысшее воплощение сути человека, легче всего поддающийся прочтению след души его; все в лице подчинено значимости символа». (Здесь очень важно подчеркнуть Базеном различие между физической и физиогномической реальностью.) А с другой стороны, Базен указывает на рождающиеся в сюжете фильма строго фиксируемые косвенные ассоциации с евангельским текстом — соответствие структуры фильма «не столько построению трагедии, сколько литургическому действию страстей Господних или, еще точнее, Крестного хода». Впрочем, фильм «Дневник сельского священника» — явле-

ние уникальное даже для режиссерского творчества Брессона.

По Шрейдеру, «трансцендентальный стиль» в чистом виде почти не встречается в кино. Редко кто пытается руководствоваться им в полной мере. Как правило, мы имеем дело лишь с элементами этого стиля, которые обнаруживаются в картинах различных, прежде всего западных, режиссеров. Что же касается отечественного кинематографа, то такие примеры, последовательные и устойчивые, пожалуй, вряд ли отыщешь. Примеры данного стиля можно проследить у Андрея Тарковского (начиная с «Соляриса»), который, надо заметить, считал своими «духовными отцами» в кинематографе, по крайней мере, названными отцами, — Брессона и Дрейера. А фильм «Дневник сельского священника» Тарковский, согласно воспоминаниям, ставил на первое место среди шедевров мирового кино.

Если в «Солярисе» и «Сталкере» блуждания в поисках веры как героев, так и автора выводят их к определенному эмпирическому самопознанию (в «Солярисе» — так и вовсе рационально-чувственному, близкому и научному, что во многом определялось и выбором материала для фильма), то в последующих работах — в «Ностальгии» и «Жертвоприношении» — видна мучительная попытка дать выход собственной религиозности, которая на экране выглядит даже не экуменическим, но эклектическим христианством, к тому же со значительной примесью буддийских реалий последнего фильма.

Надо полагать, что попытки приблизиться к «трансцендентальному стилю» заставляют режиссера высказать такую точку зрения: «Единственное, о чем можно говорить, это о религиозном впечатлении, которое истинное художественное произведение оказывает на человека». По утверждению Тарковского, искусство вообще не мыслит логически, выражает постулат веры, из чего он делает вывод, что художественный образ — по сути его — надо принимать на веру в отличие от логического рассуждения. Таким образом, можно полагать, что одной из главных задач для Тарковского-режиссера было воздействие на религиозное чувство зрителя или пробуждение такого (не всегда, правда, определенного).

В своих фильмах режиссер пытается преодолеть материальный избыток средств, «одержимость реальностью», присущую кинематографу по определению Базена и сходную мыслям Кракауэра о «физической реальности». Обусловлено это тем, что художника интересует не реальность внешнего мира в его оголенной вещественности,

а реальность «запечатленного времени».

Если рассматривать, например, цель иконописи, то она, безусловно, является по сути общей с жизнью Церкви и в определенном смысле двойкой: во-первых, имеет смысл и бытие как таковое, во-вторых, действительно, «научает тайне», по словам В. А. Комаровского, на высших своих ступенях вбирая в себя первообраз. Иконопись по назначению своему собирает душу, сосредоточивает мысль на глубинах, открываемых в пределах материально ограниченного пространства.

В. А. Комаровский различает созерцание глубокое и поверхностное. Поверхностное созерцание включает в себя то, о чем можно рассказать независимо от высоты образа. При глубоком созерцании творческая энергия проникает за пределы поверхности, в глубину образа, в глубине этой лицезреет и непосредственно восходит до первообраза, творчески созерцает его. Создается образ, не рассказывающий о созерцаемом. В первом образе, но передающий его в своем самостоятельном бытии. Непосредственно созерцаемое и непосредственно воплощаемое являются прямым отражением первообраза. Все это наблюдается с наибольшей очевидностью в образцах подлинного иконописания.

Особенность кино — как уже говорилось — состоит в том, что это искусство глубоко мирское. По справедливому замечанию Пола Шрейдера, «оно не зародилось в религиозной практике, а явилось вполне светским детищем капиталистической технологии. И если бы религиозный художник в кино задумал обратиться к истокам своего искусства, он нашел бы там лишь антрепренеров да технократов. Когда священное пытается войти в сферу кино, в это генетически чисто светское искусство, возникает довольно специфическая ситуация».

Кинематограф, трактующий религиозные идеи и мотивы, как правило, предоставляет нам примеры поверхностного созерцания сакрального — соответственно природе данного вида искусства. Кино еще не знает (или не имеет) путей к явлению Первообраза, к изображению видимым невидимого мира. Но ему вполне под силу давать ощущение присутствия надмирного пространства или же выражать этические источники религии. Кинематографу трудно достичь качества «эссенции духовного», так как он прежде всего находит самореализацию в фиксации явного, осязаемого, временного, «физической реальности». И ему никуда не уйти от первопричины и исходной сути его существования, выражаемого в самоценности вещественных слагаемых жизни, в иллюзии под-

линности, в созерцании форм действительности, предпочитаемом созерцанию внутреннему, духовному. В киноизображении превалирует конкретно-фактурное над обобщенно-метафизическим; его удел — это дольный мир и в очень малой степени горние сферы, которые, как видно, не скоро смогут в полной мере стать предметом достойного изображения в этом виде искусства. Если режиссер пожелает обратиться к предмету собственно духовному, «метафизическому», то он должен по необходимости или говорить о нем абстрактно, или опять-таки выразить его в формах физически обусловленных, последнее же таит неизбежную опасность. Но у кинематографа есть одно неспоримое и исключительное качество, которого лишены другие искусства, — он живописует светом. Не исключено, что поиск в этом направлении может вывести киноискусство на верный путь в его попытках изображения сакрального.

Самое большее, к чему может прийти кино, — это **рассказать** о Первообразе (разумеется, не буквально, но оперируя доступными выразительными средствами), подвести к порогу, за которым начинается невидимое, дать почувствовать скоротечность и относительность времени — универсальной категории для кино — в противовес безотносительному **вечному**, трудно-выразимому в пределах кинематографа.

Весьма абстрактно подвел нас к некоему «порогу» Андрей Тарковский в «Сталкере» — и остановился сам, подобно дейст-

вующим лицам фильма: всякая попытка переступить порог невидимого, дешифровать сокровенное оказалась неосуществимой, обреченной на провал.

В кинематографе связь с явлением первообразного порядка может осуществляться через характерологическое воплощение идеала христианского человека, что, к примеру, удалось Карлу Дрейеру в его фильмах «Страсти Жанны Д'Арк» и «Слово». Думается, что это наиболее перспективный путь, отчасти разрешающий тяготение к трансцендентальному в кино.

Кино выпадает из сферы традиции священного, сакрального искусства, хотя порой пытается ему подражать или по-своему возрождать его традиции. Христианство в кино, особенно в отечественном, — это, собственно, духовный мир отдельно взятых режиссеров, сознающих себя христианами.

Тем не менее мы не будем считать полностью закрытым вопрос о способности кино находить стиливые принципы и экспрессивные средства, подобающие смыслу и назначению образов духовного искусства. Обдумав и приняв веские сомнения на этот счет, сознавая пределы возможности кинематографа, мы не будем наперед отрицать возможность «чудес», встречающихся и в современном художественном творчестве. И разумеется, не будем ни в коей мере ставить под сомнение огромную важность тех нравственных исканий художников кинематографа, которые ведут их к постижению высших духовных основ человеческого бытия.

Круглый стол

РОССИЙСКИЙ ВЫБОР

Очередное заседание клуба «Свободное слово» было посвящено обсуждению статьи А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию». В разговоре приняли участие философы В. Толстых, В. Межуев, Л. Греков, К. Кантор, С. Гусейнов, критики А. Казин, К. Разлогов, художник М. Ромадин, политолог Б. Айрапетян, историк В. Сироткин, сценаристы и режиссеры Е. Цымбал, А. Герасимов, И. Масленников, О. Никич.

В. Толстых: Появление эссе Александра Исаевича Солженицына «Как нам обустроить Россию» вызвало к нему самое противоречивое отношение: от восторгов до протестов. Что и следовало ожидать, зная позицию писателя по прежним его выступлениям, публикациям и высказываниям. Но этого выступления ждали давно, с особым нетерпением и чувством. Ведь все пять лет

перестройки Солженицын молчал, не выражая своего мнения по поводу происходящих в стране изменений и процессов. Теперь «вермонтский отшельник» высказался. И что же? Одни его пророчеством воодушевлены, другие — разочарованы или по крайней мере смущены.

Тех, кто разочарован, не устраивает вкус обскурантизма (я использую высказывание

одного из авторов статей) в суждениях писателя о демократии, избирательном праве и правах человека и особенно нарисованный им портрет России: далекой от цивилизации страны, провинциальной и испорченной, тяготеющей к авторитарному правлению.

Другие, напротив, считают, что Солженицын проявил в своих размышлениях редкое чувство современности, политического реализма, соединенного с глубочайшей нравственностью. И доказал, что он не правый и не левый, не националист и не шовинист, как его пытались до сих пор представить и истолковать разные силы в своих вполне «партийных» интересах.

Кто-то остроумно заметил, что «посильные соображения» могут вызвать у каждого лишь «посильное прочтение». Что, конечно, естественно. Хуже, если каждый начнет в духе какого-нибудь группового интереса подтягивать высказанные Солженицыным соображения к себе и до себя, руководствуясь наработанной излюбленной идеей. Это уже происходит и у нас, и за рубежом, где выступление А. И. Солженицына вызвало целую волну разноречивых откликов.

Скажем, националисты или, как их иногда называют, «национал-патриоты», пытаются доказать, что писатель подтверждает и утверждает именно их нравственную позицию за вычетом несогласий по отдельным вопросам. А нынешние «западники» (или «космополиты»), как их опять-таки называют, сознавая, что перед ними нечто большее, чем «посильное соображение» известного всему миру писателя, завоевавшего право говорить о судьбе целой страны страданной собственной судьбой, делают вид, что ничего экстраординарного не случилось, не произошло, что другого они от Солженицына и не ожидали.

Я думаю, что лукавят и те и другие. Что и тем и другим далеко не все нравится, «подходит» в размышлениях Солженицына. Многих этот документ застал врасплох, вверх в состоянии растерянности. И знаете чем? Не конкретностью своих предложений по «обустройству России», которые замечены и довольно активно обсуждаются. А своей целостностью, всеохватностью, попыткой представить «русский вопрос» как не только национальный, но и общемировой вопрос.

«Посильные соображения» Солженицына, как бы каждый из нас к ним не относился,— это интеллектуальный вызов всей нашей складывающейся на наших глазах и при нашем непосредственном участии «перестроечной», весьма противоречивой и пестрой идеологии. Я вижу ценность этого документа-проекта прежде всего в том, что

он приглашает и позволяет подняться на новый уровень осмысления общественного процесса, происходящего у нас под именем «перестройка», как выясняется сейчас, не очень-то определенно в своих целях и будущих очертаниях.

Почему я ставлю так вопрос? Потому что все мы уже изрядно подустали от межпартийных битв и склок, в которых, несмотря на запал и конкретику, из поля зрения то и дело исчезает главный предмет обсуждения и спора — судьба России. Складывается впечатление, что меньше всего нас волнует то, что с Россией произошло «вчера» и какой она будет «завтра». Что многострадальная ее история для многих является лишь поводом и материалом достижения каких-то других (наверное, тоже важных и существенных) целей и задач, но с судьбой России связанных лишь косвенно, по касательной.

Я всецело поддерживаю идею рынка, считаю переход к рыночному типу хозяйства необходимым и неизбежным, но абсолютно не понимаю, почему проблема «обустройства России» все чаще и больше сводится к рыночному переустройству народного хозяйства. Как будто пустые магазины страшнее и важнее пустых душ.

Я ничего не преувеличиваю. Даже в нашем Союзе кинематографистов, в стенах которого мы заседаем, вопросы коммерции и обогащения явно вышли на первый план, оттеснив проблемы творческие и мировоззренческие. Следуют одно за другим заседания и совещания на тему о том, как заработать деньги (особенно валюту), кому, как и сколько раз съездить за границу. И ни одного заседания, когда бы собрались творцы прекрасного и возвышенного, чтобы обсудить (хотя бы как в былые, застойные времена), что происходит в кинематографе, вообще в духовной культуре в это предельно тревожное для судеб нашей страны время.

В ситуации, которую мы повсеместно переживаем, акцент на духовно-этических моментах возрождения России, на необходимости исцеления душ и большого национального самосознания, на противопоставлении подлинной культуры все усиливающемуся напору, точнее — диктатуре банальности, пошлости,— этот акцент, пронизывающий все сочинение А. И. Солженицына, на мой взгляд, приобретает принципиальнейшее значение.

Я не согласен с теми авторами, отечественными и зарубежными, которые считают, что Солженицын изменил самому себе, что перед нами якобы «новый Солженицын», пытающийся примирить непримиримое и возродить невосстанавливаемое. Я думаю, что Солженицын 1990 года мало чем по су-

шеству отличается от писателя, написавшего в 1974 году «Письмо вождям Советского Союза» и весьма критичного по отношению к дореволюционной российской действительности. Его позицию давно уже (и по-моему, справедливо) характеризуют как центристскую, антиимперскую и в этом смысле — изоляционистскую. Он явно ищет третий путь между «коммунизмом» (для него это абсолютное зло) и «буржуазной демократией» (относительное зло). Для Солженицына это и есть Сцилла и Харибда, между которыми надо провести корабль «Россия», чтобы он вошел в чистые воды. Не знаю, как насчет коммунизма (сегодня мало найдется добровольных охотников ввязаться в спор по поводу идеи, которую, на мой взгляд, рано хоронят и несправедливо оценивают), но по поводу демократии, видимо, с Солженицыным спорить будут многие. Меня же, честно говоря, привлекает трезвый радикализм предлагаемых писателем изменений и переустройств всего общественного уклада народной жизни, базирующихся на глубоком понимании драматически складывающихся отношений России с остальным миром. Возвращение к истокам, верность собственным ценностям и трагедия мыслится Солженицыным отнюдь не на славянофильский манер, как до сих пор многие толковали его позицию. Но и без коленопреклонения перед цивилизовавшимся Западом. Эта противоречивость, амбивалентность позиции Солженицына многих раздражает и ставит в тупик. Но она, как мне представляется, точно схватывает и выражает действительный трагизм русской истории, самого феномена «Россия», которую, как известно, «аршином общим не измерить».

Среди тех, на кого Солженицын в своем эссе ссылается, нет, к сожалению, Пушкина. А жаль, потому что именно Пушкин с наибольшей выразительностью определил суть проблемы и дилеммы, которую никак не могла решить Россия с приснопамятных времен, — «Войти в Европу и остаться Россией...». Эту антиномию мы и сегодня не можем не то что разрешить, но и толком осмыслить, разделившись на тех, кто сломя голову предлагает (любой ценой!) «войти в Европу», и тех, кто ценой любых потерь и несовершенств ратует за то, чтобы «остаться Россией». И опять, в который раз, возвращаемся «на круги своя» проблемы, которую трагическая история многострадального народа уже практически «проиграла» во всех возможных вариантах.

Так вот, Солженицын интересен и велик тем, что делает попытку разорвать этот порочный круг, обнажая реальный смысл и общемировое значение «русского вопроса». За его «посильными соображениями»

чувствуется большая, многолетняя работа над историческим материалом, который он буквально «перелачал» головой и душой, прежде чем ее результаты предстали в «Августе 1914» и «Красном колесе». (И опять вспоминается Пушкин, его увлечение историей Пугачевского бунта, которому он дал свою всем известную впечатляющую характеристику.) Солженицын не боится задеть самолюбие ура-патриотически настроенного гражданина и с предельной определенностью выражает свое отношение к имперским амбициям сознания. Он говорит: «Наш океан — это не Арктика, не Индийский океан; мы не Средиземное море и не Африка, и нам нечего там делать!» Он давно уже призывал отпустить на волю все нации и народы, которые не чувствуют внутренней потребности быть в составе Союза, неспособного справиться с самыми элементарными проблемами человеческого бытия. Не один Солженицын предвидел крах насильственно сконструированной Империи. Я вспоминаю, как в те же 70-е годы другой диссидент и изгнанник — Александр Зиновьев — шутивно по форме, но вполне серьезно по содержанию предлагал план-минимум и план-максимум решения проблемы будущего России. План-минимум — «РСФСР заявляет о выходе из состава СССР», а план-максимум — «назавтра Россия выходит из состава РСФСР»: «сразу станет всем легче и лучше».

Конечно, с Александром Исаевичем и с Александром Александровичем можно поспорить: это разные вещи — империя и российская государственность. Что разваливается империя — это хорошо и очень прогрессивно. Плохо, что разрушается, распадается государственность. Россия испокон веков формировалась и развивалась как образование государственное, а не национальное в собственном смысле слова. И потому так тяжело переживается ее нынешнее состояние, где национальное и политическое сплелись в один противоречивый клубок. И как отделить государственность от имперского начала, где здесь проходит водораздел — вряд ли кто скажет. Вот и проект Солженицына с образованием триединой общности — Россия, Украина и Белоруссия — вызвал бурную реакцию. Впрочем, Солженицын это предвидел, отдавая свое предложение на суд и решение трех братских народов.

В. Межуев: В обсуждаемой статье я бы выделил три слоя. Первый слой, где очень точно зафиксировано состояние, в котором сейчас находится страна, не вызывает у меня особых возражений. Второй слой, более аналитический, содержит попытку выявить причину катастрофы, обнаружить главных виновников. И третий слой, наиболее су-

щественный, заключает в себе позитивную программу автора, его видение будущего России.

Говоря об этом третьем слое, нельзя относиться к автору только как к писателю: ведь в этом случае он выступает еще и как политолог, социолог, мыслитель, разговор с которым должен идти на языке науки, избегающем чисто эмоциональных оценок и личных пристрастий. Можно ли «хладным умом», чисто рациональными средствами анализировать то, что написано человеком не только огромного писательского дарования, но и лично пережившим трагедию, постигшую Россию? Но ведь сам автор приглашает к диалогу с ним. Принимая это приглашение, следует подчеркнуть, что никто не может оспорить право писателя думать и писать о России так, как он это делает. Речь идет лишь о том, в какой мере глубоко выношенная и выстраданная авторская позиция практически реализуема в нашем обществе, может ли она служить реальным ориентиром для наших политиков, экономистов и всех тех, от кого сегодня зависит будущее России.

Я хочу сразу сказать, что вызвало у меня некоторое неприятие. Прежде всего, не совсем ясен адресат обращения Солженицына. Судя по всему, он обращается к России, к русскому народу (исключая, может быть, только коммунистов). Но в России сегодня нет национального согласия ни по одному вопросу: вся она расколота на партии, блоки, движения. В ситуации такой разногласия словá, не учитывающие реального соотношения социальных сил и настроений, рискуют быть никем не услышанными или ложно истолкованными в интересах каждой партии.

Изобличая ложь и вред коммунистической утопии, Солженицын в своем проекте «обустройства России», к сожалению, сам не может избавиться от некоторого утопизма. Анализ реального процесса подменяется конструированием идеальной модели. Нарисованная картина будущего России при всей верности и точности отдельных деталей страдает, на мой взгляд, чертами завершенности, статичности и универсальной всеохватности, исключающей какую-либо иную перспективу развития. Мышление, стремящееся охватить в единой системе все сферы общественного и духовного бытия человека, дать ответы на все вопросы жизни, включая межнациональные отношения, формы собственности, государственное устройство, местное самоуправление, культуру и образование, воспитание и семью, мышление это смахивает на ту коммунистическую программу переустройства жизни, которая так ненавистна автору («поисковых соображений»). Похоже, что склон-

ность судить обо всем сразу, своеобразный идеологический монизм с его повышенной нетерпимостью к иным моделям развития — традиция мышления, берущая начало не только от марксизма и коммунизма, но и из более глубокого национального источника.

Как мне представляется, ведущей для Солженицына является идея национального возрождения России. Обвиняя коммунистов в том, что они насильственно повернули Россию, столкнули ее с национального пути развития, вызвав тем самым небывалый кризис в обществе, писатель видит ее спасение в возвращении к своим национальным корням и истокам. Собственно, главный вопрос, который ставит и решает Солженицын, — это вопрос о том, что есть Россия как национальное образование и каким образом это национальное должно проявиться в ее политическом, экономическом и культурном устройстве. Национальный вопрос — определяющий, заключающий в себе как бы внутренний критерий всех возможных и желаемых преобразований. Но именно в выдвигании этого критерия на первый план и заключена основная трудность, поскольку процесс национального самоопределения России еще не закончен и в наши дни.

Некоторые считают, что к моменту революции Россия уже выработала формы своей национальной жизни — свою национальную государственность, экономику, культуру, но потом все было прервано, искажено пришедшими к власти коммунистами. Но существующие сегодня в русском обществе идейные разногласия относительно возможного будущего России заставляют усомниться в правильности такого мнения. В историческом прошлом России нет прямых и окончательных ответов на вопрос, какой она должна быть в смысле государственного устройства, социального строя и экономической системы. Россия самодержавная и крестьянская, дворянская и купеческая, буржуазная и пролетарская, либеральная и демократическая, имперская и многонациональная — все это разные России, и вопрос о том, какая одна из них должна быть положена в основу ее национального устройства, стать доминантой национального развития, может быть решен сегодня с учетом не только собственного, но и всего мирового развития. Поистине в России «все еще только начинает складываться» и ничего еще не сложилось окончательно.

Солженицын ставит вопрос: что есть Россия как государственное образование? И отвечает: вся страна за вычетом двенадцати республик при добровольном присоединении Украины и Белоруссии. Но ведь во-

просы отделения и присоединения — чисто правовые вопросы, то есть должен быть правовой юридический субъект. Чем же является Россия в качестве такого субъекта? В истории было четыре России: Киевская Русь, Московская Русь, Петербургская Россия и РСФСР, созданная большевиками. О первых трех, способных правомочно решать вопрос о границах своей территории, говорить не приходится. Значит, РСФСР? Но тогда могут встать татары и башкиры и сказать: «Извините, это для вас, русских, Средняя Азия — “подбрюшье”, а для нас — это сородичи и единовверцы. Если хотите отделяться от нее, отделяйтесь и от нас». И тогда станет ясно, что РСФСР — это тоже еще не Россия. Одно из двух: либо Россия — это вся территория государства, либо нечто совершенно в правовом отношении неопределенное.

Кто же будет решать вопрос об отделении? Соберутся великороссы со всей страны и примут решение? Разве великороссы юридически правомочны это сделать? Видно, что не срабатывает этнонациональный подход при решении правовых, экономических, социальных и других вопросов. За этим несовпадением национального и правового стоит большая и сложная проблема нашей истории. Но ясно одно, что разделение по этносам приведет не к возрождению России. Отделение великороссов от других народов станет началом нового государства, но это будет уже другое государство, а не Россия в историческом смысле этого слова.

А. Казин: «Посильные соображения» А. И. Солженицына, я считаю, обсуждать не надо. Их надо исполнять. Поэтому сам факт, что сегодня мы обсуждаем статью Солженицына, свидетельствует о том, что он востребован нашим сознанием не в качестве образца для исполнения, а лишь в качестве предмета обсуждения. Восприятие статьи Солженицына идет как угодно, но только не так, как он сам ее задумал. А задумал он ее отнюдь не как политическую или экономическую, а как определенный факт духовного опыта России. И он имеет на это право, потому что это великий писатель земли русской, который выступает от имени не какой-либо политической партии и уж тем более не политической фигуры 17-го года, будь то Корнилов, Ленин, Керенский, или из 90-го года, будь то Травкин, Горбачев, мы с вами, грешные.

Что я имею в виду? Что невостребованность солженицынского мышления и солженицынской позиции в нашем общественном сознании относится ко всем его представителям, в том числе к лево- и праворадикальным. Думаю, это связано с тем, что у нас еще очень незрелое обществен-

ное сознание и в левом, и в правом варианте. Когда начинаются разговоры: а кто же такой Солженицын — демократ он или почвенник-националист, восточник или западник; вообще он за царя или он за рынок? — это разговоры не на уровне солженицынской постановки вопроса. Это все равно что говорить: «А давайте-ка, ребята, сделаем у нас такую же демократию и такой же рынок, как в Соединенных Штатах Америки. Как они здорово там живут! Почему бы нам не пожить так же?» Или: «А почему бы в Соединенных Штатах Америки не сделать абсолютную монархию?..» Исторических предпосылок для этого ровно столько, сколько для нас стать хорошо организованным плюралистическим государством. Совершенно очевидно, что главное препятствие для такого рода постановки вопроса — русский исторический опыт, который сводится к одной простой вещи: даже если мы с вами в качестве радикалов, демократов, плюралистов и рыночников захотим этого для России, то в России этого никогда не будет.

Поэтому я думаю, что значение солженицынской статьи заключается в том, что она говорит о путях преодоления неких формально-логических противоречий, благодаря чему мы сможем выйти к какой-то реальной политике, реальной экономике, не говоря уже о действительной нравственности, действительной культуре.

Я по меньшей мере насчитываю три таких «преодоления». Это преодоление противоречий между религией, политикой и культурой.

Солженицын под политикой понимает всякую личную и общественную жизнь и также всякую духовную жизнь, относящуюся к политике и экономике. То есть в центре политической, государственной, общественно-экономической жизни находится отношение к человеку, где мерило — не товар, не власть и даже не культурные ценности, а Бог, который своей властью, своей мощью включает в себя эти ценности как формы проявления жизненного блага. И это имеет в виду Солженицын, когда преодолевает формально-логическую антиномию между политикой, экономикой, государственной властью, общественностью и культурой. В этом смысле в центре солженицынской программы стоит церковный идеал, связанный с человеком, причем с человеком, взятым во всевозможных общественных и культурных проявлениях: хозяйственных, экономических, экологических, личных.

Это единство, которое берет Солженицын в качестве исходной духовной нормы, и есть главное его достижение на пути преодоления всех утопий, потому что до сих

пор утопизм русской политики, в том числе и большевистской, состоял в том, что все эти понятия брались в отвлеченной форме. Поэтому и возникла ситуация, когда в политике мы приходили к культу личности владыки или массового человека, в экономике — к культу механического производства вещей, в морали — или к возрождению культа личности в его многообразных проявлениях морального, этического плана, или к чистому гедонизму.

Кроме того, я вижу преодоление противоречий между властью, свободой и благом. Ведь ясно, что Солженицын исходит из одной простой вещи, что власть без свободы есть диктатура. А свобода без власти есть хаос и мерзость запустения.

В этом смысле Солженицын абсолютно реалистичен. Его утверждение, что любой демократии нужен аристократический или даже монархический элемент,— это рассуждение политического реалиста, который понимает под реальностью не реальность сегодняшнего дня, а реальность определенных иерархий.

Далее. Важно преодолеть противоречие между нашими Сциллой и Харибдой — между Востоком и Западом, между славянофильством и Западом. Об этом многие говорили, начиная с Владимира Соловьева и Бердяева,— о том, что надо перерастить эти детские штанишки, этот детский сад, когда одни любят Россию как мать (славянофилы), а другие как дитя (западники). Когда одни считают, что весь мир отстает от России, а другие — что Россия должна бежать за кем-то.

Духовная реальность России есть уникальное историческое тело, в котором смешались элементы Востока и Запада, но вместе с тем есть та живая душа, которую Солженицын хотел бы реализовать в форме Российской Союзу, то есть союза русских, украинцев и белорусов.

В деталях с Солженицыным можно спорить. Можно спорить о многообразии форм политических организаций и партий, о том, что он имеет в виду, говоря о земстве: то ли просто организацию несостоявшейся рыночной экономики, то ли некую форму политической общественной организации народной жизни, которая не сводится к экономике или к культуре, а является носителем, субъектом всех этих понятий.

Е. Цымбал: Так случилось, что я прочитал «посильные соображения» сразу после книжки Бердяева «Судьба России», которая имеет подзаголовок «Опыты по психологии...». Но это не столько опыты по психологии войны, сколько опыты по психологии национального характера. В этой связи мне чрезвычайно близка обличительно-аналитическая часть эссе Солженицына и гораздо

менее близка его конструктивная часть. Мне в этих «посильных соображениях» не хватает социально-психологического анализа. Я говорю о том, что называется стереотипом или идиотизмом национального характера. Возьмем книгу Антонио Поссевино, католического монаха, побывавшего в России в конце XVI века. Поссевино писал, что русские чрезвычайно нерадивы, ленивы и туго вовлекаемы в трудовую деятельность. Но уж если они взялись, то работают с большим удовлетворением, если не сказать со страстью. Они забывают есть, спать, пить. Но когда кончают работу, начинаются праздники, и если в повседневной жизни они живут скудно и самоограниченно, то тут объедаются и опиваются до безобразия...

Что изменилось? Ничего.

Отношение к иностранцам. С одной стороны, чрезвычайно настороженное — чужие, какое-то злобное недоверие; а с другой — искательство, подчеркнута подхалимское искание дружбы и готовность продать даже родного отца ради какой-то сиюминутной выгоды.

Что изменилось? Опять-таки очень мало. У Бердяева есть главка «О вечно бабьем в русской душе». Я думаю, что за последние 70 лет это «вечно бабье» превратилось в «вечно младенческое», то есть, с одной стороны, все были недовольны несвободой, но с другой стороны, жаловались, что нет хозяина.

Исходя из этого я думаю, что и конструктивная программа должна в гораздо большей степени учитывать эти стереотипы, или, если хотите, идиотизмы национального характера, потому что идеи овладевают массами тогда, когда они им близки и отвечают их ожиданиям. Есть в социальной психологии, если не ошибаюсь, такой термин — «экспектация», то есть ожидание требования: мы чего-то ждем, но ждем именно того, что бы отвечало нашим требованиям. Почему, допустим, Высоцкий, а не Окуджава стал всенародно любимым поэтом? Потому что у Высоцкого словесный и интонационный слой на первом этапе был приклатнен, а у нас всегда человек, сидящий в тюрьме, во многом жалкий, близкий, хороший... «Тюремность» сидит во всех нас, и все эти идиотизмы и стереотипы национального характера тоже сидят во всех нас.

Я думаю, что без учета именно национально-психологического аспекта строить что-то дальше невозможно. Не знаю, если бы тот же товарищ Рыжков, например, когда-нибудь почитал Бехтерева «Психологию толпы», он никогда бы ни стал выступать со своими речами, после которых магазины и табачные киоски, как Зимний,

штурмовали. Ведь это просто элементарное непонимание психологии толпы, а мы ведь в значительной степени неструктурированное общество, толпа. Я абсолютно согласен с постановкой вопроса: «Что такое Россия?» Ведь незадолго до революции кто-то сказал, что русской нации как таковой не существует, а есть некая этнографическая протоплазма, из которой только начинается кристаллизоваться Россия, потому что Русь — это и чудь, и мордва, и меря, и башкиры, и болгары. Это часто, насколько я помню, вспоминает Бунин в «Окаянных днях».

К. Разлогов: На мой взгляд, текст Солженицына теологический. С этой точки зрения он действительно представляет некую целостную картину мира, изложение замысла Божьего относительно России.

Но парадокс в том, что замысел Божий излагался неоднократно, и тем не менее выяснялось, что в основе этого замысла лежало что-то другое. Вполне возможно, что по замыслу Россия дана для того, чтобы дать всем остальным возможность избежать той дороги, по которой она проходит. Я вполне мог бы эту идею если не поддержать, то понять. Но меня-то больше интересует именно трансформация одного и того же в разные реальные формы, та игра в оборотней, когда один и тот же замысел Божий постоянно предстает перед нами то Владимиром Ильичем, то Александром Исаевичем, то Николаем Вторым, то Михаилом Сергеевичем, разыгрывается постоянно одна и та же драма, но она разыгрывается вроде бы разными персонажами. И с точки зрения этой драмы мне действительно интересно, что за персонаж стоит за данным текстом. Как только мы начинаем рассматривать именно такую своеобразную персонажность, вписанность автора этого текста в определенную реальную ситуацию жизни общества, так оказывается, что речь надо вести не столько о невостребованности, сколько о том, что эта работа Солженицына, наоборот, очень сильно востребована.

Она есть некое последовательное и хорошо продуманное, обработанное выражение массового сознания. И на уровне массового сознания она вполне вписывается в обиходное представление о том, что нам делать с Россией.

Она воплотится в сфере чистого духа и займет свое место в массовом сознании рядом с Кашпировским и Высоцким.

Это есть последовательное изложение представлений о судьбах, перспективах и возможностях дальнейшего движения России, которое со времен патриарха Никона до сегодняшнего дня сформировалось, утвердилось и несколько раз доказывало

свою способность противостоять попыткам, условно говоря, модернизации.

Разбилась сталинская попытка модернизации, разбилась Октябрьская, разобьется еще одна попытка. И каждый раз это превращалось во что-то новое, свое, на той же самой базе.

Если мы предположим, что и нынешняя попытка модернизации не принесет успеха, то мы должны, исходя из этого текста, сказать, что у России нет будущего, что она обречена, и возможности выживания не существует. Другое дело, что может быть другой текст, который, наоборот, докажет, что она есть, лежит в другой сфере, в других умозаключениях и сопоставлениях, то есть в другом типе мышления, который, естественно, Александру Исаевичу не близок.

Я не могу сказать, что сейчас придумаю что-то. Но теоретически могу сконструировать потенциальную возможность теории, которая бы давала возможность выжить.

Хочу вспомнить знаменитую идею Иосифа Виссарионовича о том, что нужно использовать патриархальность российского мышления для укрепления власти. Александр Исаевич эту патриархальность возводит в абсолют и тем самым подтверждает правильность политического вывода Иосифа Виссарионовича, утвердившего это господство.

Л. Греков: Если рассматривать это эссе как рассуждения в сфере чистого мышления, высокой духовности, это великолепно. Но любая попытка заземлить эти рассуждения, вынести на какие-то реальные жизненные и политические проблемы оборачивается неудачей. Возьмите, скажем, рассуждения о том, что Россия должна делиться. Почему? Чтобы не было перемеса, не было перемолола национальностей, людей разных наций?

Но ведь наша история — сплошной перемол. И насколько я могу судить, с точки зрения современной этнографии и этнологии, — это необходимая вещь для оздоровления нации. Так что здесь, мне думается, не надо этого бояться.

Сейчас «поправляют» историю, много открываются новых страниц, много фактов. Благодаря архивам открываются новые явления. Но где-то есть мера, предел этой переделки истории и корректировки исторического сознания, очень опасно переступить этот предел. Иначе я не удивлюсь, если однажды открою газету и прочитаю, что 22 июня 1941 года советская авиация, вероломно нарушив мирный договор, напала на мирные города Германии...

У меня возникла мысль, что, конечно, в истории всегда существовал механизм ор-

ганизации, передачи информации и каких-то импульсов с одного уровня на другой, о котором сказал Александр Исаевич. История хорошо показала, что такой механизм организации массовых движений лучше всего был, на мой взгляд, организован и наиболее совершенно действовал в таких крупных организациях, как христианская церковь. И не случайно сейчас много аналогий между марксизмом, коммунизмом, с одной стороны, и христианством — с другой.

Возьмите католическую церковь. Пожалуй, организация самая долговечная в истории: мощно налаженный механизм, где все продумано, совершенно. С ней может соперничать только коммунизм. Никуда мы от этого не денемся, хотя Александр Исаевич говорит, что это зло. И не случайно католические философы сравнительно недавно, где-то два-три десятилетия назад проводили аналогию, говорили о совместности идеологии марксизма и христианства.

И последнее. Вот говорили, что Солженицын — это Достоевский, Толстой, в «Литературке» сказано, что это Гоголь. Я специально на днях пролистал Гоголя. Действительно, много совпадений. В «Переписке с друзьями» в 1848 году Гоголь пишет: «Какое смутное, тяжелое время, все перемрались, дворяне дерутся с дворянами, купцы с купцами, мещане с мещанами, нужен примиритель, примирителю везде почва». Золотусский говорит, что и Гоголь, и Солженицын хотят мира, но для того, чтобы хотеть мира, надо найти механизм, нужна организация. Вот об этом, конечно, Александр Исаевич не подумал, и было бы, конечно, с нашей стороны нехорошо с него много спрашивать, но организация нужна.

Б. Айрапетян: Я воспринимаю это эссе не как политический конкретный документ о путях выхода. Для меня это явление более этического плана. Однако я согласен с тезисом о том, что наше общество глубоко обновленное, что мы совершенно лишены политического мышления.

Достоевский, Солженицын — такая цепочка последовательна в духовном и нравственном плане. Сам Достоевский ответственно относился к своим сочинениям. Мы всегда путали в его трудах собственно философию с философичностью.

Дело в том, что в художественной литературе не может быть философии с ее четкими законами, закономерностями. А философия и философичность — это разные вещи.

Однако философичность в художественном произведении может ставить этические и эстетические проблемы. Но политические вопросы она решать не может. С этой точки зрения для меня эссе А. И. Сол-

женицына тоже остается не инструкцией, а как текст для претворения в жизнь.

Основная беда в том, что он тоже отталкивается от вечной болезни, от уникальности России. Но когда мы пытаемся сказать, в чем же эта уникальность, то очень абстрактно рассуждаем, уходим от ответа. Мы говорим, что мы всегда развивались не так, как все.

А что лежит в основе этой уникальности? Мне кажется, одна простая вещь. Если сказать современным языком, мы отличались от всех производственными отношениями. Со времен Петра вводились искусственные меры. Но нация не успевала это переварить и сделать своей внутренней культурой.

Россия всегда давала уникальных людей, особенно в девятнадцатом веке. Мощный поток духовного направления. Мы верим в уникальность свою от Бога. Мы уникальная нация и не хотим мириться с тем, что на самом деле мы отсталая нация в плане развития исторической культуры и производственных отношений. Но мы не хотим идти за более цивилизованным государством. Мы все время ищем свой путь. И даже сейчас, когда, казалось бы, картина, проверенная великим судьей — временем, ясна, опять не хватает решимости — переходить к рынку или не переходить.

Когда я был в Бельгии в Европарламенте, там выступал перед нами один из министров, говорил о Европейском доме, и один из наших спрашивает: «А у вас нет проблем?» «Есть», — отвечает министр, — например, Фландрия мечтает отделиться, и мы все готовы. Мы все делаем для того, чтобы Фландрия отделилась, стала самостоятельным государством, и тогда одна нация будет тянуться к другой. Это будет естественным желанием, естественной потребностью, и только это сможет связать».

М. Ромадин: Я не согласен, что Россия всегда отставала. Это полнейшая чепуха и незнание, между прочим, русского искусства. А искусство есть выражение гения нации. Я полгода провел в Америке, и там все забито русским искусством. Захожу в «Метрополитен»: русское искусство, русская культура, русский дягилевский балет... Меня можно назвать «западником», но русская история — это совсем не то, что маркиз де Кюстин писал о России. В России есть нечто изначально заложенное, и выражено это гением Толстого, гением Набокова и гением того же Солженицына. И кстати, русская культура держит до сих пор весь Запад, все в высшей степени прогрессивные и замечательные страны! И Восток, между прочим, держит. Разве это отстающая культура? Отнюдь нет! Посмотрите,

30—37-й годы — сталинская эпоха, эпоха жесточайшего террора. Сравните, что делалось в эти годы в России и что делалось в Америке — в прекрасной свободной Америке. Разве можно это сравнить по силе, по напряжению?

Б. Айрапетян: Я совершенно с вами согласен. Но вы меня не так поняли. Я говорил, что Россия отставала и отстает, но только в экономическом и политическом смысле, но упаси Боже говорить это о культуре! Наоборот, я говорил о том, что духовность настолько высока в России, что она ослепляет и отуманивает наш политический и экономический разум.

М. Ромадин: Мне не совсем понятно и отношение к Солженицыну. В основе лежит, конечно, православное сознание. Я не знаю, как отнесется буддист к этой работе. Здесь есть вещи, которых я просто боялся и не хотел даже о них говорить, потому что это слишком мощная работа, слишком для меня значительная. Но вместе с тем я не вижу возможности жить внутри этой страны для человека с другим сознанием. Я не вижу пути для буддиста, для мусульман, для протестантов...

Политика и мораль — вещи различные, но был все-таки пример в истории XX века, когда они совместились и, на мой взгляд, в самом положительном действии,— это был Махатма Ганди.

В. Сироткин: Мне хотелось бы поговорить о писателях-философах. Вообще-то это явление, мне кажется, уникально русское, потому что в России всегда писатель был не просто писателем, он еще стремился и сконструировать собственную философскую схему, научить жить.

Здесь уже упоминали и Толстого, и Достоевского, в наше время можно сослаться на Валентина Распутина или Белова. Мне кажется, что все-таки между художником слова, кисти и политиком большая разница. И не случайно ни Лев Толстой, ни Федор Достоевский все-таки какую-то универсальную схему идеи развития России не смогли вывести. Мне думается, что не составляет исключения и Александр Исаевич Солженицын.

Но я хотел бы оттолкнуться от слов самого Александра Исаевича. В своем эссе «Как нам обустроить Россию?» он пишет, что его задача была лишь предложить некоторые соображения, не претендующие ни на какую окончательность, а только взрыхлить почву для рассуждений. На вилке исторического развития мы вновь вернулись на развилку дорог, которую выбрали в феврале 1917 года. Я как историк вообще не приемлю концепцию о том, что 7 ноября — рубежная дата.

Сейчас мы вообще не изучаем февраль.

Только в последнее время стали появляться материалы. Я, например, считаю, что развитие нашей российской действительности началось даже не в феврале. Начало положил 25 мая 1917 года первый Всероссийский крестьянский съезд под председательством тогдашнего министра земледелия правого эсера Виктора Чернова. Центральный вопрос: пойти ли по пути частной собственности в крестьянском хозяйстве, то есть наделить всех крестьян землей за выкуп (пусть это будет в рассрочку), или оставить так, как было в России.

Русский крестьянин никогда не имел земли со времен крещения Руси. Он был арендатором. Он арендовал эту землю у помещика, сановника, фабриканта, причем не прямо, а через общины, то есть через то, что сейчас называется колхозом.

Эта «развилка» постепенно определяла экономический путь развития России. Даже если крестьянин имел свой участок земли, он не в состоянии был прокормить семью и всегда ходил от хотший промысел. Крестьян устраивало общинное земледелие, потому что община играла роль собеса. И когда встал вопрос о том, пойти ли нам по западному образцу, европейскому пути или сохранить общину, подавляющее большинство крестьян на этом съезде 25 мая приняло программу эсеров о том, что земля должна находиться в общем пользовании народа. Кто хозяин — непонятно. Что за народ, какой народ, где этот народ? — ничего не известно.

И начался так называемый черный передел, то есть захват земли помещиков, сановников. Кто смел — тот и съел. Причем все это делалось в условиях отсутствия юридических гарантий.

И никаких актов, что земля принадлежит конкретно крестьянам, фермерам, не было. Большевики отменили Декрет о социализации земли, о создании большой аграрной фабрики, чем вызвали классовую борьбу. Началась гражданская война. Война началась не осенью восемнадцатого года, а весной семнадцатого. И это надо уяснить для того, чтобы понять развитие страны.

И второй момент, очень важный, касающийся культуры. Мне кажется, что в России испокон веков существовали два народа в одном. Один народ — просвещенный, образованный, а другой народ — это в основном крестьянство, со своими обычаями, культурой. Я не разделяю наших восторгов по поводу возрождения сейчас повсюду православия. Это замена идеологических отделов обкомов на батюшку с крестом. Я был на совещании в Ярославле, проводилось оно в кабинете секретаря обкома. И под портретом Ленина сидит секретарь обкома, а рядом с ним отец Платон.

В России православие — это помазанное сверху язычество. И блины, и крашеные яйца, и вербные воскресения — все идет от язычества.

Вы никогда не задумывались над тем, почему у нас не прививалась западная парламентская демократия даже тогда, когда была Дума? Потому что читать и писать не умели! Сейчас спорят: одни говорят, что было 70 процентов неграмотных крестьян, другие считают, что меньше. Дело не в этом. Во всяком случае половина населения была неграмотной. И что им урна, избирательный бюллетень, программы и т. д.?

Я как-то ознакомился с прессой 17—18-го годов о выборах в Советы. Кстати говоря, мало кто знает, что большевики проиграли выборы в Советы весной 1918 года, откуда и пошел потом левозсеровский мятеж: потому что на первое место вышли эсеры, потом меньшевики, а третье место занимали большевики. У съезд Советов должен был сформировать правительство во главе с Марией Спиридоновой и Мартовым, Ленина и Троцкого они не брали, пытались взять Бухарина и «левых коммунистов»...

Так вот, отсутствие западного варианта или, если хотите, городской политической культуры было главным тормозом. И сколько не бились в этом смысле сторонники либерализма, те же кадеты, все равно выборы проходили примерно как в африканских странах. Я лично наблюдал, как в Гвинее в 1958 году решался вопрос — остаться в составе Французского сообщества или нет. Привозили на грузовиках местных негров (а в одной Гвинее 35 племен, и никто друг друга не понимает) голосовать. Как? На одной урне нарисован яркий петух галльский, а на другой змея. Петух — «за», а змея — «против». Ну ясное дело, что все предпочли петуха — все были «за»... Я все это наблюдал воочию.

Когда перегородки между двумя культурами рухнули, тогда и началась анархия. Причем помимо основных культур была еще огромная маргинальная культура — все эти «люмпены», как мы их сейчас называем, или разночинцы. Ведь разночинцами были не только Чернышевский, Писарев и Добролюбов. Разночинцы — это попы-расстриги, крестьяне, выгнанные из общины. Огромное количество! Эта люмпенская, субпосадская культура, или слободская, выплеснулась и действовала в период революции — Февральской, Октябрьской — и в период гражданской войны, в условиях, когда прежнее сословное деление России рухнуло. Мы все время говорим о классах, партиях. А ведь Россия делилась на сословия, а не на классы,

и сословная честь, мораль были главными сдерживающими силами. Были разные сословия: дворяне, мещане, купцы, крестьяне, казаки, военные... Почему в России не складывалось общегражданское общество? Потому что звание «почетного гражданина» давали свободному крестьянину, который начинал торговать. Это была категория, так сказать, полусвободного человека. А фактически равенства не было перед законом, потому что попов судили свои суды, дворян — свои, военных — свои, крестьян — свои.

Что касается переустройства и того, как дальше развиваться, чисто теоретически я тоже за отделение, хотя очень много примеров против.

Развал Австро-Венгрии. Маленькие государства. Чем кончилось? Фашизмом, потому что для того, чтобы эти государства могли выжить (экономически прежде всего), они должны были сплотиться на национальной, а точнее — на националистической основе.

В результате — серия переворотов. Почти во всех малых государствах Восточной и Балканской Европы начиная с 1923 года к власти приходят авторитарные режимы. Но сейчас не восемнадцатый год, и мы не Австро-Венгрия.

Если раньше гражданская война велась в основном пулеметами «максим», то ведь сейчас ракеты, химическое и бактериологическое оружие. И не надо быть пророком, чтобы догадаться, куда пошлют ракеты из Нагорного Карабаха армяне и азербайджанцы. Сначала друг в друга, потом на всякий случай в Москву и Вашингтон.

Мне кажется, что деление по национальным квартирам (пусть меня обвинят в великодержавном шовинизме) — это тупиковый путь развития. Мы опять идем назад. Нам никак не хочется идти столбовой дорожкой цивилизации.

Недавно в «Советской культуре» было опубликовано интервью секретаря Компартии России. Это любопытное интервью, в котором говорится, что нужно вернуться к общинному мышлению. Я считаю, что это очень опасно. Как только мы вернемся к общинному мышлению, мы получим вместо СССР Ливан или Израиль.

Поэтому мысль о том, что сначала надо развалить, а потом создать братское содружество, не совсем верная. У нас это не выйдет.

К. Кантор: Когда Владлен Георгиевич Сироткин напомнил нам о том, что у крестьян на Руси никогда не было частной собственности, я тут же вспомнил письмо Столыпина Николаю II. Реформатор ездил по Сибири, откуда сообщал царю, что в этом благодатном краю крестьяне — сво-

бодные хлебопашцы — вопреки преимуществам фермерства «почему-то» объединяются в общины. С горечью он заключал, что мы, видимо, никогда не выберемся из «казарменного социализма». Именно этими словами (как будто из лексикона нынешних советских саморазоблачений!) он характеризовал социальный строй **дореволюционной** России, который сегодня поднимают как знамя борцы за возрождение крестьянства на принципах частной собственности.

Недавно я прочитал в «Огоньке» статью Ильи Константиновского «Лев Толстой, как зеркало перестройки». Привлечен еще один великий, величайший авторитет для оправдания перестроечных дел и проектов. Но ведь Толстой был непримиримым противником частной собственности вообще и частной собственности на землю в частности. Он был также врагом церкви, тогда как «перестройка», искупая преступления советской власти против церкви, стремится возродить ее. Толстой был великим реформатором христианства (более радикальным, чем Лютер), стремился очистить его от накипи язычества. А через православие, пользуясь словами о Павла Флоренского, христианство соединилось с язычеством. Но, к сожалению, именно язычество, прикрываясь православием, выходит «из-под глыб» в перестроечные дни. Толстой был против насилия и социальной революции, а «перестройка», осудив революционный террор, раскрыв неисчислимые преступления советской партократии против собственного народа, сама породила события в Тбилиси и Баку, трагедию Нагорного Карабаха, пролитую кровь в других регионах страны, чудовищный разгул уголовной преступности.

Автор статьи, о которой я говорю, не без злорадства подчеркивает, что в суждениях о Толстом Ленин был не прав. Да, Ленин ошибался во многом, но не во всем. Не слишком ли спешат иные «перестройщики» с ним разделаться? Мне кажется, если бы Ленин сказал, что Волга впадает в Каспийское море, то нашлись бы «ученые», которые бы «доказали», что, напротив, Волга является морем, в которое впадает река Каспий.

В. Сироткин: Хочу дать справку по Столыпину. Парадокс русской истории в том, что даже его ограниченная реформа смогла прокормить страну. В основном за счет Сибири, потому что он устроил переселение. Столыпин давал в кредит тракторы, комбайны, но их сжигали, ломали, портили. Хотите жить богато? Не будет. И знаете, кто мешал прийти на хутор? Женщины. В деревне судачили где? У колодцев.

Французы десятки диссертаций защитили — русский колодец как средство выявления общественного мнения. А где там посудачить? Со своим мужиком, который надрыгает хребтину с утра до ночи? Говорить-то не с кем. И не было социальной защищенности. Община поддерживала, брала сирот, когда кормилец умирал. «И зачем, — говорил крестьянин, — мне трактор, если я, надорвавшись, помру, а останутся сироты?»

Но все равно на четырнадцать процентов в европейской части возросла урожайность у хуторян. И на двадцать пять в Сибири. Именно хлеб сибирских хуторян кормил народ при Временном правительстве, при большевиках и в период гражданской войны. Когда съели хлеб, начался голод, и Ленин ввел нэп.

С. Гусейнов: На меня произвело сильное впечатление выступление Владлена Георгиевича, и я готов согласиться, что если осуществится этот план, все разойдутся по своим национальным квартирам.

Вопрос не в том, что такой путь развития приведет к печальным последствиям, которые будут намного хуже того, что мы сейчас называем административной системой, а в том, можно ли предотвратить такое развитие и найти лекарство против того национализма, который оказывается почти единственным социально сплывающим фактором, возбуждающим сейчас энергию. И мне кажется, что Александр Исаевич в этом смысле хорошо знает идеи и свой народ, он видит, что сделать это почти невозможно. То признание, с которого он начинает свое эссе — что нужно всех отпустить добру-здорову, — ему дается с трудом. Далее он говорит, что не нужно разрушать существующую центральную государственную структуру, а нужно, чтобы развитие шло органично и на местах созревали свои формы жизни — свое земство, своя культурная жизнь, свои хозяйственные отношения и т. д. Солженицын хочет обозначить то пространство, на котором может эффективно существовать и держаться государственная власть, центральная структура, под сенью которой и внутри которой могут органично созреть какие-то живые силы. И он просто вынужден признать, что таким социальным пространством является как раз Россия.

В. Сироткин: Но ведь центральные структуры наши держались на партаппарате, и как только он стал разваливаться, все посыпалось.

Если придерживаться точки зрения Солженицына, то нам надо перевоспитывать партчиновников, но ведь это абсолютно

несовместимо, потому что вся установка на правовое государство, на общечеловеческие ценности полностью расходится с коммунистической концепцией классовой борьбы, конфронтации, планирования системы, авангардной роли и т. д. Я думаю, что есть два выхода. Во-первых, то, что мы называем приватизацией собственности в разных формах, прежде всего частной собственности — основы любой свободы.

Во-вторых, конечно, это концепция разделения властей. У нас законодательная власть вроде бы появилась, но нет исполнительной и нет судебной. Президент издает указы, но все ведь списано с двух конституций: американской и французской. Я специально сравнивал. Но у французского президента есть инструмент действия — это префект или комиссар республики.

А у нас Президент опирается на первого секретаря обкома, на начальника МВД, председателя КГБ.

А. Герасимов: Что меня насторожило при первом чтении Солженицына? Что это очередная проект, сделанный писателем. Проект социологический и политический. Опять писатель берется не за свое дело.

Солженицын пытается выстроить довольно стройную систему, но концы с концами не сходятся. Опять писатель взялся за политологию, социологию, социальное проектирование. Это не писательское дело, если только не вспоминать писателей-сатириков, футурологов. Футурология это скорее форма фиксации сегодняшнего состояния, а всякое социальное проектирование сегодня просто утопично.

Он подгоняет под русскую идею малороссов, белороссов. Но я думаю, что сегодня совершенно бесплодно искать национальные корни глубоко в истории. Сегодня мы знаем много примеров, что уход в историческую глубину размыкает все грани и обостряет национальную привязанность к земле.

Этот документ был в первые же дни обсужден не иначе как на Верховном Совете. Президент был первым рецензентом, и если вы помните содержание рецензии, он его признал во всем, кроме национальной ситуации, а с остальным вроде бы согласился. Я было подумал: а почему? Да очень просто! Потому что Солженицын так или иначе, очень по-своему, но аргументированно обосновывает авторитарный способ управления. Авторитарный! Он сохраняет иерархию республик, что меня, честно говоря, покорило. Это политическое произведение, а не просто размышления за столом о судьбе России. Мне кажется, что не пройдет и полгода, как оно приобретет для некоторых слоев населения характер манифеста.

В. Межуев: На мой взгляд, главная ошибка и главный просчет этой статьи, весь утопизм Солженицына заключается в том, что он не извлек для себя никакого урока из 73 лет. Для него это пробел истории, дырка в бублике. Кстати, беда всей нашей публицистики, что она не может понять позитивного урока, а извлекает только негативное. А позитивный урок этих 73 лет заключается в том, что если мы хотим спасти Россию, то надо начинать не с крестьянства и земли. Мы уже начинали с этого. Тогда была проиграна крестьянская парадигма развития, которая для самого же крестьянства обернулась трагедией. Таким же образом в свое время были проведены боярская, дворянская и царская парадигмы. Так и 73 года назад взята была последняя сила, последний канат движения — крестьянство, и на нем стремились построить социализм. Но дело даже не в социализме, а в том, что на нем пытались построить государство, но тут стало ясно: если мы будем по-прежнему тянуть из земли, если мы снова начнем с крестьянства, если для нас оно будет центральной фигурой истории, то мы обязательно придем к деспотизму.

Почему была коллективизация? Злые большевики виноваты? Да, большевики были злые, я их совсем не оправдываю, но дело-то в том, что коллективизация была результатом национализации города. Как только город был национализирован, то есть национализированы городская промышленность, торговля, финансы, — крестьянство было обречено. Поэтому все проблемы сегодняшнего дня заключаются в том, что все наши реформы — экономические, рыночные, правовые и прочие — надо начинать с города.

И. Маслеников: Я не разделяю большинства мнений выступавших здесь, меня они больно ранили. Мне показалось, что блестящие знатоки истории и специалисты, способные анализировать процессы, происходящие в обществе, немного оторваны от того, что сейчас происходит. Я не историк, я человек, живущий просто в реальной социальной среде. Мне кажется, что гений Солженицына, пронзительная, пронзительная суть его сочинений заключается в том, что он не прогнозирует, а констатирует. Констатирует развал «Российской империи». И сколько бы Горбачев ни держался за центристские позиции, как бы ни удерживал эту разваливающуюся гигантскую машину, это процесс, который остановить невозможно.

Я глубоко убежден, что остановить можно только силой, вернуться к плетке. В стране все переродилось. Страну стягивают железные кольца мафии, но руководство

ничего этому не противопоставляет, а этот спрут все плотнее стягивает свои щупальца. Получается, что товаров нет, оборудования нет, а все заводы выполняют план. Приезжают люди, выкладывают пачки денег и все забирают у государства, со складов.

Я перевожу разговор на мнение обывателей, но уверяю, что сила в стране находится не в руках Горбачева.

Я полностью, с восторгом воспринял сочинение Солженицына. Другое дело его несколько архаичные способы, предложения, ссылки на земства. Это трудно оценить, потому что я не знаю, что такое земство. Он, вероятно, отстал от нашей жизни, но как гений чувствует, нюхом чувствует главную нашу беду, то, что мы уже развалились, и зовет нас хотя бы к нашим братьям по Киевской Руси.

Я призываю наших ученых друзей думать больше не о том, как оправдать позицию Горбачева. Горбачев, прекрасно начав и много сделав, перерождается.

Поскольку я являюсь председателем Российского союза кинематографистов и у меня свои — республиканские — амбиции, то обращаюсь к вам: помогите России встать на ноги, а не ищите объяснения тому, почему мы это не сможем сделать.

К. Кантор: Я не согласен, что возможно беспроектное существование. Такого еще не бывало. Проект — не произвольное построение, и не всякому создателю социального проекта дано правильно оценить его и предвидеть последствия.

Ленин знал, что он осуществляет «свой» проект, однако убеждал всех, что это проект Маркса, хотя, как показал Александр Зиновьев, Октябрьская революция никакого отношения к социальному проекту Маркса не имела. Некоторые перестройщики отвергают проектирование на том основании, что оно будто бы мешает свободному течению истории. Правда, тут же выдвигают идею перехода к рынку и оформляют ее как проект (такова программа «500 дней» и другие), но кто может поручиться, что этот проект не повлечет за собой насилия. Кто может предсказать последствия этого проекта? И эссе Солженицына — тоже проект.

Кроме того, я не согласен с теми, кто считает, что историю нашу сделала литература. Историю, полагаю, никто не делал и делать не может. Великая русская литература — печальница, сострадающая всем униженным и оскорбленным, — выразила думы, чаяния народа, а не навязала их ему. Слова Маркса о том, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами, нельзя понимать буквально. Идеи (философов, писателей, идеологов) овладевают массами лишь потому,

что массы нечто подобное еще прежде смутно осознавали. Многие ли из миллионов, поднявших революционную бурю в России, читали Достоевского или Толстого, Ленина или Маркса? Говорят: то, что у нас произошло, было экспериментом. Нет, это была история, а в истории не бывает экспериментов. Может быть, большевикам, захватившим власть и учинившим массовый террор, казалось, что они «экспериментируют», делают другую эпоху. На самом деле никому не дано совершить насилие над историей.

73 послеоктябрьских года мы не могли прожить иначе, чем прожили. Они вытекали не только из предшествующей истории России, но еще из истории всемирной, из взаимодействия с другими государствами и народами, результатом которого явилась Октябрьская революция. Нельзя понять революцию, исходя только из противоречий внутри той страны, где революция совершилась. Октябрьская революция была разрешением противоречий, которые возникли в результате взаимодействия России и Западной Европы, благодаря чему, вопреки замыслу вождей большевизма, желавших еще более глубокой европеизации России, она освободилась от экономического и культурного давления и влияния Запада и снова стала могучим государством, еще более могучим, чем была до Октября. Руками самих большевиков она стала осуществлять скорее заветы Данилевского и Леонтьева, чем Маркса. Разве это не говорит о том, какой проект на самом деле осуществляла Россия?

Революцию нашу назвали социалистической. Это не совсем верно, если иметь в виду социализм Маркса. Дело в том, что существует «социализм прошлого» (докапиталистический) и «социализм будущего» (посткапиталистический). Октябрьская революция привела к регенерации «социализма прошлого», того «казарменного социализма», который определял общественную жизнь России еще в 1910 году. Но это был не полный возврат. В России после Октября возникло своеобразное соединение «социализма прошлого» и «социализма будущего», российской культуры и культуры Западной Европы.

Рассматривая то, что произошло в России за 73 года, с позиций модных ныне антиисторических теорий, опирающихся на методологию неклассической рациональности, можно, конечно, утверждать, что наш путь мог быть иным. Однако методология неклассической рациональности (даже в физике) не отменяет, а лишь дополняет методологию классической рациональности. Если первая помогает обнаружить в микромирных структурах истории вероят-

ность и дискретность, то классический историзм (Гегеля, Маркса), сопряженный с классической рациональностью, по-прежнему незаменим при объяснении крупномасштабных процессов истории. Когда «либералы» выпускают книгу под названием «Иного не дано», имея в виду проекцию еще самых первых этапов перестройки на будущее, и одновременно говорят, что Октября могло и не быть, они опровергают сами себя, потому что, если осмысливать прошлое, «иного» нам «не было дано».

Владлен Георгиевич говорил, что до революции в России в одном народе фактически было два народа — настолько разобщены, несовместимы, враждебны друг другу были «верхи» и «низы». Такого не было ни в одной стране. Вот где коренная причина Октябрьской революции, к которой Россия двигалась с петровских времен, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Революция принесла неисчислимы беды и страдания, постепенно сложился новый господствующий партократический, номенклатурный класс — более жестокий, чем свергнутый, но все же прежней пропасти между «верхами» и «низами» сейчас нет, есть гораздо больше оснований говорить не о двух, как до революции, а о едином народе.

Предвижу, что вызову у некоторых возмущение, но рискну заметить, что если Солженицын радуется распаду Советской «империи», призывает преодолеть «имперское мышление», я не только не радуюсь, а опасаясь, предвижу бедствия для всех народов, если распад Союза дойдет до обособления каждой республики. Распад приведет к невиданной геноцидальной войне, которая превзойдет по числу жертв и гражданскую, и Отечественную, и ГУЛАГ вместе взятые. Поэтому я заявляю открыто, что я убежденный «империалист».

Я обратил внимание на миротворческую (как это ни парадоксально) роль империй. Они были не только злом, но и великим благом. Если бы не было Римской империи, которая началась с «разбойничьего гнезда», не была бы сохранена и преумножена великая античная цивилизация, не сложились бы условия для возникновения христианства внутри империи. Если бы не было Золотой Орды, не возникла бы Московская Русь. Вообще Российская империя сложилась как наследница двух погибших — Византийской и Чингисхана. От одной она переняла религию, от другой — черты государственно-социальной организации. Российская империя была «тюрьмой народов», но прежде всего для самого «имперского народа» — русского. Она была «империей навыворот». Если говорить не о государстве

и господствующих классах России, а о крестьянстве, то оно в эксплуатации других народов участия не принимало, никаких дивидендов от государства не получало. Если же говорить о синдроме «имперского сознания» у русских людей, то тут следует уточнить, о ком идет речь. Я не думаю, что им страдали солдаты царской армии, выходцы из бедных крестьян, или красноармейцы, воевавшие, скажем, с басмачами в Средней Азии. Сознание военного могущества державы, может быть, в какой-то степени «вознаграждало», компенсировало реальную обездоленность крестьян и рабочих.

Советский Союз стал наследником Российской империи. Сложившийся в нем номенклатурно-партократический класс перенял и многократно усугубил ее отрицательные черты, но перенял хорошие и даже усилил их. Количественно в новом господствующем классе русские составляли большинство, но рекрутировался он все-таки из всех или почти всех национальностей Советского Союза, которые сообща эксплуатировали русский народ и другие народы.

Я надеюсь, что в обновленном Советском Союзе будут разрешены социально-классовые конфликты, ибо национальные столкновения есть иная форма социально-классовых конфликтов. Ведь, собственно, и ГУЛАГ возник как их следствие. Новый многонациональный деспотический класс подавлял не столько фактическое, сколько потенциальное сопротивление трудящихся всех национальностей без разбора.

Когда-то Христос сказал, что для него нет ни эллина, ни варвара, ни иудея. Это он, а не Маркс первым выдвинул принцип интернационализма, братства трудящихся и бедняков всех наций. Христос был противником социальной несправедливости, неравенства, презирал богатых, тех, кто предпочитает земные сокровища духовным. Христос был революционером и коммунистом. И те, кто ныне считает, что спасение — в отказе от коммунистических идей, пусть не забывают, что они отрекаются не только от Маркса, но и от Христа. То, что в нашей стране потерпело крах, — это не коммунизм, а злая подделка под него. Поэтому я не могу согласиться с А. Солженицыным, который отождествляет крушение тоталитарного строя в нашей стране с крушением коммунизма. Мне не понятно, как автор «Архипелага ГУЛАГ» подменяет классовые проблемы национальными и этническими; он-то ведь знает, что жертвами были люди разных народов и палачами — тоже. Солженицын говорит об объединении трех славянских республик, но принцип объединения на основах этнической общ-

ности в современном мире ненадежен. Известна взаимная вражда России, Польши и Украины. Вспомним хотя бы пушкинскую «Полтаву», где злодеем изображен борец за национальную независимость гетман Мазепа, а героем и жертвой — верный царю Петру Кочубей. А Достоевский, к примеру, считал, что когда Константинополь будет отвоеван у Османской империи, великороссы не станут его делить ни с какими другими славянскими народами.

На мой взгляд, обновленный демократический Советский Союз не может быть построен на основе этнического или религиозного единства. Есть более надежный фундамент — единство социальное, экономическое и культурное.

О. Никич: Надо верить, мне кажется, в одно — в здоровый смысл. Поэтому если какие-то республики хотят отделиться — пусть отделяются. Если кто-то может изнутри организовать жизнь лучше — пусть организует. Главное — не мешать, не навязывать. Солженицын говорит о возможности выбора. И мне кажется, что лучше брать то доброе, что он нам дает, чем выискивать те неудачные рекомендации, которые мы не хотим использовать. Не хотим — и не надо!

В. Толстых: Завершая наш разговор, в котором было высказано немало интересного, я все-таки испытываю чувство неудовлетворенности. Прежде всего масштабом охвата проблемы, явно несоизмеримым с «посильными соображениями» Солженицына. Для меня это вовсе не «руководство к действию» и проект, который надо обязательно реализовать. Думаю, что и сам А. И. Солженицын, человек несомненно авторитарного склада, жесткий и определенный в своих симпатиях и антипатиях, суждениях и выводах, в данном случае высказывается без претензий и даже надежды на то, что с ним все согласятся.

Говорят, что Солженицыну «легко» рассуждать «оттуда», как бы со стороны, без учета того, что происходит «здесь» и «сейчас». Но, как известно, «лицом к лицу» лица не увидеть», и видимо, нельзя недооценивать интеллектуальную мощь и духовную пронизательность человека, для которого ГУЛАГ не просто актуальная тема и проблема, а пережитая им лично судьба страны. Вряд ли кто из серьезных деятелей резче Солженицына критиковал и оценивал существующую общественную систему. Но сейчас он озабочен поисками выхода из кризиса, глубочайшего и всестороннего, и потому на первый план выдвигает позитивные моменты обустройства страны. Мы же продолжаем разбра-

сывать «камни» вместо того, чтобы их начать собирать. Мы никак не можем преодолеть синдром критицизма, продолжая соревноваться в обличительстве, мало что путного предлагая для размышления.

А. И. Солженицын пытается по-своему восполнить мыслительную недостаточность и практическое «бесплодие» нашей реформаторской политики, вызывающей у массы уставших людей чувство неуверенности в завтрашнем дне. Необходима по крайней мере мыслительная надежда на то, что из кризиса можно выйти, что страну можно спасти. Вам не нравятся понятия «утопия» и «проект»? Пожалуйста, не пользуйтесь ими, но не подставляйте вместо них «стихию» и модный сейчас «здоровый смысл», ибо неизвестно, что они с собой принесут. Русский человек так устроен, что без мысли о «завтрашнем дне», без «веры, любви и надежды» и дня прожить не может. Посмотрите, что происходит в кинематографе эпохи перестройки: свободы «навалом», а кино, как говорят в просторечии, простите, не прибавилось. А если изредка и проклянется что-то талантливое и похожее на искусство, то навевает на зрителя такую скуку и отчаяние, что в пору завить, запить или повеситься. Когда нет сахара и табака — это плохо, но совсем плохо и непонятно, когда дефицитом становится духовная пища. Ведь то, что показывают сегодня в кинотеатрах, по телевидению и в видеосалонах, — это, за редким исключением, «кушать» нормальному человеку просто нельзя! Страна находится в состоянии духовной депрессии, а мы, считающие себя интеллектуалами, не очень этим озабочены.

Не получается ли так, что жизнь развивается по своим законам, а интеллектуальная работа — по своим, и разрыв между ними не уменьшается, а напротив, увеличивается? Поэтому меня в сочинении А. И. Солженицына привлекает даже не его практическая, утилитарная сторона и польза, а желание понять, что же происходит со страной и как ее с наименьшими страданиями и потерями вывести из коматозного состояния. Мне кажется, что А. И. Солженицын, оставаясь русским человеком, предлагая свой проект национального обустройства России, исходит из посылки ее мировой значимости. Вот этот масштаб размышлений великого писателя мы в своих «посильных соображениях» почему-то не заметили, упустив из виду. Но мы еще вернемся к разговору на эту тему, когда попытаемся ответить на вопрос, который сейчас всех волнует: есть ли у России будущее, и если есть, то какое?

Валерия Антонова

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ДРАМА

Сценарии документального кино, то есть подробно разработанные, рассказанные на бумаге будущие фильмы, были, на мой взгляд, анахронизмом тех странных, вывернутых наизнанку взаимоотношений, которые существовали между кинематографистами и государственными учреждениями, чья задача — все и вся контролировать до мельчайших мелочей. В этих условиях тотального контроля никакой свободы в документальном кинематографе, снимающем быстротекущую, мгновенно меняющуюся жизнь, быть не могло, и сценарист, как правило, служил главным козырем в административной игре против строптивых кинодокументалистов.

Сегодня положение меняется. Фильм можно запустить по заявке или даже по концепции будущей картины, изложенной на одной страничке. Но это редко. В большинстве же случаев кинематографист вынужден сочинять сценарий. Только на этот раз он приобретает функции другого порядка — не идеологически-контрольного документа, а финансово-справедательного: чтобы запуститься, получить деньги на съемки фильма, нужно исписать 10—20 страниц бумаги, где были бы объекты съемок. Для сметы.

Суть, однако, не в этом. Не в сценарии: будет он или не будет написан. Нужна драматургия. В каком бы виде она ни воплотилась — в форме ли загодя написанного сценария или в форме фильма, снятого без какой-либо предварительной литературной записи. Драматургия документального фильма — дело зыбкое. Взаимоотношения между ее сюжетами и сюжетами жизни куда более сложные и противоречивые, чем в игровом кино. Эти взаимоотношения имеют не только профессиональный аспект, но в большей степени нравственный и гражданский.

Режиссер В. Соломин начинает снимать фильм «Старая трава». Сценарий написан им самим. Он о том, как пожилой человек, кандидат экономических наук, преподаватель вуза, едет в родное село, где он не был много лет. Едет он не просто затем, чтобы повидаться с родными и братом, работаю-

щим в совхозе скотником, а для того, чтобы активно участвовать в переустройстве и обновлении жизни в родном селе. Обновление и переустройство загадано местными агроустроителями в виде решительного перехода совхоза на арендные отношения. Именно это и должно вытасщить погибающее хозяйство из нищеты и разрухи.

Валерий Соломин рассказывал: «Я ехал снимать, как крестьяне берут себе землю». Так был и сочинен сценарий. Герой приезжает в село, встречается с родными, идет разговор о трагическом прошлом крестьянства, о мучительнейших проблемах сегодняшнего дня. Потом начинается арендный раздел угодий, не без страстей и спора, в котором участвуют герой, его брат, родственники. Все правильно, ибо по тем же партийным документам аренда является чем-то вроде спасательного плотика, на котором сельское хозяйство и должно выплыть к кисельным берегам и молочным рекам. Неправильным получилось лишь одно: когда объявили сельский сход, на него практически никто не пришел. Крестьянин отказался брать землю. То ли чувствуя, что его в очередной раз обманут, то ли по той простой причине, что в этих местах, как и во многих других, крестьянин перевелся вообще, превратившись в наемного поденщика.

В клубе, где должен был проводиться сход, пьяненькие парни стучали деревянными шарами, а в зале сидело пяток человек: секретарь парткома совхоза, да женщина — бригадир доярок, побоявшаяся, что если она не придет, ей в совхозе руководство житья не даст, да герой фильма Шуньков, в беспокойстве и волнении курящий одну «беломорину» за другой. Как рассказывал режиссер, он и сам очень расстроился и не знал, что делать — снимать или нет. Решил все-таки снимать. Все остальное решилось за монтажным столом. В результате чего на экраны вышло одно из самых глубоких и художественных документальных произведений сегодняшнего дня.

Сценарная мастерская документального кино Высших сценарных курсов. Восемь слушателей-сценаристов, добросовестно написавшие свои академические работы, испросили разрешения найти возможность сценарии эти поставить, использовав производственные базы различных студий. Они сообразили, что их сценарии, не будучи поставленными в план какой-либо студии, никогда не найдут себе режиссера, а стало быть, и воспроизводства на экране. Но даже если каким-то счастливым случаем попадут и найдут, то неизвестно, что из этого получится. Они сами решили стать режиссерами — воплотителями своих сценарных

замыслов. Руководители мастерской, в свою очередь, тоже решили, что в этом есть резон. Таким образом, было снято восемь фильмов, из которых один — «Портной» — попал в десятку лучших картин на первом Международном кинофестивале неигрового кино в Ленинграде. Сразу скажу, что семь других фильмов ничуть не хуже благосклонно замеченного фестивалем «Портного». О чем говорит эта история?

Во-первых, о том, что, являясь одновременно автором замысла и его воплотителем, кинодокументалист получает в руки во много раз большую свободу и независимость по отношению к материалу.

Во-вторых. В этом случае фильм становится подлинно авторским, ибо авторское начало усиливается не только в выборе драматических коллизий и драматической структуры, но и в особенностях пластического решения.

В-третьих. Не будем забывать, что это курсовая учебная работа, значит, обладающая большей независимостью по отношению к студии и ее плану. Снимается она на остатках пленки. Получился фильм — студия его может купить, засчитать плановой единицей и получить за него премиальные. Не получился — Бог с ним, пусть его автор забирает и едет на курсы защищаться. При этом самое интересное, что именно здесь, в таких с виду бесправных по отношению к автору формах мы встречаемся с тем замечательным случаем свободы, независимости, подлинного авторского самовыражения, что только и имеет истинное право в творчестве.

По давней манере мыслить битвами, фронтами и прочими войсковыми единицами документальное кино называют то авангардом (в боевом смысле), то разведчиком новых тем. Назначение это укрепилось в особенной мере в тихую пору «развитого социализма», когда надуманная видимость битв (битвы за урожай, штурмовые наскоки великих строев и т. д.) застилала скрытые борения против собственного народа, его все никак не гаснущей способности к самостоянию (дело Худенко, тотальный и широкозахватный досмотр за гражданами со стороны различных охранительных ведомств).

Сегодня положение изменилось в том смысле, что документальный кинематограф резко выдвинулся вперед. Думаю, стоит принимать это как должное, ибо он вернулся к своей природе. Или возвращается к ней. Преимущество его перед игровым не в передаче новых тем, новой информации, новых коллизий. Так или иначе все это присутствует и в игровом кино. Для документального кинематографа само их привлечение — дело естественное, особен-

но в эпоху трагических поворотов общества, когда жизнь насыщена драмами так, что можно, казалось бы, снимать ее вслепую. Сюжет жизни настолько драматизировался, что у документального кино появилась опасность попасть под гипноз драматических фактов и только добросовестной и честной передачей его на экране ограничить свою творческую задачу. Сейчас это тем более доступно, что общество развивается вулканически — пульсирующими толчками, лава выплеснулась на поверхность, а «злоба дня» действительно стала злобой в буквальном смысле слова, потеряв идиоматическое свое содержание.

Пандора открыла свой ящик, и реальность подсовывает ежеминутно сюжеты, один другого ужаснее.

Значит, дело не в этом.

Любопытно проследить, как поменялось знаковое содержание реалий жизни, на самом простом примере. Допустим, план уличной толпы, снятый лет десять назад. Рассмотрим его вне контекста фильма, в котором он находился, как некую частность. Раньше это было — пестрота лиц, красочный ток народа в разнообразии одежд, выражений, поз — словом, многообразие действительности. Сегодня уличный поток чаще всего дается как толпа, однообразно-монотонная масса. И речь идет не только об авторской трактовке, во всяком случае не только о ней, но и о нашей — людей из той самой толпы.

Многочисленные безымянные герои — женщины, мужчины, рабочие, служащие, казанские подростки, прибалтийские ребята — приобрели в современном документальном кино функцию народного хора, социальной судьбы народа, знак социально-общественных и нравственных состояний. В этом сила современной документальной драматургии, ибо об этом состоянии бездны она дает очень наглядное представление. В этом ее слабость, ибо в толпе теряет ся человек.

Если и дальше петь осанну современному документальному фильму, то, по-видимому, его первенствующее положение определено двумя моментами. Во-первых, современное документальное кино стремится проследить судьбу личности внутри исторической судьбы народа. «Налет истории — высокий, медленный, неотвратимый» (А. Солженицын. Письмо к В. Каверину) ощущается во многих фильмах. Во-вторых, в этой общепнародной судьбе оно пытается разыскать частный человеческий тип, через который есть возможность познать подъемы, противоречия, провалы общественного сознания.

Речь, однако, идет о лучших произведениях документального современного кинематографа.

матографа, а стало быть, о немногих. Если же смотреть в панораму документального кино в целом, то в огромном количестве фильмов оно всего лишь сборщик податей, которые сует ему в руку бурная, многоголосая, чрезвычайно драматическая в картинах и подробностях сегодняшняя жизнь. Есть явное отставание художественной части воплощения от критико-публицистического запала. Но не это самое главное. В кинематографе существует склонность оценивать свои достижения как организационные, так и творческие, в узкокейном смысле. Но часто оказывается так, что фильм, принятый в кинематографической среде как сенсация, не получает отголоска у зрителя.

Мне думается, беда здесь не только в издержках проката, но и во вторичности, повторяемости документального фильма по отношению к другим средствам публицистического воздействия, прежде всего к журнально-газетной публицистике, к хронике нового независимого телевидения. Я думаю, что документальный кинематограф, как и кино вообще, следует рассматривать не столько в пределах развития кино, сколько в более широком и подвижном охвате развития общественной мысли, современной общественной культуры, начиная с журнальных публикаций и кончая Съездом народных депутатов, который тоже есть отражение общей культуры взаимоотношений, политической грамотности и ответственности, степени социальной боли у одних и социальной ограниченности и даже слепоты у других. В этом смысле в документальном кино должно утверждаться то же самостоятельное, то же резкое отличие от других видов публицистики, ибо только оно создает культуру искусства, так же, как свод ярких индивидуальностей создает народ.

Я полагаю, что у прогрессивного сознания тоже есть свои штампы, как и у консервативного, которые в конце концов приводят к тому, что радикалы и консерваторы смыкаются. Крайне левые так же реакционны, как крайне правые. В культуре штампы мышления претворяются в штампы метафор, тем, выбора одних и тех же социальных явлений, рассматриваемых с одной и той же точки зрения. И в этом отношении художественная культура скоро перестает быть культурой в полном значении слова и переходит в другой разряд — субкультуры, то есть некоего ее подменного варианта. Документальный кинематограф не дошел еще до того, чтобы перейти эту грань, но опасность такого перехода существует.

Культура публицистики как искусства — в глубине, серьезности, художественности постижения. Добавлю еще раз: в оригинальности поиска, которая говорит о самостоя-

тельности мышления, самобытности художественных форм, свойственных только этому искусству и никакому другому.

Сейчас еще не особенно виден этот опасный порок передвижки документального киноискусства в сторону документального неискусства. По разным причинам. Прокатным. Страннейшая ситуация: публицистика, призванная воздействовать на сознание всего народа, тревожит и возбуждает лишь искушенных зрителей Дома кинематографистов да немногочисленную публику еще более редких кинотеатров хроники. В силу этого даже профессионалу трудно увидеть более или менее общую картину состояния документального кино. Разве что в тех крайних случаях, когда ведется отбор фильмов для очередного всесоюзного или международного фестиваля. Тогда кое-что видно.

Очень заметно, например, как опаздывает советское документальное кино. Пока оно обрабатывает в разных фильмах одну какую-то жгучую тему, скажем, экологическое состояние страны (к слову сказать, уже описанную и исследованную куда глубже в печатной публицистике), общественность пылает интересом к другим темам, к другим явлениям. Пока кино собиралось и выпустило первый серьезный фильм о сталинских преступлениях, «Власть Соловецкая», на публику обрушились потоки печатной информации, мемуаров, свидетельств, документов, изысканий, толкований. Я думаю, что по этой причине весьма уважаемый мною и без всякого сомнения достойный фильм не пользовался все же тем вниманием, которого он заслуживал. Но у меня есть серьезная тревога, что объяснение не только в этом, но и в недостаточности и неизобретательности формы. Простота и благородная сдержанность изложения хороши при сообщении совершенно новых фактов, новой информации. Информация, сгруппированная в фильме, нова только для кинематографа — фильм, связанный с этой темой, был в нем первым. Но нова ли она для зрителя, прочитавшего до появления картины печатные горы лагерной документальной и беллетризованной литературы?

По моему убеждению, уже тогда, два года назад, увидя удручающую неповоротливость машины по запуску и производству фильмов, надо было это предусмотреть и обратиться не к пересказу фактов, а к анализу явления. Такого рода попытки аналитического подхода проносятся в повествовании, скажем, тогда, когда речь идет о кровавом бешенстве гражданской войны. Именно в ту войну, согласно авторам, зародилась классовая нетерпимость 20—30-х годов. Так это или не так, можно спорить, но намерение к анализу налицо.

Однако правда и то, что намерение не слишком реализовано. Как ни важны новая информация и новые темы, кинопублицистика вынуждена быть искусством, и в этом ее отличие от публицистики печатной, а потому документальный кинематограф должен быть особенно пристрастным к творческим формам выражения материала, то есть к художественности. Без этого кинопублицистика более походит на иллюстрированные газетно-журнальные статьи, а в этом главный недостаток для многих новейших фильмов, весьма передовых внутри кинематографической жизни, но не являющихся таковыми внутри жизни всеобщей. К этому числу относятся фильмы достойные, отмеченные вниманием и лаской критики фестивальных жюри: например, «Черный квадрат», «Лимита».

Я не сомневаюсь в значении этих фильмов как способа самой доходчивой подачи новейших радикальных идей, нового для зрителя исторического и современного материала, тем более для него убедительного, что его он видит, а не читает о нем. Я полагаю, что такой род публицистики обязан существовать и впредь, но при этом думаю о перевесе в документальное кино именно этого вида против других, сопряженных с поиском новых художественных форм и пока еще редких.

Между тем, такие фильмы уже существуют. Среди них фильмы — они чрезвычайная редкость, — основанные на соединении документального сюжета с очень сильным ассоциативно-кинематографическим рядом (картины А. Пелешьяна, А. Сокурова), и фильмы, где материал организован сюжетом. Их тоже пока немного, но они есть. Это направление, мне думается, сейчас в документалистике самое интересное, ибо, во-первых, ведет благодаря сюжетности построения к многожанровости в документальном кино (сюжет может быть комическим, драматическим, гротесковым, трагедийным), во-вторых, в художественной его части сближает документальный фильм с игровым, безукоризненно сохраняя при этом документальность ситуации и героев. Лучшие картины первого ряда, на мой взгляд, — фильмы А. Сокурова «Мария», «Жертва вечерняя», «Элегия». В «Марии» повествование о жизни и смерти, о посмертном существовании, столь же горьком, сколь и прижизненное существование героини, одной из последних осколков погибающего на глазах крестьянского мира, пронизано чередой сильнейших зрительных метафор, среди которых самой сильной по глубинной своей сути является чрезвычайно долгий план — проезд по дороге мимо сел и деревень осенней России, как бы прикинутой к земле.

Если взять бытовавшие доселе формы документальной драматургии, то строились они преимущественно на последовательном доказательстве авторской мысли, авторской позиции. Доказательства эти опирались главным образом на закадровый комментарий либо на определенный подбор синхронизмов. Выводы были четки и ясны, какими и подобает быть выводам публицистики. Публицистический прием не только остался в современном кино, но и значительно усилился в фильмах «Боль», «Усталые города», нашумевшем сериале «Риск» и «Риск-2». Строится такой фильм обыкновенно так: синхрон, метафорически комментирующие синхрон пластические планы, синхрон с другим человеком, синхрон с группой людей, снова пластическая метафора, снова синхрон и так далее. Подобным образом построен известный у профессионалов фильм «Боль», где мысль авторов о гибельности и преступности афганской войны последовательно подкрепляется синхронными рассказами ее участников, беседой со священником, синхронной сценой на кладбище, перемежаемыми пластически-метафорическими кадрами одинокого кладбища, безлюдной заснеженной равнины, какого-то сарая, подле которого то ли рубят дрова, то ли по чему-то колотят, во всяком случае звук этот имеет определенную ассоциативную окраску и сопровождается все эти планы. Уважая искреннюю боль авторов фильма, серьезность их гражданской позиции, не могу не сказать, что такое построение в современном документальном кино уже кажется архаическим. В нем есть насилие доказательства.

Грешно говорить о каких-то структурных штампах этого фильма в ту пору, когда каждое честное документальное кинопроизведение с огромным трудом находит путь к экрану, к массовому зрителю, когда публицистический фильм, призванный пробуждать мысль и чувство самой массовой аудитории, служит услугой небольшой кучки столичной интеллигенции, группирующейся вокруг московских кино клубов и Дома кинематографистов. Грешно, да приходится, ибо уже сейчас очевидно, как документальное кино может упереться в глухой забор зрительского невнимания и скуки. Одной острой информацией, авторской боли, как бы искренна она ни была, напористости гражданственных чувств уже становится недостаточно, тем более что по этой части у документального кино есть куда более могущественные и, прямо скажем, более серьезные и аналитически глубокие конкуренты — журнальная и газетная публицистика. Значит, речь должна идти, во-первых, о том, чтобы перебраться журнальную публицистику в поиске новых тем, нового взгляда

на них, старые ли они или новые, во-вторых, о глубине и оригинальности анализа. Таким образом, речь идет о самостоянии публицистического кино по отношению к публицистике иных видов. Между прочим, в начальную пору нового нашего времени фильм «Легко ли быть молодым?» как раз потому произвел столь оглушительный эффект: он был первым в серьезном разговоре о молодежи. Он появился на экранах до первых газетных и журнальных выступлений на эту тему. Больше такого успеха документальное кино пока не переживало. Но полагаю, что повторение этого успеха возможно, если документальная публицистика найдет в себе способность обнаружить в своих творческих закромах новые сильные художественные оригинальные формы, самобытные драматургические структуры. Пока же множество фильмов страдают тем, что можно назвать насилием доказательства, при этом доказательства, при всей серьезности отношения авторов к запечатлению общественному явлению, подлинности их тревог, слишком часто бывают однообразно длинными (нельзя не заметить нынешнюю порой неоправданную любовь авторов к длинному метражу), монотонными по приемам и в конечном счете приводящими к скуке и отчуждению в зрительном зале.

Может быть, фильм «Усталые города» требует куда меньшего метража и, наоборот, фильму Центраучфильма «Мафия в СССР» — всего десять минут на такую тему! — определено необходимо куда более продолжительное метражное пространство?

Главное не в этом, не в объеме, полноте или неполноте информации, а в объеме мысли. Бесформенность фильмов «Усталые города», «Рыковы», «Храм», «А у вас во дворе?» определены не только тем, что авторы, может быть, искали, но не нашли яркую художественную форму, но главным образом тем, что в фильмах этих есть полнота фактов, жестких, сильных, бесстрашно переданных экраном, но нет полноты размышления. Между тем современный документальный фильм, если он хочет быть таким же мощным, как современная печатная публицистика, средством воздействия на общественное сознание, обязан набрать эту полноту, тем более что в документальном кино именно мысль или комплекс мыслей приводит к сюжету, то есть к форме. Независимо от того, как будут высказаны эти мысли — в прямом ли обращении к зрителю через авторский комментарий или потаенно, через развитие событий или высказывания действующих лиц. Драматургическая последовательность документального фильма не есть последовательность

свода фактов, пусть самых впечатляющих, ранищих, будоражащих сознание, драматических самих по себе, а упорство размышления.

Когда же оно недостаточно ново либо глубоко, авторы череду фактов перебивают метафорическими элементами. Совсем недавно эти метафоры были новы, сейчас они заполняют экран и становятся штампом, равно как стало общим местом использование в документальном кино в виде комментирующих зонгов песенок самых передовых рок-групп.

Вот наиболее распространенный метафорический ряд: разрушенные храмы, изгаженные внутри и разнесенные, будто артиллерией, снаружи, обветшавшие дома, руины брошенных зданий, лифты, с жестким лязгом мотающиеся в подъезде, сгнившие остовы лодок на пустынном берегу, мусорная свалка, безликая отупелость уличной массы, что-нибудь жестко-механическое, вроде забивки свай и т. д.

Эстетика помойки. Понятно: слишком долго мы жили в парадных помещениях условного предкоммунистического образцового города-сада, включая сюда и деревню. Но метафора, построенная на ее печальных видах, становится все более навязчиво повторяемой. К тому же есть трезвая жесткость бесстрашного взгляда, а есть жестокость. Есть уместность метафоры, но есть и ее чуждость в контексте запечатленного явления, грубость полной ее несовместимости с скорбным миром. Есть и избыточность нажима, когда в метафору буквально переводятся расхожие язвительные или анекдотические примеры.

Фильм «Казенная дорога» построен на соединении дорожных разговоров с мертвым, залитым зловещим багровым солнцем пейзажем, где изрыгающие смрадный дым заводские трубы перемежаются с безлико-стандартными рядами домиков дачного поселка. В плацкартном вагоне обыкновенного поезда едет Россия, и разговоры, заполняющие вагон, тоже — о России, о ее горьком прошлом, о ее судьбе. Фильм заканчивается двумя метафорическими планами: быстрый проход камеры по составу — плацкартные вагоны, коридоры купейных вагонов, наконец, первый к электровозу вагон, распахивается дверь — в ее проеме несутся на зрителя рельсы. Электровоза нет. Состав мчится без него. Метафора понятна: паровоз без машиниста, поезд без паровоза (из житейских суждений). Но этот образ кажется авторам недостаточным, они решают его усилить: в помещении путевого поста на плите стоит чайник. Он закипает, чайник оглушительно свистит, пар заполняет комнату, бьет в окно. Перевод метафоры самый простой и тоже

обыденно-известный: вся сила уходит в свисток и пар. Нелишне вспомнить здесь другую картину, снятую Киргизским телевидением и, к сожалению, затерявшуюся в волнах телевизионного эфира с его еще более зыбко-неуловимыми условиями проката, чем прокат кинематографический. Говорят, картина проскочила в какой-то передаче, но где, в какой?

Преимущество фильма Е. Котлова «Конецная остановка» в том, что он просто-напросто сделан раньше «Казенной дороги» с использованием того же сюжетного приема. От конечной автобусной остановки города идет дорога к дому престарелых. В кадре — обыденности жизни старых людей, населяющих дом, самые простые, неприхотливые. За кадром так же, как и в «Казенной дороге», реплики, обрывки рассказов, суждений. В них своя непростая жизнь, смыкающаяся с трагической историей России. Фильм печален и метафоричен без навязчиво уточняющей образности.

Фильм «Остров», сделанный А. Виленским на Высших сценарных курсах, снят на острове среди Куйбышевского моря. Картина очень примечательная как следующий шаг бесстрашия художника перед любым, самым ужасающим материалом. И как часто это бывает со всеми прогрессивными шагами, она в каких-то частностях становится саможестоккой. Если б это была беспощадность по отношению к виновникам того, что сделали с народом и страной, тогда было бы понятно, но беспощадность невольно проявляется к людям, которых стоит жалеть и о которых нужно скорбеть. Сценарно фильм сделан просто, как репортаж из больницы для психически тяжелобольных. Драматургия построена зрительно на сочетании больных, толпящихся во время прогулки в маленьком тесном дворике разрушенного храма, и закадровой прекрасной музыки (третья часть Седьмой симфонии Бетховена, ария Нормы из оперы Беллини). Однако при этом автор ни намеком — надписью ли, закадровым текстом — не говорит о том, что остров этот — осколок города Свяжска, который был в XVI веке больше Казани, что храм — Успенский собор бывшего Свяжского мужского монастыря. Об этом было сообщено на просмотре, а уже тогда я подумала, что эта информация, протокольно переданная в

фильме, могла бы многократно усилить трагическую несопоставимость прошлого и сегодняшнего: храм и сумасшедший дом, жизнь духа и распад души. Но как раз здесь и проявляется та невозможная для меня беспощадность к несчастным людям. По мне, невозможно смотреть на совершенно обнаженную старуху с прямыми костлявыми плечами, более похожую на дистрофического подростка, мотающуюся долго по двору больницы: зачем камера все время следит за ней, смотреть на нее уже невмочь? Невмочь смотреть, как оправляется у забора с безоглядной прямоотой животного другая старуха. А рядом стоит план, где в разрушенных пустотах Успенского собора около длинной, дремучей паутины, свисающей изо рта скульптуры, помещена нагая модель. Я понимаю, что модель поставлена нарочно, как метафорический парафраз с обнаженной старческой фигурой. Но также я понимаю жестокую нечувствительность сопоставления, жуткую несовместимость юного цветущего тела с бедой храма, трагедией старухи.

Есть известный постулат, так называемая бритва Оккама: «Сущности не должны быть умножаемы сверх необходимости». Избыточная метафоричность, как и избыточный эстетизм, есть то, что противоречит закону Оккама: они умножаемы сверх необходимости.

Беда не в этом. Даже не в том, что образ нарочит, подставлен, а в расхождении между сюжетом жизни и сюжетом драматургии. Оба эти сюжета могут слиться в документальном фильме самым естественным образом, могут разойтись, и тогда это расхождение явится источником создания еще более острых и напряженных драматических коллизий, могут совпасть, но временно, или же соединиться в образе частном, а потому поверхностном. Финальные кадры «Казенной дороги» как раз таким образом совпадают с частью обиходного мнения, достаточно распространенного, но это не значит, что сюжет эпизодов полностью совпадает с сюжетом жизни: кому дано знать, так это или не так и какие подлинные силы на самом деле двигают наши реальности?

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:

Е. ОНОПРИЕНКО «ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ЕЖИК»

Она участливо посмотрела на него, погладила по щеке.

— Будь мужчиной... Сколько ж можно терпеть? «Государство, партия, долг»... Какая чепуха! А есть Юля, есть я и есть ты... Разве так много надо человеку? И пусть решетка, пусть! Но я ткну им Юлину карточку, и пусть знают, что мы все видим, все понимаем и что терпение наше не бесконечно...

Д. ВОРОНКОВ «ШУРЕНОК»

— Мама,— тихонько позвала она.

Та не отозвалась.

— Мама! — сказала Шурка громче.

— Чего тебе? — сказала мать, едва успевшая заснуть.

— Маруся замерзла.

— Ну накрой ее чем-нибудь.

— Я накрыла, она все равно холодная.

Мать, охая, встала, подошла, потрогала. Зажгла лампу, снова поглядела.

— Померла Маруся.

В. АКИМОВ, А. ЛЕОНТЬЕВ «ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ»

Как кнутом полоснула сирена!

Шарахнулась к тротуарам, к стенам домов курортная полуодетая толпа. Посреди улицы мчалась милицейская «канарейка», следом две тяжелые красные пожарные машины, грузовик, полный «спецназов»...

«...Неизвестные преступники,— ворвался голос,— предъявили ультиматум: освободить из следственного изолятора бывшего прокурора Кудинова и представить ему возможность выехать из города...»

Е. КОЗЛОВСКИЙ «КАК ЖУЕТЕ, КАРАСИ?»

...Полковник стукнул ладонью по столешнице и очень жестко на Караса прикрикнул.

— А нечего было и лезть в совесть нации, коль знаете про себя что доносчик! Избиратели ваши, правда, тоже могли б догадаться. Но они хоть догадаться, а вы-то знаете т о ч н о!!!

— Так ведь... все мы... — растерялся Карась.— Время было такое... Из кого же тогда вы... С кем тогда и... Михаил Сергеевич тоже ведь... не из диссидентов. Обкомовский работник.

А. ПОТАПОВ «НОЧЬ РАЗУМА»

Марфа отбрасывает с лица волосы, гордо выпрямляется.

— Любовь в мире одна, Иисус. Но она такая глубокая, что, как море, вмещает в себя многие и многие глубины. Ты думаешь, те женщины, что идут за тобой, любят тебя по-иному? Ты думаешь, ты сам любишь истину не этой же любовью? У тебя не было отца, но ты так тосковал по нему, что назвал себя сыном Отца Небесного. У тебя не было невесты, и ты так тосковал по ней, что заменил ее церковью христовой.

З. МУСАКОВ, Р. МУХАМЕДЖАНОВ «АБДУЛЛАДЖАН, ИЛИ ПОСВЯЩАЕТСЯ СТИВЕНУ СПИЛБЕРГУ»

Звонили из Центра управления полетом. Тот самый генерал военно-воздушных сил.

— Здорово, Петя!

— Здорово, коль не шутишь. Рыбку мне спугнул!

— Там, где ты торчишь, рыбы нет. Я тебе другое место нашел, рыбы завались. Слушай приказ Самого: «Для усиления наблюдения за ожидаемым НЛО срочно перебазироваться в акваторию рыбоводческого пруда колхоза «Коммунизм». Понял? Секретность «А».

С. ПАРАДЖАНОВ «INTERMEZZO»

Коцюбинский нес зажженную керосиновую лампу с ажурным абажуром...

Керосиновый свет освещал мрачные комнаты... Под тяжестью Коцюбинского скрипели половицы... Где-то со скрипом открылась дверь платяного шкафа... где бездвижно висели фраки и белые жилеты...

НАШИ АВТОРЫ

АНТОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Закончила историко-филологический факультет Хабаровского педагогического института в 1964 г. и сценарный факультет ВГИКа в 1974 г. (мастерская И. Стрекова). Доцент кафедры кинодраматургии ВГИКа. Автор литературного сценария «Кинохроника», сценария документального фильма «Порт Восточный» (1974 г., реж. И. Мирный), а также статей по проблемам кинодраматургии.

ВАЛЯЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (род. в 1954 г.). Закончил Литературный институт им. Горького в 1980 г. По его сценариям ставятся художественные фильмы «Защитник» (реж. В. Попов), «Телохранитель» (реж. А. Иванов), «Фурия» (реж. А. Трофимов).

КАРАКОЗОВ КОЖАНТАЙ (род. в 1973 г.). Алма-атинский школьник. С 8 лет пишет рассказы и стихи, а также музыку для рок-ансамбля, созданного им в школе вместе со своими друзьями.

КУРАЕВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ (род. в 1939 г.). Закончил театроведческий факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии в 1961 г. Автор сценариев художественных фильмов «Хозяин» (1967 г., в соавт. с В. Аксеновым, реж. М. Ершов), «Пятая четверть» (1970 г., реж. Г. Аронов), «Строгая мужская жизнь» (1977 г., реж. А. Гроник), «Прогулка, достойная мужчин» (1979 г., в соавт. с М. Демиденко, реж. А. Вехотко), «Крик гагары» (1981 г., реж. С. Линков), «Ожог» (1988 г., реж. Г. Глаголев), а также сценариев «Летная погода» (1975 г.), «Меня нашел Алеша Косарев» (1979 г.), «Разведчик» (1983 г.) и др.

ПОПОВ ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ (СЕРГЕЙ ПОПОВ) (род. в 1946 г.). Закончил Московский институт культуры в 1984 г. Автор сценария и режиссер короткометражного фильма «Легкая работа» (1987 г.), соавтор сценария фильма «Астенический синдром» (1989 г., сцен. совм. с реж. К. Муратовой). Как актер снимался в фильмах «Познавая белый свет» (1978 г.), «Последняя охота» (1979 г.), «Среди серых камней» (1983 г.), «Трое» (1986 г.), «Легкая работа» (1987 г.), «Клещ» (1988 г.), «Астенический синдром» (1989 г.).

СААКОВ БОРИС АРШАЛУЙСИ (род. в 1937 г.). Закончил сценарный факультет ВГИКа в 1962 г. (мастерская А. Каплера, К. Парамоновой, И. Вайсфельда). Автор сценариев художественных фильмов «Мосты через забвение» (1968 г., реж. Ю. Ерзинкян), «Взрыв замедленного действия» (1970 г., в соавт. с М. Мелником, реж. В. Гажу), «Семь похищенных женихов» (1975 г., реж. С. Хамидов),

«Приключения Али-Бабы и 40 разбойников» (1979 г., реж. Л. Файзиев), «Тайное путешествие эмира» (1986 г., реж. Ф. Давлетшин) и др., а также документальных — «Брошенный вперед» (1964 г., реж. В. Микеладзе, В. Шкурин), «Вслед за плывущими облаками» (1966 г., реж. Л. Данилов), «В летнюю погоду» (1967 г., реж. В. Шкурин), «Гросмейстер ринга» (1968 г., реж. В. Логинов), «Разделяю твою боль» (1989 г., в соавт. с реж. В. Шкуринным), «Голубые родники» (1970 г., реж. Л. Исаакян). Автор сценариев «Время ночных туманов» (1965 г.), «Бессонница в летнюю ночь» (1967 г.), «Манекен на заднем сиденье» (1975 г.), «Бронзовая улыбка» (1980 г.), «Минутное дело» (1981 г.), «Болты в томате» (1988 г.).

СТОВБЫРА ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА. Закончила киноведческий факультет ВГИКа в 1989 г. (мастерская Л. Зайцевой). Специализируется по проблемам отечественного кино.

ХВАН АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (род. в 1957 г.). Закончил режиссерский факультет ВГИКа в 1980 г. (мастерская Л. Кулиджанова и Т. Лиозновой). Постановщик художественных фильмов «Шнур» (1981 г., сцен. М. Мареевой), «Хозяин» (1988 г., сцен. И. Лоцилина).

ХИЧКОК АЛЬФРЕД (1899—1980 гг.). Режиссер, сценарист, продюсер (Великобритания — США). Закончил Высшую инженерную школу и Лондонский университет. Постановщик 53 фильмов. До 1969 г. работал в Великобритании, где снял такие фильмы, как «Жилец» (1926 г., сцен. А. Хичкока и Э. Стэннарда), «Шантаж» (1929 г., сцен. А. Хичкока, Б. У. Леви, Ч. Беннета), «39 шагов» (1935 г., сцен. Ч. Беннета и А. Ревиль), «Леди исчезает» (1938 г., сцен. С. Джиллиата, Ф. Лаундера, А. Ревиль). В 1939 г. переезжает в Голливуд, где снимает такие фильмы, как «Ребекка» (1940 г., сцен. Р. Шервуда и Д. Харрисон), «Спасательная шлюпка» (1943 г., сцен. Д. Свэрлинга), «Тень сомнения» (1943 г., сцен. Т. Уайлдера, А. Ревиль, С. Бенсон), «Завороженный» (1945 г., сцен. Б. Хекта), «Дурная слава» (1946 г., сцен. Б. Хекта), «Веревка» (1948 г., сцен. А. Лаурентца), «Незнакомцы в поезде» (1951 г., сцен. Р. Чандлера и Ч. Ормонде), «Окно во двор» (1954 г., сцен. Д. М. Хейса), «Человек, который слишком много знал» (1955 г., сцен. Д. М. Хейса и А. Макфейла), «Не тот человек» (1957 г., сцен. М. Андерсона и А. Макфейла), «Головокружение» (1958 г., сцен. А. Коппела и С. Тейлора), «К северу через северо-запад» (1959 г., сцен. Э. Лемана), «Психоз» (1960 г., сцен. Д. Стефано), «Птицы» (1963 г., сцен. Э. Ханта) и др. Публикуемый сценарий, законченный Хичкоком незадолго до смерти, поставлен не был.

2р.00к.
70434

2

КИНОСЦЕНАРИИ

1991